

***ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ***

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Материалы II всероссийской школы-конференции

Москва, 17-18 сентября 2014 г.

Отдел аспирантуры ИВ РАН

Москва

ИВ РАН

2015

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

**HISTORY OF ORIENTAL STUDIES:
TRADITIONS AND MODERNITY**

Proceedings of Second All-Russian School-Conference

Moscow, 17-18 September, 2014
Faculty of Postgraduate Studies

Moscow
IOS RAS
2015

ББК 63.3(5)
И 907

Ответственные редакторы:

к.и.н. Миняжетдинов И.Х., к.и.н. Пахомова М.А.

Редакционная коллегия:

д.и.н. Ванина Е.Ю., д.и.н. Захаров А.О., к.и.н. Фомичёва Е.А.
к.и.н. Кузнецов В.А., к.и.н. Панарин С.А., к.и.н. Пахомова М.А.,
к.филол.н. Костыркин А.В., Милеев Д.А.

Рецензенты:

д.и.н., проф. Мосяков Д.В., к.и.н. Синецкая Э.А., к.и.н. Гургулия Э.А.

История востоковедения: традиции и современность: (Материалы II всероссийской школы-конференции) / отв. ред. И.Х. Миняжетдинов; М.А. Пахомова / Отдел аспирантуры ИВ РАН. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2015. – 268 с.

ISBN 978–5–89282–655–5

Сборник представляет собой результат второго года работы научно-образовательного проекта «История востоковедения: традиции и современность». В него вошли статьи аспирантов Института востоковедения РАН и других институтов, а также их старших коллег, созданные на основе докладов, представленных на одноимённой всероссийской конференции, прошедшей в ИВ РАН в сентябре 2014 г.

Editors-in-Chief:

Ildar Minyajetdinov, Cand. Sc. (History)

Maria Pakhomova, Cand. Sc. (History)

Editos:

E. U. Vanina Dr. Sc. (History), A.O. Zakharov Dr. Sc. (History),
E.A. Fomichova Cand. Sc. (History), V.A. Kuznetsov Cand. Sc. (History),
S.A. Panarin Cand. Sc. (History), M.A. Pahomova Cand. Sc. (History),
A.V. Kostirkin Cand. Sc. (Philology), D.A. Mileev

Peer reviewed by:

D.V. Mosyakov Dr. Sc. (History), E.A. Sinetskaya Cand. Sc. (History),
E.A. Gurgulia Cand. Sc. (History)

History of Oriental Studies: Traditions and Modernity (Proceedings of Second All-Russian School-Conference) / Editors-in-Chief: I.H. Minyajetdinov, M.A. Pakhomova / Faculty of Postgraduate Studies IOS RAS. – M. : Institute of Oriental Studies, 2015. – 268 P.

ISBN 978–5–89282–655–5

This book is a result of the second stage of All-Russian School-Conference History of Oriental Studies: Traditions and Modernity. It includes works of authors from Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences and their guests from other institutes, which were presented at The conference of the same name in September of 2014 year.

СОДЕРЖАНИЕ

Опыт прошлого для тех, кто размышляет о будущем	10
Вместо предисловия	11
 I. История востоковедных исследований в России и за рубежом	
Леонтьева А.А.	
Болгарская османистика конца XX – начала XXI вв: основные направления исследований	12
Аликберова А.Р.	
Российско-китайские отношения в области культуры и образования: историографический аспект	24
Карташян А.З.	
Армянский миллет в Османской империи в XIX в.: история изучения вопроса в России и за рубежом	34
Беренкова Н.А.	
Основные подходы к изучению шиитских общин в арабских странах: пример Ливанской Республики.....	49
Пахомова М.А.	
Ислам в Китае, китайско-арабские отношения, политика Китая в отношении государств Арабского Востока: российская историография конца XX – начала XXI вв.	65
Суттхисангиам С.	
Взгляды ученых Таиланда на роль армии в политической жизни страны....	81
Тимохин Д.М.	
К проблеме изучения истории государства хорезмшахов - Ануштегинидов в отечественной исторической науке	95
Тишин В.В.	
Социальная история Тюркского каганата в исследованиях Ю.А. Зуева.....	113
Тишин В.В.	
К.А. Иностранцев и проблемы изучения социальной организации кочевнических народов.....	130

II. Востоковеды и их труды

Свинарчук Т.О.

М.А. Плешова: современный индолог, исследователь, личность..... 144

Коротчикова П.В.

Ананда К. Кумарасвами и его «Танец Шивы»..... 149

Гамзабекова С.

В.Ф. Минорский как выдающийся востоковед, историк и лингвист..... 156

Зиганшин Р.М.

Первый переводчик трактата Сунь-цзы на русский язык подполковник
Костромского пехотного полка Срезневский..... 163

III. История востоковедных центров

Кадырова О.М.

К истории востоковедной лингвистики: языковедческие исследования
в ИВ РАН..... 170

IV. У истоков востоковедения

Куликов А.М.

Тяньцзиньский договор в дневниках архимандрита Палладия
и барона Остен-Сакена 198

Возчиков Д.В.

Государство Пегу в XV веке: взгляд венецианца и генуэзца 212

V. Актуальные проблемы: подходы в России, на Западе и на Востоке

Митрофаненкова О.Е.

Афганский наркобизнес в работах отечественных
и зарубежных исследователей..... 225

Лукьянов Г.В.

Исследование роли ислама в истории современной Ливии:
зарубежная историография..... 242

Summaries..... 260

Об авторах..... 264

CONTENT

Remembering About the Past and Thinking About the Future 10

Instead of a foreword 11

I. History of Oriental Studies in Russia and Abroad

Leontieva A.A.

Ottoman Studies in Bulgaria 20th - beginning 21st Centuries:
Basic Directions of Development..... 12

Alikberova A.R.

Russian-Chinese Relations in the Field of Culture and Education
in Chinese Historiography 24

Kartashan A.Z.

The Armenian Millet in the Ottoman Empire until the 1870's:
the History of Research in Russia and Abroad 34

Berenkova N.A.

The main Approaches to Studies of Shi'ite Communities
in the Arab States: Example of Lebanon..... 49

Pahomova M.A.

Islam in China, Chinese-Arabian relations,
China's Policy towards Arab States: Russian Historiography
of the end of 20th century – beginning of 21st century 65

Sutthisangiam S.

Thai Academics' Views on the Military's Role in Thai Politics 81

Timohin D.M.

To a Problem of Studying on History of the State of Horezmshahs
from a Anushteginid Dynasty in Local Historical Science 95

Tishin V.V.

The Social History of Türk Qaghanate in the Writings
of Yu.A. Zuev 113

Tishin V.V.

K.A. Inostrantsev and the Problems of Nomadic
Peoples Social Organization Studies 130

II. Orientalists and Their Studies

Svinarchuk T.O.

M.A. Pleshova: Modern Indologist, Researcher and Person 144

Korotchicova P.V.

Ananda K. Coomaraswamy and “The Dance of Shiv”» 149

Gamzabekova S.G.

V.F. Minorsky as Prominent Orientalist, Historian and Linguist 156

Ziganshin R.M.

The First Translator of Sun Tzu`s Treatise into Russian Lt.-Col.
of Kostroma Infantry Regiment Sreznewsky 163

III. The History of Oriental Centers

Kadirova O.M.

On the History of Oriental Linguistics: Linguistic Research
at the Institute of Oriental Studies 170

IV. At the Beginning of Oriental Studies

Kulikov A.M.

On the History of the of the Diary of Archimandrite
Palladius (Kafarov) Publication (1858)..... 198

D.V. Vozchikov

Pegu (Bago) Kingdom in the 15th century Italian Merchants` Accounts 212

V. Actual Trends:

Approaches in Russia and in Foreign Countries

Lukyanov G.V.

The Research on the Role of Islam in the Modern History of Libya:
Modern Historiography 225

Mitrofanenkova O.E.

Afghan Drug Business in the Works of Russian and Foreign Researches 242

Summaries 260

Authors 264

ОПЫТ ПРОШЛОГО ДЛЯ ТЕХ, КТО РАЗМЫШЛЯЕТ О БУДУЩЕМ

Отношение к научному знанию, целям и методам его получения, накопления, интерпретации, его доступность и систематизация преломляются на протяжении различных исторических эпох и неизбежно испытывают воздействие культуры и мировосприятия отдельного учёного, как представителя той или иной социальной общности.

При этом многие вопросы, стоящие перед современным востоковедным сообществом по отношению к предыдущим эпохам остались прежними. Например, проблемы кадрового состава, соотношения научной и практической составляющих в исследовании, структуры самой востоковедной науки, её места в системе научного знания, а также организации научно-исследовательских учреждений востоковедного профиля и многие другие. Неоспоримо то, что их актуальность динамична, а те проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, уходят корнями в историю науки.

В Ваших руках книга, на страницах которой проанализирована небольшая часть опыта предшественников. Границы тематических разделов внутри работы, в основном, установлены в зависимости от избранного автором предмета исследования: историография вопроса, вклад в науку конкретного востоковеда, история научных центров, изучение предыстории научного востоковедения.

Мы – авторы статей второго выпуска материалов ежегодной всероссийской школы-конференции «История востоковедения: традиции и современность» – предлагаем посмотреть на тематику сборника сквозь призму её универсальности.

Для многих из нас история науки, история востоковедения, историография и изучение методологии науки – не основные темы научной работы, при этом они стали её неотъемлемой, возможно, важнейшей частью. Представляя собой особые разделы познания, они сопровождают нас на протяжении всего пути научного поиска, в равной мере обогащая исследования историков, политологов, филологов и представителей других отраслей такой комплексной и многогранной науки, как востоковедение.

Очевидно, что развитие востоковедения, как цельной науки, возможно, прежде всего, на основе его самосознания, уровень которого наглядно демонстрирует широкий интерес к тематике, поднятой в рамках нашего проекта.

Мы надеемся, что работы, вошедшие в эту книгу, помогут сохранить и осмыслить концепции, созданные востоковедами в разные исторические периоды.

*С глубоким уважением к тем о ком мы помним
и рассказываем Вам, руководитель проекта
«История востоковедения: традиции и современность» ИВ РАН
Пахомова Мария*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Проект «История востоковедения: традиции и современность» интересен своей исключительностью. Он не похож ни на один другой. Это одновременно и научно-образовательная лаборатория, где своим интереснейшим исследовательским опытом делятся представители разных современных научных школ и центров. И в то же время это профессиональный дискуссионный клуб, в котором присутствуют все поколения российских востоковедов: от признанных мэтров до тех, кто делает только первые шаги в науке. В таком сочетании – преемственности и профессионального единства, междисциплинарности и эксклюзивности работ по истории ориенталистики – проекту почти нет равных.

Несомненно, сегодня такой многоформатный и консолидирующий проект очень актуален. Хотя бы потому, что в совокупности его труды являются важной частью масштабной реконструкции исторического ландшафта мировой ориенталистики, органично вписываются в целостную панораму становления и развития востоковедения как самостоятельной научной дисциплины: от возникновения начальных идей к созданию научных школ и целых отраслей, от появления инновационных методов к формированию новых трендов.

Такая историческая перспектива позволяет многое увидеть и понять. Но что ценнее всего, она не только дает глубокое знание традиций, но и системное понимание того, чем и как живет современная ориенталистика, что определяет её развитие, с какими новыми вызовами она сталкивается. А это очень важно – чувствовать пульс науки, которой занимаешься, быть в курсе всех её достижений, следить за всеми её методологическими новинками.

Анализ современных подходов к изучению истории востоковедной науки помогает уловить суть новых тенденций в сегодняшней ориенталистике. К ним, например, можно отнести рост количества междисциплинарных проблем, их комплексность и необходимость изучения в единстве политических, социальных, психологических, и других аспектов, увеличение доли политологических работ в общем количестве востоковедных исследований и т.д. И в этом отношении проект обладает высоким уровнем чувствительности: он четко фиксирует тенденцию – вслед за тектоническими изменениями и структурными усложнениями разнообразных процессов на Востоке происходит и последовательное превращение ориенталистики в принципиально новую систему современных знаний, подходов и школ.

*Заведующий Отделом аспирантуры ИВ РАН
Ильдар Миняжетдинов*

I. ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

А.А. Леонтьева

Болгарская османистика XX – начала XXI вв: основные этапы развития

Ключевые слова: историография, Османская империя, Болгария.

Предлагаемая вашему вниманию статья посвящена рассмотрению основных этапов и главных направлений развития болгарской исторической школы османистики. Основное внимание уделено изучению архивных материалов.

История болгарской школы османистики восходит к концу XIX в., когда началось формирование фондов Национальной библиотеки им. Св. св. Кирилла и Мефодия (НБКМ) – главной научной библиотеки Болгарии, и в нее стали поступать первые документы османского происхождения, в первую очередь – архивы кадийских судов. Согласно османской традиции документы судебных архивов хранились на местах, а не пересылались в столицу империи. В частности, местом хранения кадийского архива Софии, традиционно являлось медресе при Черной мечети (ныне – церковь Святых Седьмочисленников)¹, откуда впоследствии документы были переданы в Восточный отдел НБКМ и составили основу ее коллекции восточных документов. Значительную часть восточной коллекции НБКМ составляют также документы кадийского суда г. Видина а также ряда других болгарских городов. В настоящее время собрание Восточного отдела НБКМ считается вторым после коллекции города Сараево по объему хранения османских документов на Балканах и одним из старейших в Европе².

¹ Шиваров С. Сиджилите на Софийския шариатски съд (кратък обзор). URL: <http://www.nationallibrary.bg/fce/001/0038/files/obzor_sicili_sofia.pdf> (дата обращения: 08.09.2013).

² Faroghi S. Approaching Ottoman History. An Introduction to the Sources. – Cambridge : Cambridge University press, 1999. – 262 p. – P. 58-59.

Необходимо отметить, что специфической чертой болгарской традиции османистики является рассмотрение истории Османского государства XV-XIX в. в контексте истории болгарских земель в составе империи. Османские архивные документы изучаются в первую очередь как источники по болгарской истории периода османского владычества. По определению болгарской исследовательницы Е. Гроздановой «болгарская османистика – это обнаружение источников и источниковедение, исследования в области дипломатики и палеографии в значительной степени в непосредственной связи с проблемами прежде всего (но не только) болгарской и балканской истории XV-XIX вв.»³.

Важной чертой развития болгарской традиции османских исследований и развития этой научной школы является ее непрерывность и преемственность, продолжающаяся с начала XX в., когда были заложены основы изучения османских документов.

Изначально переводами и публикацией османских источников занимались люди, не имевшие специального исторического или филологического образования, но в совершенстве владевшие османским языком, поскольку принадлежали к поколению, выросшему в Османской империи. Изучение государственного языка в школах и высших учебных заведениях для них было обязательным.

Одним из первых исследователей и переводчиков османских архивных материалов в Болгарии был Диаманди Ихчиев (1854-1913) – переводчик Министерства иностранных дел, который «не был ни специалистом-востоковедом, которого так хотели видеть руководители Национальной библиотеки, ни тюркологом, зато он прекрасно владел литературным османским языком и смог успешно справиться с поставленными перед ним задачами»⁴. В 1900 г.⁵ он был приглашен на работу в недавно созданный Восточный отдел Национальной библиотеки, где занялся описанием поступивших в библиотеку документов на восточных языках.

³ Грозданова Е. Българската османистика на границата между две столетия – приемственност и обновление // Исторически преглед, 2005. №1-2. – С. 98-157. – С. 98.

⁴ Недков Б. Ориенталистика в Софийска народна библиотека. – София : Годишник на библиографския институт, 1947. – 16 с. – С. 8.

⁵ Б. Недков в своем очерке по истории болгарского востоковедения определяет приход Д. Ихчиева в 1900 г. на работу в НКМ как дату начала работы Восточного отдела. (См.: Недков Б. Ориенталистика в Софийска народна библиотека. С. 8).

Согласно его отчету от 1908 г., фонды Восточного отдела составляли 2400 рукописей, 910 печатных книг, 265 сиджилов из Видинского кадийского архива, 45 сиджилов из Софии, в общей сложности 3630 книг. Помимо описания фондов, Д. Ихчиев опубликовал большое число переводов османских документов с подробными историческими комментариями⁶.

Особенно стоит отметить его труд «Турецкие документы Рильского монастыря» (1910)⁷, в котором опубликовано более 600 документов, относящихся к 1402 – 1881 гг. Документы систематизированы по видам (всего 23 группы документов) и приведены в хронологическом порядке. Особое внимание было уделено ферманам, поскольку, как поясняет автор в предисловии, «это документы, которые вышли непосредственно из кабинета султана (дивани хумаюн)»⁸. В связи с этим автор счел необходимым помимо переводов документов этого вида привести также их археографическую характеристику – описание внешнего вида и состояния документа, качества бумаги, чернил, вида почерка, которым они написаны. Опись содержит также комментарии к документам – указание повода, по которому ферман был издан, и сведения об упомянутых в нем лицах.

Таким образом, благодаря трудам Д. Ихчиева была сформирована новая на тот момент источниковая база для исследования болгарской истории Болгарии в тот период, когда она входила в состав Османской империи, а также были заложены основы болгарской османистики как исторической дисциплины.

Среди исследователей, стоявших у истоков османистики в Болгарии, необходимо назвать Гылыба Гылыбова (1892-1972). Получив среднее образование в Стамбуле, он окончил юридический факультет Софийского университета. Затем остался в университете, где стал преподавателем османского языка на кафедре турецкой филологии. Там он воспитал большое число специалистов, занимавшихся османской историей и филологией. Его перу при-

⁶ См.: *Ихчиев Д.* Ценен исторически паметник по борба за освобождението от турското робство на южни славяни // *Българска сбирка*, 1904. №13. – С. 171-176. Он же. Исторически принос за «войганите» при турската власт от 1374 год дори до 1839 год след р. Хр. – до Танзимата // *Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София*, 1905. № 67. – С. 705-742; Он же.: *Материали за историята ни под турско робство // Известия на Историческо дружество в София*, 1905. №1. и проч.

⁷ *Ихчиев Д.* Турските документи на Рилския манастир. – София, 1910.

⁸ Там же. С. VI.

надлежит ряд учебных пособий по турецкому языку⁹, пособий и книг для чтения по османскому языку¹⁰.

В то же время он активно занимался переводами архивных османских документов, сиджилов. В 1960 г. на немецком языке в Мюнхене были опубликованы документы софийского сиджила XVI-XVII вв., утраченного во время бомбардировок Второй мировой войны. Это совместная работа с австрийским востоковедом Гербертом Дудой¹¹ представляет собой не дословный перевод документов, содержащихся в сиджиле, а краткие аннотации, передающие основное содержание протоколов.

Под руководством Г. Гыльбова в 1961 г. был издан первый том сборника «Турецкие источники по истории права в болгарских землях»¹² на болгарском языке. Издание готовилось при содействии как специалистов-тюркологов, занимавшихся переводами текстов на болгарский язык, так и сотрудников Института права Болгарской академии наук. Наряду с переводами оригинальных документов в сборник включены также переводы документов, ранее опубликованных за пределами Болгарии – в Турции и Югославии. Сборник состоит из двух томов¹³.

Первый том сборника содержит два раздела: в первом представлены «законы и описания феодального устройства османского государства», второй содержит «законы о налогообложении райи в отдельных поселениях и законы, касающиеся отдельных категорий зависимого населения»¹⁴.

Второй том¹⁵, вышедший десятилетие спустя под редакцией Б. Цветковой, представляет собой «продолжение материалов, помещенных в первый том данной серии. В него включены османские правовые памятники, которые хроноло-

⁹ Гыльбов Г. Турска граматика. София, 1949.

¹⁰ Гыльбов Г. Помогало за изучаване на турски език по арабската азбука. – София, 1952; Он же Османотурски текстове. Помогало за изучаване на османотурски език. – София, 1965.

¹¹ Galabov G., Duda H., Die Protokollbücher des Kadiamtes Sofia. München : Oldenburg, 1960.

¹² Извори за историята на българското право. Турски извори за историята на правото в българските земи./ под ред. Г. Гыльбов Т. I. – София : Издателство на Българска академия на науките, 1971. – 236 с.

¹³ Извори за историята на българското право. Турски извори за историята на правото в българските земи./ под ред. Г. Гыльбов Т. I. София : Издателство на Българска академия на науките, 1961 – 236 с.; Извори за историята на българското право. Турски извори за историята на правото в българските земи. Т II. / под ред. Б. Цветкова. София : Издателство на Българска академия на науките, 1971 – 236 с.

¹⁴ Извори за историята на българското право.Т. I, С. 6.

¹⁵ Извори за историята на българското право. Турски извори за историята на правото в българските земи. Т II. / под ред. Б. Цветкова. София : Издателство на Българска академия на науките, 1971 – 236 с.

гически и тематически дополняют первый том. В то же время данный сборник обладает и собственным обликом: не только в силу характера включенных в него документов, раскрывающих новые стороны правящего османского режима, несколько столетий господствовавшего на поработанных болгарских землях, но и потому, что в него включены неопубликованные ранее документы османских архивов Софийской, Парижской и Венской национальных библиотек»¹⁶. Оба издания сопровождаются детальным справочным аппаратом, комментариями и факсимиле публикуемых документов.

Еще одна значимая фигура в истории болгарской османистики – Борис Недков, изучавший востоковедные дисциплины в Германии и Франции, автор фундаментального двухтомного исследования по османской дипломатике¹⁷. Изначально автор планировал создать учебник. Первый том работы содержит теоретические сведения в области османской палеографии и дипломатики, второй том, вышедший в свет десятью годами позже, – хрестоматия для практической работы с османскими документами и в то же время для наглядной иллюстрации некоторых теоретических вопросов.

Б. Недков также подготовил к публикации большое число документов, изданных в серии Источники по болгарской истории – «Турецкие источники по болгарской истории»¹⁸. В отличие от ранних переводов начала XX в., где многие документы приводились фрагментарно, нередко вне контекста, а также от переводов утраченного софийского сиджила XVI-XVII вв., подготовленного Г. Гылыбовым и Г. Дудой, в данной серии документы переведены на болгарский язык дословно, приведены факсимиле публикуемых материалов, переводы сопровождаются подробным справочным аппаратом. Данная серия публикаций заложила основу одного из наиболее продуктивных в последствии направлений болгарской традиции османистики.

1970-1980-е гг. характеризуются активизацией болгарской исторической

¹⁶ Извори за историята на българското право. Турски извори за историята на правото в българските земи. Т. II. С. 5.

¹⁷ Недков Б. Османско-турска дипломатика и палеография: [за студентите по ориенталистика при СУ Климент Охридски]: Ч. 1. – София : Наука и изкуство, 1966; Ч. 2: Документи и речник. – София : Наука и изкуство, 1972.

¹⁸ Турски извори за българската история. Т. III. – София : Наука, 1972. Т. V. – София, 1970. Т. VI – София : Наука, 1977.

науки в целом. Наличие опытных специалистов, а также расширение прежних и создание новых подразделений, связанных в той или иной мере с изучением истории болгарского народа под османским господством, облегчили и подготовку новых кадров, включившихся в исследовательскую работу. Кроме того, эти годы были плодотворными в плане издания различных источников¹⁹ по истории Болгарии XV-XVII вв., послуживших основой для дальнейших исследований истории этого периода²⁰.

К этому периоду относится появление таких фундаментальных исследований, как, например, монография Е. Гроздановой «Болгарская сельская община в XV-XVIII вв»²¹, в которой рассматриваются механизмы самоорганизации болгар в условиях османского завоевания и взаимодействия органов самоуправления с османской администрацией.

Столь же значителен труд Н. Тодорова «Балканский город XV-XIX вв. Социально-экономическое и демографическое исследование»²². Автор на основании сведений османских документов о числе мусульманских и христианских хозяйств прослеживает демографические изменения в балканских городах, отмечает тенденции роста городов, и сопоставляет данные о численности и соотношении мусульманского и христианского населения в городах Балканского полуострова.

Необходимо упомянуть также труды болгарской исследовательницы В. Мутафчиевой²³. Ее работы по истории аграрных отношений в Османской империи уже в тот период вышли далеко за рамки истории региона и охватывали не только болгарские земли, но и Османскую империю в целом.

¹⁹ Подробнее об истории публикаций османских документов в Болгарии см.: Стоянов В. Изследване и обнародване на османотурски документални извори за историта на България // България през XV-XVII век. Историкографски изследвания. Т. I. – София: Издателство на Българската академия на науките, 1987. – 321 с. – С. 276-318.

²⁰ Грозданова Е. Болгарская историография о некоторых проблемах истории болгарского народа под османским господством (XV-XVII вв.) // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. Отв. ред. Орешкова С. Ф. – М.: Наука, 1986. – С. 136-154. – С. 136.

²¹ Грозданова Е. Българската селска община. – София: Издателство на Българската академия на науките, 1979. – 208 с.

²² Тодоров Н. Балкански град XV-XIX век. Социално-икономическо и демографско развитие. – София: Наука и изкуство, 1972. – 504 с.

²³ Мутафчиева В. За състояние на спахилъка през XV-XVI в. // Исторически преглед, 1959. №3. – С.32-63; Она же. Кърджалийско време. – София: Наука и изкуство, 1977. – 390 с.; Она же. Османска социално-икономическа история. – София: Издателство на Българска академия на науките, 1962. – 263 с. Она же. Към въпроса за статута на българското население в Чепинското корито по Османска власт // Родопски сборник. Т.1. – София, 1965. – С. 115-127.

В целом до 1989 г. исследования по истории Болгарии периода османской власти, во многом были подчинены социалистической идеологии. Кроме того, необходимо отметить связанную с исторической традицией XIX в. концепцию губительности османского завоевания для болгарской истории и рассмотрение данного исторического периода, как периода «рабства и ига», угнетения и дискриминации болгарского народа завоевателями, «коллективного сопротивления народа иноземной власти»²⁴. В последние десятилетия подобные оценки роли османского завоевания в болгарской истории постепенно пересматриваются.

После 1989 г. в болгарском историческом сообществе ведутся дискуссии о научном наследии периода социализма – высказывались достаточно радикальные суждения, что историография этого времени представляла собой «мутную смесь мифологии и исторических эмоций»²⁵, требующую пересмотра, что практически перечеркивало достижения предыдущих 60 лет развития научной школы. В настоящее время достигнуто некоторое равновесие в оценках достижений болгарской османистики до 1989 г., и ряд трудов, таких, как например, исследования В. Мутафчиевой, Н. Тодорова, Е. Гроздановой, по-прежнему актуальны. После 1989 г. восприятие многовекового османского владычества и положения болгарских земель в составе Османской империи существенно изменилось, его значение в болгарской истории было пересмотрено. Нынешнее поколение болгарских исследователей рассматривает историю болгарских земель в рамках не только региональной истории, но в контексте общеосманских исторических процессов. Опираясь на османские источники, они исследуют различные аспекты развития болгарских земель в составе Османской империи, рассматривая болгарские земли как провинции, в высокой степени интегрированные в османскую правовую, политическую и экономическую систему.

²⁴ Грозданова Е. Болгарская историография о некоторых проблемах истории болгарского народа под османским господством (XV-XVII вв.) // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы / отв. ред. Орешкова С. Ф. – М. : Наука, 1986. – С. 136-154. – С.142.

²⁵ Радущев Е. Демографски и этнорелигиозни процеси в Западните Родопи през XV-XVIII в. (опит за переосмисляне на устойчиви историографски модели) // Историческо бъдеще, 1998. №1. – С. 46-89.

В настоящее время исследователи отмечают очередной всплеск интереса к документам кадийских судов как к историческому источнику²⁶. В болгарской исторической науке период после 1989 г. ознаменован ростом числа исследований, основанных на анализе архивных османских документов. Помимо исследований в области источниковедения османской палеографии, переводов и публикаций османских документов, значительное развитие получили исследования в области истории социально-экономического развития Османской империи.

Говоря о болгарской османистике этого периода необходимо выделить несколько наиболее ярких имен, расцвет научной деятельности которых пришелся на конец 1990-х-2000е гг.

Так, например, изучение специфики аграрных отношений в болгарских землях XVIII в., которое было начато в 1960-х гг. Страшимиром Димитровым²⁷, продолжено в наше время Стефкой Пырвевой²⁸, чей фундаментальный труд «Земля и люди. XVII- первые десятилетия XVIII в.»²⁹ посвящен аграрной и социальной организации в селах и городах Централных и Южных Балкан под османской властью. В монографии рассмотрены основные виды земельной собственности, в контексте географических, экономических, политических условий проанализированы степень имущественного расслоения населения, автор также предприняла попытку составить обобщающий портрет представителей различных социальных и профессиональных групп. В книге отдельно рассмотрены различные виды земельной собственности, а также «овладение и организация аграрного пространства» в городе и сельских районах.

Организации внутригородского пространства, развитию городских обшин и системы замкнутых в этноконфессиональном плане городских кварта-

²⁶ *Мейер М. С.* Новые публикации материалов османских архивов // У времени в плену. Памяти Сергея Сергеевича Цельникера / Отв. ред. Стеблева И. В. – М. : Восточная литература РАН, 2000. – 439 с. – С. 90-99. – С. 90.

²⁷ *Димитров Стр.* За аграрните отношения в България през XVIII в. // Паисий Хилендарски и неговата епоха 1762-1962. – София, 1962.; Он же. Скритото християнство и слямизационните процеси в османската държава // Исторически преглед, 1987. №3. – С. 18-33.

²⁸ *Пырвева С.* За вакъфите в Североизточна Тракия през първата половина на XVIII век // Исторически преглед, 1992. №5. – С. 44-53; Она же. Представители на мюсюлманска религиозна институция в града по българските земи през XVII век // Мюсюлманската култура по българските земи. Исследования. Составители Р. Градева, Св. Иванова. – София : Международен Център по проблемите на малцинствата и културните взаимодействия, 1998. – 591 с. – С. 127-210.

²⁹ *Пырвева С.* Земята и хората през XVII – първите десетилетия на XVIII век: овладяване и организация на аграрно и социално пространство в Централните и Южните Балкани под османска власт. – София : Марин Дринов, 2011. – 482 с.

лов, их роли и функциям посвящен ряд статей Светланы Ивановой³⁰. Кроме того, эта исследовательница активно занимается вопросами положения христианской и мусульманской женщины в османском обществе, в первую очередь правовым аспектом этой проблематики - обращениями женщин в шариатский суд, бракоразводными процессами, зафиксированными в османских документах³¹.

Всеобъемлющее исследование «Женщины Центральных Балкан в османскую эпоху (15-17 вв.)»³² принадлежит перу Ольги Тодоровой. Монография представляет собой попытку целостной исторической реконструкции жизни женщин Центральных Балкан в первые столетия османской власти. В равной степени внимание автора сосредоточено на представительницах двух основных конфессиональных групп региона – мусульманках и христианках. В исследовании рассматриваются место женщин в семье и обществе, этапы их жизненного цикла и связь с мусульманской и христианской культурой, также рассматривается влияние мусульманской культуры на местное христианской население.

Ряд работ болгарской исследовательницы Росицы Градевой посвящен изучению места и роли института кадийских судов в балканских провинциях империи, характер османской администрации и провинциального управления. Автор рассматривает широкий круг вопросов формирования, утверждения и эволюции османской системы управления в провинциях³³.

К сожалению, в рамках одной статьи в полной мере рассмотреть историю развития болгарской исторической османистики невозможно. Нами были

³⁰ *Иванова Св.* Институтът на градска отговорност в българските градове през XV-XVIII в. // Исторически преглед, 1990. №1. – С. 33-44; Она же. Градските териториални общности и организация на култа на мюсюлмани и християни // Турските завоевания и съдбата на балканските народи, отразени в исторически и литературни паметници от XIV-XVIII в.: Междунар. научна конференция, Велико Търново, 20-22 май 1987 г. / под ред. Г. Данчева. Велико Търново, 1991. – 565 с. – С. 128-133.

³¹ *Ivanova S.* Judicial Treatment of the Matrimonial Problems of Christian Women in Rumeli During the Seventeen and Eighteen centuries // Women in the Ottoman Balkans. Gender, Culture and History. Edited by A. Buturović, I. C. Schick. – London, New-York : I. B. Tauris, 2007. – 375 p.

³² *Тодорова О.* Жените от Централните Балкани през османската епоха (XV-XVII век). – София : Гутенберг, 2004. – 515 с.

³³ Градева Р. Налагането на кадийска институция на Балканите и нейното място в провинциална администрация (XIV – началото на XVI в.) // Балканистика, 1989. №3. – С. 33-52; Она же. За правни компетенции на кадийския съд през XVII век // Исторически преглед, 1993. №2. – С. 98-120; Она же. О некоторых проблемах формирования системы управления (XIV – нач. XVI вв.) // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. – М., 1990. – С. 40-65.

упомянуты лишь некоторые, наиболее яркие представители болгарской османистики, цитируемые и публикуемые не только в Болгарии, но и за ее пределами. Характерной чертой развития этого научного направления в Болгарии остается непрерывность развития и преемственность, а также тесное взаимодействие специалистов в различных областях исторической науки – палеографии, дипломатики, истории права. В целом, подводя итог, можно отметить, что период конца XX-начала XXI вв. ознаменован постепенным выходом этой научной школы за рамки сугубо региональной истории. В этот период болгарская османистика, безусловно, достигла более высокого уровня.

Список литературы

Мейер М. С. Новые публикации материалов османских архивов // У времени в плену. Памяти Сергея Сергеевича Цельникара. Отв. ред. Стеблева И. В. М.: Восточная литература РАН, 2000. 439 с. С. 90-99.

Ivanova S. Judicial Treatment of the Matrimonial Problems of Christian Women in Rumeli During the Seventeen and Eighteen centuries // Women in the Ottoman Balkans. Gender, Culture and History. Edited by A. Buturović, I. C Schick. London-New-York, I. B. Tauris, 2007. 375 p. P. 153-201.

Faroghi S. Approaching Ottoman History. An Introduction to the Sources. Cambridge: Cambridge university press, 1999. 262 p. P. 58-59.

Galabov G., Duda H. Die Protokölbücher des Kadiantes Sofia. München: Oldenburg, 1960.

Градева Р. Налагането на кадийска институция на Балканите и нейното място в провинциална администрация (XIV – началото на XVI в.) // Балканистика, 1989. №3. С. 33-52.

Градева Р. За правни компетенции на кадийския съд през XVII век // Исторически преглед, 1993. № 2. С. 98-120.

Градева Р. О некоторых проблемах формирования системы управления (XIV – нач. XVI вв.) // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М.: 1990. С. 40-65.

Грозданова Е. Болгарская историография о некоторых проблемах истории болгарского народа под османским господством (XV-XVII вв.) // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. Отв. ред. Орешкова С. Ф. М.: Наука, 1986. С. 136-154.

Грозданова Е. Българската османистика на границата между две столетия – приемственност и обновление // Исторически преглед, 2005. №1-2. С. 98-157.

- Грозданова Е.* Българската селска община. София, Издателство на Българската Академия на науките, 1979. 207 с.
- Димитров Стр.* За аграрните отношения в България през XVIII в. // Паисий Хилендарски и неговата епоха 1762-1962. София: 1962.
- Димитров Стр.* Скритото християнство и слямизационните процеси в османската държава // Исторически преглед, 1987. №3. С. 18-33.
- Иванова Св.* Институтът на градска отговорност в българските градове през XV-XVIII в. // Исторически преглед, 1990. №1. С. 33-44.
- Иванова Св.* Градските териториални общности и организация на култа на мюсюлмани и християни // Турските завоевания и съдбата на балканските народи, отразени в исторически и литературни паметници от XIV-XVIII в.: Междунар. научна конференция, Велико Търново, 20-22 май 1987 г. / под ред. Г. Данчева. Велико Търново, 1991. 565 с. С. 128-133.
- Мутафчиева В.* За състояние на спахилъка през XV-XVI в. // Исторически преглед, 1959. №3. С.32-63.
- Мутафчиева В.* Кърджалийско време. София: Наука и изкуство. 1977. 390 с.
- Мутафчиева В.* Към въпроса за статута на българското население в Чепинското корито по Османската власт // Родопски сборник. Т.І, София, 1965. С. 115-127.
- Мутафчиева В.* Османска социално-икономическа история. София: Издателство на Българска академия на науките. 1962. 263 с.
- Недков Б.* Ориенталистика в Софийска народна библиотека. София: Годишник на библиографския институт, 1947. 16 с. С. 8.
- Недков Б.* Осmano-турска дипломатика и палеография: [за студентите по ориенталистика при СУ Климент Охридски]: Ч. 1 София: Наука и изкуство, 1966; Ч. 2: Документи и речник. София: Наука и изкуство, 1972.
- Извори за историята на българското право. Турски извори за историята на правото в българските земи, т. 1/ отв. редактор М. Андреев. София: Издателство на Българска академия на науките, 1961. 333 с.
- Извори за историята на българското право. Турски извори за историята на правото в българските земи, т. 2/ отв. редактор Б. Цветкова. София: Издателство на Българска академия на науките, 1971. 236 с.
- Ихчиев Д.* Ценен исторически паметник по борба за освобождението от турското робство на южни славяни // Българска сбирка, 1904. №13. С. 171-176.
- Ихчиев Д.* Исторически принос за «войганите» при турската власт от 1374 год дори до 1839 год след р. Хр. – до Танзимата // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София, 1905. № 67. С. 705-742.

Ихчиев Д. Материали за историята ни под турско робство // Известия на Историческо дружество в София, 1905. №1.

Първева С. Земята и хората през XVII – първите десетилетия на XVIII век: овладяване и организация на аграрно и социално пространство в Централните и Южните Балкани под османска власт. София: Марин Дринов, 2011. 482 с.

Първева С. За вакъфите в Североизточна Тракия през първата половина на XVIII век // Исторически преглед, 1992. №5. С. 44-53.

Първева С. Представители на мюсюлманска религиозна институция в града по българските земи през XVII век // Мюсюлманската култура по българските земи. Изследвания. Составители Р. Градева, Св. Иванова. София, Международен Център по проблемите на малцинствата и културните взаимодействия, 1998. 591 с. С. 127-210.

Радушев Е. Демографски и етнорелигиозни процеси в Западните Родопи през XV-XVIII в. (опит за переосмисляне на устойчиви историографски модели) // Историческо бъдеще, 1998. №1. С. 46-89.

Стоянов В. Изследване и обнародване на османотурски документални извори за историята на България // България през XV-XVII век. Историографски изследвания. Т. I, София: Издателство на Българската академия на науките, 1987. 321 с. С. 276-318.

Тодоров Н. Балкански град XV-XIX век. Социално-икономическо и демографско развитие. София: Наука и изкуство, 1972. 504 с.

Тодорова О. Жените от Централните Балкани през османската епоха (XV-XVII век). София: Гутенберг, 2004. 515 с.

Российско-китайские отношения в области культуры и образования: китайская историография второй половины XX – начала XXI в.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, китайская историография, культура, образование, гуманитарная сфера.

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим основные этапы становления китайской историографии российско-китайских отношений, в которую комплексно входят работы по истории сотрудничества в области культуры и образования, а также остановимся на трудах, наиболее чётко демонстрирующих черты, присущие концепциям китайских исследователей соответствующего периода.

Российско-китайские отношения постоянно привлекают внимание отечественных и зарубежных учёных. После распада СССР изменение международной политической и экономической системы предоставило китайским исследователям возможность ввести в научный оборот новые источники, исследовать исторические сюжеты в новом ракурсе³⁴. С учетом этих обстоятельств нам интересна не только российская историография, но и китайская, на примере которой можно увидеть, как указанные выше изменения сказались на подходах авторов.

Особого внимания заслуживают труды китайских авторов, посвященные зарождению, становлению и периодизации развития отношений между двумя государствами. В последних китайские историки осветили различные аспекты российско-китайских отношений в области политики, экономики, науки и техники, образования и культуры³⁵. В них представлены и богатый фактологический материал и новые концептуальные подходы к изучению

³⁴ *Лунь Наньцюань*. Российско-китайские отношения после выборов в РФ. 陆南权. 俄罗斯选举后时期的中俄关系 // Пекин : Международное экономическое обозрение, 1996. №7–8. – С. 23–31.

³⁵ *Сун Цимин*. Китайско-советские отношения от «А» до «Я». 宋 漆明. 中苏关系始末. – Шанхай, 1998.

отношений РФ и КНР, на основе исторических документов дана переоценка наиболее сложных и противоречивых эпизодов в отношениях России (СССР) и Китая³⁶.

Важнейшим фактором, способствовавшим развитию китайской историографии российско-китайских отношений в области культуры и образования стала активизация отношений между Россией и Китаем на современном этапе. Именно она вызвала интерес не только к истории российско-китайских связей, но и к проблемам культурного, образовательного сотрудничества. Кроме монографий и исследований широкого тематического охвата вышел появился ряд работ о культурно-образовательном обмене³⁷.

* * *

Во второй половине XX в. в КНР сформировался целый ряд научно-исследовательских учреждений, занимающихся изучением международных отношений, в том числе китайско-российских. Среди них Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных (социальных) наук КНР (中国社会科学院俄罗斯东欧中亚研究所)³⁸ – бывший Институт Советского Союза, находящийся в Пекине, Китайская Академия современных международных отношений (中国现代国际关系科学院)³⁹, расположенная в Пекине, Институт международных стратегических исследований Партийной школы ЦК КПК (中央党校战略研究所)⁴⁰ в Пекине, Институт России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян (黑

³⁶ Ю Цзыся, Лю Чжэнью, Чжан Чунь. Эволюция китайско-российских (советских) образовательных обменов. 余子侠、刘振宇、张纯. 中俄(苏)教育交流的演变. – Цзинань, 2010.

³⁷ Чжу Сяомань. Сравнение китайских и российских реформ в сфере образования на рубеже XX-XXI вв. 朱小蔓. XX-XXI世纪之交中俄教育改革比较. – Пекин, 2006.

³⁸ Китайская Академия общественных наук была создана в 1977 г. Она занимает значимое место среди научно-исследовательских учреждений КНР. В настоящее время в ней насчитывается 3200 ученых. Академия располагает региональными отделениями в провинциях и крупных мегаполисах под непосредственным контролем Госсовета КНР. URL: <http://euroasia.cass.cn/> (дата выхода: 15.05.2015).

³⁹ Китайская Академия современных международных отношений (КАСМО) была создана в 1980 г. решением Госсовета КНР. Объединяет 11 научно-исследовательских институтов, 10 профильных научных центров и 3 отдела. В КАСМО работают 380 сотрудников, из них 150 – профессора и доценты. КАСМО занимается изучением глобальных и региональных проблем, стратегии в сфере политики, экономики и безопасности; исследованием стран и регионов.

⁴⁰ Институт международных стратегических исследований Партийной школы ЦК КПК был создан в 1979 г. URL: <http://www.iiss.org/> (дата выхода: 15.05.2015).

龙江省社会科学院)⁴¹ в Харбине и ряд других авторитетных научных центров.

После образования Китайской Народной Республики (1949 г.) появился ряд работ, посвященных российско-китайским отношениям. Они зачастую носят общий характер, иногда затрагивают российско-китайское сотрудничество в области культуры и образования. В тот период авторы рассматривали современные им отношения между КНР и СССР через призму исторических событий, пытаясь найти предпосылки в далеком прошлом. Ярким примером такого подхода служит книга Го Можо «Китайско-советский культурный обмен»⁴².

В 1960-е – 1970-е гг. интерес к изучению российско-китайских отношений снизился по политическим причинам, но уже к середине 1980-х гг. количество работ резко возросло⁴³. Так в 1978 г. вышла в свет коллективная монография ученых отделения Дальнего Востока Академии наук Китая «Китайско-российские отношения в XVII веке»⁴⁴, в которой собраны основные документы, проанализированы ключевые события, повлиявшие на дальнейшее развитие двусторонних отношений. Позднее были опубликованы архивные материалы по российско-китайским отношениям периода династии Цин в нескольких томах под общим названием «Основные архивные материалы по китайско-российским отношениям в период династии Цин»⁴⁵.

К началу 90-х гг. XX в. стало очевидно смещение тематического акцента в работах. Если в 40 – 80-х гг. учёные уделяли внимание зарождению отношений и истории российско-китайских контактов, приграничной торговли

⁴¹ Официальный сайт Института России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян URL: <http://www.hlss.com/> (дата выхода: 15.05.2015).

⁴² Го Можо. Китайско-советский культурный обмен. 郭沫若. 中苏文化之交流. – Шанхай, 1949.

⁴³ См. подробнее: Дань Гуанчэнь. Отношения Русской дипломатической миссии с Китаем. 单光乘 俄国传教士团与中国外交关系. – Пекин, 1984; Ян Юлинь. Пекинская духовная миссия в XVIII веке. 杨玉林 十八世纪俄国东正教北京传教士团. – Пекин, 1985; Лю Хунлинь. Роль Бичурина в российско-китайских отношениях в области культуры. 刘洞南 试论比邱林在中俄文化交流中的作用. – Харбин, 1987; Ли Суйань. Распространение русско-советской литературы в первой половине XX в. 李随安 二十世纪上半叶俄苏文学在中国的传播. – Шанхай, 1987; Он же. Проникновение русско-советской литературы в Китай в 80-е гг. 李随安 八十年来俄苏文学在中国. – Харбин, 1988; Руководство для иностранных студентов в Китае. 留学中国指南. – Пекин, 1987.

⁴⁴ Китайско-российские отношения в XVII в. 十七世纪俄中关系. 苏联科学院远东研究所编. – Пекин, 1978.

⁴⁵ Основные архивные материалы по российско-китайским отношениям в период династии Цин. 清代中俄关系档案史料编. – Чжунхуа шуцзю, 1981.

XVI – XVII вв., изучению православия и Пекинской духовной миссии⁴⁶, то к 90-м гг. проявился интерес к текущему состоянию российско-китайских отношений.

В конце 1990-х гг. активизировался процесс обновления состава научных сотрудников в институтах и центрах, занимающихся изучением России, расширился тематический круг исследований. В это время увеличилось количество работ посвящённых экономике, политике и безопасности, кроме того, китайских ученых продолжали волновать вопросы границы и приграничных территорий. Рассуждая об этом периоде, следует отметить работы специалистов по истории китайско-российских отношений Гэн Бинчао, И Лаосань, Лю Дэси и др.⁴⁷.

В конце 90-х гг. XX в., после завершения «Года России в Китае» (1997 г.) и «Года Китая в России» (1998 г.), в КНР стали более активно публиковаться исследования, посвященные двусторонним отношениям в сфере культуры и образования, начиная с периода правления династии Цин⁴⁸.

В этих работах с разной степенью объективности исследованы вопросы гуманитарного сотрудничества РФ и КНР и его влияния на политическое со-

⁴⁶ Лю Гуанцин, Чжун Байнань. Меняющийся Советский Союз. 柳光青, 董拜南. 转变中的苏联. – Шанхай, 1989.

⁴⁷ Китайская историческая наука за тридцать лет (1978-2008). 中国世纪历史学三十年 (1978 – 2008). – Пекин, 2008; Гэн Бинчао. Китайско-российские отношения в новой международной обстановке 更兵亮. 现代国际的中俄关系. – Пекин : Сяньдай гоцзи гуаньси, 1993. №1; И Лаосань. Советско-китайские отношения. 伊劳侏. 中苏关系. – Шанхай : Сяньдай гоцзи гуаньси, 1995; Лю Дэси. Китайско-российские отношения после распада СССР. 柳德喜. 苏联解提后的中俄关系. – Харбин, 1996.

⁴⁸ В 2007 г. Министерством образования КНР был выделен грант «Исследование китайско-российских отношений в области культуры» (07JJ0770105) и учреждена целевая программа «Подготовка лучших специалистов в новую эпоху» (НСЕТ – 07-0460). См. подробнее: Гао Сяофан. Исследования по преподаванию иностранных языков в иностранных школах в позднecinский период. 高小藩. 完青 言语学堂的外语教育研究. – Пекин, 2007; Гао Вэньфэн. Элосы вэнь гуань — первая школа русского языка в Китае 高文芬. 我国的第一所俄语学校 – 俄罗斯文管. – Хэйлуцунцзян дасюэ сюзэбао (вайной бань), 1979. № 2; Китайско-российские связи в области науки и техники, образования и культуры в эпоху глобализации. 多极化世纪格局中的中俄科技, 教育, 文化交流. – Пекин, 2004; Ли Минбинь. Культурные контакты Китая с зарубежными странами. Культурные контакты Китая с Россией и Советским Союзом. 李明濒. 中外文化交流. 中与俄: 苏文文化交流指. – Шанхай, 1998; Чжун Сяомань. Чжан Симань и общество китайско-советских культурных связей 朱小蔓. 张稀蔓与中苏文化协会. – Цзунхэн, 1999. №7; Сяо Юцю. Русская православная миссия и китайско-русские культурные связи в Цинское время. 肖玉秋. 俄国传教团与清代中俄文化交流. – Тяньцзинь, 2010; Сюй Чанфа. Сравнительный анализ российско-китайского образования в профессиональной области. 徐长发. 中俄典型地区职业教育调查与比较分析. – Пекин, 2010; Чжан Цзюйси. Сравнительный анализ системы управления образованием в Китае и в России. 张举玺. 中俄教育管理体制比较. – Пекин, 2007; Сотрудничество Китая и России в области образования в новое время. 新时期的中俄教育合作. – Чжун-э шаньубао, 2012; Чжун Даюй. Сравнительный анализ культуры Китая и России. 朱达秋. 中俄文化比较. –Пекин, 2009.

трудничество двух государств. Важное место в публикациях отведено термину «культурная дипломатия», который ввел в научный оборот американский ученый Ф. Баргхорн (F. Barghoorn)⁴⁹ еще в период «холодной войны». Китайские ученые рассматривают функции «культурной дипломатии» и ее роль в развитии российско-китайских отношений.

Отдельно необходимо отметить работы, посвященные Пекинской духовной миссии и роли российского посольства в становлении и развитии российско-китайских отношений⁵⁰. С одной стороны, китайские исследователи рассуждают о значительном вкладе членов духовной миссии в Пекине в развитие российско-китайских отношений в области культуры. С другой стороны, они указывают на еще больший вред, который, по их мнению, был нанесён Китаю⁵¹. Китайские учёные полагают, что в цинский период Китай был пассивным участником культурной коммуникации, в то время как царская Россия была не только активной, но в какой-то степени даже агрессивной⁵². Сотрудник Института России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян Ли Суйань, изучая данную проблему, подчеркнул, что «поток культуры» (文化洪流), как правило, течет из страны более высокого социально-культурного уровня в страну, находящуюся на низком уровне развития. Таким образом, согласно его мнению, царская Россия в XVIII в. пыталась взять у Китая все самое лучшее, максимально впитать ее культуру и язык, в то время как в XX в., наоборот, Россия оказала большое культурное влияние на Китай⁵³.

Ряд работ, написанных в начале XXI в., посвящен сотрудничеству в области образования, взаимодействия между образовательными школами и уни-

⁴⁹ Frederick C. Barghoorn. The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton: Princeton University Press. London: Oxford University Press. 1961. p. 353.

⁵⁰ Чжан Юйян. Фактор православия в российско-китайских культурных связях в начале правления династии Цин. 张玉侠. 早期中俄文化交流中的东正教因素. – Исследования Сибири, 2009. № 36.

⁵¹ Чжан Шуцзюань. Посол культуры или Троянский конь – Российская духовная миссия и культурный обмен между Китаем и Россией в период правления династии Цин. 张淑娟. 文化使者与特洛伊木马 – «俄国传教团与清代中俄文化交流»评价. – Шицзе лишн. 2011. № 4.

⁵² Ван Сидун. Исследование российско-китайских обменов в области культуры в эпоху Цин. 王希隆. 清代中俄文化交流述论. Научный журнал университета Ляньчжоу. – 1997. № 25. – С. 120-125.

⁵³ Ли Суйань. Поток и ручей: вопрос неравномерности культурного обмена между Китаем и Россией. 李随安. 洪流与涓滴: 中俄文化交流的不平衡问题. – Харбин, 2009; Ван Юйюнь. Теоретическое обоснование китайско-российского сотрудничества в области изобразительного искусства. 王玉云. 中俄美术交流与合作的理论思考 // China Academic Journal Electronic Publishing House. URL: www.cnki.net (дата обращения: 10.10.2014).

верситетами. Подробно проанализированы проблемы, с которыми сталкивается руководство учебных заведений, преподаватели и учащиеся. Авторы предлагают конкретные способы решения возникающих проблем, меры по предупреждению их появления, а также практические советы по улучшению китайско-российского обмена в области образования⁵⁴. Необходимо упомянуть и совместную монографию российских и китайских ученых под редакцией Н.Е. Боровской, В.П. Борисенкова и Чжу Сяомань (朱小蔓), в которой проанализированы теория и практика китайской школы и педагогики, а также обобщен китайский опыт модернизации системы образования. В указанной монографии представлен анализ стратегии и тактики модернизации образования с учетом, как национальной специфики, так и глобальных тенденций. В книге сопоставлен ход реформ в каждой из стран, а теоретические выводы компаративистов проливают свет на общее и особенное в ходе модернизации образования, на роль государства в этом процессе⁵⁵.

Следует отдельно отметить коллективную монографию ученых Шаньдунского университета «Краткая история китайского и зарубежного образования», которая впервые была опубликована в 1997 г., а в 1999 г. стала победителем IV Национальной книжной премии в рамках IX пятилетки. В исследовании затронуты проблемы образовательных реформ в Китае и в мире, проанализированы источники финансирования образования, образование среди женщин, образование за рубежом, академическая мобильность китайцев и иностранцев⁵⁶.

В 2004 г. профессор Пекинского педагогического университета, специалист по России Чжан Цзяньхуа (张建华) выступил с инициативой выделения так называемого «россиеведения» (俄罗斯学) в качестве отдельной дисциплины⁵⁷.

Подводя итоги статьи необходимо сделать несколько обобщающих выводов.

⁵⁴ Чэн Эньцин, Чжан Цюаньфэн. Сравнительный анализ реформ образования в Китае и в России, интеграция сотрудничества. Дополнительная информация Пекинского симпозиума по вопросам образования. 程恩庆, 张全芬 中俄两国高等教育改革对比及合作一体化问题初探. – Пекин, 2006. – С. 94-96.

⁵⁵ Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX – XXI вв. / Борисенков В.П., Боровская Н.Е., Чжу Сяомань. – М.: Наука, 2007. – 592 с.

⁵⁶ Чжан Жэньцзе. Сравнительный анализ китайской и зарубежной образовательной системы. 张人杰. 中外教育比较史纲. – Цзинань: Шаньдун Цзяоюй, 2001.

⁵⁷ См. подробнее: Тридцать лет китайской тысячелетней исторической науки (1978 – 2008). 中国世纪历史学三十年 (1978 – 2008). – Пекин, 2008.

Работы китайских авторов в значительной степени основаны на материалах, введенных в научный оборот российскими историками.

Изучая китайскую историографию культурного и образовательного сотрудничества между Россией и Китаем, мы видим, что учеными проведена большая работа по данной проблематике, накоплен немалый теоретический и фактический материал, раскрывающий внешнеполитические позиции стран, масштабы российско-китайского гуманитарного сотрудничества, а также позволяющий проводить дальнейшую работу по этой теме.

Китайские историки на современном этапе начинают изучать не исследованные ранее аспекты российско-китайских отношений, пытаются обобщить накопленный материал, а также пересмотреть некоторые исторические сюжеты, дополнив их новыми источниками.

Современные тенденции изучения российско-китайских отношений открывают перед нами обширные научно-исследовательские горизонты, связанные с доступностью материала и многообразием методологических парадигм, позволяющих раскрыть ранее не известные аспекты изучаемого вопроса.

Список литературы

Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX – XXI вв. / Борисенков В.П., Боровская Н.Е., Чжу Сяомань // М.: Наука, 2007. 592 с.

Frederick C. Barghoorn. The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton: Princeton University Press. London: Oxford University Press. 1961.

Ван Силун. Исследование российско-китайских обменов в области культуры в эпоху Цинь 王希隆. 清代中俄文化交流述论 // Научный журнал университета Ланьчжоу. 1997. № 25. С. 120 - 125.

Ван Юйюнь. Теоретическое обоснование китайско-российского сотрудничества в области изобразительного искусства 王玉云. 中俄美术交流与合作的理论思考与 // China Academic Journal Electronic Publishing House. URL: www.cnki.net (дата обращения: 11.12.2014).

Гао Вэньфэн. «Элосы вэнь гуань» — первая школа русского языка в Китае 高文芬. 我国的第一所俄语学校 – 俄罗斯斯文管 // Хэйлунцзян дасюэ сюэбао (вайюй бань). 1979. № 2.

Гао Сюэфан. Исследования по преподаванию иностранных языков в иностранных школах в позднецинский период. 高小藩. 完青 言语学堂的外语教育研究. Пекин, 2007.

Го Можо. Китайско-советский культурный обмен. 郭沫若. 中苏文化之交流. Шанхай, 1949.

Гэн Бинчао. Китайско-российские отношения в новой международной обстановке. 更兵亮. 现代国际的中俄关系 // Сяньдай гоцзи гуаньси. Пекин, 1993. №1.

Дань Гуанчэн. Отношения Русской дипломатической миссии с Китаем. 单光乘. 俄国传教士团与中国外交关系. Пекин, 1984.

И Лаосань. Советско-китайские отношения. 伊劳侬. 中苏关系. Шанхай: 1995.

Институт международных стратегических исследований Партийной школы ЦК КПК. URL: <http://www.iiss.org/> (дата обращения 10.12.2014).

Институт России Академии общественных наук провинции Хэйлуцзян URL: <http://www.hlass.com/> (дата обращения 10.12.2014).

Китайская Академия общественных наук URL: <http://euroasia.cass.cn/> (дата обращения 10.12.2014).

Китайская историческая наука за тридцать лет (1978-2008). 中国世纪历史学三十年 (1978 – 2008). Пекин, 2008.

Китайско-российские отношения в XVII в. 十七世纪俄中关系. Пекин, 1978.

Китайско-российские связи в области науки и техники, образования и культуры в эпоху глобализации. 多极化世纪格局中的中俄科技, 教育, 文化交流. Пекин, 2004.

Ли Минбинь. Культурные контакты Китая с зарубежными странами. Культурные контакты Китая с Россией и Советским Союзом. 李明濒. 中外文化交流. 中与俄: 苏文化交流指. Шанхай, 1998.

Ли Суйань. Распространение русско-советской литературы в первой половине XX в. 李随安. 二十世纪上半叶俄苏文学在中国的传播. Шанхай, 1987.

Ли Суйань. Проникновение русско-советской литературы в Китай в 80-е гг. 李随安. 八十年来俄苏文学在中国. Харбин, 1988.

Ли Суйань. Поток и ручей: вопрос неравномерности культурного обмена между Китаем и Россией. 李随安. 洪流与涓涓: 中俄文化交流的不平衡问题. Харбин, 2009.

Лю Хуннань. Роль Бичурина в российско-китайских отношениях в области культуры. 刘洞南. 试论比邱林在中俄文化交流中的作用. Харбин, 1987.

Лунь Наньцюань. Российско-китайские отношения после выборов в РФ 陆南权. 俄罗斯选举后时期的中俄关系 // Пекин: Международное экономическое обозрение, 1996. №7–8. С. 23–31.

Лю Гуанцин, Чжун Байнань. Меняющийся Советский Союз. 柳光青, 董拜南. 转变中的苏联. Шанхай, 1989.

Лю Дэси. Китайско-российские отношения после распада СССР. 柳德喜. 苏联解体后的中俄关系. Харбин, 1996.

Основные архивные материалы по китайско-русским отношениям в период династии Цин. 清代中俄关系档案史料编. Чжунхуа шуцзю. 1981.

Руководство для иностранных студентов в Китае. 留学中国指南. Пекин, 1987.

Сотрудничество Китая и России в области образования в новое время. 新时期的中俄教育合作. Чжун-Э шанвубао, 2012.

Сун Цимин. Китайско-советские отношения от «А» до «Я». 宋 漆明. 中苏关系始末. Шанхай, 1998.

Сюй Чанфа. Сравнительный анализ российско-китайского образования в профессиональной области. 徐长发. 中俄典型地区职业教育调查与比较分析. Пекин, 2010.

Сяо Юцю. Русская православная миссия и китайско-русские культурные связи в Цинское время. 肖玉秋. 俄国传教团与清代中俄文化交流. Тяньцзинь, 2010.

Чжан Цзюйси. Сравнительный анализ системы управления образованием в Китае и в России. 张举玺. 中俄教育管理体制比较. Пекин, 2007.

Чжан Жэньцзе. Сравнительный анализ китайской и зарубежной образовательной системы 张人杰. 中外教育比较史纲. Цзинань: Шаньдун Цзяююй, 2001. 694 с.

Чжан Юйян. Фактор православия в российско-китайских культурных связях в начале правления династии Цин 张玉侠. 早期中俄文化交流中的东正教因素 // Исследования Сибири. 2009. № 36.

Чжан Шуцзюань. Посол культуры или Троянский конь – Российская духовная миссия и культурный обмен между Китаем и Россией в период правления династии Цин 张淑娟. 文化使者 与特洛伊木马 – «俄国传教团与清代中俄文化交流»评价 // Шицзе лишн. 2011. № 4.

Чжу Дацюй. Сравнительный анализ культуры Китая и России. 朱达秋. 中俄文化比较. Пекин, 2009.

Чжу Сяомань. Чжан Симань и общество китайско-советских культурных связей 朱小蔓. 张稀蔓与中苏文化协会 // Цзунхэн, 1999. №7.

Чэн Эньцин, Чжан Цюаньфэнь. Сравнительный анализ реформ образования в Китае и в России, интеграция сотрудничества. Дополнительная информация Пекинского симпозиума по вопросам образования. 程恩庆, 张全芬 中俄两国高等教育改革对比及合作一体化问题初探. Пекин, 2006. С. 94-96.

Чжу Сяомань. Сравнение китайских и российских реформ в сфере образования на рубеже XX-XXI вв. 朱小蔓. XX-XXI世纪之交中俄教育改革比较. Пекин, 2006.

Ю Цзыся, Лю Чжэнью, Чжан Чунь. Эволюция китайско-российских (советских) образовательных обменов. 余子侠, 刘振宇, 张纯. 中俄(苏)教育交流的演变. Цзинань, 2010.

Ян Юлинь. Пекинская духовная миссия в XVIII веке. 杨玉林. 十八世纪俄国东正教北京传教士团. Пекин, 1985.

Армянский миллет в Османской империи до 1870-х гг.: история изучения в России и за рубежом

Ключевые слова: Османская империя, историография миллетной системы, армянский миллет, армянское патриаршество Константинополя.

XIX век – знаменательный период в политическом, социальном и экономическом планах для народов Османской империи. Эпохе Танзимата посвящено большое количество исторических исследований. При всей широте тем, изучаемых российской и зарубежной османистикой, тема армянского апостольского миллета (осман. *Millet-i Ermeniyân*) в целом, вопросы его социального преобразования и административной реорганизации в период танзиматских реформ относятся к разряду малоизученных. Российские и зарубежные востоковеды исследовали преимущественно социально-политические, административно-правовые и экономические изменения в Османской империи, а также национально-освободительные движения нетурецких подданных империи в XIX в. В российской и зарубежной османистике система миллетов в основном рассматривается на примере греческого православного миллета (осман. *Millet-i Rumiyan*). Одной из причин этого является недоступность армяноязычных источников и соответствующих документов.

Несомненно, для проведения многостороннего исследования важно привлекать новые источники на различных языках, которые дают возможность взглянуть на исторический процесс под другим углом. Среди них важное место занимают армяноязычные источники, которые не только освещают жизнь и деятельность армянских подданных империи, но и содержат ценные сведения об других особенностях Османской империи. К сожалению, многие из них до сих пор не переведены на иностранные языки и не доступны широким научным кругам.

Цель статьи – провести сравнительный анализ и определить тенденции, изменения и основные направления в исследованиях армянского миллета российской, армянской и турецкой османistikой путем изучения трудов российских и зарубежных ученых.

До Второй мировой войны как в российских, так и в зарубежных (в основном североамериканских⁵⁸ и турецких) университетах и исследовательских центрах практически не проводилось систематизированных научных исследований по истории, антропологии, социологии Османской империи и Турецкой Республики. Российские востоковеды⁵⁹, изучавшие историю развития российской османistikой, указывали, что огромный материал и исследования по Османской империи были накоплены с помощью русских дипломатов и путешественников⁶⁰. Ю.А. Петросян отмечал, что «деятельность этих дипломатов и путешественников в длительный период донаучной османistikой породила огромный объем информации об Османской империи, возбуждая интерес к ее истории. Именно этот длительный период накопления сведений называется “практической османistikой”»⁶¹.

В 1950–1960-е гг. в российских и западных университетах возрос интерес к истории Османской империи и Турецкой Республики. В 1958 г. в США был принят Закон об образовании для нужд национальной обороны (NDEA), который содействовал развитию и продвижению научных исследований в области турецких и ближневосточных исследований. В рамках этого проекта были профинансированы 15 университетов США.

В этот период успешно развивалась и советская османистика. Ю.А. Петросян указывал, что научная османистика в СССР переживала взлет благодаря особому отношению к науке в стране, когда «ее политические и экономические задачи формулировались и осуществлялись на основе

⁵⁸ *Howard A. Reed. Perspectives on the Evolution of Turkish Studies in North America since 1946 // Middle East Journal. Vol. 51. No. 1 (Winter 1997), p. 15–31.*

⁵⁹ *Петросян Ю.А. Российская историография Османской империи. XVIII—XX вв. – СПб : Наука, 2012. – 260 с.; Желтяков А.Д. Изучение истории Турции // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР / Ред. колл.: А.П. Базинянц, Д.Е. Бертельс и др. – М. : Наука, 1972. – 595 с.*

⁶⁰ В основном это труды ученых, дипломатов и путешественников, собравших ценные материалы об истории, этнографии, культуре и политике Османской империи и Турции.

⁶¹ *Петросян Ю.А. Российская историография Османской империи... С. 9.*

провозглашавшегося научного подхода во всех сферах развития государства»⁶².

В 1960-х гг. предметом исследования все более широкого круга востоковедов-османистов стала история реформ и модернизации Османской империи в XIX в. М.Н. Тодорова считает, что интерес к модернизации в 1960-х гг. в определенной степени связан с проблемами взаимоотношений стран Запада с молодыми развивавшимися государствами и их поисками новых путей и моделей развития⁶³.

В 1960–1980-е гг. советские историки-османисты большое внимание уделяли анализу работ зарубежных историков, рассматривали общие тенденции изучения танзиматских реформ в зарубежной османистике⁶⁴. Затем в советской историографии появилось множество работ, посвященных проблемам европеизации, танзиматских реформ, борьбы за конституцию Османской империи⁶⁵. Однако в советской историографии мало внимания уделялось исследованиям роли и места нетурецких подданных в жизни Османской империи и социально-административных изменений внутри миллетов в период Танзимата. Недостаточно был изучен правовой и социальный статус миллетов в Османской империи. За последние два десятилетия в российской историографии возродился интерес к системе миллетов. Следует указать, что в североамериканской и европейской историографии этому вопросу посвящено сравнительно большое количество трудов.

⁶² Там же. С. 9.

⁶³ Тодорова М.Н. Англия, Россия и Танзимат: (Вторая четверть 19 в.). – М.: Наука, 1983. – С. 9.

⁶⁴ Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. – М.-Л.: АН СССР, 1946. 507 с.; Авалиани А.Б. Об опыте изучения реформ танзимата в северо-восточных вилайетах Турции // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 73. Труды по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции. – М., 1963. – С. 228–233; Новичев А.Д. Средневековая история Турции в современной турецкой историографии // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. I. – Л.: ЛГУ, 1965. – С. 113–125; Новичев А.Д. Историография реформ Селима III // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. II. – Л.: ЛГУ, 1968. – С. 115–124; Петросян Ю.А. Некоторые узловые проблемы исследования истории Османской империи в новое время // Тюркологический сборник 1978. – М., 1984. – С. 215–223; Ахмедов М.М. Проблема научной методологии при освещении истории Османской империи в современной турецкой историографии (на примере концепции Т. Тимура) // Турция. История и современность. Сб. ст. – М.: Наука, 1988. – С. 204–210.

⁶⁵ Петросян Ю.А. Новые османы и борьба за конституцию в Турции. – М.: Изд-во вост. лит, 1958. – 160 с.; Желтяков А.Д. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX вв.). – М.: Наука, 1965. – 176 с.; Шабанов Ф.Ш. Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1967. – 203 с.; Желтяков А.Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729–1908). – М.: Наука, 1972. – 320 с.; Новичев А.Д. История Турции. – Л.: ЛГУ, Т. II. Новое время. Ч. I (1792–1839), 1968. – 292 с.; Т. III. Новое время. Ч. II (1839–1853), 1973. – 205 с.; Т. IV. Новое время. Ч. III (1853–1875), 1978. – 271 с.; Фадеева И.Е. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. – М.: Наука, 1977. – 188 с.; Боджолян М.Т. Реформы 20–30-х гг. XIX века в Османской империи. – Ереван: Из-во АН АрмССР, 1984. – 156 с.

Несмотря на то что в российской историографии правовому статусу, месту и роли подданных Османской империи (за исключением балканского региона) уделялось недостаточное внимание, работы российских историографов по истории Османской империи во многом облегчают задачу социально-культурного изучения армянского миллета.

Выделяется работа В.А. Гордлевского⁶⁶, в которой немусульмане рассматриваются с точки зрения исламского права. В.А. Гордлевский подробно описал социальные ограничения, с которыми сталкивались немусульмане в Османской империи.

В 1980–1990-е гг. в российской историографии появились работы, посвященные изучению доктрины османизма и панисламизма. И.Л. Фадеева⁶⁷, Е.И. Зеленов⁶⁸, привлекая новые источники, проанализировали социально-политические изменения, эволюцию господствовавшей идеологии и ее роль в государственной политике. Наряду с этими вопросами изучалось воздействие доктрины османизма и панисламизма на жизнь немусульманских подданных империи.

В области изучения истории подданных народов Османской империи выделяются работы М.А. Родионова⁶⁹, которые посвящены маронитам. Автор, приводя подробные сведения по истории маронитов и маронитской церкви и анализируя вопросы самоидентификации маронитов и их политической деятельности в современном Ливане, проводит параллели между армянской и маронитской общинами и церквями в период османского господства.

Следует упомянуть ряд исследований, посвященных изучению генезиса миллетной системы. В современной российской историографии среди трудов, относящихся к изучению миллетной системы и статуса немусульман в Осман-

⁶⁶ Гордлевский В.А. Избранные сочинения (Этнография, история востоковедения, рецензии). – М. : Изд-во вост. лит., 1968. – 360 с.

⁶⁷ Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи. Османизм – панисламизм (XIX—начало XX в.). – М. : Наука, 1985. – 270 с.; Фадеева Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. – М. : Наука, 1993. – 286 с.

⁶⁸ Зеленов Е.И. Османизм и его роль в общественно-политической жизни Сирии, вторая половина XIX – начало XX в. – Л. : ЛГУ, 1990. – 98 с.; Зеленов Е.И. Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI – начало XX века). – СПб. : Издательство СПб.ГУ, 2003. – 420 с.

⁶⁹ Родионов М.А. Марониты: из этноконфессиональной истории Восточного и Средиземноморья. – М. : Наука, 1982. – 133 с. Родионов М.А., Сарабьев А.В. Марониты: традиции, история, политика. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2013. – 500 с.

ской империи, важное место занимает работа И.Л. Фадеевой⁷⁰. Автор рассматривает эволюцию еврейских общин, место и роль еврейского миллета в османском государстве. Следует упомянуть статью Н.А. Иванова⁷¹, в которой анализируются генезис миллетной системы, история создания греческого, еврейского и армянского миллетов XVI–XVII вв.

Говоря об армянской школе османистики, следует заметить, что до 1950-х гг. в Армении не существовало специального туркологического центра. В 1954 г. в Институте истории АН Армении была создана группа востоковедения, реорганизованная в 1971 г. в Институт востоковедения АН Армянской ССР. Отдел Турции был значительно расширен и стал ведущим в институте⁷². Школа османистики советской Армении имела богатую источниковедческую базу: рукописи Института древних рукописей имени св. М. Маштоца (Матенадаран), труды армянских историографов⁷³, путешественников и армянская периодика, издававшаяся в Константинополе, Смирне и в других крупных городах Османской империи, населенных армянами. В 1950–1980-х гг. армянские османисты опубликовали ряд монографий⁷⁴, посвященных внутренней и внешней политике Османской империи, положению западных армян, национально-освободительному движению, правовому положению национальных меньшинств Турецкой Республики. Будучи частью советской историографии армянская историография рассматривала указанные темы исключительно через призму марксизма-ленинизма.

⁷⁰ Фадеева И.Л. Еврейские общины в Османской империи: страницы истории. – М. : Крафт; Ин-т востоковедения РАН, 2012. – 400 с.

⁷¹ Иванов Н.А. Система миллетов в арабских странах XVI–XVII вв. // Труды по истории исламского мира. – М. : Вост. лит., 2008. – С. 321–335.

⁷² Саргсян Е.К. Из истории туркологии советской Армении // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Вып. XII. – Турция, Ереван: Изд-во АН АССР, 1985. – С. 248.

⁷³ Конгрегация мхитаристов на острове Святого Лазаря сыграла важную роль в развитии армянской историографии. Хотя труды отцов-мхитаристов посвящены в основном истории Армении, они считаются важными источниками по истории не только Армении, но и Османской империи.

⁷⁴ Зулялян М.К. Армения в первой половине XVI–XVII вв. – Ереван, 1966 (на арм. яз.); Зулялян М.К. Армения в первой половине XVI в. – М. : Наука, 1971. – 126 с.; Саркисян Е.К. Политика османского правительства в Западной Армении и державы в последней четверти XIX и начале XX вв. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1972. – 332 с.; Корхмязян Р.С. Турецко-германские отношения в годы второй мировой войны. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1977. – 184 с.; Зулялян М.К. Западная Армения в XVII–XVIII вв. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1980. – 425 с. (на арм. яз.); Кондакчян Р.П. Турция: внутренняя политика и ислам. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1983. – 238 с.; Турецкие источники об Армении, армянах и других народах Закавказья. – Ереван : Изд-во АН АрмССР. Т. I, 1961. – 405 с.; т. II, 1964. – 339 с.; т. III, 1967. – 349 с.; т. IV, 1972. – 265 с.

В Османской империи, с первой половины XV в. применялась система миллетов с целью укрепления и стабилизации многонациональной и многоконфессиональной империи. Система миллетов не была изобретением османских правителей, поскольку автономные этнорелигиозные общины существовали задолго до них.

В период правления султана Мехмеда II (1444–1446, 1451–1481) официально были разрешены греко-православная, армяно-апостольская, иудейская немусульманские религиозные миллеты⁷⁵. До 1831 г., когда армяне-католики⁷⁶ получили статус независимой общины, в Османской империи существовали только эти три миллета. 15 ноября 1850 г. по инициативе послов западных держав официально была создана протестантская община⁷⁷. К 1914 г. в империи насчитывалось уже тринадцать независимых миллетов⁷⁸, каждый из которых находился под защитой иностранной державы. Система миллетов просуществовала до распада империи в годы Первой мировой войны⁷⁹.

В журнале «Шогакат», издаваемом константинопольским армянским патриаршеством, написано, что «армяне Константинополя при непосредственном надзоре султана Мехмеда нашли в столице новое подходящее место для развития общины. Вскоре, благодаря религиозной свободе и образованию, которые поощрялись константинопольским армянским патриаршеством, сформировалась

⁷⁵ Б. Брод считает, что истории, связанные с созданием этих трех традиционных миллетов, включают в себя множество мифов, придуманных самими общинами (*Braude B. Foundation Myths of the Millet System // Christians and Jews in the Ottoman Empire. Vol. 1. – New York – London : Homles & Meler Publishers, 1982. – P. 69–87.*

⁷⁶ Отношение к католическому миллету было неоднозначным. Об этом в «Тарих-и Джевдет» написано: «Патриархи – духовные лидеры армян и греков находятся в Османской империи, а католическая церковь подчиняется иностранному (чужому) духовному лидеру. В большинстве западных государств придерживаются этой веры. В восточных странах принадлежность небольшой общины подданных Османской империи чужой церкви считается политическим мятежом» (*Cevdet A. Tarih-i Cevdet (Tarih-i vekayi-idevlet-i aliyye. c. 1, sh. 159).*

⁷⁷ Мнения историков по вопросу статуса протестантской общины расходятся. Одни пишут, что она его имела (*Reform in the Ottoman Empire 1856–1876. – Princeton : Princeton University Press, 1963. – P. 122–123; Artinian V. Osmanlı Devleti'nde Ermeni Anayasası'nın Doğuşu 1839–1863. – İstanbul : Aras, 2004. Sh. 55*). Однако Г. Бозкурт замечает, что, хотя общине были дарованы привилегии и преимущества, она не имела статус миллета, несмотря на усилия Великобритании (*Bozkurt G. Alman-İngiliz Belgelerinin ve Siyasi Gelişmelerin Işığında Gayri Müslim Osmanlı Vatandaşlarının Hukuki Durumu 1834–1914. – Ankara : TTK yayını, 1989. – Sh. 178–179.*).

⁷⁸ С. Насим перечисляет следующие миллеты: греческий православный, католический, армяно-апостольский, армяно-католический, сирийский католический, халдейский католический, сирийский яacobитский, протестантский, мелькитский, еврейский, болгарский католический, маронитский и историанский (*Nasim S. The Capitulatory Regime of Turkey, Its History, Origin and Nature. – Baltimore : The John Hopkins Press, 1933. – P. 89.*

⁷⁹ *Abu Jaber K.S. The Millet System in the Nineteenth-Century Ottoman Empire // The Muslim World. – 1967. Vol. 57. Issue 3. – P. 214.*

весьма организованная сплоченная армянская община. Образованное в 1461 г., армянское патриаршество Константинополя (во главе с Овакимом) было приравнено в правах с греческим патриаршеством. Таким образом, патриарший престол из Кютахи был перенесен в Бурсу, а потом в Константинополь»⁸⁰.

Профессор Мичиганского университета Г. Бардакчян, ссылаясь на М. Чамчяна, отмечает, что первоначально община константинопольских армян называлась «*Altı Cemaat*» («Шесть общин»), затем она была официально переименована в «*Ermeni Milleti*» («Армянский миллет»). Армянская община упоминается как «*Altı Cemaat*» в *берате* (султанская грамота), выданном армянскому патриаршеству в 1764 г.⁸¹.

А. Перперян оспаривает тот факт, что султан Мехмед II признал Овакима патриархом константинопольских армян, дав ему власть над армянами Западной Армении и Малой Азии. Исследователь, ссылаясь на армянскую рукопись 1543 г., приходит к выводу, что первым духовным лидером, считавшим себя патриархом, был преподобный Аствацатур (1538–1543), преемник Григора-мархаса (1526–1537), который занимал должность духовного лидера в период правления султана Сулеймана Великолепного (Кануни) (1520–1566). До Аствацатура духовный лидер назывался *мархаса* (*marhasa*)⁸².

А. Харатян считает, что впервые слово «патриарх» встречается в рукописях периода 1526–1540 гг. Он обосновывает свою гипотезу тем, что на рукописном Евангелии 1540 г. есть надпись «в период правления султана Сулеймана и во время патриаршества преподобного Аствацатура»⁸³. Что же касается прав и власти Овакима, Г. Бардакчян считает, что, если султан Мехмед II назначил Овакима патриархом армян, которых переселил из Анкары и Бурсы, то, по всей вероятности, его влияние распространялось и на представителей армянской общины Константинополя, Галаты и, возможно, Ускудара⁸⁴.

⁸⁰ Shoghakat kronabaroyakan, grakan yev patmabanasirakan pashtonatert S. Khach Dprevanuts patriarkutyun hayots Turkio, JA ari, tiv 2, hulis-dektember 1962. 120 ej.

⁸¹ *Bardakjian K.B.* The Rise of the Armenian Patriarchate of Constantinople // *Braude B., Lewis B.* Christians and Jews in the Ottoman Empire. Vol. 1. – New York : Homes & Meier, 1982. – P. 91–92.

⁸² *Perperyan H.K.* Polso Hayots patriarkutean himnarkutyuny // *Handes amsorya.* 1964. N 7–9. – P. 347–378.

⁸³ *Kharatyan A.* Kostandnupolsi hay gaghtojakhy (XV–XVII dd.). Yerevan: YPH hrat., 2007. – P. 347–378.

⁸⁴ *Bardakjian K.B.* The Rise of the Armenian Patriarchate... p. 91–92.

Если в начале создания патриаршества власть армянского патриарха распространялась только на армян, то вскоре ситуация изменилась. Христиане азиатских и африканских провинций Османской империи – копты, яacobиты, марониты и несториане, которые не были ни православными, ни армянами, – официально находились если не под духовным, то под политическим руководством армянского патриарха. Таким образом власть стремилась защитить традиционное духовенство от католиков⁸⁵. Под духовным руководством армянского патриарха находились еще грузины, цыгане, ассирийцы и албанцы (кавказской Албании)⁸⁶.

Под влиянием внутренних и внешних факторов система миллетов подверглась некоторым изменениям в XIX в. Внутри армянского миллета изменилось управление: до середины XIX в. свои полномочия, как и повсюду в Османской империи, миллет-баши осуществлял совместно с диваном миллета, куда наряду с религиозными сановниками могли входить представители мирян⁸⁷, преимущественно из класса *амир*. В результате урегулирования и реформ, которые были осуществлены с 1847 по 1863 гг., уменьшилось влияние патриарха. Административная реорганизация армянского миллета тщательно изучена в работах А. Албояджяна⁸⁸, В. Артиняна⁸⁹, А. Харатяна.

В жизни армянского миллета конституционное движение является событием большого исторического значения. В истории изучения национальной конституции западных армян следует выделить труды Атома⁹⁰ и Сарухана⁹¹, в которых авторы, подробно описывая историческую ситуацию, анализируют внешние и внутренние факторы, повлиявшие на этносоциальное положение западных армян.

Следует упомянуть работу В.Г. Гукасян⁹². Автор, тщательно изучив относящуюся к этой теме армянскую периодику, проанализировал взаимосвязь

⁸⁵ The Cambridge History of Turkey, The Later Ottoman Empire (1603–1839) / Ed. by Suraiya N. Faroqhi. Vol. 3. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – P. 619.

⁸⁶ Eryılmaz B. Osmanlı Devletinde Gayrimüslim Tebaanın Yönetimi. İstanbul: Risale, 1996. S. 35.

⁸⁷ Иванов Н.А. Система миллетов... С. 9.

⁸⁸ Alboyajian A. Turkio hayots patriarkutyun. 1908 Yndardzak oratsuyts S. Prkchean hivandanotsi hayots. – K. Polis : H. Matevosyan, 1908. – 562 ej.

⁸⁹ Artinian V. Osmanlı Devleti'nde Ermeni Anayasası'nın Doğuşu.

⁹⁰ Atom (Shahrikyan H). Azgayin. – K. Polis, 1914. – 164 ej.

⁹¹ Sarukhan. Haykakan khndirm yev azgayin sahmanadrutyuny Turkiayum (1860–1910). – Tiflis, 1912.

⁹² Гукасян В. Константинопольские армяне и национально-просветительское движение 30–60-х годов XIX века. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1989. – 340 с.

борьбы западноармянских просветителей с фактом принятия конституции. В.Г. Гукасян рассматривала зависимость армянских конституционалистов от господствовавших кругов Османской империи. В работе автора освещается роль, которую сыграли армяне в культурной и политической жизни империи.

В работах армянских историков, вышедших в свет в 1970–1980-х гг., большое внимание уделено не только положению западных армян, но и социально-политическому и культурному состоянию османского государства.

Политика правящих кругов Османской империи в отношении нетурецких народов, в частности армян, исследуется в монографиях Е.К. Саркисяна⁹³, А. Папазяна⁹⁴. Авторы рассматривали сущность административной, экономической и национальной политики Высокой Порты в отношении Западной Армении и армян. В книге А. Папазяна содержится много сведений не только об армянах Османской империи, но и об Османской империи в целом. Работа написана на основе османских исторических документов.

Выделяется труд Р.А. Сафрастяна⁹⁵, посвященный истории зарождения доктрины османизма и ее роли в политической жизни Османской империи. Автор приходит к выводу, что она была единственным средством для сохранения целостности османского государства путем попытки консолидации различных этноконфессиональных групп.

Армяно-турецкие отношения имеют многовековую историю: западные армяне, как и другие народы Османской империи, испытывали взаимное культурное влияние, в их общей истории было немало конфликтов, связанных с ассимиляционной политикой османских властей. Несомненно, интерес к османистике и армяноведению был, есть и будет актуальным в армянской и турецкой историографии.

В 1930-х гг. по инициативе К. Ататюрка было образовано Турецкое общество исторических исследований (тур. Türk Tarihi Tetkik Cemiyeti), которое вскоре стали называть Турецким историческим обществом (тур. Türk Tarih

⁹³ Саркисян Е.К. Политика османского правительства...

⁹⁴ Папазян А. *Turkakan vavragrery Hayastani yev hayeri masin (16–19-rd darer)*. – Yerevan : Yegha, 1999. – 284 еј.

⁹⁵ Сафрастян Р.А. Доктрина Османизма в политической жизни Османской империи. – Ереван : Изд-во АН АССР, 1985. – 147 с.

Kurumu)⁹⁶. Современная турецкая историография стала развиваться при официальной финансовой поддержке и координации со стороны правительства Турецкой Республики, заложив основы турецкой научной школы османистики и тюркологии.

С приходом к власти Ататюрка все турецкие архивы были приведены в порядок и открылись для исследователей. Однако не согласные с официальной идеологией Турции исследователи в архивы не допускались и большинство архивов было «подчищено»⁹⁷. В Турецком историческом обществе господствующей идеологией стала концепция тюркизма (Türkçülük), которая идеализировала историю турецкого народа, оправдывала национальный гнет и произвол в Османской империи, а национально-освободительная борьба немусульманских народов характеризовалась как подстрекательство западных держав. Турецкая историография того времени и вплоть до начала XXI в. носила пантюркистский и буржуазно-националистический характер. Это касается и трактовки истории немусульманских подданных империи, в частности армян, которая интерпретировалась согласно общепринятой гипотезе: во время Танзимата все подданные империи были равны перед законом, армяне занимали государственные посты и жили в гармонии с властями, но под влиянием Запада среди немусульманских подданных зародились националистические и сепаратистские настроения⁹⁸.

Начиная с 1990-х гг. в результате развития научных связей, международных программ академических обменов, конференций поляризация в научных исследованиях уменьшилась. Этому способствовало открытие частных университетов, где преподавали ученые не только из Турции, но и из ведущих университетов мира.

В 1990-е гг. турецкая историография начала рассматривать систему миллетов через призму государственного права. Исследователь по истории османского

⁹⁶ URL: <http://www.ttk.gov.tr/index.php?Page=Sayfa&No=1> (дата обращения: 26.01.2015).

⁹⁷ Саркисов Е.К., Сафрастьян А.Х. О некоторых фактах антинаучного освещения истории // Востокведческий сборник. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1960. – С. 380–381; Киракосян А.Д., Сафрастьян Р.А. Геноцид армян и османские архивы // Коммунист. 18 апреля 1990.

⁹⁸ Karal E.Z. Osmanlı Tarihi 5. Cilt Nizam-ı Cedid ve Tanzimat Devirleri (1789–1856). – Ankara : TTK 1947. – Sh. 304; Çark Y.G. Türk Devleti Hizmetinde Ermeniler (1453–1953). – İstanbul : Yeni Matbaa, 1953. – Sh. 305; Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. III c. I. kısım. – Ankara : TTK yayını, 1988. – Sh. 598.

права профессор Анкарского государственного университета Г. Бозкурт⁹⁹ обращается к миллетам, исследуя османскую правовую систему и ее изменения после провозглашения танзиматских реформ. Выделяются труд Б. Эрйлмаза¹⁰⁰, посвященный анализу системы миллетов от их возникновения до Лозаннской конференции. Б. Эрйлмаз, рассматривая систему миллетов с точки зрения исламского и государственного права, исследовал влияние танзиматских реформ на жизнь немусульманских подданных империи. Недостатком работы является то, что при изучении истории немусульманских этнорелигиозных общин автор не использовал источники на языках этих общин.

Таким образом, можно сделать вывод, что в 1960–1980-е гг. многие востоковедческие научные школы находились под влиянием господствовавшей идеологии той или иной страны. Начиная с 1990-х гг. в результате развития научных связей, поляризация мнений в научных исследованиях уменьшилась. В результате пересмотра сложившихся ранее концепций формировались новые подходы к изучению истории нетурецких подданных Османской империи.

В последние годы во многих востоковедческих национальных школах интерес к изучению этнорелигиозных (этноконфессиональных) групп на Ближнем Востоке значительно вырос. Однако и в российской и зарубежной историографии в изучении статуса, роли и места немусульманских народов Османской империи преобладает тенденция к обобщенным оценкам. Административно-социальные изменения в каждой этнорелигиозной общине рассматриваются лишь в контексте общей реорганизации системы миллетов, как правило на примере греко-православной общины, оставляя без внимания социально-политическую и/или социокультурную ситуацию в каждом миллете в тот период истории.

Список литературы

Авалиани А.Б. Об опыте изучения реформ танзимата в северо-восточных вилайетах Турции // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 73. Труды по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции. М., 1963. С. 228–233.

⁹⁹ *Bozkurt G.* Alman-İngiliz Belgelerinin ve Siyasi Gelişmelerin Işığı Altında Gayri Muslim Osmanlı Vatandaşlarının Hukuki Durumu 1834–1914.

¹⁰⁰ *Eryılmaz B.* Osmanlı Devletinde Gayrimüslim Tebaanın Yönetimi.

Ахмедов М.М. Проблема научной методологии при освещении истории Османской империи в современной турецкой историографии (на примере концепции Т. Тимура) // Турция. История и современность. Сб. ст. М.: Наука, 1988. С. 204–210.

Боджолян М.Т. Реформы 20–30-х гг. XIX века в Османской империи. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1984. 156 с.

Гордлевский В.А. Избранные сочинения (Этнография, история востоковедения, рецензии). М.: Изд-во вост. лит., 1968. 360 с.

Лукасян В. Константинопольские армяне и национально-просветительское движение 30–60-х годов XIX века. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989. 340 с.

Желтяков А.Д. История просвещения в Турции (конец XVIII – начало XX вв.). М.: Наука, 1965. 176 с.

Желтяков А.Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729–1908). М.: Наука, 1972. 320 с.

Желтяков А.Д. Изучение истории Турции // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР / Ред. колл.: А.П. Базинянц, Д.Е. Бертельс и др. М.: Наука, 1972. 595 с.

Зеленев Е.И. Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI – начало XX века). СПб.: Изд-во СПб.ГУ, 2003. 420 с.

Зеленев Е.И. Османизм и его роль в общественно-политической жизни Сирии, вторая половина XIX – начало XX вв. Л.: ЛГУ, 1990. 98 с.

Зулялян М.К. Армения в первой половине XVI в. М.: Наука, 1971. 126 с.

Зулялян М.К. Армения в первой половине XVI–XVII вв. Ереван, 1966 (на арм. яз.).

Зулялян М.К. Западная Армения в XVII–XVIII вв. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980. 425 с. (на арм. яз.)

Иванов Н.А. Система миллетов в арабских странах XVI–XVII вв. // Труды по истории исламского мира. М.: Вост. лит., 2008. С. 321–335.

Киракосян А.Д., Сафракян Р.А. Геноцид армян и османские архивы // Коммунист. 18 апреля 1990.

Кондакчян Р.П. Турция: внутренняя политика и ислам. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. 238 с.

Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы второй мировой войны. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977. 184 с.

Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. М.–Л.: АН СССР, 1946. 507 с.

Новичев А.Д. Историография реформ Селима III // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. II. Л.: ЛГУ, 1968. С. 115–124.

Новичев А.Д. История Турции. Л.: ЛГУ, Т. II. Новое время. Ч. I (1792–1839).. 1968, 292 с.; Т. III. Новое время. Ч. II (1839–1853), 1973, 205 с.; Т. IV. Новое время. Ч. III (1853–1875), 1978, 271 с.

Новичев А.Д. Средневековая история Турции в современной турецкой историографии //Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. I. Л.: ЛГУ, 1965. С. 113–125.

Петросян Ю.А. Некоторые узловые проблемы исследования истории Османской империи в новое время // Тюркологический сборник 1978. М., 1984. С. 215–223.

Петросян Ю.А. Новые османы и борьба за конституцию в Турции. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 160 с.

Петросян Ю.А. Российская историография Османской империи. XVIII–XX вв. СПб: Наука, 2012. 260 с.

Родионов М.А. Марониты: из этноконфессиональной истории Восточного и Средиземноморья. М.: Наука. 1982. 133 с.

Родионов М.А., Сарабьев А.В. Марониты: традиции, история, политика. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. 500 с.

Саргсян Е.К. Из истории туркологии советской Армении // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Вып. XII. Турция. Ереван: Изд-во АН АССР. 1985. С. 248–274.

Саркисян Е.К. Политика османского правительства в Западной Армении и державы в последней четверти XIX и начале XX вв. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1972.332 с.

Саркисов Е.К., Сафрастян А.Х. О некоторых фактах антинаучного освещения истории // Востоковедческий сборник. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1960. С. 379–400.

Сафрастян Р.А. Доктрина османизма в политической жизни Османской империи. Ереван: Изд-во АН АССР, 1985. 147 с.

Тодорова М.Н. Англия, Россия и танзимат: (Вторая четверть 19 в.). М.: Наука, 1983. 184 с.

Турецкие источники об Армении, армянах и других народах Закавказья. Ереван: Изд-во АН АрмССР Т. I, 1961, 405 с.; т. II, 1964, 339 с.; т. III, 1967, 349 с.; т. IV, 1972, 265 с.

Фадеева И.Е. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М.: Наука, 1977. 188 с.

Фадеева И.Л. Еврейские общины в Османской империи: страницы истории. М.: Крафт+; Ин-т востоковедения РАН, 2012. 400 с.

Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи. Османизм – панисламизм (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1985. 270 с.

Фадеева И.Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. М.: Наука, 1993. 286 с.

Шабанов Ф.Ш. Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата. Баку: Изд-во АН АзССР, 1967. 203 с.

- Abu Jaber K.S.* The Millet System in the Nineteenth-Century Ottoman Empire // The Muslim World. 1967. Vol. 57. Issue 3. P. 212–223.
- Alpöyachian A.* Turkiyo hayots patriarkutyun. 1908 Yndardzak oratsuyts S. Prkchean hivandanosni hayots (The Armenian Patriarchate of Constantinople //The Yearbook of Holy Cross Armenian Hospital, 1908). K. Polis: H.Matevosyan, 1908. 562 ej.
- Artinian V.* Osmanlı Devleti'nde Ermeni Anayasası'nın Doğuşu 1839–1863. İstanbul: Aras2004. Sh. 335.
- Atom* (Shahrikyan H). Azgayin sahmanadrutyun (The Armenian National Constitution). K. Polis, 1914. 164 ej.
- Bardakjian K.B.* The Rise of the Armenian Patriarchate of Constantinople // Braude B., Lewis B. Christians and Jews in the Ottoman Empire. Vol. 1. New York: Homes & Meier, 1982. P. 89–100.
- Bozkurt G.* Alman-İngiliz Belgelerinin ve Siyasi Gelişmelerin Işığı Altında Gayri Müslim Osmanlı Vatandaşlarının Hukuki Durumu 1834–1914. Ankara: TTK yayını, 1989. Sh. 178.
- Braude B.* Foundation Myths of the Millet System // Christians and Jews in the Ottoman Empire. Vol. I. New York–London: Homes & Meier Publishers, 1982. P. 69–87.
- Davison R.* Reform in the Ottoman Empire 1856–1876. Princeton: Princeton University Press, 1963. 233 p.
- Çark Y.G.* Türk Devleti Hizmetinde Ermeniler (1453–1953). İstanbul:Yeni Matbaa, 1953. Sh. 305.
- The Cambridge History of Turkey: The Later Ottoman Empire (1603–1839) / Ed. by Suraiya N. Faroqhi. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University press, 2006. 619 p.
- Cevdet A.* Tarih-i Cevdet (Tarih-i vekayi-idevlet-i aliyye). C. 1, Sh. 159.
- Eryılmaz B.* Osmanlı Devletinde Gayrimüslim Tebaanın Yönetimi. İstanbul: Risale, 1996. Sh. 240.
- Howard A.* Reed Perspectives on the Evolution of Turkish Studies in North America since 1946 // Middle East Journal. Vol. 51. No 1 (Winter 1997). P. 15–31.
- Karal E.Z.* Osmanlı Tarihi 5. Cilt Nizam-ı Cedid ve Tanzimat Devirleri (1789–1856). Ankara: TTK 1947. Sh. 304.
- Kharatyan A.* Kostandnupolsi hay gaghtojakhy (XV–XVII dd.) (Armenian Community in Constantinople in the 15th –17th centuries) Yerevan: YPH hrat., 2007. 472 ej.
- Kharatyan A.* Kostandnupolsi hay patriarkutyun kazmavorman shurdj (XV–XVII) (The Formation of the Constantinople Armenian Patriarchate in the 15th –17th centuries) // Lraber hasarakakan gitutyunneri = Herald of the Social Sciences. 2002. N 2. P. 8–24.
- Nasim S.* The Capitulatory Regime of Turkey, Its History, Origin and Nature. Baltimore: The John Hopkins Press, 1933. 378 p.

Papazyan A. Turkakan vaveragrery Hayastani yev hayeri masin (16–19-rd darer) (Turkish Documents about Armenia and Armenians from the 16th to the 19th Century). Yerevan: Yegea, 1999. 284 ej.

Perperyan H.K. Istanbuli hay bnakchutyuny kaghaki gravumen minchev Fatih Mehmed II-I mahy (The Armenian Population of Constantinople from the Conquest of Constantinople to the Death of Fatih Mehmed II) // *Handes amsorya*. N 1–4. 1962. Cols. 213–227, 405–424.

Perperyan H.K. Polso Hayots patriarkutean himnarkutyuny (The Founding of the Armenian Patriarchate of Constantinople // *Handes amsorya*. N 7-9] // *Handes amsorya*, 1964 N 7-9. Cols. 337–350, 498–510.

Shoghakat kronabaroyakan, grakan yev patmabanasirakan pashtonatert S. Khach Dprevanuts patriarkutyun hayots Turkio (Shoghakat Religious – Ethical, Literary and Historical Official Paper of the Holy Cross clerical Armenian Patriarchate of Constantinople), JA tari, tiv 2, hulis–dektember 1962, 120 ej.

Uzunçarşılı I.H. Osmanlı Tarihi. III c. I. kısım. Ankara: TTK yayını, 1988. sh. 598.

Основные подходы к изучению шиитских общин в арабских странах: пример Ливанской Республики

Ключевые слова: Ливан, шиизм, Ближний Восток.

Рассмотрение международных процессов на Ближнем Востоке в контексте суннитно-шиитского противостояния заняло прочное место в риторике ученых, журналистов и политиков. Однако многие события объясняются не столько наличием внутрисламских противоречий, скорее стратегией отдельных общин с целью защиты или мобилизации. В данном контексте интересным представляется обзор основных академических подходов к изучению шиитских общин в арабских странах Ближнего Востока, в частности Ливане. Ливан – единственная страна, где конфессионализм закреплён институционально¹⁰¹. В этой стране с 1960-х гг. шииты из самой бедной и лишенной власти общины превратились в главную политическую силу. Пример Ливана показателен с точки зрения направлений шиитского активизма: одни обладают внутриванским генезисом, другие – продукт иранского влияния. В рамках данной статьи будет сделан обзор основных подходов к исследованию шиитской общины Ливана.

Основной вопрос, который задает себе почти каждый исследователь «шиитского фактора», – можно ли говорить о существовании общей политической или культурной идентичности шиитов на Ближнем Востоке? Многие политики и журналисты дают положительный ответ на этот вопрос, но академические работы ставят своей целью более глубокое понимание проблемы.

Интерес к шиизму в целом, как на Западе, так и в Советском союзе в 1980-х гг., стимулировался успехами Иранской революции. Шиизм рассматривался как религия протеста, несущая в себе большой революционный потенци-

¹⁰¹ Высшие посты могут занимать только представители определенных религий, а парламент избирается в соответствии с конфессиональными квотами.

ал. Многие пытались ответить на вопрос: почему именно шиитам удалось построить первое исламское государство современности.

Вопросы, связанные с историей шиизма, его догматикой и ролью в общественно-политической жизни были подробно рассмотрены в научных трудах отечественных и зарубежных исследователей-востоковедов: Е.А. Беляева¹⁰², Е.А. Дорошенко¹⁰³, А.И. Ионовой¹⁰⁴, З.И. Левина¹⁰⁵, И.П. Петрушевского¹⁰⁶, Л.Р. Полонской, С.М. Прозорова¹⁰⁷, М.Т. Степаняц¹⁰⁸, Ф.И. Хачима¹⁰⁹, Абдулазиза Сашеддина¹¹⁰, Саида Арджоманда¹¹¹, Никки Кедди¹¹², Роя Моттахедеха¹¹³, Хуана Коула¹¹⁴, Муджана Мумена¹¹⁵, Мартина Крамера¹¹⁶, Хейнца Хальма¹¹⁷, Итана Кольберга¹¹⁸, Девина Стюарта¹¹⁹, Хамида Дабаши¹²⁰ и других. Работы в основном касались шиитской теологии, Иранской революции 1979 г., концепций политической власти, хомейнизма и истории шиитской культуры. Значительное место в них занимали исследования Ирана и его социально-политической модели.

Существует несколько обобщающих работ, посвященных только шиитским арабским общинам. В 1999 г. вышла книга «Арабские шииты: забытые

¹⁰² Беляев Е.А. Мусульманское сектанство. – М. : Восточная литература, 1957. – 99 с.

¹⁰³ Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. – М. : ИВ РАН, 1998. – 237 с.

¹⁰⁴ Ислам на современном Востоке: проблемы политики, идеологии / Ред. Л.Р. Полонская, А.И. Ионова, А.А. Рогожин. – М. : Общество «Знание» РСФСР, 1980. – 45 с.

¹⁰⁵ Левин З.И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период. XIX–XX вв. – М. : Наука, 1993. – 245 с.

¹⁰⁶ Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках: курс лекций. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1966. – 398 с.

¹⁰⁷ Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. – М. : Восточная литература РАН, 2004. – 471 с.

¹⁰⁸ Степаняц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX–XX вв. – М. : Наука, 1982. – 246 с.

¹⁰⁹ Хачим Ф.И. Исламские концепции государственной власти: Монография. – М. : Изд-во РУДН, 1999. – 128 с.

¹¹⁰ Sachedina A.A. The Just Ruler in Shi'ite Islam. – NY. : Oxford University Press, 1988. – 281 p.

¹¹¹ Authority and Political Culture in Shi'ism / Ed. S.A. Arjomand Stony. – Brook : State University of New York Press, 1988. – 393 p.

¹¹² Keddie N.R. Religion and Politics in Iran: Shi'ism from Quietism to Revolution. – New Haven, CT : Yale University Press, 1983. – 258 p.

¹¹³ Mottahedeh R.P. The Mantle of the Prophet: Religion and Politics in Iran. – New York : Pantheon Books, 1985. 416 p.

¹¹⁴ Shi'ism and Social Protest / Eds. J.R. Cole & N.R. Keddie. – New Haven, CT : Yale University Press, 1986. – 325 p.

¹¹⁵ Momen M. An Introduction to Shi'i Islam: The History and Doctrines of Twelver Shi'ism. – New Haven, CT : Yale University Press, 1987. – 397 p.

¹¹⁶ Shi'ism, Resistance, and Revolution / Ed. M.S. Kramer. – Boulder, CO: Westview Press, 1987. – 324 p.

¹¹⁷ Halm H. Shiism: From Religion to Revolution. – Princeton : Markus Wiener Publishers, 1999. – 176 p.

¹¹⁸ Kohlberg E.A. Belief and Law in Imami Shi'ism. Aldershot : Variorum, 1991. – 339 p.

¹¹⁹ Stewart D.J. Islamic Legal Orthodoxy: Twelver Shiite Responses to the Sunni Legal System. – Salt Lake City : University of Utah Press, 1998. – 280 p.

¹²⁰ Dabashi H. Shi'ism: a Religion of Protest. – Cambridge, MA-London : The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. – 413 p.

мусульмане»¹²¹. Авторы: Грехам Фулер – бывший американский дипломат и вице-президент Национального разведывательного совета, Ренда Рахим Франке – президент Iraq Foundation, основанного в 1991 г. центра по продвижению демократии и гражданского общества в Ираке. Исследователи поставили себе целью выяснить, кто такие шииты, существует ли «шиитская проблема» и как Запад должен выстраивать свою политику на Ближнем Востоке с учетом шиитского фактора.

Тезис авторов заключается в том, что у шиитов гораздо больше оснований, чем у любых других сообществ Ближнего Востока добиваться демократизации и уважения прав человека. Если шиитские общины будут полностью интегрированы в социальную структуру Ирака, Саудовской Аравии, Бахрейна, отпадет необходимость в поиске внешнего защитника в лице Ирана, так как сами арабы-шииты не ассоциируют себя с Ираном. При этом враждебность по отношению к Западу может быть преодолена, если США не будет пренебрегать защитой прав человека на Ближнем Востоке. В частности, в Ираке США должны приветствовать представительную демократию как единственное решение на длительную перспективу: в тот момент, когда шииты Ирака получат политическую власть, основанную на их большинстве, Ирак вновь обретет статус шиитского религиозного центра и сможет соперничать с Ираном в области теологии.

Два примера на тот момент, когда шиитам относительно демократическим путем удалось получить более или менее равные права в обществе, – Кувейт и Ливан. Но в то же время эти примеры, согласно Г. Фулеру и Р.Р. Франке¹²², доказывают, что политические режимы на Ближнем Востоке должны подвергнуться определенного рода катаклизмам прежде, чем будет достигнута демократизация. Именно таким образом вторжение Саддама Хусейна в Кувейт и гражданская война в Ливане повлияли на мобилизацию шиитских общин этих стран.

Вторжение США в Ирак 2003 г. и последующие события изменили дискурс о шиитах на Ближнем Востоке. В 2004 г. Абдалла II ввел в оборот понятие «ши-

¹²¹ Fuller G.E., Francke R.R. *The Arab Shi'a: The Forgotten Muslims*. – NY: St. Martin's Press, 1999. –290 p.

¹²² Fuller G.E., Francke R.R. *The Arab Shi'a: The Forgotten Muslims*... P. 258.

итский полумесяц», в 2005 г. шиитская коалиция победила на выборах в Ираке, а в Ливане началась «кедровая революция» и с целью защиты своих и сирийских интересов активизировалась Хезболла. Ученые оперативно отреагировали на эти процессы, и уже в 2006 г. вышли две работы по международным отношениям в регионе. Это монографии Ицхака Накаша «Тяга к власти: шииты в современном арабском мире» и Вали Насра «Шиитское возрождение: как конфликты внутри ислама определяют будущее»¹²³. Если первый из них ограничился описанием мобилизационных процессов в шиитских общинах, то последний предрек перемещение центра силы на Ближнем Востоке в сторону шиитов. Согласно Вали Насру, несмотря на отсутствие идеи паншиизма, Ирак будет демонстративно оказывать воздействие на другие страны. В этом исследовании проведен анализ шиитского активизма на Ближнем Востоке от Ливана до Пакистана и рассмотрен исторический аспект формирования шиизма как идеологической системы. Но автор несколько упрощает региональные конфликты, подразумевая, что религиозная принадлежность составляет основной компонент идентичности народов Ближнего Востока и поэтому накладывает большой отпечаток на региональные политические процессы. Вали Наср использует утилитарный подход, пытаясь ответить на вопрос, насколько шиитское возрождение удовлетворяет интересам США. За это он подвергся критике. В частности, Хамид Дабаши, специалист по шиитской философии, обвинил его в оправдании политики США и продвижении дискурса «разделяй и властвуй»¹²⁴.

Профессор университета Sciences Po в Париже Лоуренс Лоуэр¹²⁵ использовала другой подход. Она исходит из тезиса, что «развитие шиитского политического ислама неразрывно связано с развитием духовенства. Поэтому он может быть исследован только через рассмотрение функционирования духовных институтов (*хавза*) и особенно концепции религиозной власти (*мар-джасия*)»¹²⁶. В своих монографиях она рассматривает долговременные транс-

¹²³ Nasr V. The Shia Revival: How Conflicts Within Islam Will Shape the Future. – NY : W.W. Norton & Company, 2006. – 310 p.

¹²⁴ Dabashi H. Shi'ism: a Religion of Protest. – Cambridge, MA-London : The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. – 413 p.

¹²⁵ Louër L. Transnational Shia Politics: Religious and Political Networks in the Gulf. – London : Hurst Publishers, 2012. – 342 p.

¹²⁶ Louër L. Shiism and politics in the Middle East. – Y. : Columbia University Press, 2012. – P. 5.

национальные связи шиитского духовенства, отличающегося высокой степенью мобильности. Она приходит к выводу, что сейчас политический шиизм расколот на проиранские и антииранские движения и Иран не является единственной моделью для шиитских исламских активистов.

Российские исследователи также обращаются к шиитскому фактору, но больше уделяют внимания международным отношениям и геополитике Ближнего Востока. Можно назвать такие имена, как А.А. Алиев¹²⁷, В.М. Ахмедов¹²⁸, А.А. Кузнецов¹²⁹, Г.И. Мирский¹³⁰, В.И. Сажин¹³¹, В.П. Юрченко¹³² и другие.

В недавней статье «О влиянии шиитско-суннитских противоречий на ближневосточную ситуацию» А.А. Кузнецов рассмотрел шиито-суннитское противостояние с геополитических позиций и пришел к выводу, что «шиитское возрождение»¹³³ способствовало усилению геополитического влияния Ирана. Это привело к противодействию Саудовской Аравии, являющейся на данный момент его главным стратегическим противником. И если до событий «арабской весны» «шиитскому революционному проекту Ирана противостояли теряющие популярность консервативные монархии и светские геронтократические режимы, то сейчас им на смену приходят суннитские исламисты, имеющие свой альтернативный политический проект»¹³⁴.

Обращаясь к ливанской шиитской общине, нужно отметить, что в отечественном востоковедении ей посвящено немного исследований. Это следствие того, что страна не является центром силы, а лишь отражает то, что происходит в регионе. Шиитский вопрос в Ливане затрагивают в своих исследованиях

¹²⁷ Алиев А.А. «Национальное» и «религиозное» в системе межгосударственных отношений Ирана и Ирака в XX в. – М. : ИНИОН РАН, 2006. – 397 с.

¹²⁸ Ахмедов В.М. Ливанская «Хезболла» как «центр силы» на Ближнем Востоке // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке (сборник статей). – М., 2001. – С. 11–33. URL: <http://middleeast.org.ua/research/livan.htm> (дата обращения: 16.10.2014).

¹²⁹ Кузнецов А.А. Шиизм: от эмира правоверных до аятоллы Хомейни. – М. : МГИМО-Университет, 2013. – 254 с.

¹³⁰ Мирский Г.И. Исламский фундаментализм, сунниты и шииты // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 9. – С. 3–15.

¹³¹ Сажин В.И. Ключ к перемирию в Ливане лежит в Тегеране / Институт Изучения Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/gus/stat/2006/10-08-06.htm> (дата обращения: 16.10.2014).

¹³² Юрченко В.П. О деятельности организации «Хезболла» / Институт Ближнего Востока. URL: www.iimes.ru (дата обращения: 01.05.2011).

¹³³ Термин «шиитское возрождение» как процесс изменения конфессионального баланса на Ближнем Востоке в 2000-е гг. был использован американским исследователем Вали Насром.

¹³⁴ Кузнецов А.А. О влиянии шиитско-суннитских противоречий на ближневосточную ситуацию // Вестник МГИМО. 2014. № 3 (36). URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/017_politologiya_04_kuznecovaa.pdf (дата обращения: 16.10.2014).

востоковеды – историки и политологи, занимающиеся Ливаном, его сложной политической системой, этноконфессиональным многообразием и соотношением политических сил: Ю.В. Агавельян¹³⁵, Л.Я. Дадяни¹³⁶, А.А. Волович¹³⁷, Е.Н. Мельников¹³⁸, С.Л. Стоклицкий¹³⁹, Г.П. Шайрян¹⁴⁰, В.С. Шевченко¹⁴¹.

Интерес к ливанской шиитской общине был вызван не только активной политической и военной деятельностью организации Хезболла. В 1967 г. был принят закон, определяющий систему управления шиитскими делами в Ливане и предусматривающий создание Верховного исламского шиитского совета. С тех пор влияние шиитов на социально-экономическую и политическую жизнь страны только росло. Они образовали большую общину в Бейруте, создали сеть культурных и образовательных учреждений, средств массовой информации. Большая часть работ носит политологический характер и стремится объяснить успехи Хезболлы и ее предшественников (партии АМАЛЬ, например) в мобилизации шиитов Ливана, но все больше исследователей стало обращаться к отдельным аспектам истории шиитской общины. Отдельные работы посвящены идеологиям и деятельности шиитских авторитетов Ливана. Появляется все больше работ социологического и антропологического характера, гендерных исследований.

Для начала рассмотрим основные направления изучения феномена Хезболлы во внутренней политике и на международной арене. Желание понять намерения партии и предсказать ее действия породило большое количество работ, которые сводятся к двум общим подходам.

Одни исследователи считают, что идеология Хезболлы претерпела серьезные изменения. Произошел процесс так называемой ливанизации¹⁴², в результате

¹³⁵ Агавельян Ю.В. Некоторые особенности этноконфессиональной и социальной структуры ливанского общества в 70-90-е годы // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (Новейшая история, экономика и политика). Вып. 3. – М., 1998. URL: www.iimes.ru (дата обращения: 03.04.2007).

¹³⁶ Дадяни Л.Я. Государственный строй Ливана. – М. : Юридическая литература, 1973. – 87 с.

¹³⁷ Волович А.А. Роль внешнего фактора в сирийско-ливанском кризисе / Институт Ближнего Востока. URL: www.iimes.ru (дата обращения: 01.05.2011).

¹³⁸ Мельников Е.Н. Политический и государственный строй Ливана. – М. : Наука, 1974. – 150 с.

¹³⁹ Стоклицкий С. Л. Ливан: тревоги и надежды. – М. : Наука, 1988. – 175 с.

¹⁴⁰ Шайрян Г.П. Этноконфессиональный конфликт. Ливан // Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. – М. : Наука, 1991. – 279 с.

¹⁴¹ Шевченко В.С. Гражданская война в Ливане (1975-1990 гг.) и роль Сирии в урегулировании конфликта. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2013. – 17 с.

¹⁴² См., например: Norton A.R. Hizballah of Lebanon: Extremist Ideals vs. Mundane Politics. – NY : Council of Foreign Relations, 1999. – 40 p.; Ranstorp M. Hizb'allah in Lebanon: The Politics of Western Hostage Crisis. – NY : Palgrave Macmillan, 1997. – 257 p.; Alagha J. The Shifts in Hizbullah's Ideology: Religious Ideology, Political

которой из вооруженной группировки времен гражданской войны возникла политическая партия, которая приняла условия игры ливанской политики. Революционные лозунги, призывающие к отмене конфессиональной политической системы, замене ее исламским государством по образцу Ирана, сменились прагматичной внутренней политикой, направленной на улучшение положения шиитской общины. Некоторые авторы предсказывали сворачивание боевой активности после вывода израильских войск с Юга Ливана в 2000 г.¹⁴³

Согласно второму подходу, цели Хезболлы не подвергаются ревизии со времен ее основания в 1980-х гг., меняются только способы их достижения. Партия последовательна в своем радикализме, но непоследовательна в идеологических высказываниях. Получение доступа к политической власти в Ливане не составляет цель Хезболлы. Она заинтересована в поддержании своей независимости от ливанского правительства, сохранении вооружений и продолжении борьбы против Израиля. Связь с Ираном служит доказательством тому, что у организации всегда будут внешние региональные цели. Израильский исследователь Шимон Шапира, отрицая переход Хезболлы к умеренности пишет, что «не Хезболла прошла процесс “ливанизации”, а Ливанское государство подверглось процессу “хезболлизации”»¹⁴⁴, признав легитимность деятельности партии.

Хезболла изначально интересовала в основном авторов, рассматривающих ее с точки зрения безопасности Израиля и западных континентов в Ливане. Можно назвать имена Мартина Крамера¹⁴⁵, Магнуса Рансторпа¹⁴⁶, Халы Джабер¹⁴⁷. Эти исследования связаны с изучением терроризма и насилия¹⁴⁸, в

Ideology, and Political Program. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2006. – 380 p.; *Cobban H.* The Shia Community and the Future of Lebanon // *Muslim World Today: American Institute for Islamic Affairs.* – Washington, D.C. 1985. – 12 p.; *Фалд А.* Хезболла уад-дауля аль-любнания: аль-мувайма бейна аль-истратиджия аль-ватания уад-дур аль-иклими // Мубадара аль-ислях аль-араби. Август 2006. № 11. URL: <http://www.arab-reform.net/ar/> (дата обращения: 10.09.2014).

¹⁴³ *Fuller G.E., Francke R.R.* The Arab Shi'a: The Forgotten Muslims. – С.249

¹⁴⁴ *Shapira S.* Has Hizbullah Changed? The 7th Hizbullah General Conference and Its Continued Ideology of Resistance / Jerusalem Center for Public Affairs. URL: [Hizbullah_General_Conference_and_Its_Continued_Ideology_of_Resistance](http://www.jcpa.org/pressroom/pressrelease.asp?id=101) (дата обращения: 01.05.2011).

¹⁴⁵ *Kremer M.* Hizbullah: The Calculus of Jihad // *Martin Kremer on the Middle East: Alternative readings of Islam and the Arab World.* URL: <http://www.martinkramer.org/> (дата обращения: 23.03.2011).

¹⁴⁶ *Ranstorp M.* Hizb'allah in Lebanon: The Politics of Western Hostage Crisis. – NY : Palgrave Macmillan, 1997. – 257 p.

¹⁴⁷ *Jaber H.* Hezbollah: Born with a Vengeance. – NY. : Columbia University Press, 1997. – 240 p.

них подвергается анализу военный аспект деятельности партии и во многом они полагаются на разведывательные данные. Данное направление сохраняется и сейчас, например, в работе Николаса Блендфорда, который изучает военный аспект деятельности Хезболлы, однако в более журналистском стиле (корреспондент the Daily Star и Christian Science Monitor)¹⁴⁹. Это направление популярно среди израильских ученых. После войны 2006 г. для них очень важно не только изучение стратегии Хезболлы и подсчет ее вооружений, но и построение теории ее сдерживания или уничтожения в обозримой перспективе. Назовем имена таких исследователей, как Шмуэль Бар¹⁵⁰, Шимон Шапира¹⁵¹, Ури Рассет, Заки Шалом¹⁵², Эйтан Азани¹⁵³ и др.

Одновременно с этим существуют политологические исследования формирования общностей закрытого типа, или «государства в государстве», на примере Хезболлы. Например, это работы Ваддаха Шарары о государстве Хезболлы¹⁵⁴. Он считает Хезболлу иранским сателлитом на территории Ливана. Аналогичную позицию занимает, например, российский исследователь В.И. Сажин¹⁵⁵, который сравнивает организацию и структуру Хезболлы с иранским Корпусом стражей исламской революции.

К концу 1990-х гг. стало очевидным противоречие между жесткой идеологией партии, сформулированной в «Открытом письме» 1985 г., и ее действиями в изменяющейся политической обстановке, например, участием в парламентских выборах 1992 г. и последующих годов. Профессор Бостонского

¹⁴⁸ Levitt M. Hezbollah. The Global Footprint of Lebanon's Party of God. – London : Hurst & Company, 2013. – 407 p.

¹⁴⁹ Blanford N. Warriors of God: Inside Hezbollah's Thirty-Year Struggle Against Israel. – NY : Random House, 2011. – 544 p.

¹⁵⁰ Bar S. Detering Nonstate Terrorist Groups: The Case of Hizballah / The Lauder School of Government, Diplomacy and Strategy, The Interdisciplinary Center, Institute for Policy and Strategy, Herzliya, Israel. URL: http://www.herzliyaconference.org/_Uploads/2828Hizballah.pdf (дата обращения: 30.04.2011).

¹⁵¹ Shapira S. Has Hizballah Changed? The 7th Hizballah General Conference and Its Continued Ideology of Resistance / Jerusalem Center for Public Affairs. URL: http://www.jcpa.org/JCPA/Templates/ShowPage.asp?DRIT=1&DBID=1&LANGID=1&TMID=111&FID=379&PID=1862&IID=3222&TTL=Has_Hizballah_Changed?_The_7th_Hizballah_General_Conference_and_Its_Continued_Ideology_of_Resistance (дата обращения: 01.05.2011).

¹⁵² Zaki S. Hizballah's Increased Strength: Risks and Opportunities for Israel / The Institute for National Security Studies. URL: <http://www.inss.org.il/research.php?cat=6&incat=&read=1824> (дата обращения: 01.05.2011).

¹⁵³ Azani E. Hezbollah. The Story of the Party of God: From Revolution to Institutionalization. – NY : Palgrave Macmillan, 2009. – 308 p.

¹⁵⁴ Шарара В. Даулят Хезболла: Любан муждтаман исламийан. – Бейрут : дар ан-нахар, 1998. – 416 с.

¹⁵⁵ Сажин В.И. Ключ к перемирию в Ливане лежит в Тегеране / Институт Изучения Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/10-08-06.htm>. (дата обращения: 10.09.2014)

университета Август Ричард Нортон в своих работах¹⁵⁶ ставил целью на основе истории партии показать рациональность принимаемых решений. Подобного подхода придерживалась Джудит Палмер Харик¹⁵⁷, которая задается вопросом, является ли Хезболла террористической организацией или легитимным движением сопротивления¹⁵⁸, но склоняется к первому ответу. В работах ртона и Харик Хезболла рассматривается как рациональный актор.

Поскольку стандартные политологические методы, используемые для анализа партий западного образца, не подходят или лишь частично применимы к изучению Хезболлы, исследователи стали прибегать к постмодернистским методологиям, отказываясь от попыток описать структурно-функциональные аспекты деятельности организации и четко определить ее интересы. В 2000-х гг. появилось значительное количество работ, авторов которых больше интересовали внутренние культурные и социальные процессы в Хезболле, соотношение политики и религии, значение для ее последователей таких концепций, как джихад, *вилаят аль-факих* (правление законоведов), *халя ль-исламийя* (исламская сфера) и *муджтамаа аль-мукавама* (общество сопротивления). Эти работы критично относились к присваиванию Хезболле ярлыков «терроризм» и «ливанизация». В частности, это работы Моны Харб и Рейнольда Линдерса¹⁵⁹ и Амаль Саад-Гороиб. Последняя в книге «Хезболла: политика и религия» сделала попытку проанализировать деятельность организации, не давая ей оценки с точки зрения прагматизма или радикализма.

Этот тренд совпал с более активными попытками самой Хезболлы объяснить миру, что она есть на самом деле. В 2005 г. на английском языке вышла книга заместителя генерального секретаря Хезболлы Наима Кассема «Хезболла: история изнутри»¹⁶⁰.

¹⁵⁶ Norton A.R. Hizballah of Lebanon: Extremist Ideals vs. Mundane Politics. – NY : Council of Foreign Relations, 1999. – 40 p.

¹⁵⁷ Harik J.P. Hezbollah: The Changing Face of Terrorism. – London : IB Tauris, 2004. – 241 p.

¹⁵⁸ *Аль-мукавама аль-исламийя фи лубнан* (Исламское сопротивление в Ливане) – сформулированная Хезболлой основная цель движения, заключающаяся в освобождении территории Ливана от оккупации израильскими войсками в результате операции «Мир Галилее» (первая ливанская война) в 1982 г. Часто термином «Исламское сопротивление» называют военное крыло Хезболлы

¹⁵⁹ Harb M. and Leenders R. Know thy enemy: Hizballah, 'terrorism' and the politics of perception / Third World Quarterly. Vol. 26. 2005. No. 1. – P. 173–197.

¹⁶⁰ Qassem N. Hizballah: The Story from Within. – London: SAQI, 2005. – 284 p.

Ахмад Низар Хамзеха в книге «По пути Хезболлы»¹⁶¹ анализирует структуру управления партией и приходит к выводу, что существенная роль в ней религиозных муджахидов ведет к большей ее гибкости, но цель в виде установления исламского порядка не изменяется. Джозеф Алагда¹⁶², наоборот, прослеживает изменения в идеологии и программе Хезболлы от джихадистского движения к политической партии. Хотя в 2011 г.¹⁶³ он отошел от концепции идеологического сдвига и стал анализировать процесс конструирования идентичности, суть осталась в изменениях, которые партия претерпевала на протяжении своей истории. После окончания гражданской войны Хезболла совершила переход от маргинализации к интеграции (*инфитах*), а от исламизации к ливанизации, провозглашая утилитарную, практическую политическую линию. Алагда использует методологию, разработанную Мануэлем Кастельсом. Согласно этой теории взаимодействие акторов в определенной социальной структуре не только воспроизводит эту структуру, но и видоизменяет ее – так формируются социальные идентичности. Идентичности сами по себе становятся источником значения для социальных акторов. Таким образом, идентичность Хезболлы прошла путь от идентичности сопротивления (*resistance identity*) к проектируемой идентичности (*project identity*). Идентичность сопротивления возникает у социальных акторов, которые формируют механизмы выживания на основе принципов, не соответствующих господствующим в данном обществе. Проектируемая идентичность сознательно конструируется социальной группой, чтобы заново определить свое место в обществе и изменить существующую структуру социальных отношений.

Интересный подход к изучению идеологии Хезболлы использует Башир Сааде¹⁶⁴. Он исходит из постмодернистской идеи, что знаки и символы оказывают влияние на политические и социальные действия, и использует декон-

¹⁶¹ Hamzeh A.N. In the path of Hizbullah. – NY : Syracuse University Press, 2004. – 196 p.

¹⁶² Alagha J. The Shifts in Hizbullah's Ideology: Religious Ideology, Political Ideology, and Political Program. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2006. – 380 p.

¹⁶³ Alagha J. Hizbullah's Identity Construction. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2011. – 308 p.

¹⁶⁴ Saade B. Writing Nations: Hizbullah and the Politics of Remembering: PhD Thesis. – London : King's College, 2011. – 148 p.

структивистский метод, согласно которому любой артефакт получает статус текста и подлежит текстуальной интерпретации. Он анализирует книги, СМИ, видеоролики, песни, стихи, художественную литературу и т.д. и приходит к выводу, что партия никогда не имела и не нуждалась во всеобъемлющей политической идеологии. Вместо нее существуют определенные шаблоны (templates, writing strategies) подачи информации, которым следуют все связанные с партией интеллектуалы. Основным элементом этого дискурса, который они воспроизводят, выступает политика воспоминания (politics of remembering) и обращения к истории. Любые попытки Хезболлы описать собственную идеологию и определить идентичность сводятся к рассказыванию истории исламского сопротивления в Ливане. Именно поэтому, с точки зрения Сааде, Хезболла никогда не отказывалась от своих прежних революционных лозунгов, а программа партии, касающаяся экономических и социальных реформ, относительно неразвита и является вспомогательной по отношению к сопротивлению.

Отметим некоторые направления исследований, не связанных с Хезболлой и посвященных вопросам жизни и истории шиитской общины Ливана.

В своей книге «Шиитский Ливан: транснациональная религия и создание национальных идентичностей» Р. Шэри-Айзенлор¹⁶⁵ ставит целью показать, что политическая и религиозная деятельность шиитской общины Ливана (начиная с 1960-х гг.) не противоречит ливанскому национализму, а транснациональные связи с Ираном лишь помогли артикулировать новый шиитоцентричный национальный дискурс. Шиизм рассматривается, с одной стороны, как знак принадлежности к широкой транснациональной общности, а с другой – как важный фактор, формирующий групповую идентичность и интересы в рамках государства. Тезис автора заключается в наличии трех конкурирующих видов ливанского шиитского национализма, создаваемого партией АМАЛЬ, Хезболлой и последователями учения Хусейна Фадлаллы¹⁶⁶. В их основании лежит различное отношение к Ирану. Р. Шэри-Айзенлор использует методологию социального антрополога Фредерика Барта, согласно которой

¹⁶⁵ Shaery-Eisenlohr R. Shi'ite Lebanon: Transnational Religion and the Making of National Identities. – NY : Columbia University Press, 2008. – 288 p.

¹⁶⁶ Подробно см., например: Sankari J. Fadlallah. The Making of a Radical Shi'ite Leader. – London : SAQI, 2005. – 397 p.

так называемые “этнические предприниматели” помогают конструировать групповые отличия, выстраивать границы и тем самым формировать ощущение общности. Шэри-Айзенлор уделяет внимание не только религиозным шиитским лидерам (Мусе ас-Садру, Хуссейну Фадлалле, Хасану Насралле и др.), но и светским политическим фигурам, которые ставили своей целью преодоление маргинального положения общины в жизни страны. Основой ее исследования стал анализ стереотипов восприятия шиитов ливанцами, анализ системы начального образования, преподавания религии и фарси, иранской культурной политики в Ливане и спектра отношений к палестинской проблеме, существующих в ливанском обществе.

Исторические исследования шиитской общины немногочисленны. В летописях и хрониках путешественников шиитская община всегда упоминалась вскользь. Тем более необходимо изучение существующих источников и введение в научный оборот новых документов для понимания процессов превращения шиитов в влиятельную и сплоченную общину. Назову три новые работы. Стефан Винтер¹⁶⁷ обращается к истории шиитов Ливана в османский период. Он демонстрирует, каким образом местные шииты были интегрированы в османскую систему управления и как их положение было подорвано в XIX в. усилением друзов и маронитов. Тамара Чалаби¹⁶⁸ обращается к периоду формирования современного Ливана в первой половине XX в. Основываясь на материалах архивов и библиотеках Юга Ливана, она прослеживает, как отдельные группировки внутри шиитской общины лавировали между силами, представлявшими арабский национализм, французскими мандатными властями и ливанскими националистами. Роберт Шанаган¹⁶⁹ совместил исторический подход с политологией: его работа посвящена изучению проблем политического лидерства в шиитской общине в XIX–XX вв.

Актуальным направлением исследований представляется изучение деятельности отдельных шиитских религиозных и светских лидеров. В основном

¹⁶⁷ Winter S. *The Shiites of Lebanon under Ottoman Rule, 1516–1788*. – NY : Cambridge University Press, 2010. – 204 p.

¹⁶⁸ Chalabi T. *The Shi'is of Jabal 'Amil and the New Lebanon. Community and Nation State 1918-1943*. – NY : Palgrave Macmillan, 2006. – 227 p.

¹⁶⁹ Shanahan, R. *The Shi'a of Lebanon: Clans, Parties and Clerics*. – London–NY : Tauris Academic Studies, 2005. – 220 p.

внимание уделяется Мусе ас-Садру, Хусейну Фадлалле, Хасану Насралле, Набиху Берри и Мухаммаду Махди Шамседдину. Их биографии издаются как на арабском, так и на английском языках, так как могут быть интересны широкому кругу читателей. Хусейн Фадлалла считается шиитским исламским мыслителем мирового уровня, а его идеи известны за пределами Ливана: он был исламистом и сторонником создания исламского государства, но не соглашался с теорией аятоллы Хомейни, делая акцент на исламском универсализме. Муса ас-Садр сыграл важную роль в мобилизации шиитской общины, перестройке ее системы лидерства и выстраивания отношений с другими конфессиями страны. Несколько лет назад в Казанском федеральном университете был издан перевод избранных лекций Мусы ас-Садра¹⁷⁰.

Последним направлением, о котором хотелось бы упомянуть в данном обзоре, являются социологические и антропологические исследования. Особый интерес отмечается к изучению обычаев празднования Ашуры: ухода от квиетистского его понимания к революционному как общей тенденции развития шиизма и трансформации традиций в отдельной общине¹⁷¹.

На стыке социологии, гендерных исследований и урбанистики находятся работы Лары Диб. Одна из них посвящена шиитским мусульманкам и их пониманию своей религиозности с одной стороны и космополитизма и современности – с другой¹⁷². Лара Диб и Мона Харб в совместной работе исследуют, как молодое поколение мусульман в шиитском Южном Бейруте с 2000-х гг. совмещает религиозность с тягой к новым развлечениям и новшествам, которые им предлагает XXI век? Они рассматривают, как городское пространство влияет на эти процессы и каким образом представители Хезболлы стараются больше вовлечь молодежь в политическую жизнь, а религиозные лидеры – сохранить их исламский моральный облик¹⁷³.

¹⁷⁰ Религии на службе человека / Имам Муса Садр. пер. И. Гибадуллина. – М. : Восточная книга, 2009. – 192 с.

¹⁷¹ Deeb L. Living Ashura in Lebanon: Mourning Transformed to Sacrifice // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 25.1. 2005. – P. 122–137.

¹⁷² Deeb L. An Enchanted Modern: Gender and Public Piety in Shi'i Lebanon. – NJ : Princeton University Press, 2006. – 288 p.

¹⁷³ Deeb L., Harb M. Leisurely Islam: negotiating geography and morality in Shi'ite South Beirut. – NJ: Princeton University Press, 2013. – 304 p.

Таким образом, можно отметить растущий интерес к шиитской общине Ливана как в контексте региональных процессов на Ближнем Востоке, так и в исследовании внутренней политики этой страны. Это обусловлено стремительной трансформацией, произошедшей с этой общиной во второй половине XX в.: из неактивной в политическом плане конфессиональной группы она превратилась в организованную общность, отстаивающую свои социально-политические интересы. Несмотря на наличие уникальных особенностей, опыт изучения социальных связей, религиозных символов и идеологий, используемых для мобилизации шиитской общины Ливана, может быть использован для анализа шиитских общин в других арабских странах.

Список литературы

Наблуси С. Киям таифа...имам Муса ас-Садр. Бейрут: Ширкат уль-матбуат литаузия ваннашар, 2011. 442 с.

Религии на службе человека / Имам Муса Садр. пер. И. Гибадуллина. М.: Восточная книга, 2009. 192 с.

Руфаат С.А. Хасан Насралла: саир мин аль-джунуб. Дамаск, Каир: Дар аль-киتاب, 2003. 351 с.

Фаяд А. Хезболла уаад-дауля аль-любнания: аль-муваима бейна аль-истратиджия аль-ватания уаад-дур аль-иклими / мубадара аль-ислях аль-араби. Август 2006. No 11. С. 3. URL: <http://www.arab-reform.net/ar/> (дата обращения: 16.10.2014).

Шарапа В. Даулят Хезболла: Любнан муджтамаан исламийан. Бейрут: дар ан-нахар, 1998. 416 с.

Ajami F. The Vanished Imam: Musa al Sadr and the Shia of Lebanon. Ithaca–London: Cornell University Press, 1986. 228 p.

Alagha, J. Hizbullah's Identity Construction. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011. 308 p.

Alagha, J. The Shifts in Hizbullah's Ideology: Religious Ideology, Political Ideology, and Political Program. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2006. 380 p.

Azani E. Hezbollah: The Story of the Party of God: From Revolution to Institutionalization. NY: Palgrave Macmillan, 2009. 308 p.

Blanford N. Warriors of God: Inside Hezbollah's Thirty-Year Struggle against Israel. NY: Random House, 2011. 544 p.

- Chalabi T.* The Shi'is of Jabal 'Amil and The New Lebanon: Community and Nation State 1918–1943. NY: Palgrave Macmillan, 2006. 227 p.
- Cobban H.* The Shia Community and the Future of Lebanon / Muslim World Today: American Institute for Islamic Affairs, Washington, D.C. 1985. 12 p.
- Cole J.* Sacred Space and Holy War: The Politics, Culture and History of Shi'ite Islam. London–NY: I.B. Tauris Publishers, 2009. 254 p.
- Dabashi H.* Shi'ism: a Religion of Protest. Cambridge–London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 413 p.
- Deeb L.* An Enchanted Modern: Gender and Public Piety in Shi'i Lebanon. NJ: Princeton University Press, 2006. 288 p.
- Deeb L., Harb M.* Leisurely Islam: negotiating geography and morality in Shi'ite South Beirut. NJ: Princeton University Press, 2013. 304 p.
- Distant Relations: Iran and Lebanon in the Last 500 Years / Ed. H. Chelabi.* London: I.B. Tauris, 2006. 322 p.
- Fuller G.E., Francke R.R.* The Arab Shi'a: The Forgotten Muslims. NY: St. Martin's Press, 1999. 290 p.
- Hamzeh A.N.* In the path of Hizbullah. NY: Syracuse University Press, 2004. 196 p.
- Harik J.P.* Hezbollah: The Changing Face of Terrorism. London: I.B. Tauris, 2004. 241 p.
- Hazan Y.* The Shiite Community in Lebanon: From Marginalization to Ascendancy / Middle East Brief, June 2009, No. 37. Waltham, MA: Crown Center for Middle East Studies. Brandeis University. URL: <http://www.brandeis.edu/crown/publications/meb/MEB37.pdf> (дата обращения: 16.10.2014).
- Jaber H.* Hezbollah: Born with a Vengeance. NY: Columbia University Press, 1997. 240 p.
- Kramer M.* The Moral Logic of Hizbullah // Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind / Ed. Walter Reich. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 131–157.
- Levitt M.* Hezbollah: The Global Footprint of Lebanon's Party of God. London: Hurst & Company, 2013. 407 p.
- Louër L.* Shiism and politics in the Middle East. NY: Columbia University Press, 2012. 154 p.
- Louër L.* Transnational Shia Politics: Religious and Political Networks in the Gulf. London: Hurst Publishers, 2012. 342 p.
- Nasr V.* The Shia Revival: How Conflicts Within Islam Will Shape the Future. NY: W.W. Norton & Company, 2006. 310 p.
- Nir O.* Nabih Berri and Lebanese Politics. NY: Palgrave Macmillan, 2011. 226 p.
- Norton A.R.* Amal and the Shi'a: Struggle for the Soul of Lebanon. Austin: University of Texas Press, 1987. 238 p.

- Norton A.R.* Hizballah of Lebanon: Extremist Ideals vs. Mundane Politics. NY: Council of Foreign Relations, 1999. 40 p.
- Norton R.* Hezbollah: A Short History. NJ: Princeton University Press, 2007. 199 p.
- Qassem N.* Hizballah: The Story from Within. London: SAQI, 2005. 284 p.
- Rabil R.G.* Religion, National Identity, and Confessional Politics in Lebanon: The Challenge of Islamism. NY: Palgrave Macmillan, 2011. 213 p.
- Ranstorp M.* Hizb'allah in Lebanon: The Politics of Western Hostage Crisis. NY: Palgrave Macmillan, 1997. 257 p.
- Saad-Ghorayeb A.* Hizbu'llah: Politics and Religion. London: Pluto Press, 2002. 254 p.
- Sankari J.* Fadlallah: The Making of a Radical Shi'ite Leader. London: SAQI, 2005. 397 p.
- Shaery-Eisenlohr R.* Shi'ite Lebanon: Transnational Religion and the Making of National Identities. NY: Columbia University Press, 2008. 288 p.
- Shanahan R.* The Shi'a of Lebanon: Clans, Parties and Clerics. London–NY: Tauris Academic Studies, 2005. 220 p.
- Wärn M.* Staying the Course: the “Lebanonization” of Hizbollah – the integration of an Islamist movement into a pluralist political system / Al-Mashriq. URL: <http://almashriq.hiof.no/lebanon/300/320/324/324.2/hizballah/warn2/index.html> (дата обращения: 24.05.2011).
- Weiss M.* In the shadow of sectarianism: law, Shi'ism, and the making of modern Lebanon. Cambridge, MA–London: Harvard University Press, 2010. 341 p.
- Winter S.* The Shiites of Lebanon under Ottoman Rule, 1516–1788. NY: Cambridge University Press, 2010. 204 p.

**Ислам в Китае,
китайско-арабские отношения,
политика Китая в отношении государств Арабского Востока:
отечественная историография конца XX – начала XXI вв.**

Ключевые слова: китайско-арабские отношения, Китай, КНР, Арабский Восток, историография.

Статья посвящена описанию историографии работ по исламу в Китае, китайско-арабским отношениям, политике Китая в отношении государств Арабского Востока. Цель работы – создание, насколько это возможно, полной картины выхода в свет научной литературы по указанной проблематике в России за период конца XX – начала XXI вв.

Выбор обозначенной группы вопросов и сведение их в единую работу обусловлен, с одной стороны, логической связью и отсутствием их чёткого разграничения в рамках отечественных (и не только) исследований. С другой стороны, возникающей необходимостью провести грань между этими связанными друг с другом объектами исследования. В свою очередь историография этих вопросов за рассматриваемый период представляет особый интерес в связи с потребностью выяснить наличие работ в максимальной степени отражающих не только исторические процессы, но и современное состояние.

Порядок изложения соответствует трём обозначенным в заголовке вопросам.

I

Начнём с рассмотрения научных публикаций об исламе в Китае.

Во-первых, упоминается заслуживает интересный раздел из энциклопедического словаря «Китайская философия»¹⁷⁴, принадлежащий перу известного

¹⁷⁴ Китайская философия. Энциклопедический словарь / Под ред. М.Л. Титаренко. – М. : Мысль. 1994. – 573 с. – С. 139-140.

специалиста по исламу в Китае В.С. Кузнецова (ИДВ РАН). В работе им были использованы материалы членов Российской духовной миссии в Пекине, в частности архимандрита Палладия (Кафарова)¹⁷⁵, В.П. Васильева¹⁷⁶, а также западных и китайских исследователей. В целом и хронологические рамки использованной литературы, и сама дата издания словаря ограничивает представленный материал периодом с VI и по первую половину XX в. включительно.

В.С. Кузнецов является и автором крайне интересной расширенной версии, представленной им во втором томе фундаментальной серии «Духовная культура Китая» - «Мифология. Религия», изданном в 2007 г. в Институте Дальнего Востока под редакцией М.Л. Титаренко¹⁷⁷.

Отметим, что сам жанр указанных выше словарных статей делает содержащийся в них крайне интересный материал кратким и наводит на мысль о необходимости более подробного освещения этой темы.

В какой-то мере этот недостаток восполняет масштабный трёхтомный труд В.С. Кузнецова «Ислам в политической истории Китая»¹⁷⁸, вышедший в 1996 г. небольшим тиражом всего в 100 экземпляров. Как пишет автор «в монографии рассматривается роль исламского фактора в политической истории Китая на протяжении периода с VIII по 1949 г. нынешнего столетия (XX в. – примеч. М.П.)...предмет нашего изучения составляет проявление исламского феномена в социальной жизни китайского государства и политика последнего в отношении ислама как такового и его адептов. Другие аспекты... как-то: культовые особенности ислама в Китае духовное наследие китайских мусульман и соотношение его к культуре Китая, внутренняя жизнь мусульманской общины и т.д. выходят за рамки данного исследования»¹⁷⁹. Очевидно, что сама постановка вопроса монографии направила изложение в русло описания национально-освободительной борьбы малых народностей Китая, исповедующих ислам за период правления династии Цин и с Синьхайской революции до

¹⁷⁵ Палладий (Кафаров), архимандрит. Китайская литература магометан/ Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Б.м., 1877; (Кафаров) Палладий, архимандрит. О магометанах в Китае/ Труды членов российской духовной миссии в Пекине. IV. 1866.

¹⁷⁶ Васильев В.П. Открытие Китая. – СПб, 1900. – С. 106-138.

¹⁷⁷ Там же. С. 318-325.

¹⁷⁸ Кузнецов В.С. Ислам в политической истории Китая. – М. : ИДВ РАН, 1996.

¹⁷⁹ Там же. – С. 2-3.

образования КНР в 1949 году. «Доцинскому периоду истории» посвящено около 2, 5 % изложения. Тогда как задачи рассмотрения истории ислама в КНР автором не ставилось. При этом В.С. Кузнецов предлагает нашему вниманию серьёзную библиографию, в том числе включающую работы западных и китайских исследователей, которая, несомненно, является мощным подспорьем, для тех, кто занимается аналогичной проблематикой в расширительном ключе.

Логическим продолжением работ В.С. Кузнецова стала монография: «Ислам в общественно-политической жизни КНР», вышедшая в Институте Дальнего востока РАН в 2002 г.¹⁸⁰ и статья «У мусульман Китая»¹⁸¹.

Нельзя не упомянуть и о кратком разделе «Ислам в Китае», представленном в труде известного отечественного китаеведа В.В. Малявина «Китайская цивилизация»¹⁸². Глава представляет несомненный интерес, но не только не повествует о развитии ислама в Китае во второй половине XX в., но и не содержит никаких библиографических ссылок полезных при дальнейшем исследовании. Это связано форматом научно-популярного издания. Сама представленная информация, очевидно, имеет в своей основе другие источники, нежели работы В.С. Кузнецова, успешно дополняя их.

Значительно больший интерес для исследователя представляет другая работа В.В. Малявина об исламе в Китае, написанная в рамках коллективной монографии «Очерки истории исламской цивилизации»¹⁸³. В ней рассмотрено деление китайских мусульман на группы, история становления ислама в Китае. В отдельных подразделах автор акцентировал внимание на стимулирующем факторе торговли в истории связей Китая с исламскими странами, взаимодействии мусульман с государственными структурами, особенностях мусульманских общин Китая и на антиисламских движениях в истории Китая.

Другая книга, в которой затронута редкая для российских исследований проблематика китайских мусульман – работа Завьяловой О.И. (ИДВ РАН)

¹⁸⁰ Кузнецов В.С. Ислам в общественно-политической жизни КНР. М. : ИДВ РАН, 2002.

¹⁸¹ Кузнецов В.С. У мусульман Китая // Азия и Африка сегодня, 2010. № 3.

¹⁸² Малявин В.В. Китайская цивилизация. – М. : Дизайн. Информация. Картография. Астрель. АСТ. 2001. – 632 с. – С. 289-292.

¹⁸³ Очерки истории исламской цивилизации / под общ. Ред. Ю.М. Кобищанова. – М. : РОССПЭН, 2008. – 936 с.

«Диалекты китайского языка»¹⁸⁴. В ней не только содержатся важные сведения о религиозной и этнической принадлежности этой группы китайского населения, но и есть небольшой уникальный в российском востоковедении раздел про письменность и религиозную литературу китайских мусульман. Завьялова О.И. высвечивает уникальность культуры, литературы, и особенно языковых особенностей этой группы населения Китая. Рассказывает о своеобразной письменности китайских мусульман – «исытифэй». Она придаёт особое значение важнейшему (в том числе в политическом плане) фактору генезиса различных групп китайских мусульман, разделяя их на так называемые «внутреннюю» и «внешнюю» ветви. В целом обозначенный раздел её монографии даёт основу для дальнейших разработок в указанной области.

Логическим продолжением её исследований стало создание труда «Большой мир китайского языка»¹⁸⁵, где представлен тематический раздел, посвящённый сино-исламской традиции и дунганам, а также статья «Китайские мусульмане хуэйцзу: язык и письменные традиции»¹⁸⁶.

О.И. Завьялова приняла участие в подготовке ко второму изданию книги под названием «Дунганские народные сказки и предания»¹⁸⁷, вышедшей ещё более ограниченным тиражом в 300 экземпляров. В работе представлены народные сказки потомков говорящих на китайских диалектах мусульман хуэй, переселившихся на территорию Российской империи во второй половине XIX в. История создания этого труда заслуживает внимания: «Книга «Дунганские народные сказки и предания» впервые была издана Главной редакцией восточной литературы издательства Наука в 1977 г., в серии «Сказки народов мира»... Большую часть текстов в 50-60 гг. записали у дунганских сказителей и перевели их на русский язык в те годы еще только начинающие молодые ученые, ставшие впоследствии известными специалистами. Это выдающийся отечественный синолог, один из крупнейших специалистов по мифологии и литературе Китая и других стран Дальнего Востока и Центральной Азии Борис

¹⁸⁴ Завьялова О.И. Диалекты китайского языка. – М. : Научная книга, 1996. – 207 с.

¹⁸⁵ Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. – М. : Восточная книга, 2014. – 320 с.

¹⁸⁶ Завьялова О.И. Китайские мусульмане хуэйцзу: язык и письменные традиции // Проблемы Дальнего Востока, 2007. № 3. – С. 153-161.

¹⁸⁷ Дунганские народные сказки и предания / запись текстов и перевод Б.Л.Рифтина, М.А.Хасанова, И.И. Юсупова. – 2-е изд. – М. : Восточная литература, 2013.

Львович Рифтин (1932-2012) и два дунганских ученых – литературовед, знаток дунганского фольклора, сотрудник Отдела дунгановедения НАН КР Махмуд Ахмедович Хасанов (1932-1977) и известный в Киргизии и Казахстане историк, профессор Ильяс Исмаилович Юсупов (1930-2005)»¹⁸⁸.

Редкая для отечественных исследований развития ислама в Китае во второй половине XX века информация представлена в монографии Комиссии И.Н. «Мусульманские организации Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии»¹⁸⁹ где она коротко, буквально на нескольких страницах, рассказала об исламских организациях в КНР.

В статьях Пахомовой М.А. рассматривается вопрос диалога КНР и Организации Исламского сотрудничества (ОИС) с середины XX в. по 2012 г. Указано, что важнейшим предметом отношений в подобном формате являются ислам в Китае и развитие мусульманских регионов КНР. Сами же контакты с ОИС и развитие исламской культуры в КНР служат внешнеполитическим инструментом Китая по упрочению разносторонних связей с исламскими странами на дружественной основе¹⁹⁰.

В 2014 году вышла неоднозначная работа «Межконфессиональное согласие Китая и исламского мира и его роль в решении задач энергетической безопасности страны»¹⁹¹, в которой автор утверждает, что основой успешного развития отношений со стороны КНР стали «конфуцианские» основы «коммунистического Китая»¹⁹², а со стороны государств исламского мира - «...мусульманские богословы всегда признавали великие качества китайской цивилизации»¹⁹³, приводя в доказательство «в памятнике IX в., составленным выдающимся богословом Аль-Бухари, «Ас-Сахих» имеются строки призывающие мусульман «за знаниями не лениться идти даже в далёкий

¹⁸⁸ См. о презентации второго издания этой книги. URL : <http://il.rsuh.ru/news.html?id=2632405> (дата обращения: 09.09.2014).

¹⁸⁹ *Комиссия И.Н.* Мусульманские организации Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. – М. : Российский институт стратегических исследований, 2009. – 236 с.

¹⁹⁰ *Пахомова М.А.* Китайская дипломатия в исламском мире // Общество и государство в Китае. – М. : ИВ РАН, 2012. Том 2. – С. 373-384; *Пахомова М.А.* КНР и арабские страны ОИС: характер взаимодействия// М. : Восток, 2014. № 3. – С. 60-66.

¹⁹¹ *Ким В.С.* Межконфессиональное согласие Китая и исламского мира и его роль в решении задач энергетической безопасности страны // Вестник Челябинского государственного университета, 2014. № 14 (343). – С. 55-61.

¹⁹² Там же. С. 55.

¹⁹³ Там же.

Китай»¹⁹⁴. Что, однако, дискусионно. Например, И.Ю. Крачковский считал, что у Аль-Бухари и в других арабских географических трудах упоминание о Китае (и Японии) означало «бесконечно далеко»¹⁹⁵. Так что значение этой фразы, вероятно, сходно с принятым у нас фразеологизмом «ищите и найдёте». О «признании величия китайской цивилизации»¹⁹⁶ говорить сложно. Как повлияло на отношения (особенно в области поставок энергоресурсов) то, что «исламский мир и Китай сблизало обоюдное уважительное отношение к письменному знаку...»¹⁹⁷ и битва на р. Талас (751 г.) утверждать ещё труднее. Последнее – несколько политизировано. В статье утверждается, что «на выбор китайской компании в качестве подрядчика (имеется ввиду строительство железной дороги между Меккой и Мединой – М.П.) повлияло исторически сложившееся конфуцианско-исламское взаимопризнание»¹⁹⁸, о котором вряд-ли может идти речь в историческом масштабе. Автор приходит к интересному выводу, о существовании «исторически сложившемся разделении сфер религиозного влияния между конфуцианством и исламом, водороздел которого (по территории КНР – М.П.) пришёлся на территорию современного Синьцзян-уйгурского автономного района». Оставим за рамками вопрос о том, религия ли конфуцианство. Автор утверждает, что «особую актуальность вопрос взаимоотношений Китая и исламского мира приобрёл в 80-х гг. XX в.», объясняя это недостатком нефтяных ресурсов¹⁹⁹. Подобная позиция представляется излишне упрощённой, тем более для автора рассуждающего о «цивилизации». Автор ставит вопрос о «возможности китайско-исламского симбиоза»²⁰⁰, не конкретизируя этого понятия даёт отрицательный ответ, но предлагая интересное направление для размышлений.

Несмотря на обозначенные выше вопросы тематика, поднятая в статье интересна и заслуживает осмысления.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же. С. 55.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же. С. 58.

¹⁹⁹ Там же. С. 56.

²⁰⁰ Там же. С. 60.

II

Переходя к рассмотрению историографии второго вопроса – отношений КНР со странами Арабского Востока - отметим, что за период, которым ограничиваются хронологические рамки данной работы, эта проблематика была затронута в ряде статей и упоминалась в нескольких монографиях. Специального исследования на эту тему в России издано не было.

Интерес к китайско-арабским отношениям со стороны российских исследователей резко возрос в середине 2000-х. Очевидна связь с активизацией китайско-арабского сотрудничества, пришедшейся на период первого десятилетия XXI в. Это было продиктовано несколькими факторами. При председательстве Ху Цзиньтао Пекин резко активизировал арабское направление своей внешней политики. В 2004 г. были провозглашены новые принципы китайско-арабского сотрудничества. Разнообразные показатели взаимодействия между странами возросли необычайными темпами. С другой стороны, на период с 2000 по 2014 г. пришлось значительное количество вспышек нестабильности в арабском регионе.

Вышесказанное вызвало интерес российских исследователей в четырёх плоскостях: 1. Изучение непосредственно китайско-арабских отношений, особенно в сфере поставок энергоресурсов в Китай; 2. Исследование сотрудничества и конкуренции Китая с другими крупными мировыми державами на Арабском Востоке; 3. Из возросшей зависимости Китая от положения дел на Ближнем Востоке проистекает и интерес исследователей к влиянию китайской дипломатии на урегулирование ситуации в этом нестабильном регионе; 4. Некоторые авторы попытались оценить перспективы сотрудничества России и Китая на арабском направлении.

В 2004 г. вышла обстоятельная статья А.А. Валовича «Китай на энергетическом рынке Ближнего Востока»²⁰¹. Автор проанализировал отношения между Пекином и государствами Ближнего Востока, в том числе арабскими, в области поставок энергоресурсов в КНР, привёл прогноз роста объёмов поставок, а также затронул возможные перспективы взаимодействия КНР и США на

²⁰¹ Валович А.А. Китай на энергетическом рынке Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3299> (дата обращения: 23.12.2010).

ближневосточном энергетическом рынке. В статье кратко рассмотрены отношения с основными поставщиками энергоресурсов в Китае: Саудовской Аравией, Кувейтом, Суданом, Ираком, Сирией, Ливией, Алжиром, а также Египтом-важным политическим партнёром.

В 2007 г. увидела свет работа Г.Г. Косача «Иностранные инвестиции в Саудовской Аравии: Китай и Япония лидируют»²⁰². В ней наглядно показан процесс растущей экономической взаимозависимости между КНР и СА на фоне роста объёма поставок саудовских энергоресурсов в КНР. Отмечен факт конкуренции с Японией по данному направлению. Отношения между КНР и СА рассматриваются 1990-х, то есть с момента установления дипломатических контактов. Автор делает акцент на показателях торгово-экономического сотрудничества.

Частично эта тема рассматривается в работе Института стратегических оценок и анализа «Большой Ближний Восток»²⁰³ под редакцией В.А. Гусейнова. В ней есть небольшая глава о влиянии Китая на ситуацию в регионе Большого Ближнего Востока. Она содержит общий краткий анализ влияния КНР в этом обширном регионе с акцентом на то, что для КНР он, в целом, важен, как источник энергоресурсов. В работе есть указание (без анализа) на несколько событий в китайско-саудовском диалоге, что, однако, не даёт полного представления о нём. Общее направление политики КНР в отношении арабских стран, в том числе стран Персидского залива не освещено. Из перечисленных в главе фактов автор делает вывод, о том что «Китай становится одним из важнейших геополитических игроков на пространствах... и Персидского залива»²⁰⁴.

Костелянец С.В. в работе «США, Китай и нефть в Судане и Чаде»²⁰⁵ утверждает, что: «уже подтвержденные запасы почти привели к началу “холодной войны” за “черное золото” между США и Китаем». В статье автор приводит статистические данные, высвечивая крайнюю прагматичность ки-

²⁰² Косач Г.Г. Иностранные инвестиции в Саудовской Аравии: Китай и Япония лидируют. URL: <http://iimes.ru/rus/stat/2007/05-05-07c.htm> (дата обращения: 23.12.2010).

²⁰³ Большой Ближний Восток / Под. ред. В.А. Гусейнова. – М. : ОЛМА медиа групп, 2007. – 592 с.

²⁰⁴ Там же. С. 353.

²⁰⁵ Костелянец С.В. США, Китай и нефть в Судане и Чаде. URL: <http://www.iimes.ru/?p=9165> (дата обращения: 10.12.14).

тайской дипломатии: «...Китай, в свою очередь, не задается гуманитарными вопросами и лишь постольку-поскольку, осуществляет поставки в Судан технологий для добычи нефти, строительства трубопроводов, закупая местную нефть в сравнительно больших объемах...». Таковы, в общем, основные идеи автора статьи.

Отношениям Китая с Суданом посвящена и другая работа, опубликованная на сайте Института Ближнего Востока «Визит президента Южного Судана С.Киира в Китай»²⁰⁶. В ней Быстров А.А. на примере анализа визита С.Киира в Китай в 2012 г. показывает несколько эпизодов посредничества Пекина в диалоге между Северным и Южным Суданом.

После «событий арабской весны» в России появилось несколько интересных публикаций, в которых рассмотрена реакция на эти события со стороны Пекина. Так, особого внимания заслуживает статья сотрудника Института Дальнего Востока РАН К. Антипова (ИДВ РАН) «События на Арабском Востоке и позиция Китая»²⁰⁷ ставятся такие важные вопросы, как эволюция теоретических основ китайской внешней политики («политики невмешательства»), подробно рассмотрена конкуренция между КНР и США на Арабском Востоке и затрагивается тема сотрудничества КНР с РФ на фоне этого конфликта.

Эта тематика получила продолжение в другой работе автора «Ближневосточная политика Китая в контексте сирийского кризиса»²⁰⁸. Автор подтверждает тезис о том, что «активизация политики Китая в арабском мире... свидетельствует о том, что период стратегических уступок китайской дипломатии в отношении с Западом в основном завершился»²⁰⁹. Автор утверждает, что на фоне сирийских событий Китай начинает занимать ведущие позиции на Ближнем Востоке, что способствует его сотрудничеству с Россией²¹⁰. Этот вывод несколько дискуссионен. Ситуация вокруг Сирии исходя из доказательной ба-

²⁰⁶ Быстров А.А. Визит президента Южного Судана С.Киира в Китай. URL: <http://www.iimes.ru/?p=14621> (дата обращения: 10.12.14).

²⁰⁷ Антипов К.В. События на Арабском Востоке и позиция Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6. – С. 3-17.

²⁰⁸ Антипов К.В. Ближневосточная политика Китая в контексте сирийского кризиса // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. № 17. – С. 204-225.

²⁰⁹ Там же. С. 204.

²¹⁰ Там же. С. 204 – 205.

зы, приводимой К.А. Антиповым (рассмотрение динамики китайско-сирийских отношений и специфики антикризисной политики Китая) «раскрывает значительный потенциал Китая на Ближнем Востоке»²¹¹.

Отмечено, что китайско-сирийское сотрудничество стало активно развиваться после 1980-х, по мере ослабления позиций СССР. Развивалось политическое, торгово-экономическое сотрудничество и поставки вооружения. Постепенно Китай превратился в главного торгово-экономического партнёра Сирии.

На этой же волне была написана и статья М. Подкопаевой²¹². В работе, в основном на фоне ситуации в Египте, также сделан акцент на соперничестве США и КНР. Автор приходит к выводу, что тенденция конкуренции будет углубляться.

В конце 2012 г. взгляд на политику Китая в отношении ближневосточного региона С.Г. Лузянин. На сайте МГИМО МИД РФ со ссылкой на «Голос России» появилась его статья «Политика Китая на Ближнем Востоке: накормить волков и сохранить овец»²¹³. В работе отмечены и идеологическая сторона китайской политики «Китай всегда позиционировал себя на Ближнем Востоке как развивающаяся страна, стоящая на страже интересов обиженных империализмом (США, Израиль) арабских народов» и современное внимание к палестинскому вопросу. Автор отмечает и рост новых факторов. Среди них интерес КНР к углеводородному сырью, торговому и инвестиционному сотрудничеству, возможное желание Пекина «сформировать некий ирано-египетский тандем против США». В статье отмечен и важнейший фактор военно-технического сотрудничества КНР с Израилем. Сирийский вектор политики Китая, по данным статьи, в конце 2012 г. выглядел неопределённо, что позволяло предположить наличие диалога официального Пекина и с правительством Б. Асада и с разрозненной оппозицией. Отчасти автор объясняет это потерями КНР в Ливии (как следствия ставки на режим М. Каддафи). И, нако-

²¹¹ Там же. С. 223.

²¹² Подкопаева М. Египет между США и Китаем. URL: <http://wap.myruskie.forum24.ru/?1-2-0-00000156-000-0-0-1359493749> (дата обращения: 12.12.2012).

²¹³ Лузянин С.Г. Политика Китая на Ближнем Востоке: «накормить волков и сохранить овец (17.12.12) // Официальный сайт МГИМО МИД РФ. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document233952.phtml> (дата обращения: 10.12.14).

нец, со ссылкой на китайских экспертов С.Г. Лузянин вновь обращается к теме о смене стиля китайской дипломатии на более жёсткий.

После событий «арабской весны» отдельную группу в историографии составили публикации, размещённые на сайте Института Ближнего Востока, где 2013 г. появились статьи Александрова А.И. «О приоритетах китайской политики на ближневосточном направлении»²¹⁴ и Балмасова С.С. «Алжир-Китай: попытка вытеснить Израиль с рынка БПЛА»²¹⁵. Причём статья последнего посвящена весьма противоречивой и мало разработанной теме поставок китайского вооружения в страны Арабского Востока. Новые данные о развитии китайско-саудовских отношений приводятся в работе Г.Г. Косача: «Саудовский наследник престола в Пекине: китайский взгляд на регион Ближнего Востока и Залива»²¹⁶. Большая часть этих работ написана востоковедами-арабистами и ввиду краткости жанра носят скорее информативный характер.

Интересное исследование сотрудничества между КНР и арабскими странами в области поставок энергоресурсов принадлежит аспиранту из Китая Фан Тинтин. В работе «Энергетическое сотрудничество между Китаем и странами Персидского залива»²¹⁷ даётся достаточно подробный анализ эволюции взаимодействия в области поставок энергоресурсов. Показано, как в 1990-х на место первого поставщика и торгового партнёра КНР постепенно выдвинулась Саудовская Аравия, потеснив при этом Оман и Йемен.

В описанных выше работах не проводится чёткого разграничения между политикой КНР в отношении арабских стран и китайско-арабскими отношениями.

III

Исследование политики КНР в отношении государств Арабского Востока, то есть, системы «политических установок, определяющих основное содержание деятельности по развитию отношений государства с другими субъектами, дей-

²¹⁴ Александров А.И. О приоритетах китайской политики на ближневосточном направлении. URL: <http://www.iimes.ru/?p=18653> (дата обращения: 20.09.2015).

²¹⁵ Балмасов С.С. Алжир-Китай: попытка вытеснить Израиль с рынка БПЛА. URL: <http://www.iimes.ru/?p=18921> (дата обращения: 20.09.2015).

²¹⁶ Косач Г.Г. Саудовский наследник престола в Пекине: китайский взгляд на регион Ближнего Востока и Залива. URL: <http://www.iimes.ru/?p=20304> (дата обращения: 20.09.2015).

²¹⁷ Фан Тинтин. Энергетическое сотрудничество между Китаем и странами Персидского залива // Проблемы Дальнего Востока, 2012. № 1. – С. 82-89.

ствующими на международной арене»²¹⁸, структуры внешней политики КНР на Арабском Востоке, состоящей из её целей, принципов, направлений, задач и средств её реализации не становилось объектом исследования в России до 2009 г., когда автор настоящей статьи начала разработку указанной темы.

Результаты исследования нашли отражение в нескольких научных публикациях. Статья «Трансформация внешней политики КНР на Арабском Востоке в работах зарубежных политологов»²¹⁹ предлагает читателю ознакомиться с периодизацией политики КНР в отношении государств Арабского Востока, разработанной европейскими, китайскими и арабскими исследователями. В работе выделены следующие периоды развития политики КНР в отношении арабских стран: 1956-1965; 1965-1978; 1978-1990 гг.; 1990-2002; 2002-настоящее время.

«Система внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов КНР на Арабском Востоке в начале XXI в.»²²⁰ на последнем этапе характеризуется повышенным внешнеполитическим интересом КНР к Арабским странам Персидского залива. В основном, к Саудовской Аравии (основной поставщик энергоресурсов в КНР с Арабского Востока) и ОАЭ. Автор объясняет подобную тенденцию ростом заинтересованности, а соответственно и зависимости Китая от арабских стран-поставщиков. Наряду с этим показано ослабление экономического интереса КНР к Египту и одновременное с этим стабильное политическое взаимодействие Китая с этой важнейшей страной арабского мира, на протяжении с середины 1950-х оставшейся основным внешнеполитическим партнёром КНР в регионе.

В работе «Арабский вектор внешней политики КНР»²²¹ проанализированы характерные особенности отношений КНР со странами Арабского Востока и место региона в системе внешнеполитических координат и интересов

²¹⁸ *Махонин В.А.* Основы теории внешней политики и международных отношений: учебное пособие. – М., 2013. – С. 23.

²¹⁹ *Пахомова М.А.* Трансформация внешней политики КНР на Арабском Востоке в работах зарубежных политологов. // Сборник по итогам Первой всероссийской конференции «История востоковедения: традиции и современность». – М. : ИВ РАН, 2014.

²²⁰ *Пахомова М.А.* Система внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов КНР на арабском Востоке в начале 21 в. // Изменения в геостратегической карте Азии и Северной Африки в начале 21в. – М. : ИВ РАН, 2014. – С. 330-340.

²²¹ *Пахомова М.А.* Арабский вектор внешней политики КНР // Бюллетень научно-методических материалов № 70. – М. : ВАГШ, 2014. – С. 123-138.

КНР, а также обеспечения их безопасности на современном этапе. Подробно описаны цель и принципы китайской политики на Арабском Востоке, конкретизировано понятие безопасности обеспечения национальных интересов в рамках китайского внешнеполитического менталитета.

В работе «КНР и арабские страны: характер взаимодействия»²²² подробно рассмотрено действие такого инструмента внешней политики КНР в отношении государств Арабского Востока, как «исламская дипломатия», показаны основные этапы формирования диалога КНР с Организацией исламского сотрудничества (ранее – Организация исламская конференция), рассмотрены основные предметы диалога между ними – ситуация в кругах китайских мусульман и торгово-экономическое сотрудничество Китая с исламскими (в том числе арабскими) странами. Автор статьи приходит к выводу, претворение в жизнь «исламской дипломатии» КНР, происходит на основе и при помощи объединяющей мусульман КНР Китайской исламской ассоциации, которая активно участвует в диалоге о расширении партнёрства между «китайской и исламской цивилизациями».

В марте 2015 г. к тематике отношений Китая со странами Ближнего Востока обратился К.А. Кокарев в статье «К вопросу об интересах Китая на Ближнем Востоке»²²³. Арабские страны в ракурсе подробно структурированного внешнеполитического интереса КНР (интерес к нефтяным ресурсам региона, к построению «экономического пояса шёлкового пути» и «морского пояса шёлкового пути XXI в., обеспечение безопасности страны по направлению Центральной Азии, включая Синьцзян) представлены, как часть Ближнего Востока. При этом отмечен важнейший фактор возможности расширения российско-китайского сотрудничества по указанному географическому вектору.

Исходя из представленного вашему вниманию обзора историографии по указанным выше вопросам, очевидно, что в России периодически появляются работы, посвящённые исламу в Китае. В основном они описывают историю его проникновения в Китай и географического распространения. Определён-

²²² Пахомова М.А. КНР и арабские страны: характер взаимодействия// ВОСТОК (ORIENT), 2014. № 3. – С. 60-66.

²²³ Кокарев К.А. К вопросу об интересах Китая на Ближнем Востоке. URL: // <http://riss.ru/analitics/11007/> (дата выхода: 10.07.2015).

ные усилия предприняты для изучения фактора ислама во внешней политике. При этом очевидна недостаточная изученность религиозных и философских особенностей ислама в Китае. Заметно мало внимания уделили исследователи и истории развития ислама в КНР (вторая половина XX – начало XXI вв.).

До 2015 г. не было создано комплексных работ, посвящённых политике КНР в отношении государств Арабского Востока, китайско-арабским отношениям, не говоря уже о разделении этих понятий. При этом фрагментарно указанная тематика присутствует во многих, в том числе классических научных работах.

Несмотря на незначительное количество научных статей и отсутствие монографий, рассматриваемые нами вопросы, были затронуты российскими учёными уже давно. Вспомним, например, о трудах Н.Я. Бичурина, П.И. Кафарова, В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского²²⁴, написанных задолго до нашего исследования, имеющих иные хронологические рамки, но демонстрирующих неиссякаемую актуальность этой проблематики для российского исследователя и внешней политики нашей страны.

Список литературы

Александров А.И. О приоритетах китайской политики на ближневосточном направлении. URL: <http://www.iimes.ru/?p=18653> (дата обращения: 20.09.2015).

Антипов К.В. События на Арабском Востоке и позиция Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6. С. 3-17.

Антипов К.В. Ближневосточная политика Китая в контексте сирийского кризиса // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. № 17. С. 204-225.

Балмасов С.С. Алжир-Китай: попытка вытеснить Израиль с рынка БПЛА. URL: <http://www.iimes.ru/?p=18921> (дата обращения: 20.09.2015).

²²⁴ В работе *Н.Я. Бичурина* «Культура мусульманства» уделено внимание роли мусульманских купцов в Китае. Следует отметить и труд *П.И. Кафарова* «Китайская литература магометан: изложение содержания магометанского сочинения на китайском языке, под заглавием Юй Лань Чжи Шен Ши Лу». Так *И.Ю. Крачковский* в фундаментальном труде «Арабская географическая литература», написанном между 1938 и 1945 гг. приводит сведения об отношениях между китайскими подданными и выходцами с Арабского Востока. Эта информация сохранила научную ценность и по сей день. В его работе наряду с выдержками из первоисточников – произведений арабской географической литературы приводятся и данные современных автору европейских учёных. Отметим однако, что целью монографии классика отечественной арабистики не было непосредственное изучение китайско-арабских связей, а соответственно собранные им данные могут открыться в новом свете. (Речь идёт о следующем издании: Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. – М.: Восточная литература, 2004).

- Большой Ближний Восток / Под. ред. В.А. Гусейнова. М. : ОЛМА медиа групп, 2007. 592 с.
- Быстров А.А.* Визит президента Южного Судана С.Кири в Китай URL: <http://www.iimes.ru/?p=14621> (дата обращения: 10.12.14).
- Валович А.А.* Китай на энергетическом рынке Ближнего Востока URL: <http://www.iimes.ru/?p=3299> (дата обращения: 23.12.2010).
- Васильев В.П.* Открытие Китая. СПб, 1900.
- Дунганские народные сказки и предания / запись текстов и перевод Б.Л.Рифтина, М.А.Хасанова, И.И.Юсупова. 2-е изд. М.: Восточная литература, 2013.
- Завьялова О.И.* Диалекты китайского языка. М.: Научная книга, 1996. 207 с.
- Завьялова О.И.* Большой мир китайского языка. М.: Восточная книга, 2014. 320 с.
- Завьялова О.И.* Китайские мусульмане хуэйцзу: язык и письменные традиции // Проблемы Дальнего Востока, 2007. № 3. С. 153-161.
- Ким В.С.* Межконфессиональное согласие Китая и исламского мира и его роль в решении задач энергетической безопасности страны // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 14 (343). С. 55-61.
- Китайская философия. Энциклопедический словарь / Под ред. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994. 573 с.
- Комиссина И.Н.* Мусульманские организации Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. М.: Российский институт стратегических исследований, 2009. 236 с.
- Косач Г.Г.* Иностранные инвестиции в Саудовской Аравии: Китай и Япония лидируют. URL: <http://iimes.ru/rus/stat/2007/05-05-07c.htm> (дата обращения: 23.12.2010).
- Костелянец С.В.* США, Китай и нефть в Судане и Чаде. URL: <http://www.iimes.ru/?p=9165> (дата обращения: 10.12.14).
- Кокарев К.А.* К вопросу об интересах Китая на Ближнем Востоке. URL: <http://riss.ru/analitics/11007/> (дата выхода: 10.07.2015).
- Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература». М.: Восточная литература, 2004.
- Косач Г.Г.* Саудовский наследник престола в Пекине: китайский взгляд на регион Ближнего Востока и Залива. URL: <http://www.iimes.ru/?p=20304> (дата обращения: 20.09.2015).
- Кузнецов В.С.* Ислам в политической истории Китая. М.: ИДВ РАН, 1996.
- Кузнецов В.С.* Ислам в общественно-политической жизни КНР. М.: ИДВ РАН, 2002.
- Кузнецов В.С.* У мусульман Китая // Азия и Африка сегодня, 2010. № 3.
- Лузянин С.Г.* Политика Китая на Ближнем Востоке: накормить волков и сохранить овец (17.12.12) // Официальный сайт МГМО МИД РФ. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document233952.phtml> (дата обращения: 10.12.14).

Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: Дизайн. Информация. Картография: Астрель, АСТ. 2001. 632 с.

Махонин В.А. Основы теории внешней политики и международных отношений: учебное пособие. М.: 2013. С. 23.

Очерки истории исламской цивилизации / под общ. Ред. Ю.М. Кобищанова. М.: РОССПЭН, 2008. 936 с.

Палладий (Кафаров). Китайская литература магометан/ Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Б.м., 1877.

Пахомова М.А. Китайская дипломатия в исламском мире // Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2012. Том 2. С. 373-384.

Пахомова М.А. КНР и арабские страны ОИС: характер взаимодействия// М.: Восток. 2014 № 3. С. 60-66.

Пахомова М.А. Трансформация внешней политики КНР на Арабском Востоке в работах зарубежных политологов. // Сборник по итогам Первой всероссийской конференции «История востоковедения: традиции и современность». М.: ИВ РАН, 2014.

Пахомова М.А. Система внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов КНР на арабском Востоке в начале 21 в. // Изменения в геостратегической карте Азии и Северной Африки в начале 21в. М.: ИВ РАН, 2014. С. 330-340.

Пахомова М.А. Арабский вектор внешней политики КНР // Бюллетень научно-методических материалов № 70. М.: ВАГШ, 2014. С. 123-138.

Пахомова М.А. КНР и арабские страны: характер взаимодействия. ВОСТОК (ORIENS). 2014. № 3. С. 60-66.

Палладий (Кафаров). О магометанах в Китае/ Труды членов российской духовной миссии в Пекине. IV. 1866.

Подкопаева М. Египет между США и Китаем. URL: <http://war.myrusskie.forum24.ru/?1-2-0-00000156-000-0-0-1359493749> (дата обращения: 12.12.2012).

Презентация второго издания «Дунганские народные сказки и предания» URL: <http://il.rsuh.ru/news.html?id=2632405> (дата обращения: 09.09.2014).

Фан Тинтин. Энергетическое сотрудничество между Китаем и странами Персидского залива // Проблемы Дальнего Востока, 2012. № 1. с. 82-89.

Взгляды ученых Таиланда на роль армии в политической жизни страны

Ключевые слова: армия, Таиланд, ученые Таиланда, государственный переворот.

Роль армии в политической жизни Таиланда привлекает пристальное внимание учёных Таиланда, занимающихся исследованием государственного права. Это вызвано тем, что при возникновении нестабильности в стране военные начинают играть свою роль как напрямую, так и косвенно. В том числе и путем государственных переворотов, изменения конституции, роспуска парламента, запрета политических партий, назначения своих людей на государственные посты²²⁵. Существует мнение, что военные препятствуют демократическому развитию государства. Поэтому экспертное сообщество Таиланда задалось поисками ответа на вопрос: «Почему военные играют такую большую роль в обществе, почему тайское общество всегда позволяло иметь такое влияние?»

Военные в политической жизни Таиланда

Большинство тайских ученых считает, что военные пришли в политику после смены формы правления с абсолютной монархии на демократическую конституционную в 1932 г. Например, Сучит Бунбонгкан²²⁶ утверждает следующее: «Военные начали выходить на политическую сцену с самого начала перехода к демократии, а именно: со смены формы правления 1932 года, объясняя это тем, что они представляют собой наиболее прочный институт общества Таиланда, так как он развился на основе других общественных институтов, и был признан народом как средоточие чести, достоинства, силы и готовности к действию в наибольшей степени».

²²⁵ *Nakata Tinaphan*. Politics and Political Management. – Bangkok, 1990. – P. 61.

²²⁶ *Boonbongkarn Suchit*. Political Development : Interaction between military, political institutions and people's political participation. – Bangkok: Chulalongkorn University Press, 1999.

Другие ученые, такие как Ликит Теравекин, считают, что «военные имели политический вес еще с древних времен, они были связаны с политической жизнью еще в эпоху, когда столицей была Аютия²²⁷. Короли были воинами, а политика была связана с военным делом. Когда 24 июня 1932 года произошла смена государственного строя, военные сохранили за собой политическое влияние, что резко проявилось 14 октября 1973 г. С 1932 года сорок один год премьер-министрами были военные, например Прая Пахонпонпаяхасена, (1933 – 1938 гг.), маршал Пибун Сонгкрам (1938 – 1944 гг. и 1948 – 1957 гг.) он занимал пост премьер-министра сначала 5 лет, а потом 14 с половиной, за ним около 5 лет премьером был маршал Сарит Танарат, потом маршал Таном Киттикачон (1958, 1963 – 1971 гг. 1972–1973 гг.), за ним около 10 лет премьер-министром был генерал-полковник Прем Тинсуланон (1980 – 1988 гг.), то есть 8 лет и 5 месяцев, потом 19 сентября 2006 г. революцию (*эвфемизм для госпереворота в тайском языке – прим. автора*) совершил Совет демократических реформ, потом страной правили военные через Совет национальной безопасности. Таким образом военные всегда участвовали в политике как прямо, так и косвенно, выступая на первый план или держась в тени. Насколько велика была роль военных, зависело от характера самой эпохи. После 14 октября 1973 г. политическая роль военных снизилась, в особенности в период так называемой полудемократии, когда к власти через выборы часто приходили гражданские лица»²²⁸.

Сурачат Бамрунгсук считает, что Сиам, в последствие Таиланд пришел к милитаризации власти раньше других стран Азии и Африки. Таиланд более чем сто лет назад смог создать современную военную организацию, включая постоянные вооруженные силы, закупал или получал в подарок последние модели вооружения, открыл военное училище и институт подготовки военных кадров. При Раме V в 1887 г. была создана, так называемая кадетская школа, которая в последствие преобразовалась в военное училище Саранром, которое выпускало офицеров сухопутных сил и, наконец, стало известной Военной академией Прачулачомклао. Армия Таиланда состояла, как и сейчас, из трех

²²⁷ Аютия была столицей государства в 1350-1767 гг.

²²⁸ URL: <http://www.dhiravegin.com/showx.php?id=113> (дата обращения 31.07.2014).

родов войск: сухопутных сил, ВМФ и ВВС. Офицерские звания получали профессиональные военные, получавшие специальное военное образование. Они быстро образовали новую систему или новый общественный институт. Так за 24 года развития военные ворвались в политику как конкуренты старой монархической системы, это проявилось в событиях, которые мы называем бунтом 130 г. бангкокской эры (плюс 1782-1912 г). Это была попытка молодого офицерства, офицеров нового поколения перехватить власть у дворцовой группировки Рамы VI²²⁹.

Конласукапанит Конпрап и Сучит Бунбонгкан, изучив поведение военных во время правления генерал-полковника Према Тинсулланона (1980 – 1988 гг.), пришли к выводу, что военные и диктатура не в состоянии создать эффективную систему правления, обнаружив, что пришедшие к власти военные, – жулики и коррупционеры не меньше, чем гражданские правители. И что важно, военные у власти не гарантируют возможности создания стабильной и демократической политической системы. Наоборот, возникает диктатура и анархия – порочный политический круг, когда различные группировки военных постоянно, сменяя друг друга, совершают государственные перевороты.²³⁰

Помимо этого, следует отметить взгляд политэкономистов Пасук Понгпайчит и Криса Бэйкера²³¹, по мнению которых, правительства генералов Према Тинсулланона и Чатчая Чунхавана держались у власти благодаря компромиссу, достигнутому предпринимателями с военными. Когда же предприниматели стали входить в силу и попытались установить контроль над военными, то это привело к государственному перевороту 23 февраля 1991 г.

Сурачат Бамрунгсук различает три вида вмешательства военных в политику Таиланда, а именно: 1) шантаж гражданского правительства; 2) угрозы путем отказа от участия в правительстве; 3) свержение гражданского правительства силой. Когда бы ни возникали в стране политические распри, они

²²⁹ *Bamrungsuk Surachart. Military and Politics in Southeast Asia: Thai military and Politics. URL: <http://www.prachatai.com/journal/2007/01/11289> (дата обращения 31.07.2014).*

²³⁰ *Kanprab K.S. and Boonbongkarn Suchit. Military and Political Development, Academic pamphlet on Thai military. – Bangkok, 1986.*

²³¹ *Phongpaichit Pasuk, Chris Baker. Thailand: Economy and Politics. – Chiang Mai, 1995.*

обычно кончались государственным переворотом. Военное командование всегда побеждало и приходило к власти²³². Кроме этого, Сурачат считает, что большинству высших офицеров и генералитета не по нутру политики, ссылаясь на то, что те всюду преследуют личную выгоду, не делают ничего, что шло бы стране на пользу. Такая точка зрения популярна среди офицеров, поскольку их приучают к мысли о том, что они служат не правительству, а государству, или, другими словами, военные верят в свою политическую независимость, дескать, «не ходим ни под правительством, ни под политиками»²³³. Эту позицию отражает и поведение генерал-полковника Сонти Буньяратглина. Перед переворотом 2006 г., он заявлял о себе, как «о военном вне системы Таксина». Мы не поддерживаем политически. В то же время в ходе интервью прессе, когда заходил разговор об институте монархии он четко обозначил себя как «солдата Его Величества»²³⁴.

Военный политолог Аморатеф Клэукасикам говорит о роли военных, приводя положения конституции о том, что эта организация отвечает за сохранность института короля, независимость и территориальную целостность страны. По его мнению, участие военных в политике обычно определяется внутренними условиями такими, как угроза насилия или бедственное положение народа. А поскольку обязанность военных обеспечивать нации безопасность и защиту национальных интересов, поэтому они и должны действовать, но каким образом в конституции не сказано. Поэтому военные должны быть в состоянии прибегнуть к таким средствам, которые бы обеспечили выполнение вышеуказанного долга.²³⁵

Кроме всех высказанных выше взглядов, сводящихся к тому, что военные – это крепкая организация, готовая в любой момент вмешаться в политическую жизнь, Натчапат Унтронгчит, ученый института «Прапокклай» предложила новую идею в изучении роли военных в политических противоречиях,

²³² *Bamroongsuk Surachart*. Military and Political Intervention. URL: <http://serichon.org/board/index.php?topic=38379.0;wap2> (дата обращения 31.07.2014).

²³³ *Bamroongsuk Surachart*. Military and Political Intervention.

²³⁴ The Army of King. Gen. Sonthi Boonyaratglin. URL: <http://www.positioningmag.com/content/> (дата обращения 31.07.2014).

²³⁵ *Klaewkasikam Amorntheap*. The Role of Military in Political Crises // Journal of Royal Thai Navy Academy, No. 6/2006. – P. 28-41.

утверждая, что институт военных не так уж един и прочен, как это выходит по исследованиям других ученых. Ведь в действительности, военные - это политический институт, где существует борьба за власть внутри самого института. Помимо этого, Натчапат заметила еще, что военные всегда подвергались давлению со стороны политиков, так как в Таиланде институт парламентаризма не может по-настоящему стать ареной борьбы политиков. Политик, который хочет быть уверен, что прочно сидит на своем месте, должен обязательно быть в хороших отношениях с военными или контролировать их. Дружеские отношения с военными связаны с перемещениями по службе в пользу тех, кого он поддерживает, чтобы под их контролем оказались основные силы. Таким образом, политики становятся основным фактором вмешательства военных в политику²³⁶.

Идеология изучения роли военных политике Таиланда

Изучая роль военных в политической системе Таиланда большинство тайских находились под влиянием работ Самуэля Хантингтона, американского социолога и политолога, который выдвинул теорию «политических институтов», утверждая, что современному обществу необходимо развитие политических институтов (political development). В одной из своих классических работ «Political Order in Changing Society» (Политический порядок в меняющемся обществе)²³⁷. Хантингтон пишет, что модернизация и политическое развитие должны идти вместе. Стремясь к обновлению, общество меняет способ производства с традиционного, присущего аграрному обществу, на способ производства индустриального общества. Это и есть шаг к обновлению. Следом растет производственный персонал с более высоким уровнем образования, как это было нужно обществу индустриальному. Эти люди стали средним классом, специалистами в своей профессии. Индустриальное общество вызвало к жизни новую форму человеческого единения – горожан, которых связывают друг с другом СМИ. Все эти факторы являются главными причинами возникновения

²³⁶ *Untrongjit Natchapat. A New Method for Analysis of the Role of Thai Military in Politics, Journal of King Prajadhipok's Institute, № 1/2553. - Bangkok, 2010. – P. 69-86.*

²³⁷ *Samuel P. Huntington. Political Order in Changing Societies. - London : Yale University Press, 1968.*

политического сознания. Формы политической жизни обновляются, и при обновленных политических формах, народу хочется участвовать в различных политических процессах. А именно: в выборах, в требованиях сменить политику или в смене правительства, которое народу кажется нелегитимным. В процессе такого участия, общество должно развивать политические институты в соответствии с уровнем модернизации общества.

Основной вывод Хантингтона гласит, что «структура и политические институты общества должны развиваться одновременно с его обновлением». В противном случае политическая структура не будет успевать за политическими требованиями, что ведет к увяданию политической жизни общества. Хантингтон предлагал развивать политическое поле, создавая различные политические институты, как то - группы общих интересов, группы политического давления; поддерживая создание политических партий, содействуя проведению свободных и честных выборов. Выборы открывают народу путь к участию в политической жизни, предлагают выбирать своих представителей для работы в будущем парламенте. Развитие структуры и политических институтов общества должно идти эффективно и быстро, в такт развитию политической жизни.

Взгляды Хантингтона популярны среди многих специалистов по государственному праву в Таиланде, таких как Ликит Тиравекин, Сурачат Бамрунгсук, Сучит Бунбонгкан. Основывая на идеях Хантингтона, они так объясняли особенности политического устройства страны: «После смены формы правления страной 24 июня 1932 г., военные все время принимали участие в политике, поскольку народ был необразован и не ведал, что значит участие в политической жизни. Впоследствии экономическое развитие привело к обновлению политической жизни, свидетельством тому стали события 14 октября 1973 г. с требованиями демократических преобразований. Источником их стало появление политического самосознания в народе. Средний класс, как продукт политического развития восстал против военной диктатуры, что стало проявлением его политической сознательности, вместе с осознанием своих прав и свобод, выдвижением политических требований и стремлением участвовать в политических процессах страны. До того времени политическое раз-

вите двигалось вперед медленно, так как страна было под властью военных». Таким образом, мы видим, что взгляды Хантингтона на политические события того времени довольно основательны, позволяют понять до некоторой степени состояние политической жизни и идут в русле требований студенчества, которому нужна была конституция как политический институт, что лишним раз отражает тот факт, что в Таиланде не было политического института, способного быть противовесом институту военных.

Другим учёным, оказавшим влияние на исследователей Тайланда, был Файнер. Они восприняли его мысль о том, что профессионализм военных приводит их к тому, что они «служат государству, а не правительству». На основе таких представлений военные сами решали, что составляет интересы правительства, а что – нет, что и стало основанием решать, когда именно надо идти на государственный переворот в интересах страны²³⁸. Чайанан, основываясь на взглядах Файнера, так говорит о сильных сторонах военных, как политического института: у военных есть пять преимуществ: централизованное командование, ступенчатая подчиненность, дисциплинированность, есть связь между внутренними подразделениями, групповая солидарность, опора на собственные силы. Военным присуща высокая мораль, что вместе с пятью преимуществами делает военных самой высокоорганизованной группой в обществе, по сравнению с другими группами, подтверждая, что роль военных высока, особенно в таиландском обществе²³⁹.

Изучая мнение тайских ученых о роли военных в политической жизни Таиланда, сталкиваешься с четырьмя суждениями на этот счет. Согласно первому из них, считается, что военные – это организация более сильная, чем другие. Например, они имеют выстроенную в форме высокой пирамиды структуру или иерархию, четко следуют приказам, соблюдают строгую дисциплину, имеют обширный человеческий потенциал, готовое к применению оружие. Поэтому военные постоянно вмешиваются в существование слабых политических институтов.

²³⁸ *Finer S.E.*, *The Man on the Horse back: The role of the Military in Politics*, - New Jersey: Transaction Publishers, 2006.

²³⁹ *Samutwanich Chaianan*, *Young Turks and Democratic Military: Analysis of Thai military's role*. - Bangkok, 1982.

Ученые, поддерживающие первое суждение, например, Джеравекин Ликит, утверждают, что дело в том, что социальные и политические установки, мировоззрение тайцев, ведут к тому, что тайское общество благоприятствует существованию в нем системы иерархии. Это стало основой классового деления общества Таиланда в прошлом, приводя большинство тайцев (крестьян) к мысли о том, что управление страной не их дело, а удел правящих классов, и привело к тому, что тайцы не принимали участия в политике и ею не интересовались.

Сучит Бунгбонгкан считает, что вмешательство военных в политику возникает из-за некоторых профессиональных качеств военных. Профессия военных воспитывает патриотизм, солидарность, дисциплинированность, высокую ответственность перед страной, как говорят тайцы, страна – это дом, армия – забор. Военнослужащие отличаются внутренним единством, подчинены военной дисциплине, хранят свою общность, у них много живой силы и военной техники. Все это приводит к тому, что военные верхи всегда готовы вмешиваться в дела политических кругов, отличающихся слабостью;

Сурачат Бамрунгсук считает свержение правительства путем военного переворота легким, потому что в любом случае у гражданского правительства нет настоящей собственной опоры, кроме этого у собственно гражданского правительства нет никаких вооруженных сил, способных противостоять угрозам со стороны армии²⁴⁰

Согласно этому суждению выходит, что вмешиваются ли военные в политику или нет – зависит от положения в обществе, или от социальной обстановки в конкретное время. Например, в прошлом, если тайское общество попадало в опасную ситуацию или сталкивалось с политическим давлением или угрозами как внешними, так и внутренними, военные обычно вмешивались в политические процессы, оправдывая вмешательство тем, что они вмешиваются, чтобы защитить страну и сохранить внутренний порядок. Или, если в стране возникла высокая волна коррупции, обострялись внутренние противоречия, возникли протестные демонстрации различных групп интересов

²⁴⁰ *Bamrungsuk Surachart. Military and Political Intervention.*

или демонстранты начинали устраивать беспорядки, тогда за решение проблем принимаются военные путем революций и государственных переворотов.

Например, Аморатеп Клэукасикам полагает, что когда возникает политическое несогласие между большинством и меньшинством ведущее к затяжному политическому противостоянию, усиливающему всеобщее напряжение вплоть до признаков политического раздора, военные в роли «защитников» должны забрать у правительства власть над страной ещё в спокойный период, как это случилось в результате государственного переворота 2006 г.²⁴¹.

Панитан Ваттанаягон, хоть и утверждает, что государственных переворотов больше не будет, так как военные заняты своим профессиональным делом, военные режимы не получают международного признания, что является важным фактором, сводящим на нет желание военных снова возглавить переворот²⁴², но признает, что «военные – последний политический выбор, когда страна оказывается в безвыходном положении.

Киен Тиравит считает, что политические теории не в состоянии объяснить роль военных в Таиланде, особенно при «режиме Таксина»²⁴³. Поскольку правительству не хватало легитимности, чтобы править страной демократическими методами, так как вместо законов и конституции страной правил закон джунглей, целью которого была власть и ее удержание. Нельзя было привлечь к ответственности правительство по закону, поэтому военный переворот в интересах народа считался альтернативным путем разрешения политических проблем²⁴⁴. Помимо этого, профессор Киен разъясняет ссылки на легитимность правительства Таксина как искажение норм демократического правления. Народ выбирал депутатов и сенаторов на добрые, а не на злые дела, не на противозаконные действия. Он приводит в пример положение Аристотеля (384? – 322 гг.) о большинстве, нарушающем законы общества, ко-

²⁴¹ *Klaewkasikam Amorntheap*. Role of Military in Political Crises.

²⁴² *Panithan Wattanayakorn*, the role of Military in Southeast Asia after Cold War. - Bangkok, 2006.

²⁴³ Управление страной при правительстве бывшего премьер-министра Таксина называли режимом Таксина, поскольку были произведены изменения на всех уровнях, как считалось во имя собственной выгоды и в интересах «своих людей».

²⁴⁴ 2014 Thai coup d'état : Choice or Survival. URL: <http://www.gotoknow.org/posts/570870> (дата обращения: 31.07.2014).

торое последний называет тиранией большинства, а ее лидеры свергаются революциями. Гоббс (1588 – 1679 гг.) и Джон Локк (1631 – 1714 гг.) тоже высказались на эту тему указывая, что правитель, применяющий власть за рамками Общественного договора (т.е. вне рамок закона и конституции) считается тираном, а значит прекращает существование сообщество граждан и общество становится первобытным²⁴⁵.

По третьему суждению, захват военными политической власти рассматривается как следствие отсутствия стабильности гражданских правительств, в особенности правительств коалиции разных политических партий. Часто между правящими партиями возникают противоречия, отсутствует единство управленческих решений, страдает вся страна. И тут вмешиваются военные со своими революциями или переворотами и отменой конституции.

Аморнтеп Клэукасика говорит об одном обстоятельстве, вызывающем вмешательство в политику со стороны военных. Когда слабеют политические институты, когда правительство, политические партии и деятели лишены не выполняют свои обязанности, а страдает от этого народ, когда политики не выполняют своей роли, по-настоящему, служить народным интересам, а народ много от этого теряет, тогда он можно попросить военных вмешаться.²⁴⁶

Сучит Бунбонгкан говорит, что, если правительсто возглавляет лидер, лишенный политической легитимности, который печется о собственных интересах или интересах своих сподвижников больше, чем заботится о своих согражданах, у военных появляется повод для вмешательства в политику²⁴⁷.

Три вышеупомянутые подхода принадлежат части экспертного сообщества, считающего, что военные в Таиланде играли роль в политике всегда, начиная со смены формы правления в 1932 году, будь то путем революции-переворота, отмены конституции, приостановки выборов либо запрещения создавать политические партии. В развитых странах, как правило, считали, что вмешательство военных в политику препятствует развитию демократии в Таи-

²⁴⁵ *Theeravit Khien*, Right to coup d'état. URL : http://www.thaiworld.org/thn/thailand_monitor/answera2.php?question_id=578 (дата обращения 31.07.2014).

²⁴⁶ *Klaewkasikam Amornthep*. Role of Military in Political Crises.

²⁴⁷ *Boonbongkarn Suchit*, Political Development : Interaction between military, political institutions and people's political participation.

ланде. Но военные в свою очередь считали, что «демократический процесс предусматривает наличие конституции, парламента, политических партий выборов и правительства, но правительство обычно не стабильно, в политической системе отсутствует порядок, люди неправильно используют свои права и свободы, что иногда приводит к потерям и становится опасным для страны и всего народа в целом»²⁴⁸. Поэтому возникает необходимость, чтобы военные вышли вперед и сохранили безопасность страны.

Сторонники четвертого подхода утверждают, что военные вмешиваются в политику, устраивая революции и перевороты, потому что стремятся защитить и расширить свои корпоративные интересы. По мысли приверженцев четвертого суждения быть военным – это не профессия, но военные используют имеющуюся у них власть для защиты своих групповых интересов. Например, военные часто поддерживают и продвигают своих однокашников на важные политические роли и посты, например в депутаты или сенаторы.

Чанвит Касетсири обнаружил, что многие государственные перевороты порождались сотрудничеством высокопоставленных военных-однокашников из Военной академии Чулачомклао.²⁴⁹ Кроме того, из истории переворотов известно, что многие из них были порождены противоречиями внутри военных кругов.

Сучит Бунбонгкан открыл, что вмешательство военных в политику бывает вызвано страхом потерять уже имеющуюся власть, поэтому они пытаются преградить Таиланду путь к полной демократии, не дать открыться возможности народу принять реальное участие в политике. Это особенно проявилось во время правления маршала Сарита Танарата и маршала Танома Киттикачона, когда политическое развитие страны замерло на более, чем 10 лет²⁵⁰.

В работе «Новый взгляд в изучении роли военных в политических противоречиях»²⁵¹, Натчапат Унтронгчит считает, что в действительности, военные уже давно разделены по приверженностям, и все прошедшее время было посвящено борьбе за власть и выгоды внутри самого института военных. Раз-

²⁴⁸ *Wongtrangan Kanok*. Thai Democracy. – Bangkok : Pimluck, 1985. - P 224.

²⁴⁹ *Kasetsiri Charnvit*. The Century of Thai Military and Politics. URL: <http://www.charnvitkasetsiri.com/PDF/MilitaryPol14Jan.pdf> (дата обращения 31.07.2014).

²⁵⁰ *Boonhongkarn Suchit*. Political Development : Interaction between military, political institutions and people's political participation.

²⁵¹ *Untrongjit Natchapat*. A New Method for Analysis of the Role of Thai Military in Politics.

личные кланы военных охотно вступали в схватку за важные внутриармейские посты. Не слишком похожим на правду является утверждение о том, что военные играли выдающуюся роль в политике из-за высокой степени их готовности как института и твердой приверженности идеалам. Если у политического института военных была такая сила, что ж они тратили ее на борьбу за удержание власти? Выдающиеся качества военных уходили на то, чтобы отнимать друг у друга власть, что отражает слабость и нестабильность этого политического института, так же, как и довольно-таки противоречит представлению о высоком профессионализме института военных. Как говорил Хантингтон, «профессиональный военный в политику не полезет». Хантингтон утверждал, что профессионализм военных, что подразумевает соединение специальных знаний, сноровки, подготовки и идеалов, удерживает их (хоть и с оружием) от вмешательства. Вот тут – то теоретическое объяснение роли военных в политике их профессионализмом, заканчивающееся выводом, что «раз профессионал – значит готов вмешаться в политику», выглядит очень странно, поскольку как настоящий профессионал (по теории Хантингтона) военный не должен вмешиваться в политику. Такой вывод идет в разрез с теоретическими выкладками Хантингтона, который отрицает способность военных быть игроками в политическом поле.

Натчапат Унтронгчит возражает утверждениям тайландских ученых том, что развитие демократии в стране – результат борьбы с военными диктатурами при том понимании, что теория просто нарративно накладывает на политическую историю страны, то есть, имеется арена борьбы с двумя действующими лицами: народом-демократом и военными, силой вне государственной службы. Она считает такое объяснение слишком упрощенным. При таком понимании изучение политической жизни страны идет до некоторой степени легко. Автор считает, что подобный анализ имеет своим источником именно нарративность и упор на институты вне военного. В нем не достает углубленного изучения внутреннего устройства института военных, вызывающее внутренние противоречия. Непонимание внутренней структуры института военных затрудняет анализ причин государственных переворотов или военных революций.

При изучении роли военных в политической жизни Таиланда, обнаруживаешь, что их роль имеет три аспекта: первый - одни военные отбирают власть у других, что бывает чаще всего, например, группировка, которую возглавлял генерал-полковник Кры Сивара была недовольна поведением наследника власти маршала Танома Киттикачона и зятя маршала Прапата Чарусатиена. Переворот 6 октября 1976 г. «подрезал» генерал-полковника Чалата Хирансири. Образовалась группа «младотурков» и произошёл апрельский гавайский мятеж, военные пятого выпуска штабного училища Чулачомклао перетягивают к себе двух генерал-полковников Чавалита Йонгчайюта и Атгита Камлангека. Обнаруживаются противоречия между пятым и седьмым выпусками, пятый выпуск был недоволен тем, что генерал - полковник Чатчай привлек на службу капитана первого ранга Мануна Рупкачона и дал ему чин контр-адмирала. Следующий аспект роли военных заключается в вовлечении их в политику с целью усилить позицию правительства, занимает второе место по частоте проявления, например, Прая Сонг, был привлечен к поддержке правительства Прая Манопакона, полковник Пибунсонгкрам привлекается для усиления правительства Прая Пахонпонпаюхасена, создание баланса власти между полковником полиции Пао Сияноном и маршалом Саритом Танаратом. И наконец, третий аспект политической роли военных возникает по их собственной воле. Автор обнаружила, что он проявляется реже всего и меньше всего бывает успешным, например, генерал-лейтенант Пин Чунхаван и переворот 1943 г., переворот маршала Сарита Танарата, само-переворот маршала Танома Киттикачона, переворот адмирала флота Сангата Чало-Ю, свергнувшего Танина Крайвичиена, мятеж генерал-полковника Чалата Хирансири, апрельский гавайский мятеж, чартерский мятеж. Таким образом, для понимания роли военных в политической жизни Таиланда правоведам крайне необходимо рассматривать военных как политическую группировку – участницу борьбы за право управлять страной.

Список литературы

Boonbongkarn Suchit. Political Development: Interaction between military, political institutions and people's political participation, Bangkok, 1999.

Finer S.E. The Man on the Horse back: The role of the Military in Politics, New Jersey: Transaction Publishers, 2006.

Kanprab K.S. and Boonbongkarn Suchit. Military and Political Development, Academic pamphlet on Thai military, Bangkok, 1986.

Klaewkasikam Amorntheap. Role of Military in Political Crises, Journal of Royal Thai Navy Academy, No. 6/2006.

Nakhata Tinaphan. Politics and Polical management, Bankok, 1990.

Panithan Wattanayakorn. the role of Military in Southeast Asia after Cold War, Bangkok, 2006.

Pasuk Phongpaichit, Chris Baker. Thailand: Economy and Politics, Chiang Mai, 1995.

Samuel P. Huntington. Political Order in Changing Societies, London: Yale University, 1968.

Samutwanich Chaianan. Young Turks and Democratic military: Analysis of Thai military's role, Bangkok, 1982.

Untrongjit Natchapat. A New Method for Analysis of the Role of Thai Military in Politics, Journal of King Prajadhipok's Institute. 2010. Vol. 1/2553.

Wongtrangan Kanok. Thai Democracy. Bangkok: Pimluck, 1985.

Bamrungsuk Surachart. Military and Politics in Southeast Asia: Thai military and Politics, URL: <http://www.prachatai.com/journal/2007/01/11289>.

Bamrungsuk Surachart. Military and Political Intervention, URL: <http://serichon.org/board/index.php?topic=38379.0;wap2>.

Kasetsiri Charnvit. The Century of Thai Military and Politics, URL: <http://www.charnvitkasetsiri.com/PDF/MilitaryPol14Jan.pdf>.

Theeravit Khien. Right to coup d'état. URL: http://www.thaiworld.org/thn/thailand_monitor/answer2.php?question_id=578.

"Army of the King" - General Sonthi Boonyaratglin. URL: [http://www.positioningmag.com/content/ทหารของในหลวง"พลเอกสนธิ-บุญยรัตกลิน](http://www.positioningmag.com/content/ทหารของในหลวง).

К проблеме изучения истории государства хорезмшахов-Ануштегинидов в отечественной исторической науке

Ключевые слова: Хорезм, отечественная историография, хорезмшахи, Джалал ад-Дин Манкбурны.

История формирования и гибели государства хорезмшахов-Ануштегинидов является одним из ключевых эпизодов истории Ирана и Центральной Азии рубежа XII–XIII вв., который закономерно нашел отражение в многочисленных средневековых сочинениях: арабо-персидских, сирийских, грузинских, армяноязычных и китайских. Поскольку история государства хорезмшахов-Ануштегинидов напрямую связана с событиями периода монгольских завоевательных походов и формирования Монгольской империи, то вполне понятен интерес к хорезмийской державе со стороны европейских и отечественных историков. В данной статье рассматриваются формирование и эволюция отечественной историографии государства хорезмшахов-Ануштегинидов, начиная с классических трудов ученых-востоковедов XIX в.²⁵² вплоть до современного состояния отечественной науки по указанной проблематике, выделяются характерные черты современных исследований, их сильные стороны и дискуссионные моменты.

С одной стороны, хотелось бы проанализировать те отечественные исследования, в которых авторы ставили целью изучение непосредственно истории формирования и гибели государства хорезмшахов-Ануштегинидов. С другой стороны, это значительно сузило бы мое исследование по причине немногочисленности таких работ, а также ввиду того, что после известной монографии З.М. Бунятова²⁵³, многим ученым, по всей видимости, подобная

²⁵² В частности речь идет о классическом исследовании В.В. Бартольда – *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. – М., 1963. Т. 1.

²⁵³ *Бунятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 г. – М., 1986.

проблематика показалась исчерпанной. В связи с этим будут рассмотрены и те отечественные исследования, в рамках которых авторы не ставили перед собой задачу специального изучения истории государства хорезмшахов-Ануштегинидов, однако по тем или иным причинам собрали достаточно большой массив информации об указанной державе и ее гибели. Изучение этих трудов позволит лучше понять, в каком объеме излагалась история хорезмийской державы. В итоге хотелось бы в некоторой степени структурировать существующую отечественную историографию по данной проблематике, указать векторы ее развития и характерные черты.

Первой основополагающей работой, в которой в полной мере отразилась история государства хорезмшахов, следует признать классический труд В.В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». В нем автор подробно изложил становление указанного государственного образования и дал описание Мавераннахра в XII в., историю хорезмийской державы, борьбу хорезмшахов за господство в Центральной Азии и гибель их государства под ударами монгольских завоевателей. Несмотря на масштаб и значимость указанного исследования, хотелось бы более подробно остановиться на тех его особенностях, которые, с моей точки зрения, оказали существенное влияние на дальнейшее развитие отечественной историографии по данной проблематике. Прежде всего, опираясь в своей работе на более ранние источники, в частности труды ан-Насави²⁵⁴, Джувейни²⁵⁵ и Рашид ад-Дина²⁵⁶, В.В. Бартольд нередко демонстрировал в указанном исследовании крайне скептическое отношение к более поздним сочинениям. С одной стороны, это приводит к тому, что отдельные исторические эпизоды отрицаются В.В. Бартольдом только потому, что информация о них содержится в большей степени в поздних памятниках: в частности, речь идет об описании посольства халифа ан-Насира к монголам в сочинении Мирхонда²⁵⁷.

²⁵⁴ *Ан-Насави*. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. З.М. Бунятова. – Баку, 1973.

²⁵⁵ *Джувейни*. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер. Е.Е. Харитонов. – М., 2004.

²⁵⁶ *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей: в 3 т. / Пер.: А. К. Арендс, Ю. П. Верховский, О.И. Смирнова, Л.А. Хетагуров. – М., 2002. Кн. 1–2.

²⁵⁷ *Mirhond*. Histoire de sultan du Kharezm. Paris, 1842; *Mirhond*. La vie de Genghis-khan. Paris, 1840; *Mirhond*. Tarihi Rauzat as-safa fi sirat al-anbiya w-al-muluk w-al-khulafa. – Bombay, 1849. Vol. 1–7.

Широкое использование трудов Джувеини и Рашид ад-Дина позволило сформировать автору исследования образ Чингисхана как величайшего правителя и полководца. На фоне подобного образа монгольского правителя и полководца становится особенно заметным критический взгляд историка на противников Чингисхана – правителей государства хорезмшахов. Это особенно заметно при описании В.В. Бартольдом военной и политической деятельности последнего хорезмшаха из династии Ануштегинидов – Джалал ад-Дина Манкбурны. В его отношении автор придерживался критической точки зрения, отмечая не только его ошибки и промахи, но и жестокость хорезмийских войск в Центральной Азии и других регионах.. Именно этого хорезмийского правителя В.В. Бартольд противопоставлял Чингисхану, подчеркивая, что «...ни в одном из поступков Чингисхана, о которых мы имеем достоверные сведения, нет признаков бесполезной жестокости или самодурства, как в тех мучениях, которые по приказанию Джалал ад-Дина подвергали пленных монголов²⁵⁸». Сформированный В.В. Бартольдом образ Джалал ад-Дина, как бездарного политика и удачливого, но жестокого военачальника, в той или иной степени воспроизводится последующими авторами, о чем подробно будет сказано ниже. Оценка хорезмшаха В.В. Бартольдом во многом близка Ибн ал-Асиру²⁵⁹, а также армянским и грузинским источникам²⁶⁰.

Публикация монографии В.В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», помимо упомянутых последствий, на долгое время исключила в отечественной историографии любые попытки специального изучения истории государства хорезмшахов-Ануштегинидов. При этом отечественные ученые продолжали обращаться к истории этой державы, особенно в период ее противостояния монгольской агрессии, в исследованиях, посвященных иной научной проблематике. Так в большем или меньшем объеме информация по истории хорезмийской державы представлена в крупных коллективных моно-

²⁵⁸ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – С. 257.

²⁵⁹ Ибн ал-Асир. «Ал-Камил фи-т-тарих»: «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П.Г. Булгаков, Ш.С. Камолитдин. Ташкент, 2006.

²⁶⁰ В частности см.: Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / Пер. Г.В. Цулая. – М., 2005; Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. А.Г. Галстян. – М., 1962; Багратиони Давид. История Грузии / Сост.: А. Рогва. Тб., 1971; Гандзакеци К. История / Пер. с древнеарм. Т.И. Тер-Григоряна. – Баку, 1946; Гандзакеци К. История Армении / Пер. Л.А. Ханларян. – М., 1976.

графиях и учебных пособиях, созданных отечественными востоковедами в разное время. В первую очередь это «История стран зарубежного Востока в средние века»²⁶¹ и третий том «Всемирной истории»²⁶², посвященный истории средних веков. В обоих изданиях объем информации по истории государства хорезмшахов невелик, особенно в сравнении с описанием монгольских завоевательных походов и формирования монгольской империи.

В большей или меньшей степени история хорезмийского государства и его правителей представлена в изданиях коллективных монографий и учебных пособий по истории Востока и отдельных его регионов в средние века. Отдельно хотелось бы отметить издания: «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в.»²⁶³, «История Азербайджана»²⁶⁴, «История стран Азии и Африки в средние века»²⁶⁵, «История стран зарубежной Азии в средние века»²⁶⁶, «История Ирана»²⁶⁷, «История Афганистана с древнейших времен до наших дней»²⁶⁸, «История Востока. Восток в средние века»²⁶⁹ и учебное пособие «История Востока»²⁷⁰. Их авторы в большей степени уделяли внимание событиям эпохи монгольского нашествия, а информация относительно формирования и истории хорезмийского государства либо оказывалась скудной, либо не была представлена вовсе. В итоге анализ коллективных монографий и учебных пособий как советского, так и постсоветского периода демонстрирует невысокий интерес ученых к ранней истории хорезмийской державы. В то же время достаточно подробное изложение событий, связанных с монгольским завоеванием Центральной Азии и Ирана, в большинстве представленных изданий, позволяет сделать несколько предварительных выводов.

²⁶¹ История стран зарубежного Востока в средние века / Ред. Ф.М. Ацамба, Е.А. Беляев, И.М. Рейснер, Л.В. Симоновская. – М., 1957.

²⁶² Всемирная история / Сост. Н.И. Конрад, И.П. Петрушевский, Н.А. Сидорова, Л.В. Черепнин. – М., 1957. Т. 3.

²⁶³ История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. / Ред. Н.В. Пигулевская, А.Ю. Якубовский, И.П. Петрушевский, Л.В. Строева, А.М. Беленицкий. – Л., 1958.

²⁶⁴ История Азербайджана / Ред. И.А. Гусейнов. – Баку, 1958. Т. 1.

²⁶⁵ История стран Азии и Африки в средние века / Ред. Ф.М. Ацамба, Л.В. Симоновская. – М., 1968.

²⁶⁶ История стран зарубежной Азии в средние века / Ред. А.М. Голдобин, Д.И. Гольберг, И.П. Петрушевский. – М., 1970.

²⁶⁷ История Ирана. / Ред. Э.А. Грантовский, М.А. Дандамаев, М.С. Иванов, Г.А. Кошеленко. – М., 1977.

²⁶⁸ История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Ред. Ю.В. Ганковский. – М., 1982.

²⁶⁹ История Востока. Восток в средние века / Ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. – М., 1995. Т. II.

²⁷⁰ *Васильев Л.С.* История Востока: В 2 т. Т. 1–2. – М., 2001.

Прежде всего, в отечественном востоковедении история государства хорезмшахов, и в дальнейшем мы будем на этом настаивать, постепенно будет все в большей и большей степени связываться с историей монгольских завоевательных походов. Более ранние сюжеты если и будут указываться, описываются с минимальными подробностями и зачастую с некоторыми ошибками. В то же время описания противостояния Хорезмийской и Монгольской империй не содержат качественно отличных сведений по сравнению с исследованием В.В. Бартольда, что, в свою очередь, подчеркивает значимость этого научного труда и его влияние на дальнейшее развитие отечественной историографии.

Попытки преодоления этой тенденции были предприняты уже в советский период, и здесь следует отметить прежде всего сборник статей «Татаро-монголы в Азии и Европе». В этом издании была рассмотрена вся история монгольских завоевательных походов при Чингисхане и его наследниках, в том числе на территорию Центральной Азии и Ирана. Отдельные сведения относительно истории хорезмийского государства содержатся в статьях Ш. Сандага²⁷¹, Е.И. Кычанова²⁷², М. Кутлукова²⁷³, М.Г. Пикунина²⁷⁴ и А. Галстяна²⁷⁵, однако основной массив интересующей нас информации можно найти в статьях И.П. Петрушевского «Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия»²⁷⁶ и «Иран под владычеством монголов 1220–1236 г.»²⁷⁷. Автор рассматривает историю хорезмийского государства в основном в период монгольского нашествия, однако его картина отличается от нарисованной В.В. Бартольдом. И.П. Петрушевский во многом пересмотрел точку зрения В.В. Бартольда на причины монгольского вторжения в Центральную Азию, а также иначе оценил деятельность последних правителей хорезмийского государства – Ала ад-Дина Мухаммада и Джалал ад-Дина Манкбурны. В отличие от В.В. Бартольда И.П. Петрушевский считает

²⁷¹ Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977. – С. 23–46.

²⁷² Кычанов Е.И. Монголо-тангутская война и гибель государства Си Ся // Там же. – С. 46–62.

²⁷³ Кутлуков М. Монгольское господство в Восточном Туркестане // Там же. – С. 85–107

²⁷⁴ Пикунин М.Г. Чингисхан в Афганистане // Там же. – С. 140–150.

²⁷⁵ Галстян А.Г. Завоевание Армении монгольскими войсками // Там же. – С. 166–186.

²⁷⁶ Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. – С. 107–140.

²⁷⁷ Он же. Иран под владычеством монголов 1220–1236 гг. // История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. – Л., 1958. – С. 164–211.

последнего единственным серьезным противником монгольской экспансии. При этом, признавая полководческий талант Джалал ад-Дина Манкбурны, автор считает его слабым политиком в том смысле, что хорезмшах умел завоевывать огромные территории, но не мог удерживать их долгое время под своей властью²⁷⁸. Выводы В.В. Бартольда о политической слабости последнего хорезмшаха базируются лишь на истории его противостояния Чингиз-хану, в то время как И.П. Петрушевский проследил практически весь жизненный путь Джалал ад-Дина в своем исследовании. Из описаний И.П. Петрушевского исчезает важнейший элемент, который использовал в своей критике политической деятельности этого хорезмшаха В.В. Бартольд, это описание чрезмерных жестокостей Джалал ад-Дина. Это позволяет историку, несмотря на упоминание отдельных политических просчетов, сформировать в большей степени «героический» образ Джалал ад-Дина, отчасти и как политического деятеля. Тем самым И.П. Петрушевский уточнил концепцию В.В. Бартольда.

Поскольку, как уже говорилось, ранний этап истории хорезмийского государства, после издания труда В.В. Бартольда остается практически вне поля специального изучения отечественными востоковедами, необходимо обратиться к исследованиям, посвященным личности Чингисхана, монгольским завоеваниям и созданию Монгольской империи. В них будет выделена характеристика хорезмийской державы. Для нас важно не только выяснить, насколько они близки позиции В.В. Бартольда и И.П. Петрушевского, но и попытаться найти альтернативные двум этим подходам точки зрения.

В первую очередь это работа М.И. Иванина²⁷⁹, где автор подробно описал события монгольского вторжения на территорию Центральной Азии и Ирана, однако предшествующие этому событию оказались вне поля авторского внимания. Из хорезмийских правителей М.И. Иванин особо выделил Джалал ад-Дина Манкбурны и подробно рассказал о его судьбе до 1221 г. В работе «Чингисхан»²⁸⁰ академик Б.Я. Владимирцов изложил историю падения хо-

²⁷⁸ Подробно см.: *Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаре-монголы в Азии и Европе. – С. 107–140

²⁷⁹ *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане. – СПб., 1875.

²⁸⁰ *Владимирцов Б.Я.* Чингисхан. СПб., 2000. 1-е изд. – Петроград, 1922.

резмийского государства гораздо менее подробно, а из хорезмшахов выделил лишь Джалал ад-Дина, не давая ему новых оценок. Тот же подход встречается в монографиях Э. Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие»²⁸¹ и Е.И. Кычанова²⁸².

Отдельно отмечу исследования, посвященные истории кочевых государств в целом, в которых авторы значительное внимание уделяют монгольским завоевательным походам²⁸³. В таких трудах информации относительно хорезмийской державы содержится еще меньше, а оценочные характеристики наиболее видных правителей практически полностью отсутствуют. Таким образом, складывается историографическая тенденция, при которой авторы, описывающие монгольские завоевания, все больше сосредоточиваются на самих монголах, не уделяя внимания их противникам, в частности хорезмийскому государству.

Из более поздних исследований монгольских завоевательных походов выделяется работа Р.П. Храпачевского²⁸⁴, где автор описал хорезмийское государство накануне и во время монгольского нашествия. Не разделяя в целом негативное отношение В.В. Бартольда к Джалал ад-Дину Манкбурны, Р.П. Храпачевский не дал иных характеристик последнему хорезмшаху. В других работах по данной тематике, в частности в исследованиях Т.И. Султанова²⁸⁵, М. Давлатова²⁸⁶, С.М. Акимбекова²⁸⁷, также нет качественно иных описаний истории хорезмийской державы и новых характеристик ее правителей.

Другая категория исследований, в рамках которой отечественные ученые уделяли внимание истории хорезмийского государства и его правителей, посвящена истории отдельных регионов и династий в эпоху монгольского нашествия. Из-за самой тематики этих работ информации в них по

²⁸¹ *Хара-Даван Э.* Чингисхан как полководец и его наследие. – Белград, 1929. Изд. в России – Элиста, 1991.

²⁸² *Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. – М., 1973; *Он же.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха. – М., 1995.

²⁸³ В частности см.: *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М., 1997; *Тренавлов В.В.* Государственный строй монгольской империи XIII века. Проблемы исторической преемственности. – М., 1993.

²⁸⁴ *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. – М., 2004.

²⁸⁵ *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М., 2006.

²⁸⁶ *Давлатов М.* Противостояние бухарцев монгольскому нашествию по средневековым источникам // Ирано-славика. 2008. № 3. – С. 30–35.

²⁸⁷ *Акимбеков С.М.* История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии. – Алматы, 2011.

интересующей нас проблеме значительно меньше и она касается лишь отдельных аспектов истории хорезмшахов. Что касается исторических личностей, то авторы описанных ниже работ уделяли внимание исключительно двум последним правителям Хорезма – Ала ад-Дину Мухаммаду и Джалал ад-Дину Манкбурны. Несмотря на эти особенности, представленные исследования занимают важное место в историографии истории Хорезмийского государства.

В первую очередь хотелось бы выделить классический труд В.А. Гордлевского²⁸⁸, где автор уделяет большое внимание истории Хорезмийского государства, особенно в период правления Джалал ад-Дина. Такое же внимание этому правителю уделяет и А.К. Али-Заде²⁸⁹, он, как и В.А. Гордлевский, склонен видеть в нем в большей степени военачальника, нежели политика. При этом, если В.А. Гордлевский отказался от негативных характеристик, свойственных исследованию В.В. Бартольда, то А.К. Али-Заде продолжил их транслировать, ссылаясь на труды Ибн ал-Асира, Киракоса Гандзакети и других историков²⁹⁰.

Работа З.В. Анчабадзе²⁹¹ содержит немного сведений по истории хорезмийского государства, и все они в основном касаются правления Джалал ад-Дина и покорения им Грузии. Автор полностью сосредоточен на решении собственных научных задач, в связи с чем интересующие нас сведения всплывают в работе эпизодически. Описание военных походов последнего хорезмшаха позволяет сформировать примерно схожее представление об этой исторической личности, что и в работе В.В. Бартольда: он представлен безжалостным и удачливым полководцем, недалеким политиком, не сумевшим удержать завоеванные территории. В коллективной монографии «История Грузии»²⁹² хорезмшах и его действия получили такую же оценку. Гораздо более взвешенную оценку деятельности последнего хорезмшаха на

²⁸⁸ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. – М., Л., 1941.

²⁸⁹ Али-Заде А.К. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. – Баку, 1956.

²⁹⁰ Али-Заде А.К. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. – Баку, 1956. – С. 13.

²⁹¹ Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (XI–XVII вв.). – Сухуми, 1959.

²⁹² История Грузии. С древнейших времен до 60-х гг. XIX в. / Сост. Н.А. Бердзенишвили, В.Д. Дондуа, М.К. Думбадзе, Г.А. Меликишвили, Ш.А. Месхиа. – Тб., 1962. Т. I.

территории Южного Кавказа получила в исследованиях Р.А. Гусейнова²⁹³, З.М. Буниятова²⁹⁴ и С. Ашурбейли²⁹⁵ во многом благодаря привлечению более широкого круга источников. Однако прямой дискуссии с В.В. Бартольдом в этих трудах не наблюдается.

Много внимания истории Хорезмийской державы в период правления Ала ад-Дина Мухаммада и Джалал ад-Дина Манкбурны уделено в работах Л.В. Строевой по истории государства исмаилитов Аламаута²⁹⁶. Автор последовательно показывает двух упомянутых хорезмийских правителей как врагов государства исмаилитов, что, по всей видимости, объясняет некоторые негативные характеристики, которые были приведены в указанных выше работах.

В исследовании А.А. Али-Заде «Хроники мусульманских государств I–VII веков хиджры» приводится информация относительно истории Хорезмийского государства с момента его основания и до гибели под ударами монгольских завоевателей²⁹⁷. В этой работе можно найти и краткие сведения о биографиях ведущих правителей этой державы, однако без оценочных характеристик. Значительно снижают значимость данного труда и грубые ошибки, допущенные при описании отдельных аспектов истории Хорезмийской державы и ее правителей. В частности, информация о якобы случившемся взятии Гурганджа войсками Джалал ад-Дина после его бегства в Индию. «Его сын и наследник Джалал ад-Дин Мингбурну также бежал, спустя два года вернулся и сразился с монголами, но потерпел поражение и с остатками своей армии бежал в Индию. Однако на этот раз монголы начали его преследовать. Спасаясь бегством, большинство бойцов Джалал ад-Дина утонули в реке Инд. Позднее Джалал ад-Дин вернулся и захватил Гургандж»²⁹⁸.

²⁹³ Гусейнов Р.А. Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье // Палестинский сборник. Вып. 21. Ближний Восток и Иран. – Л., 1970. – С. 185–198.

²⁹⁴ Буниятов З.М. Государство Атабеков Азербайджана (1136–1225 годы). – Баку, 1978.

²⁹⁵ Ашурбейли С. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). – Баку, 1983.

²⁹⁶ Строева Л.В. Последний хорезмшах и исмаилиты Аламаута // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И.А. Орбели. – М.; Л., 1960. – С. 451–463; Она же. Государство исмаилитов в Иране в X–XIII вв. – М., 1978.

²⁹⁷ Али-Заде А.А. Хроники мусульманских государств I–VII веков хиджры. – М., 2004.

²⁹⁸ Там же. С. 374.

Гораздо менее подробная информация содержится в трудах И.М. Фильштинского²⁹⁹ и Е.И. Зеленева (2006)³⁰⁰, что во многом объясняется теми научными задачами, которые ставили перед собой авторы. Тем не менее, в этих трудах можно найти крайне любопытные сведения об истории Хорезма периода монгольского нашествия³⁰¹. Работа С.П. Карпова³⁰² содержит главу «Трапезундская империя и Восток», где автор подробно описывает действия Джалал ад-Дина в 1225–1231 гг.³⁰³. Отдельным аспектам истории правления Джалал ад-Дина Манкбурны и в меньшей степени Ала ад-Дина Мухаммада уделено внимание в работе М.Р. Аруновой и Ю.П. Лалетина³⁰⁴, где, впрочем, нет никакой информации о событиях позднее 1221 г.

Важное место в отечественной историографии истории государства хорезмшахов-Ануштегинидов занимают источниковедческие исследования. Несмотря на то что в подобных работах чаще всего нет сведений непосредственно по истории этой державы, именно они позволяют понять, на каких средневековых памятниках базировались исследования отечественных востоковедов.

Уже в исследовании В.В. Бартольда³⁰⁵ есть раздел, посвященный корпусу арабо-персидских исторических сочинений домонгольского и монгольского периодов по истории хорезмийского государства. Несмотря на некоторую субъективность при оценке поздних авторов (в частности Мирхонда), его монография остается классическим трудом, в том числе и в источниковедческом отношении. Заданная им высокая исследовательская планка повлияла на дальнейшее развитие исследований в этой области и стала образцом источниковедческого анализа.

Одним из первых специальных исследований по источниковедению истории монгольских завоевательных походов в отечественной науке стало «Собрание материалов относящихся к истории Золотой Орды»

²⁹⁹ Фильштинский И.М. История арабов и Халифата (750–1517 гг.). – М., 2006.

³⁰⁰ Зеленов Е.И. Мусульманский Египет: учебное пособие. – СПб, 2007.

³⁰¹ Там же. С. 133.

³⁰² Карпов С.П. История Трапезундской империи. – СПб., 2007.

³⁰³ Там же. С. 366.

³⁰⁴ Арунова М.Р., Лалетин Ю.П. Очерки средневековой и новой истории Афганистана. – М., 2010.

³⁰⁵ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. – М., 1963. Т. 1.

В.Г. Тизенгаузена³⁰⁶. Оно представляет собой подборку отрывков из арабских и персидских источников, где памятникам предпослан краткий источниковедческий анализ, содержащий сведения об их создании и бытовании. Информация касается истории хорезмийского государства при Ала ад-Дине Мухаммаде и Джалал ад-Дине Манкбурны; сведения о последнем касаются и его присутствия в Западном Иране и Кавказе в 1224–1231 гг.

В исследовании А. Гаффарова³⁰⁷ проанализированы персидские исторические сочинения эпохи монгольского нашествиякаждого его . Как и в случае с трудом В.Г. Тизенгаузена, исследователь не рассматривает домонгольский период истории хорезмийского государства. В работах А.Г. Галстяна³⁰⁸ дан источниковедческий анализ армянских и армяноязычных исторических сочинений и их переводы на русский язык. В них можно найти сведения о деятельности хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны на территории Южного Кавказа и сопредельных регионов, в то время как по истории хорезмийской державы приводятся лишь обрывочные сведения.

В работе Р.А. Гусейнова³⁰⁹ рассматривается написанный на арабском языке труд Бар Эбрея «Сокращенная история династий», в котором содержится информация о деятельности хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны на территории Кавказа и Западного Ирана. Автор подробно описывает биографию Бар Эбрея и анализирует его научное наследие в целом.

Необходимо отметить труд З.М. Буниятова³¹⁰ о корпусе источников по истории Азербайджана, долгое время входившего в состав владений хорезмшаха. Данное исследование не утратило своей значимости до сих пор однако, из-за отсутствия последующих переизданий и дополнений к этой монографии приводимые автором библиографические сведения на данный момент нуждаются в некоторой корректировке. Тем не менее, это сочинение

³⁰⁶ Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. 563.; Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Сост. В.Г. Тизенгаузен. – М.; Л., 1941. Т. II.

³⁰⁷ Гаффаров А. Из области персидской историографии монгольского периода // Древности Востока. Труды восточной комиссии Императорского Московского археологического общества / Ред. А.Е. Крымский. Т. IV. – М., 1913. – С. 1–70.

³⁰⁸ Галстян А.Г. Новые армянские источники о монголах. – М., 1960; Галстян А.Г. Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977. – С. 166–186.

³⁰⁹ Гусейнов Р.А. Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. – Баку, 1960.

³¹⁰ Обзор источников по истории Азербайджана / Ред. З.М. Буниятов. – Баку, 1964.

З.М. Буниятова . крайне полезно для изучения истории деятельности Джалал ад-Дина Манкбурны и более ранних событий, связанных с хорезмийской державой.

Хрестоматия «Персидские исторические тексты»³¹¹ помимо обширного введения, где характеризуется корпус средневековых персидских исторических памятников, важно в первую очередь благодаря публикации отрывка из труда Вассафа³¹² о хорезмшахе Джалал ад-Дине Манкбурны. Сборник «Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв.»³¹³ включает выдержки из сочинений, содержащих информацию о противостоянии хорезмийского государства и монголов. Это труды Ибн ал-Асира, Ибн Абу Усабийи и других арабо-персидских историков. Все переводы в издании сопровождаются биографиями историков с характеристикой их сочинений. Большой массив информации относительно правления Джалал ад-Дина Манкбурны содержится в работе Г.З. Анчабадзе в разделе о «Столетней летописи»³¹⁴.

Арабо-персидским сочинениям об эпохе монгольского нашествия посвящена работа М.Х. Абусеитовой и Ю.Г. Барановой³¹⁵, где дан большой объем информации относительно исторического сочинения Джувеини³¹⁶. Этот исторический источник подробно рассмотрен в исследовании А.Н. Ардашниковой и М.Л. Рейснер³¹⁷, где наряду с этим сочинением рассматриваются труды Рашид ад-Дина³¹⁸ и Мирхонда³¹⁹. Все три памятника содержат огромный массив информации по истории хорезмийского государства как в период монгольского вторжения, так и в домонгольскую эпоху.

³¹¹ Персидские исторические тексты. Хрестоматия / Сост. Дж.Ш. Гиунашвили, Д.В. Кацитадзе. – Тб., 1972.

³¹² Подробно см.: *Vassaf Abdallah*. *Tarih-i Vassaf*. Bombay, 1853; *Vassaf Abdallah*. – *Tarih-i Vassaf*. Tehran, 1959.

³¹³ Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. / Ред. Б.А. Ахмедов. – Ташкент, 1988.

³¹⁴ *Анчабадзе Г.З.* Источниковедческие проблемы военной истории Грузии. (Исследование грузинских исторических сочинений). – Тб., 1990.

³¹⁵ *Абусеитова М.Х., Баранова Ю.Г.* Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII–XVIII вв. – Алматы, 2001.

³¹⁶ *Джувеини*. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер. Е.Е. Харитоновой. – М., 2004; *Djuveini*. The History of the World-conqueror / Trad. J.A. Boyle. – Manchester, 1959. Vols. 1–2; *Djuveini*. *Gozideye Jahangoshai Djuveini*. – Tehran, 1990.

³¹⁷ *Ардашникова А.Н. Рейснер М.Л.* История литературы Ирана в средние века. (IX–XVII вв.). – М., 2010.

³¹⁸ *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей: в 3 т. / Пер. А.К. Аренде, Ю.П. Верховский, О.И. Смирнова, Л.А. Хетагуров. – М., 2002. Кн. 1–2.

³¹⁹ *Mirhond*. *Histoire de sultan du Kharezm*. Paris, 1842; *Mirhond*. *La vie de Genghis-khan*. Paris, 1840; *Mirhond*. *Tarih-i Rauzat as-safa fi sirat al-anbiya w-al-muluk w-al-khulafa*. – Bombay, 1849. Vols. 1–7.

Как говорилось выше, начиная с публикации «Туркестана в эпоху монгольского нашествия» специальных трудов по истории хорезмийского государства в отечественной науке долгое время не было. В советский период вышла монография В.Д. Жукова о Джалал ад-Дине Манкбурны³²⁰, но она носит скорее популярно-агитационный характер. Лишь в 1986 г. появилась обстоятельная монография З.М. Буниятова «Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231»³²¹, охватывавшая весь период его существования. Она базировалась на информации из практически всех известных мусульманских, а также китайских, монгольских и других исторических источниках. Во многом данное исследование, наряду с публикациями И.П. Петрушевского, можно считать попыткой преодоления той историографической концепции, которая была заложена В.В. Бартольдом и долгое время доминировала в отечественной науке. В центре внимания З.М. Буниятова находится не Чингисхан и монгольские завоевательные походы, а непосредственно государство хорезмшахов-Ануштегинидов, его история, сосуществование и борьба с кочевыми народами, в том числе с монголами. В связи с этим в историографии истории хорезмийской державы был преодолен «монголоцентризм», при котором исследователи писали исключительно о последних годах существования этого государства. Кроме того, многие оценочные характеристики, практически неизменные со времени «Туркестана в эпоху монгольского нашествия» были качественно пересмотрены З.М. Буниятовым. В частности, негативный образ последнего хорезмшаха, который был сформирован В.В. Бартольдом и впоследствии подвергся лишь незначительной корректировке, был полностью изменен. З.М. Буниятов писал о нем как о политике и военачальнике полностью соответствующем своему времени. Он не считал его чрезмерно жестоким, но и не скрывал его жестких решений или политических просчетов. При этом З.М. Буниятов подробно описывает и политические успехи Джалал ад-Дина Манкбурны, главным из которых следует признать формирование собственного государства, которое в период с 1225 по 1231 год было

³²⁰ Жуков В.Д. Последний хорезмшах. (Из борьбы Джелаледина Менгуберти с монголами). – Ташкент, 1944.

³²¹ Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231. – М., 1986.

единственным сдерживающим фактором на пути дальнейшего подчинения монголам Ирана, а так же завоевания Южного Кавказа, Ближнего Востока и Малой Азии. В.В Бартольд же сосредоточив свое внимание, в большей степени, на противостоянии Джалал ад-Дина монгольской угрозе в 1219-1221 годах формировал свое суждение о хорезмшахе, как о политике, основываясь в основном на событиях этого периода времени. В свою очередь, З.М. Бунятов благодаря подробному анализу биографии последнего хорезмшаха указал и на политические неудачи, и на политические успехи Джалал ад-Дина, что позволило сформировать в отечественной науке представление о последнем хорезмшахе как о сильном военачальнике, и не всегда успешном политическом деятеле, которому, тем не менее, удалось несмотря ни на что создать собственное государство в землях Ирана и Южного Кавказа и на короткий срок преградить путь монгольской экспансии.

Подводя итоги исследования, хотелось бы отметить крайне небольшое число специальных исследований по истории хорезмийского государства в отечественной историографии. Во многом причиной этому стало классическое исследование В.В. Бартольда, после которого данная проблематика могла показаться исчерпанной. С другой стороны, большое количество работ в большей или меньшей степени освещали историю Хорезмийского государства и деятельность отдельных его правителей исключительно в контексте монгольского завоевания Центральной Азии и Ирана. В свою очередь, ранние сюжеты все реже появлялись на страницах исследований, и более чем столетняя история династии Ануштегинидов сводилась к последним двум ее представителям.

Не менее важно отметить и эволюцию некоторых оценочных характеристик хорезмийских правителей в отечественной историографии. На примере Джалал ад-Дина Манкбурны видно, как негативная оценка его деятельности В.В. Бартольдом долгое время доминировала в отечественной науке. Пересмотр ее связан с трудами И.П. Петрушевского и особенно З.М. Бунятова. Они показали Джалал ад-Дина Манкбурны талантливым военачальником, долгое время оказывавшим существенное сопротивление монгольской экспансии на территорию Центральной Азии и Ирана, однако при этом эффект от его не-

дальновидных политических решений перечеркивал его же успешные политические шаги, в результате чего созданная им держава существовала лишь недолгое время.

Список источников и литературы

Ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. З.М. Бунятова. Баку, 1973. 450 с.

Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / Пер.: Г.В. Цулая. М., 2005. 152 с.

Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. А.Г. Галстян. М., 1962. 155 с.

Багратиони Давид. История Грузии / Сост. А. Рогова. Тб., 1971. 271 с.

Гандзакеци К. История / Пер. с древнеарм. Т.И. Тер-Григоряна. Баку, 1946. 302 с.

Гандзакеци К. История Армении / Пер. Л.А. Ханларян. М., 1976. 355 с.

Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер. Е.Е. Харитонова. М., 2004. 690 с.

Ибн ал-Асир. «Ал-Камил фи-т-тарих»: «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П.Г. Булгаков, Ш.С. Камолиддин. Ташкент, 2006. 560 с.

Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. / Ред.: Б.А. Ахмедов. Ташкент, 1988. 361 с.

Обзор источников по истории Азербайджана / Ред. З.М. Бунятов. Баку, 1964. 36 с.

Персидские исторические тексты. Хрестоматия / Сост. Дж.Ш. Гиунашвили, Д.В. Кацитадзе. Тб., 1972. 390 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей: в 3 т. / Пер.: А.К. Арендс, Ю.П. Верховский, О.И. Смирнова, Л.А. Хетагуров. М., 2002. Кн. 1–2.

Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Сост. В.Г. Тизенгаузен. СПб., 1884. Т. 1. 563 с.

Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Сост. В.Г. Тизенгаузен. М.; Л., 1941. Т. II. 308 с.

Djuveini. The History of the World-conqueror / Trad. J.A. Boyle. Manchester, 1959. Vols. 1–2.

Djuveini. Gozideye Jahangoshai Djuveini. Tehran, 1990. 76 p.

Mirhond. Histoire de sultan du Kharezm. Paris, 1842. 113 p.

Mirhond. La vie de Genghis-khan. Paris, 1840. 174 p.

Mirhond. Tarihi Rauzat as-safa fi sirat al-anbiya w-al-muluk w-al-khulafa. Bombay, 1849. Vols. 1–7.

Vassaf Abdallah. Tarih-i Vassaf. Bombay, 1853. 658 p.

- Vassaf Abdallah*. Тарих-и Vassaf. Tehran, 1959. 708 с.
- Абемян М.* История древнеармянской литературы. Ереван, 1948. Т. 1. 524 с.
- Абусеитова М.Х., Баранова Ю.Г.* Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII–XVIII вв. Алматы, 2001. 420 с.
- Акимбеков С.М.* История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии. Алматы, 2011. 639 с.
- Али-Заде А.А.* Хроники мусульманских государств I–VII веков хиджры. М., 2004. 444 с.
- Али-Заде А.К.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956. 420 с.
- Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии (XI–XVII вв.). Сухуми, 1959. 306 с.
- Анчабадзе Г.З.* Источниковедческие проблемы военной истории Грузии. (Исследование грузинских исторических сочинений). Тб., 1990. 256 с.
- Ардашников А.Н. Рейснер М.Л.* История литературы Ирана в Средние века. (IX–XVII вв.). М., 2010. 504 с.
- Арунова М.Р., Лалетин Ю.П.* Очерки средневековой и новой истории Афганистана. М., 2010. 264 с.
- Ашурбейли С.* Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку, 1983. 306 с
- Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1963. Т. 1. 760 с.
- Буниятов З.М.* Государство Атабеков Азербайджана (1136–1225). Баку, 1978. 271 с.
- Буниятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 гг. М., 1986. 247 с.
- Васильев Л.С.* История Востока. М., 2001. Т. 1–2.
- Владимирцов Б.Я.* Чингиз-хан. СПб., 2000. 1-е изд. – Петроград, 1922. 142 с.
- Всемирная история / Сост. Н.И. Конрад, И.П. Петрушевский, Н.А. Сидорова, Л.В. Черепнин. М., 1957. Т. 3. 896 с.
- Галстян А.Г.* Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 166–186.
- Галстян А.Г.* Новые армянские источники о монголах. М., 1960. 9 с.
- Гаффаров А.* Из области персидской историографии монгольского периода // Древности Восточные. Труды восточной комиссии Императорского Московского археологического общества / Ред. А.Е. Крымский. Т. IV. М., 1913. С. 1–70.
- Гордлевский В.А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. 200 с.
- Гусейнов Р.А.* Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье // Палестинский сборник. Вып. 21. Ближний Восток и Иран. Л., 1970. С. 185–198.

- Гусейнов Р.А.* Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960. 182 с.
- Давлатов М.* Противостояние бухарцев монгольскому нашествию по средневековым источникам // Ирано-славика. 2008. № 3. С. 30–35.
- Жуков В.Д.* Последний хорезмшах. (Из борьбы Джелаледдина Менгуберти с монголами. Ташкент, 1944. 15 с.
- Зеленев Е.И.* Мусульманский Египет: учебное пособие. СПб, 2007. 373 с.
- Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875. 252 с.
- История Азербайджана / Ред. И.А. Гусейнов. Баку, 1958. Т. 1. 423 с.
- История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Ред. Ю.В. Ганковский. М., 1982. 386 с.
- История Востока. Восток в средние века / Ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М., 1995. Т. 2. 716 с.
- История Грузии. С древнейших времен до 60-х гг. XIX в. / Сост. Н.А. Бердзенишвили, В.Д. Дондуа, М.К. Думбадзе, Г.А. Меликишвили, Ш.А. Месхиа. Тб., 1962. Т. I. 510 с.
- История Ирана / Ред. Э.А. Грантовский, М.А. Дандамаев, М.С. Иванов, Г.А. Кошеленко. М., 1977. 488 с.
- История Ирана: Сб. ст. / Сост. С.А. Шумов, А.Р. Андреев. Киев; М., 2003. 360 с.
- История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. / Ред.: И.П. Петрушевский, Н.В. Пигулевская, А.Ю. Якубовский. Л., 1958. 390 с.
- История стран Азии и Африки в средние века / Ред. Ф.М. Ацамба, Л.В. Симоновская. М., 1968. 496 с.
- История стран зарубежной Азии в средние века / Ред. А.М. Голдобин, Д.И. Гольберг, И.П. Петрушевский. М., 1970. 640 с.
- История стран зарубежного Востока в средние века / Ред. Ф.М. Ацамба, Е.А. Беляев, И.М. Рейснер, Л.В. Симоновская. М., 1957. 372 с.
- Карпов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007. 656 с.
- Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973. 144 с.
- Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха. М., 1995. 272 с.
- Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. 316 с.
- Кычанов Е.И.* Монголо-тангутская война и гибель государства Си Ся // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 46–62.
- Кутлуков М.* Монгольское господство в Восточном Туркестане // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 85–107.
- Мамедова Ф.* Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005. 798 с.

Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н.э.). Баку, 1986. 280 с.

Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. С. 107–140.

Петрушевский И.П. Иран под владычеством монголов 1220–1236 г. // История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 164–211.

Пикунин М.Г. Чингисхан в Афганистане // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 140–150.

Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 23–46.

Строева Л.В. Государство исмаилитов в Иране в X–XIII вв. М., 1978. 274 с.

Строева Л.В. Последний хорезмшах и исмаилиты Аламута // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И.А. Орбели. М.; Л., 1960. С. 451–463.

Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. 448 с.

Трепавлов В.В. Государственный строй монгольской империи XIII века. Проблемы исторической преемственности. М., 1993. 168 с.

Фильштинский И.М. История арабов и Халифата (750–1517 гг.). М., 2006. 349 с.

Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929. Изд. в России – Элиста, 1991. 272 с.

Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2004. 264 с.

Социальная история Тюркского каганата в исследованиях Ю.А. Зуева

Ключевые слова: тюрки, каганат, кочевники, историография, социальная организация.

В контексте проблем политогенеза кочевнических обществ большой интерес представляют разработки Ю.А. Зуева. Особое значение имеет его кандидатская диссертация, защищенная в июне 1967 г., так, к сожалению, и оставшаяся неопубликованной³²². Ю.А. Зуев изучил огромное количество китайских материалов, но особую уникальность его работам придает широкая эрудиция автора, прекрасно разбиравшегося в этнографии и фольклоре тюрко-монгольских народов и активно привлекавшего сравнительно-исторический и этнографический материал для древнетюркской тематики.

Ю.А. Зуев оставил в своих ранних работах важные замечания социологического характера. Уже при издании в 1960 г. перевода цзюаня 72 пекинского издания источника «Тан хуэй яо» 唐會要 («Сводное обозрение [истории] [династии] Тан») (с. 1305–1308) под названием «Тамги лошадей из вассальных княжеств», представляющего собой перечень народов Центральной и Средней Азии, которые поставляли лошадей в армию империи Тан, ученый сделал попытку интерпретации функционального значения этих тамг в контексте отношений собственности у кочевников:

«Таврение лошадей тамгами было известно и в Тайском Китае. Оно производилось по нескольким признакам: породе лошадей, ее росту, рабочим качествам, по принадлежности к государственным учреждениям или частным лицам. В отличие от этого у средневековых кочевников – при слабой диффе-

³²² Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: дисс. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1967.

рениции собственности, когда формально “не существует собственности отдельного лица, а существует лишь его владение” (Маркс), а, следовательно, семейная собственность осознается как родовая, показателем власти над основным видом их имущества (лошадьми, быками, баранами) было его таврение родовыми тамгами»³²³.

В данном случае тамги олицетворяли не род, а все племя, будучи знаками ханского рода, при смене которого, по мнению ученого, сменялась тамга всего племени³²⁴.

В целом характеристика социальных отношений у тюрков в интерпретации Ю.А. Зуева не отличались от общей линии марксистской историографии. Например, тот факт, что Ту-мэнь 土門 заключил торговые отношения с китайцами, отправив летом 553 г. к ним 50 тыс. голов лошадей для обмена, говорит о том, что к этому времени тюрки уже знали имущественное расслоение, а их знать нуждалась в предметах роскоши³²⁵.

По мнению Ю.А. Зуева, период VI–VII вв. был переломным этапом древнетюркской истории, поскольку тогда произошло установление классовых отношений. Родовые пережитки сохранялись, но при этом «демократическая сущность родового строя уже сменялась своей противоположностью – классовыми противоречиями». Оба каганата, Восточный и Западный, представляли собой «образования государственного типа, созданные для защиты интересов господствующего класса» и «стимулировали отделение аристократии от плебса», выражавшемся и в появлении «династийных групп»³²⁶.

Занимая обширные территории, восточная и западная части Тюркского каганата представляли собой «складывающиеся государства», но при этом они не были связаны единой экономической и этно-политической организацией, способной противостоять «экстремистским устремлениям изнутри и давлению извне»; кроме того, обострение социальных отношений в каганате, усугублен-

³²³ Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из Китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйао) // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. – Алма-Ата, 1960 (Труды ИИАЭ АН КазССР, VIII). – С. 95; *Его же*. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. – С. 44.

³²⁴ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 44–45.

³²⁵ Там же. С. 56.

³²⁶ Там же. С. 197, Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: автореф. дисс... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1967. – С. 18.

ных эпизоотий, джутами и голодом, наступление суйского Китая в 581–618 гг. и «естественно начавшийся» процесс автономизации районов каганата привели к его разделу, последовавшему в 603 г.³²⁷

В чуть более поздних работах Ю.А. Зуев характеризовал уже Западно-тюркский каганат как государство, основанное на синкретизации кочевнико-скотоводческого общества и оседло-земледельческого с уже значительной степенью развития феодальных отношений, что способствовало быстрому классовому образованию и дальнейшему формированию раннефеодальных отношений в самом каганате³²⁸.

Важны, тем не менее, несколько специальных замечаний относительно социо- и политогенеза тюрков.

Во-первых, Ю.А. Зуев сделал важное указание, что хотя под названием *те-лэ* 鐵勒 (тирек), в китайских источниках подразумевался конгломерат различных племен, на территории Алтая и Семиречья уже были значительно распространены тюркоязычные племена, что было одним из важных факторов консолидации племен под верховенством рода А-ши-на 阿史那³²⁹.

Ю.А. Зуев выдвинул мнение о том, что изначально «мельчайшей экономической единицей и основой социальной структуры древнетюркского общества была большесемейная община, обязательными атрибутами которой были общее жилище (на первых порах), общий котел и патриарх-домачин»³³⁰. Аргу-

³²⁷ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 57–58, 197–198.

³²⁸ История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней: в 5 т. – Алма-Ата, 1977. Т. 1. Первоначально-общинный строй. Племенные союзы и раннефеодальные государства на территории Казахстана. С. 329, 332. Ср. этот же раздел, перепечатанный в 1996 г. в кн.: История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 4 т. – Алматы, 1996. Т. 1. – С. 300, 301, 303.

³²⁹ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 27, 29, 188, 190; *Его же*. Древнетюркские генеалогические предания... автореф. С. 9.

³³⁰ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... автореф. С. 14–15; История Казахской ССР... 1977. Т. 1. С. 331; История Казахстана... 1996. Т. 1. С. 302. Ю.А. Зуев исходил из отрывка цзюаня 197 «Тун дэнь» 通典 (801 г.) с упоминанием тюркского титула *и-кэ-хань* 遣可汗, переводимого им как «домашний каган» (Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 71–72; *Его же*. Древнетюркские генеалогические предания... автореф. С. 14–15; История Казахской ССР... 1977. Т. 1. С. 331; История Казахстана... 1996. Т. 1. С. 302). Отождествление иероглифа *и* 遣 с тюркским словом *äb* или *äv* «дом» предложил в 1958 г. Лю Мао-цай (*Лю Маоцай*). Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках / пер. с нем. В.Н. Добжанского и Л.Н. Ермоленко; отв. ред. Д.Д. Васильев // Бюллетень (Newsletter) общества востоковедов. Прил. 1. М., 2002. С. 17). Позже В.С. Таскин указал, что иероглиф *и* 遣 имеет также чтение *юй* 于, что передает тюркское *ij* «дом», из чего он сделал вывод, что *юй-кэ-хань* означает главу только своего рода или семьи (Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. [с кит.] и коммент. В.С. Таскина. М., 1984. С. 68, 306, прим. 46). Надо, однако, заметить, что, форма *ij* фиксируется в тюркских языках довольно поздно (*Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893. Т. 1. Гласные. Ч. 1. Стб. 1799–1800).

ментом в пользу этого было указание на крупный рогатый скот у тюрков, ведь он требует стойлового содержания, поэтому речь должна идти об оседлом образе жизни тюрков³³¹. Кроме того, исходя из сообщений источников о металлургии, Ю.А. Зуев указал, что тюрки имели развитое ремесло, которое также в немалой степени способствовало их возвышению³³².

Позже тюрки перешли к кочевому образу жизни, о чем свидетельствует, например, появление у них нового типа жилища – юрты (*käräkü*)³³³, но *цун-лу* 穹廬, – под чем ученый понимает большие юрты, – остались как реликт от тех времен, когда основным типом жилища был шалаш³³⁴.

При переходе к кочеванию произошла «автономизация» отдельных семей внутри общины, что привело к ее распаду, но не утрате связей между малыми семьями, а поскольку общность хозяйства общины была нарушена, то большесемейная община, будучи в своем классическом виде несоместимой с кочевым хозяйством, начала приобретать черты патронимии³³⁵.

Уже в 1998 г. вышла статья Ю.А. Зуева, где он отказался от своего мнения, показав, что титул *и-кэ-хань* не имел отношения ни к помещению, ни к моногамной семье, ни к патриархальному роду, а «на заре тюркской истории» это был титул предводителя удела (Зуев Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана: сб. науч. ст. – Алматы; М., 1998. Вып. 2. – С. 160). Однако в своей последней крупной работе Ю.А. Зуев писал о патриархальной семье с сохранившимися пережитками материнского рода, таких как коллективная собственность на землю и средства производства, а также матрилокальность брака (Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002. – С. 167–168).

³³¹ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 72. Вывод о скотоводстве ученый делает из приводимой в источнике IX в. (Ю.А. Зуев указывает VIII в.) «Ю-ян цзя-цзу» 酉阳杂俎 легенды, где говорится, что предки тюрков (???) в источнике просто бэй-лу 北虜, букв. 'северные варвары (дикари, инородцы)', но имея их вождя: Ни-ши-ду 泥師都 последовали за гу-чжан 古旃, что значит 'корова' (ню Ню) (Там же. С. 60, 72, 85. Ср.: Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... автореф. С. 9).

³³² Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 85, 138, 191; *Его же*. Древнетюркские генеалогические предания... автореф. С. 14.

³³³ Там же. С. 77–79.

³³⁴ Там же. С. 74–75, 76.

³³⁵ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... автореф. С. 15. См.: *Его же*. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. ... С. 80–83, 194. В теоретических построениях Ю.А. Зуев основывался здесь также на одной из работ С.М. Абрамзона (КСИЭ. 1958. Вып. XXVIII. С. 31–32). Но обоснование конкретным источниковым материалом довольно неоднозначно. Так, Ю.А. Зуев отмечает, что в сообщении «Синь Тан шу» 新唐書 о сыне Тай-цзуна 太宗, который увлекался образом жизни тюрков и устраивал соответственные игры с товарищами, говорится, что он приказывал 5 человекам образовывать «семью» (у Лю Мао-цай: «орду»), обозначающую ло 落, на которую приходилась одна палатка (цун-лу 穹廬), но это не значит, что семья эквивалентна 5 чел., ведь далее говорится, что он «велел, чтобы «племена» припасали баранов и варили их», и «тогда доставали из-за пояса ножи, резали мясо и кормили/угощали/ друг друга», что Ю.А. Зуев считает указанием на то, что варили баранов, собравшись, племена, скорее всего, в общем котле, а угощая друг друга, имитировали «сузус большесемейной общины» (Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 78–79. См.: Liu Mau-tsi. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). – Wiesbaden, 1958. I. Buch. Texte (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Bd. 10). S. 283; Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках... С. 33).

Здесь важно, что Ю.А. Зуев, хотя и следовал схеме, намеченной Ф. Энгельсом, связывая стадии изменения социальных отношений с формой хозяйства, изменения в последней увязывал с географическим фактором, со сменой места жительства тюрков³³⁶.

Итак, в этой патриархальной большесемейной общине консервировался материнско-отцовский счет родства из-за того, что тюрки еще не расстались с матрилинейным счетом наследования³³⁷, причиной чему была высокая роль женщины в кочевническом хозяйстве или специфика необходимости консолидации родоплеменных групп. Семья патриархального типа не успела окрепнуть, но из-за новых условий хозяйствования и характера социальных связей подверглась изменениям³³⁸.

Кроме кровнородственных членов такой общины в нее входят «рабы» и «наложницы», но эти термины условны, поскольку в условиях кочевания развитие классического (античного) рабства невозможно. Рабство носило домашний или семейный характер и ограничивалось эксплуатацией в основном женщин и девушек³³⁹, но не исключало наличия рабов-ремесленников, градостроителей и т.п.³⁴⁰

Община еще не распалась, внутренняя имущественная дифференциация также еще не была значительной³⁴¹. Но между такими общинами (в более поздних работах «племенами») было имущественное и политическое неравенство³⁴². Наиболее сильные держали в подчинении других, что было своеобразной формой данничества, зависимые общины выполняли различные повинности: гужевую, коштную, ополченскую. Были покоренные племена, называвшиеся иногда «госте-

³³⁶ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 73–74, 189–190.

³³⁷ Здесь Ю.А. Зуев почему-то ссылается на А.Н. Бернштама.

³³⁸ Там же. С. 83–84.

³³⁹ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 140–142; *Его же*. Древнетюркские генеалогические предания... автореф. С. 15; История Казахской ССР... 1977. Т. 1. С. 331–332; История Казахстана... 1996. Т. I. С. 302–303. В доказательство того, что термин *кул* у тюрков выражал зависимость, но не рабство, Ю.А. Зуев приводит данные китайских источников, когда, во-первых, тюрки, добывавшие железо для *жсоу-жань* 柔然, именуются «плавильщиками-рабами», т.е. *дуань-ну* 鍛奴, но в этом же источнике говорится, что они были их вассалами, т.е. *чэнь* 臣, во-вторых, есть сообщение, что «си и цидань /каи и кидани/ издавна были *ну* /т.е. вассалами/ тюрков...», в-третьих, каган Ша-бо-люэ 沙鉢略 признал себя вассалом (*чэнь* 臣) китайского императора, узнав о тождестве этого слова с их понятием рабства (ну 奴). Потому китайское ну 奴 является переводом тюркского *кул* (Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 139–140).

³⁴⁰ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 141–142.

³⁴¹ Там же. С. 144.

³⁴² Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... автореф. С. 15–16.

выми», которых использовали как авангард в сражениях³⁴³. Скота не всегда хватало, что зачастую приводило к голоду. Именно это способствовало закабалению общины со стороны родоплеменной верхушки или могущественных соседей³⁴⁴.

Итак, речь может идти о большесемейной общине, образовавшейся уже после распада рода, где брату наследует брат, затем ему старший племянник, что находит соответствие в Хошо-Цайдамских надписях [КТБ, 4–5 = БК, X, 5] (у Ю.А. Зуева ошибочно – в надписи Тоньюкука)³⁴⁵.

Ю.А. Зуев считал, что еще до перехода к кочевническому хозяйству у тюрков существовало две брачующихся фратрии: каганская и катунская³⁴⁶. Первую представляло племя а-ши-на 阿史那, вторую – а-ши-дэ 阿史德 и басмылы (ба-си-ми 拔悉密), предоставлявшие каганскому роду жен попеременно с разницей в одно поколение, причем представительницы рода а-ши-дэ 阿史德 всегда играли роль старших жен. Форма брака у тюрков характеризовалась как полигамия с частичной или полной матриликальностью жен. Все это определило двойную систему наследования как по отцовской (принадлежность к а-ши-на 阿史那), так и по материнской линии (принадлежность к а-ши-дэ 阿史德), что привело к появлению порядка передачи власти по схеме: старший брат – младший брат – старший племянник³⁴⁷.

³⁴³ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 142; *Его же*. Древнетюркские генеалогические предания... автореф. С. 16; История Казахской ССР... 1977. Т. 1. С. 331; История Казахстана... 1996. Т. 1. С. 302. Говоря о «гостевых племенах» (кэ-бу 客部), Ю.А. Зуев имел в виду упоминание подчинения племен ба-си-ми 拔悉密 и гэ-ло-лу 葛邏祿 семиплеменным союзом во главе с хуэй-хэ 回紇 в первой половине VIII в. (Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 142–143).

³⁴⁴ Там же. С. 144; Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... автореф. С. 16.

³⁴⁵ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 69–70. Снова находя соответствие между количеством братьев и изначальным количеством воинов у Кутлуга, а именно – семнадцать, которое затем разрозлось в семьсот, образовав, как указывает Ю.А. Зуев, племя. По его подсчетам, если семьсот человек равно племени, семьдесят – фратрии, и семнадцать – роду (или большесемейной общине), поскольку каждый из мужей имел еще в семье еще 4–5 человек женщин и детей, итого это было 75–90 человек в общине (по М.О. Косвену) (Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 70–71).

³⁴⁶ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 146 сл.

³⁴⁷ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... автореф. С. 16; *Его же*. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 167, 169; *Его же*. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (к вопросу о сущности и пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 67. Различные указания на традицию передачи власти у тюрков от старшего брата к младшему, затем от дяди к племяннику Ю.А. Зуев видел уже в китайском изложении древнетюркских генеалогических легенд. Так, версия легенды о гибели рода, возглавляемого А-бан-бу 阿傍步, из-за его глупости (что находит отголоски в рунических текстах о гибели государства из-за «неразумных» каганов), которому наследовал младший брат И-чи-ни-ши-ду 伊麗泥師都 (< *ïäi¹-t¹ši¹-nie¹-ši¹-tuo), в имени которого можно видеть передачу тюркского äi¹ (iči) 'предок', 'старший брат' и др. (Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 66–67). После его сына Нэ-ду-ло 訥都六 власть получил сын младшей жены с ее фамилией А-ши-на 阿史那,

Такая система сужала круг претендентов на престол до трех родов и способствовала сохранению целостности власти и нераздельности каганата на уделы. Система представляла собой трехродовой союз с кольцевой связью племен, но лишь со стороны каганского рода к двум другим, в то же время автономным друг по отношению к другу³⁴⁸.

Гипотеза о басмылах основывается на довольно спорных фактах³⁴⁹. С А-ши-дэ 阿史德 несколько сложнее, поскольку ученый имел предшественников в этой гипотезе³⁵⁰. Ю.А. Зуев приводит отрывок из сочинения автора юаньской эпохи Оу-ян Сюаня 歐陽玄 об арслан уйгурах³⁵¹, где говорится, однако, говорится о роли потомков Тоньюкука в уйгурском княжестве Кочо³⁵².

принявший титул А-сянь 阿賢 шад, где важно упоминание его родства по женской линии и о его праве на престол, при этом А-сянь 阿賢 < *â-gien* < **ägän* – **jägän* тюрк. 'племянник по женской линии' (Там же. С. 68). Первая, неудачная, попытка утвердить патриархальный счет родства связана с То-бо 佉鉢 каганом, который сам получил престол от Му-гань 木杆 кагана, считавшего родство братьев ближе, чем родство отца с сыном (Там же. С. 163–164, 164–165).

³⁴⁸ Там же. С. 162–166; Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... автореф. С. 16–17; *Его же*. Историческая проекция... С. 67. В Восточно-тюркском каганате этими тремя племенами были, как уже указывалось, а-ши-на 阿史那, а-ши-дэ 阿史德 и ба-си-ми 拔悉密, в Западном: в центре чу-лу-кунь 处木昆 (чумук, а-ши-на 阿史那), слева ху-лу-у 胡祿屋 (улуг-ок) и справа а-си-цзе 阿悉结 (азгыр), возглавлявшие племена ну-ши-би 弩失毕 (он-шадыпыт, правые шадыпыты) (Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 156; *Его же*. Древнетюркские генеалогические предания... автореф. С. 18; *Его же*. Историческая проекция... С. 66–67). Всем указанным отождествлениям и транскрипциям посвящен ряд статей Ю.А. Зуева конца 50-х – середины 60-х гг. XX в.

³⁴⁹ Во-первых, в надписи Бильге кагану об ыдук куте басмылов говорится, что он из рода кагана (*basmil iduqut oyus-im bodum erti*) [БК, X, 25] (при этом, поскольку предводитель басмылов носил титул *ыдук кут*, Ю.А. Зуев предполагал, что он мог обладать какими-то сакральными функциями. См.: Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 155–156); во-вторых, сын Чэ-би 車鼻 кагана Цзе-мань-то 羯漫陀 покидает отца и остается «со своим племенем» басмылов (в оригинале: тун ба-си-ми бу 統拔悉密部 [Тун дьянь, цз. 198, с. 2а]); в-третьих, своего младшего брата (ди 弟), носившего титул тегин, который пытался отравить его, Мо-чжо 默嚼 «вернул в свое племя» (Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 155), но в оригинале «Цюань Тан Вэнь» 全唐文 он просто называется ба-си-ми 拔悉密, на месте, где могло читаться тегин, стоит ши-цинь 時勒 (не те-лэ 特勒), а про действия кагана говорится: лин гуй юй бу-ло 令歸於部落, букв. 'приказал вернуться в племя' [Цюань Тан Вэнь, цз. 342, с. 16а]. Так или иначе, в указании в двух последних случаях на племя басмылов как «свое» для некоторых ханов Ю.А. Зуев видит основание для предположения, что счет родства у тюрков велся по матери, ведь и в генеалогической легенде сам А-ши-на 阿史那 также получил имя по матери (Там же. С. 167). Однако основанием для названной гипотезы о ба-си-ми 拔悉密 может также служить сообщение «Цзы-чжи тун-цзянь» 資治通鑑, «где под 720 г. сообщается, что династийным родом Басмалов является А-ши-на... <...>, а сами они происходят от Ту-цзюэ (цз. 212, стр. 6742)» (Зуев Ю.А. Тамги... С. 104). Имя упомянутого в 743 г. поднятого тюркским каганом их предводителя А-ши-на Ши 阿史那施 ученый рассматривает как указание на род/племя *ашнаш* (Зуев Ю.А. Ранние тюрки... С. 82–83).

³⁵⁰ Ю.А. Зуев указывает, что первыми на такую роль ашинасцев указывали П. Пельо (Journal Asiatique. 1912. P. 301, где, по-видимому, ошибка, надо: T'oung Pao. 1912. Vol. XIII. P. 302, т.е., по-видимому, речь идет о статье «La fille de Mo-tch'o Qaghan et ses rapports avec Kül-tegin») и сэра Дж. Клосона, который, ссылаясь на указанную работу П. Пельо, называет А-ши-дэ 阿史德 семьей Тоньюкука («de nom de famille de Toñkuk») и пишет: «из которой происходили также некоторые личности, которые брались в жены правящей семьей восточных ту-цзюэ» («qui a été porté aussi par certains individus qui prient femme dans la famille royale des Tou-kiue orientaux») (Clauson G. A propos du manuscrit Pelliot tibétain 1283 // Journal Asiatique. 1956. T. CCXLV. Fasc. 1. P. 18).

³⁵¹ По-видимому, влияние А. фон Габэн. См.: *Gabain A. (von) Das uigurische Königreich von Chotscho 850–1250*. Berlin, 1961 (Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen,

По предположению ученого, эти два племени, а-ши-дэ 阿史德 и басмылы, могли играть роль крыльев по отношению к центральному, ведь система межродовых связей накладывалась на военно-тактическую организацию. Позже триальная система развилась в девятичастную (токуз огуз), когда по три племенных единицы располагалось на крыльях и в центре. Вторичной была десятичная система, развившаяся при выделении господствующего рода, ставшего над девятью другими и оторвавшегося от этой системы. Так, «при сохранении триальной (девятичной) структуры институт десятичного счисления, на существование которого указывается в генеалогических преданиях о десяти сыновьях и десяти племенах у ранних тюрков, представляет собой следующий общественный этап, связанный с дальнейшим отрывом господствующей верхушки от массы рядовых коллективов и ее обособлением»³⁵³. К последнему можно прибавить, что слабое разделение труда, интенсификация отношений обмена, способствовавшая накоплению богатств, выразились в десятичной системе, «обнаружившей классовую сущность ее создателей»³⁵⁴.

Literatur und Kunst Jahrgang 1961. Nr. 5). S. 21. Ср. названия народов *а-са-лань хуй-ху* 阿薩蘭回鶻 и *а-са-лань бу* 阿薩蘭部, и имя вождя *А-са-лань* 阿薩蘭 или *Хэ-сы-лань* 呵思懶, ср. в этом же контексте кит. *ши-цзы* 獅子 'лев' (см. теперь: *Малаякин А.Г.* Материалы по истории уйгуров в XI–XII вв. Новосибирск, 1974 (История культура востока Азии, II). С. 65, 136, комм. 403, с. 67, 138, комм. 420, с. 68, 138, комм. 422, а также с. 185, 202, 205 указателя). Последнее А. фон Габэн считала транскрипцией ср.-перс. *šīr*, ср. также ее рассуждения о значении слова *arslan* для названия уйгурской династии в Кочо: *Gabain A. (von) Von Ötükän nach Idiqt-Sähri. Studie zur Akkulturation der Alt-Türken // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1982. Т. XXXVI. Fasc. 1–3. P. 190. С. Каржаубай упоминает в этом аспекте рукопись работы Ю.А. Зуева «Солнечно-лунные династии» (Алма-Ата, 1984) (*Каржаубай С.* Объединенный каганат тюрков в 745–760 годах (по материалам рунических надписей). – Астана, 2002. – С. 154).

³⁵² «Их предком из поколения в поколение называется Тунь Юйгу /Тон Ююк/, по происхождению туююе. Так как его дочь была выдана замуж за Моцзилян-кагана, она стала катун. И тогда /Моцзилян и Тунь Юйгу/ вместе стали советоваться об управлении страной. .../Когда/ прежние земли Моцзиляна были заняты уйгурами, потомки Тунь Юйгу стали канцлерами в их стране». «...Потомки Тунь Юйгу как раз и стали наследственными сановниками у уйгуров, поэтому /также/ назывались уйгурами». Нам не удалось установить, откуда взялись в интерпретации автора «арслан уйгуры», ибо речь идет о членах семьи Се Ёе [Гуй-чжай взнь-ци, т. 3, 43а–43б]. Далее об одном из них, Пи-ли-цзя ху-ди 叱俛傑忽底, получившем титул мин-бе-цизи 明別吉, и его жене Хэ-сы де-линь 赫思迭林, говорится: «Их сыновья и младшие братья со времен Тунь Юйгу были высшими сановниками в той стране. Их называли шэ /шад/ или ша /шад/. На китайском языке это, по-видимому, то же, что посад родственников императрицы» (*Зуев Ю.А.* Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 152–153). В оригинале здесь: *шэ* 設, что передает звучание тюркского *šad* (См.: *Hirth F.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen // *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St. Petersburg, 1899. S. 47), и *ци-вань* 威腕 [Гуй-чжай взнь-ци, т. 3, с. 45а], ср.: 'колония свойственников императора (со стороны императрицы)' (Большой китайско-русский словарь по русской графической системе : в 4 т. : ок. 250 000 слов и выражений / сост. под рук. и ред. И.М. Ошанина. – М., 1984. Т. 4. Иероглифы № 10746–№ 15505. – С. 259).

³⁵³ *Зуев Ю.А.* Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 184–185; *Его же.* Древнетюркские генеалогические предания... автореф. С. 17; *Его же.* Историческая проекция... С. 67. Здесь важно указание, что и самого А-ши-на 阿史那, одного из десяти братьев, девять «совместно поставили» правителем (*чжэу-цзи суй фэн и вэй чжэу* 諸子遂奉以為主) (*Зуев Ю.А.* Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 185).

³⁵⁴ *Зуев Ю.А.* Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 191.

В целом же триальная система отражала «военно-демократическую тактику»³⁵⁵. Много позже Ю.А. Зуев писал, что она повторяла построение во время многоколлективных облавных охот³⁵⁶.

В политической истории Тюркского каганата это отразилось следующим образом. Тоньюкук был, вопреки мнению А.Н. Бернштама, не просто консерватором, выражавшим интересы тюркской аристократии, он – «депутат» племени а-ши-дэ 阿史德, названного в его надписи *сирами*³⁵⁷. Выступление Тоньюкука связано с укреплением патриархата³⁵⁸. Кутлуг, происходивший из племени *шэ-ли* 舍利 (< *šari) ³⁵⁹, боковой ветви а-ши-на 阿史那³⁶⁰, был приведен к власти могущественным племенем а-ши-дэ 阿史德³⁶¹, поскольку только им было дано судить, кто достоин каганского звания: так, Тоньюкук тепло отзываясь о первых двух каганах³⁶², а главным условием существования эля названа земля тюрков-сиров³⁶³. Здесь, несколько неправомерно сопоставляя богиню Умай и божество родины³⁶⁴, Ю.А. Зуев усматривает мотив верховной собственности на землю, идущий из истоков материнского права, что свидетельствует о «консервировании матриархальных пережитков, приспособленных таким образом к специфическим условиям раннефеодального общества, основанного на кочевом способе ведения скотоводства», что, кроме того, «видимо, еще обеспечивалось структурой тюркского общества», но при этом «действовало затормаживающе на его развитие и позволило на некоторое время сохранить относительную централизацию власти на территории каганата»³⁶⁵.

Далее у Ю.А. Зуева противоречия. В одном месте он указывает, что после смерти брата Мо-чжо 默啜 «узурпирует» власть, оттеснив сына Кутлуга, в то время как сам, по-видимому, происходит из рода Тоньюкука по женской

³⁵⁵ Там же. С. 194.

³⁵⁶ Зуев Ю.А. Ранние тюрки ... С. 33.

³⁵⁷ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 47–48.

³⁵⁸ Там же. С. 172–173.

³⁵⁹ Там же. С. 122–123.

³⁶⁰ Там же. С. 124–125.

³⁶¹ Подробно о них см.: там же. С. 144–145.

³⁶² Там же. С. 175.

³⁶³ Там же. С. 176.

³⁶⁴ Там же. С. 176–177.

³⁶⁵ Там же. С. 177.

линии, поэтому его действия – попытка восстановить старый порядок³⁶⁶. В другом месте ученый пишет, что после того, как был убит Мо-чжо 默啜 и к власти пришел Бильге каган, названный Ю.А. Зуевым его сыном (!), Кюльтегин отказался от имевшейся традиции наследования³⁶⁷, поэтому против них и выступает Тоньюкук³⁶⁸.

Характерно, что Ю.А. Зуев, судя по всему, учитывал особенности скотоводческого хозяйства. Так, он осторожно писал, что «каган был не только распорядителем, но и собственником каганата», ведь «в условиях кочевого общества... <...> власть распространялась в основном не на землю, а на человеческий коллектив, пользующийся ею». Также он указал, что «подвижность скотоводческих коллективов предполагала возможность пассивного сопротивления высшей власти в форме откочевок на дальние расстояния, за пределы военной досягаемости каганата»³⁶⁹.

Специфика кочевого быта, по мнению Ю.А. Зуева, обусловила не только сохранение пережитков родового строя, но и ряда свойственных ему институтов, среди которых были тотемистические воззрения³⁷⁰, оставшиеся основой религиозных взглядов тюрков³⁷¹. Исследователь находил у их главенствующего племени черты почитания не только волка, но и оленя³⁷².

Особый интерес вызывают идеи Ю.А. Зуева, высказанные им уже в постсоветский период, прежде всего в книге «Ранние тюрки: очерки истории и идеологии» (2002 г.), бывшей, как указывает К.У. Торланбаева, «трудом всей его жизни»³⁷³, и ряде других статей.

Здесь Ю.А. Зуев, развивая идеи прошлых лет, также писал о наследова-

³⁶⁶ Там же. С. 126, 151–152, 173.

³⁶⁷ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... дисс. ... С. 173.

³⁶⁸ Там же. С. 174–175. Именно об этом событии китайские источники сообщают как о развернувшейся в 735 г. борьбе «желтоголовых» (хуан-ту 黃頭) тюрков и мо-чжо 默啜 тюрков; эти же события нашли отражение у торгошей, где у власти тоже было племя из хуан син 黃姓 ‘желтая фамилия’, потомки Со-гэ 娑葛 (в тексте Кюльтегина тюркешский каган назван «нашим тюрком, из нашего же народа» [КТБ, 18]), против которого в 737 г. выступили *черные роды* (хэй син 黑姓) (Там же. С. 126–127, 151–152).

³⁶⁹ История Казахской ССР... 1977. Т. 1. С. 330; История Казахстана... 1996. Т. 1. С. 301. Ср.: Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 142.

³⁷⁰ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... дисс.... С. 117, 193.

³⁷¹ Там же. С. 45, 95, 97.

³⁷² Там же. С. 87, 107–109, 110–113; Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания... автореф. С. 9, 13–14.

³⁷³ Торланбаева К. Памяти светлой свеча... [80-летие со дня рождения известного казахского китаиста и тюрколога Юрия Алексеевича Зуева] // Казахстанская правда. 2012. 16 ноября (№ 397/398). С. 14.

нии престола у тюрков по установлениям «братской семьи» (соответственно с сохранением матрилокальности): «старший брат – младший брат – старший племянник (сын старшего брата)», но только при условии принадлежности претендента к катунскому племени (аштак), к которому обычно принадлежали канцлеры (айгучи)-соправители кагана, при чем каган имел лишь исполнительные функции³⁷⁴. В этом Ю.А. Зуев, по-прежнему, придерживался разработанной в советской этнографии схемы о стадийном развитии форм семьи от матриархальной к патриархальной и соответственно форм брака от матрилокального к патрилокальному³⁷⁵. Все эти традиции восходит, по мнению ученого, еще к юэчжийским и усуньским временам³⁷⁶. При этом «трон, установленный на принципах “братской семьи”, в некотором смысле был воплощением понятий “земля + народ + правитель”»³⁷⁷. Для таких государств было характерно триаль-

³⁷⁴ Зуев Ю.А. Ранние тюрки ... С. 10, 33–34, 74–75, 85–88, 167–169, 217–218, 227–229. Ю.А. Зуев основывался на мнении П. Пельо, мимоходом предложившего транскрибировать звучание имени А-ши-дэ 阿史德 как *Aštaq (T'oung Paо. 1928. Т. XXVI. P. 152). По Ю.А. Зуеву, *a-uu-də* 阿史德 < *a-si-tək* < **aštaq*) (Зуев Ю.А. Ранние тюрки... С. 33, 200, 245–246). Кроме этого, на основе сопоставления внешних сходств тамги а-ши-дэ 阿史德, тамги эдизов (*a-de* 阿跌 / *ce-de* 跌跌) VIII в., тамг на монетах кушанских царей, а затем тюркешских монетах, ученый предположил их связь на той основе, что *aumak* было манихейским наименованием эдизов и происходило от среднеперсидск. (пехлевийск) *āzdahak* [в оригинале с долготой в последнем слоге] < авестийск. *aži dahaka*, обозначения дракона, при этом с головой льва, т.е. *šir* (ср. *türk šir*) (Там же. С. 85–88, 156, 168, 205, 214–215, 224, 229–231; Зуев Ю.А. Каганат Се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.) // *Shygyс*. 2004. № 2. С. 9, 13). Тамги см.: *Liu Mau-tsai*. Die chinesischen Nachrichten ... I. Buch. S. 453; Зуев Ю.А. Тамги ... С. 98, 113, 97, 109, 132 (таблица)). Однако сам Ю.А. Зуев указывает на написание у Гардизи (XI в.) в перечне кимекских племен названия *аджлар* ['dʒlār] (< *aži* ‘Змей’, ‘Дракон’ + афф. множ. числа, хотя при этом отмечает, что в оригинале в рукописи стоит *جلاد* ['dʒlād] (Зуев Ю.А. Ранние тюрки... С. 133. Ср.: *Его же*. Древнетюркские генеалогические предания... дисс. С. 88, прим. 59. См. также: *Его же*. Каганат Се-яньто и кимеки... № 2. С. 9). Это обстоятельство, наличие тюркской формы, на которой настаивает сам Ю.А. Зуев, создает противоречие с его же этимологией, ослабляющее вероятность интерпретации транскрипции *aumak* в этом значении. Иначе получается существование двух тюркских форм одного иранского заимствования. Тогда параллельных? Или относящихся к разным хронологическим периодам? Однако образование объединения кимеков сам Ю.А. Зуев относит к середине VII в. и выводит их непосредственно из *се-янь-то* 薛延陀 (Зуев Ю.А. Ранние тюрки... С. 131; *Его же*. Каганат Се-яньто и кимеки... № 1. С. 18; № 2. С. 9, 17, 21). В этой работе нет возможности разбирать проблему бытования и распространения манихейства среди древних тюрков VI–VIII вв. Подробно см.: *Васютин С.А., Даикковский П.К.* Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2009. С. 308–312; *Даикковский П.К.* Мирозрение и социально-политическая организация кочевников Саяно-Алтая поздней древности и раннего средневековья в отечественной историографии второй половины XIX – начала XXI вв.: дисс. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2010. С. 342–347.

³⁷⁵ Зуев Ю.А. Ранние тюрки ... С. 29–30.

³⁷⁶ Там же. С. 22–23, 29–30, 37, 248–249.

³⁷⁷ Там же. С. 37. Обращаясь к непосредственной трактовке исторического материала, он экстраполировал на него эту модель. Так, он писал, например, что «в непосредственной предистории Второго каганата аштаки придирчиво подбирали подходящую кандидатуру на пост кагана из традиционной каганского племени ашна (ашина), доставляли претендента к себе и поднимали на ханство», при этом «первые два кагана не отвечали высоким требованиям и были отвергнуты аштаками сразу по их интронизации» (Там же. С. 87–88). Ю.А. Зуев основывается на переводе фрагмента надписи Тоньюкука, где тот говорит, глядя на Эльтериша: «Не заставить ли (его стать) каганом?», и поскольку Небо даровало ему знание, он «сам заставил его стать каганом» [Тон, 5–6 (= 1 Зап., 5–6)]; речь идет об указании на то, что каган должен быть храбрым

ное деление на центр и два крыла, племена в каждом из которых располагались в строгой иерархии согласно традиционной структуре³⁷⁸. Он также, по-видимому, считал, что развитая титулатура у древних степных каганатов позволяет характеризовать их как «объединения государственного уровня»³⁷⁹.

Однако Ю.А. Зуев обратился к такому аспекту как проблема преемственности идеологических воззрений у кочевнических народов Центральной и Средней Азии, сменявших друг друга на протяжении различных хронологических периодов. Он указал прежде всего на то, что мифологические представления о происхождении народов от легендарного генеалогического предка всегда были следствием целенаправленной деятельности «господствующей (династической) группы» и отражали зачастую лишь ее собственный генеалогический миф, который, как правило, не имел ничего общего с традициями и историей подвластного народа³⁸⁰. «Идеологические общности... менее динамичны, нежели этнические, не тождественны им и могут сохраняться даже при смене этноязыкового пласта», что в свою очередь было «характерной чертой истории народов Центральной Азии и всего евразийского региона», ведь, как отмечал Ю.А. Зуев, «подавляющее большинство ранних племенных объединений Центральной Азии было полиэтническим». При этом «верховное положение крупного господствующего племени в рамках таких объединений делало его язык престижным: на нем отдавались распоряжения, проводились ежегодные собрания “для подсчета людей и скота” и т.д.», т.е., по

(alp), а советник – мудрым (bilge) [Тон, 10 (= I Южн., 3)]. Вместе с тем Ю.А. Зуев исходит из своеобразного понимания высказывания Тоньюкука о жирных быках (*toriq buqa*) и тощих быках (*semiz buqa*), вызвавшего споры в интерпретации с самого начала расшифровки памятника. Он склонялся к тому, что Тоньюкук указывал на недостаток богатства у объекта обсуждения (См.: Бартольд В.В. Новые исследования об орхонских надписях // Бартольд В.В. Сочинения : в 9 т. М., 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 315, прим. 13 (прим. С.Г. Кляшторного). Из дальнейших слов ясно, что если «третьим претендентом» назван Кутлуг, получивший тронное имя Эльтериш (Зуев Ю.А. Ранние тюрки ... С. 168.), то под первыми двумя следовало бы понимать А-ши-на Ни-шу-фу 阿史那泥熟匄 и А-ши-на Фу-нянь 阿史那伏念, провозглашенных один за другим каганатами, став вместе с лидерами другого клана – А-ши-дэ Вэнь-фу 阿史德温傅 и А-ши-дэ Фэн-чжи 阿史德奉職, – во главе восстания против китайцев, и погибших соответственно в 680 и 681 гг. После смерти Эльтериша в каганате стал вопрос о престолонаследии, проявилось стремление отстранить от власти катунский клан и после смерти Капагана, «который был объявлен “похитителем трона”» [? – В.Т.], «ашинец» Кюль тегин устроил резню, уничтожив всех высокопоставленных аштактов (кроме Тоньюкука, которого отравили в ссылке), что было «апошлой сломать вековые традиции» (Зуев Ю.А. Ранние тюрки... С. 168–169, 226). Именно в этом контексте Ю.А. Зуев далее интерпретирует содержание каганских текстов и текста советника.

³⁷⁸ Зуев Ю.А. Ранние тюрки... С. 33.

³⁷⁹ Там же. С. 131.

³⁸⁰ Зуев Ю.А. Ранние тюрки... С. 5.

сути, «это был язык межплеменного общения» и «его роль значительно усиливалась в случае завоевания такого объединения пришлым коллективом, что само по себе создает ситуацию, наиболее благоприятствующую активизации этого процесса», но могло быть и иначе – это случаи «ассимиляции местным этноязыковым субстратом пришлого суперстрата, давшего новое имя и завоеванному народу, и его языку»³⁸¹. Именно следуя этой линии, Ю.А. Зуев попытался проследить такую идеологическую преемственность среди кочевников Центральной и Средней Азии от народа *юэ-чжи* 月氏 до древних тюрков. Содержательный анализ этих построений ученого требует специального исследования и не входит в задачу данной статьи, но хотелось бы обратить внимание на некоторые стороны работы Ю.А. Зуева, имеющие принципиальное методическое и методологическое значение.

Так, обращаясь к тому факту, что зачастую народы на определенном хронологическом этапе считали своими прямыми предками жившие прежде на этой же территории или сыгравшие значимую роль в их политогенезе народы, принадлежавшие к совсем иной этнической и культурной среде, он остановился на нетюркской по происхождению ономастике тюркской правящей династии, напомнив, что «“чистых” этносов не бывает»³⁸². Здесь он сделал важное замечание:

«Свидетельства подобного рода имеют несомненную устно-историографическую (например, родословие-шежире) и литературную ценность, они уникальны, но служить единственным ориентиром в этнологических исследованиях не могут. В большей мере они важны для изучения процесса становления государственности в разных областях Центральной Азии»³⁸³.

Еще в 1983 г. по поводу попыток привлечения этого источника в более ранних работах Ю.А. Зуева другой авторитетный казахстанский востоковед В.П. Юдин писал: «Однако следует отметить, что, как правило, исследователи ищут и находят в устных источниках то, что подтверждает защищаемые ими тезисы, а то, что противоречит, обходят и не интерпретируют. Именно такова

³⁸¹ Зуев Ю.А. Ранние тюрки... С. 6.

³⁸² Там же. С. 7–8.

³⁸³ Зуев Ю.А. Ранние тюрки... С. 8.

методика использования легенд и преданий в работах Ю.А. Зуева». Далее он подчеркнул:

«Но при таком подходе данными устных источников можно обосновать почти все. Мы хотим сказать, что необходима разработка научной методики использования известий преданий и легенд и не только известий, “подтверждающих” гипотезы, но и методики обязательного рассмотрения и опровержения противоречащих данных»³⁸⁴.

В 2002 г. Ю.А. Зуев писал, что для Центральной Азии такие понятия, как политогенез, этногенез, культуругенез, идеогенез, неразрывно связаны, но они «далеко не всегда наполнены конкретным содержанием и обязательными критериями»³⁸⁵. При этом Ю.А. Зуев отмечал отсутствие адекватных методик для изучения этого феномена и методологии историко-этнографических исследований в целом. Критикуя марксистскую парадигму как несостоятельную, он справедливо заметил, что новые определения «наиболее значимых категорий» пока «еще не сформулированы»³⁸⁶. Ученый обратился к семиотике, предприняв попытку своего рода реконструкции – пытаясь соединить в единую целостную систему разрозненные сведения часто схожих «разноязычных мифологических систем, разделенных в пространстве и времени». Он попытался выявить причины этих сходств, задаваясь вытекающими отсюда вопросами: «До какого хронологического потолка действует инерция идеологической преемственности? Где... проходит грань между стадийностью исторического процесса и конвергентностью?»³⁸⁷.

По сути, Ю.А. Зуев открыл совершенно новое и неразработанное направление в исследованиях древних обществ (не только кочевнических), сформулировав проблему, имеющую особое значение для понимания политогенеза у кочевнических народов. Ю.А. Зуев был новатором, первопроходцем, первым попытавшимся апробировать известную методику на конкретном историческом материале для решения столь сложной проблемы. Не удивительно,

³⁸⁴ Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., исследование В.П. Юдина; коммент. и указатели М.Х. Абуситовой. Алма-Ата, 1992. С. 48.

³⁸⁵ Зуев Ю.А. Ранние тюрки... С. 8–9.

³⁸⁶ Там же. С. 8.

³⁸⁷ Там же. С. 9.

что, как справедливо отметила К.У. Торланбаева, многие положения его работ «так и не были поняты и подверглись жесткой критике, которая, впрочем, никогда не поднималась до методического уровня разработок Юрия Алексеевича»³⁸⁸. Продолжателей работы ученого в этом направлении так и нашлось, как и неразработанной проблема осталась в целом.

Тем не менее, следует отметить, что трактовка Ю.А. Зуевым многих исторических фактов, в действительности, является очень неоднозначной и порой спорной. Исследования Ю.А. Зуева характеризуются некой односторонностью – увлекшись своей методикой, в трактовке исторических событий он зачастую пренебрегал уже достигнутыми результатами в других направлениях, его построения грешат тем, что, выдвигая свои оригинальные гипотезы, он основывал на них дальнейшие доводы будто на основе твердо установленных научных фактов, допуская определенные натяжки в интерпретации материала, предлагая, исходя только из собственной схемы, пересмотр отдельных моментов, уже имеющих, тем не менее, достаточно надежную интерпретацию. Однако в отличие, например, от Л.Н. Гумилева, интерпретации Ю.А. Зуева характеризовались обстоятельной аргументацией, для критики и опровержения которой необходимо обладать столь же высокой и разносторонней подготовкой, как и сам Ю.А. Зуев, ввиду чего многие его гипотезы продолжают сохранять актуальность, ожидая дальнейшей разработки или, по крайней мере, конструктивной критики. С другой стороны, Ю.А. Зуев не ставил задач всестороннего комплексного исследования, поэтому в его работах совещенной осталась только одна сторона истории древних обществ Центральной и Средней Азии. Это тоже необходимо учитывать при критике.

Этот прекрасно эрудированный специалист обильно привлекал богатый этнографический материал, в чем его работы обнаруживают сходство с ранними работами С.П. Толстова, умело оперировал с методами лингвистической реконструкции, однако от его внимания также ушли разработки в социогенезе кочевнических обществ.

³⁸⁸ Торланбаева К. Памяти светлой свеча... С. 14.

Сокращения названий памятников

БК, X – большая надпись на восточной стороне стелы Бильге кагана.

КТб – большая надпись на лицевой (восточной) стороне стелы Кюль тегина.

Тон – надпись советника Тоньюкука (I; II – две стелы).

Гуй-чжай вэнь-цзи – Собрание сочинений Гуй-чжая. Цит. по: 四庫全書編 集部 圭齋文集 (Си-бу цун-кань чу бьянь. Цзи бу: Гуй-чжай вэнь-цзи). 台北 台灣商務印書館 (Тайбэй: Тайвань шан-ву инь шу-гуань), 1965.

Тун дьянь – Общие установления. Цит. по: 欽定四庫全書要 通典全冊 (Цинь-дин си ку цюань шу хуэй-яо: Тун дьянь (Цюань 3 цэ)), 長春 長春出版社 (Чанчунь: Чанчунь чу-бань шэ), 2005.

Цюань Тан Вэнь – Полное [собрание] сочинений [эпохи] Тан. Цит. по: 欽定全唐文 1000卷目錄 (Цинь дин цюань Тан вэнь. 1000 цюань, му 3 цюань). [Б.м.] [Б.и.], 1814.

Список литературы

Бартольд В.В. Новые исследования об орхонских надписях // *Бартольд В.В.* Сочинения : в 9 т. М.: Наука, 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 312–328.

Большой китайско-русский словарь по русской графической системе: в 4 т.: ок. 250 000 слов и выражений / сост. под рук. и ред. И.М. Ошанина. М.: Наука, 1984. Т. 4. Иероглифы № 10746–№ 15505. 1062 с.

Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. 400 с.

Дашковский, П.К. Мировоззрение и социально-политическая организация кочевников Саяно-Алтая поздней древности и раннего средневековья в отечественной историографии второй половины XIX – начала XXI вв.: дисс... д-ра ист. наук. Барнаул, 2010. 663 с.

Зуев Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана: сборник научных статей. Алматы: Гьлым, 1998. Вып. 2. С. 153–161.

Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: автореф. дисс... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. 18 с.

Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: дисс. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. 220 с.

Зуев Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (к вопросу о сущности и пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата: Наука, 1981. С. 63–78.

Зуев Ю.А. Каганат се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.) // *Shygys*. 2004. № 1. С. 11–21; № 2. С. 3–26.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.

Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из Китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйао) // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960 (Труды ИИАЭ АН КазССР, VIII). С. 93–140.

История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней: в 5 т. Алма-Ата: Наука, 1977. Т. 1. Первобытно-общинный строй. Племенные союзы и раннефеодальные государства на территории Казахстана. 479 с.

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 4 т. Алматы: Атамұра, 1996. Т. I. 544 с.

Каржаубай С. Объединенный каганат тюрков в 745–760 годах (по материалам рунических надписей). Астана: Фолиант, 2002. 204 с.

Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках / [пер. с нем. В.Н. Добжанского и Л.Н. Ермоленко; отв. ред. Д.Д. Васильев] // Бюллетень (Newsletter) общества востоковедов. Прил. 1. М.: ИВ РАН, 2002. 126 с.

Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в XI–XII вв.. Новосибирск: Наука, 1974 (История культуры востока Азии, II). 210 с.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. [с кит.] и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 1984. 486 с.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. Т. 1. Гласные. Ч. 1. XVII с., стб. 1–968.

Торланбаева К. Памяти светлой свеча... [80-летие со дня рождения известного казахстанского китаиста и тюрколога Юрия Алексеевича Зуева] // Казахстанская правда. 2012. 16 ноября (№ 397/398). С. 14.

Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., исслед. В.П. Юдина; коммент. и указатели М.Х. Абусентовой. Алма-Ата: Ғылым, 1992. С. 14–56.

Clauson G. A propos du manuscrit Pelliot tibétain 1283 // Journal Asiatique. 1956. T. CCXLV. Fasc. 1. P. 11–24.

Gabain A. (von) Das uigurische Königreich von Chotscho 850–1250. Berlin: Akademie-Verlag, 1961 (Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst Jahrgang 1961, Nr. 5). 81 S.

Gabain A. (von) Von Ötükän nach Idiqt-Şähri. Studie zur Akkulturation der Alt-Türken // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1982. T. XXXVI. Fasc. 1–3. P. 183–196.

Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen // *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1899. S. 1–140.

Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. I. Buch. Texte (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens, Bd. 10). 484 S.

К.А. Иностранцев и проблемы изучения социальной организации кочевнических народов

Ключевые слова: кочевники, историография, социальная организация, племенная структура.

Исследователям кочевнических обществ имя Константина Александровича Иностранцева (1876–1941) известно лишь по его историографической работе, вышедшей в 1900 и переизданной в 1926 г.³⁸⁹ В ней он касался проблем этнического характера истории, прежде всего, азиатских хуннов (*сюн-ну* 匈奴), но также разобрал смежные сюжеты, чрезвычайно важные для историографии кочевнических обществ. Рассматривая теории происхождения хуннов, он вышел на проблему социальной организации кочевников и, сопоставляя методики предшественников, пришел к выводу об особом соотношении этнической и политической организации у кочевнических народов.

Рассмотрим подробнее, как это было им сделано и как его вклад смотрится в историографической ретроспективе развития исследований кочевников в России и за рубежом.

I

Анализируя работу Жозефа Дегиня³⁹⁰, К.А. Иностранцев ввел в кочевниковедческие исследования дефиницию «политическая классификация», указав, что Ж. Дегинь не делил кочевников азиатских степей на этнические или язы-

³⁸⁹ *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны (разбор теорий о происхождении народа Хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов). 2-е доп. изд. Л., 1926 (Тр. Туркологич. семинария. Т. II).

³⁹⁰ *Deguignes J.* Histoire Générale des Huns, des Turcs, des Mongoles, et des autres Tartares Occidentaux. Paris, 1756–1758. Т. I–IV.

ковые группы, а положил в основу своей классификации принцип политического и географического разделения³⁹¹. А между тем В.В. Бартольд вовсе «не вполне разделял» взглядов К.А. Инностранцева «на роль и будущность этой классификации»³⁹². Кроме того, Ж. Дегинь указывал на политический, а не этнический характер наименований кочевнических народов³⁹³:

«Турецкая орда, получив власть, дала свое имя всему остальному народу, или, скорее, другие народы знали гуннов только под именем турок, как впоследствии Чингис-хан из орды монголов был причиной того, что имя монгол сделалось именем почти всех татар».

«Подобные превращения одного народа в другой встречаются там сплошь да рядом, – комментировал К.А. Инностранцев. – Не зная этого обычая, совершенно нельзя понять истории этих народов»³⁹⁴.

Эту же линию К.А. Инностранцев находит у Леона Кауна, считавшего, что нельзя говорить о расовом и языковом разделении кочевников, только о диалектах: «В этническом смысле слова никогда не существовало ни расы, ни даже племени, гунского, мадыарского, турецкого, монгольского или маньчжурского, но существовали только политические соединения, носившие их имена»³⁹⁵, а также, что «можно распределить по группам финно-угорские, турецкие, монгольские, маньчжурские языки, но нельзя распределить по расам или естественным видам (*espèces naturelles*); мы видим их, насколько можем видеть в прошлом, только как искусственные соединения, нации».

Л. Каун отметил и такое распространенное у кочевников явление, когда «их великие нации принимают имя своего начальника»³⁹⁶. К.А. Инностранцев

³⁹¹ *Инностранцев К.А.* Хунну и гунны ... С. 6–8, 13.

³⁹² *Бартольд В.В.* [Рец. на] К. Инностранцев, Хун-ну и Гунны. (Библиографический обзор теорий о происхождении народа Хун-ну китайских летописей, о происхождении европейских Гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов) С.-Петербург, 1900 (отдельные оттиски изъ «Живой Старины»). 78 стр. 8⁰ // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1901. Т. XIII. Вып. IV (с приложением двух таблиц). С. 0110.

³⁹³ Цит. по: *Инностранцев К.А.* Хунну и гунны ... С. 8.

³⁹⁴ Там же.

³⁹⁵ *Cahun L.* Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405. Paris, 1896. P. 39–40. Цит. по: *Инностранцев К.А.* Хунну и гунны ... С. 13–14. Ср.: *Cahun L.* [Chapitre XVI] Les Revolutions de l'Asie. – Les Turcs, La Chine, L'Iran, L'Asie Centrale. Des origines à la fin du XIIIe siècle // *Lavisse E., Rambaud A.* Histoire générale du IVe siècle à nos jours. – Paris, 1893. Т. II. L'Europe féodale. Les croisades 1095–1270. – P. 887–888.

³⁹⁶ *Cahun L.* Introduction ... P. 79. Цит. по: *Бартольд В.В.* [Рец. на] Léon Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405. – Paris, 1896 // *Бартольд В.В.* Сочинения: в 9 т. – М., 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – С. 243.

специально отмечает, что Л. Каун «употребляет не слово *peuple*, а *nation*, нацию, народ как государство»³⁹⁷. При этом Л. Каун прямо писал, что «слово “раса”, использующееся для определения множества людей, племен и народов, не имеет смысла. Выражения “монгольская, угро-финская, алтайская, туранская раса” означают только воображаемые группы, или быстро образовавшиеся и быстро распадавшиеся при непрерывной текучести народов и империй»³⁹⁸.

Приближались к такому пониманию истории кочевников Н.Я. Бичурин и К.Ф. Нейман. Первый также отмечал, что «у кочевых народов Средней Азии племенное или родовое имя распределяется на целый народ, т. е. на совокупность племен и родов», но при этом в целом придерживаясь «этнографической классификации»³⁹⁹. Второй тоже писал об обобщающем характере названий племенных объединений по имени главенствующего племени, но не учитывал при этом возможности исторической динамики соотношения между тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским населением в том или ином политическом объединении кочевников и, соответственно, смены их политического статуса⁴⁰⁰. Оба ученых исходили из представления, что территория Монголии во все времена была населена одними и теми же народами. Критикуя попытки подобных отождествлений на основе одного лишь сходства обычаев, К.А. Иностранцев писал, что обычаи кочевнических народов в разные времена могут быть схожи вполне естественно, поскольку их жизнь «сложилась под всеуравнивающим влиянием степи»⁴⁰¹ или «объясняется общими кочевыми условиями жизни»⁴⁰².

II

Большой прорыв в понимании соотношения этнических и социальных величин для кочевнических обществ был сделан в конце XIX века в работах В.В. Радлова и Г. Вамбери.

³⁹⁷ *Иностранцев К. А.* Хунну и гунны ... С. 14 прим. 1.

³⁹⁸ «Le mot “race”, employé pour définir cette multitude d’hommes, de peuplades et de nations, ne présente aucun sens. Les expressions “race mongolique, ougro-finnoise, altaïque, touranienne”, ne représentent que des groupes imaginaires, ou rapidement formés et rapidement éparpillés dans l’incessante fluctuation des peuples et des empires» *Caun L.* Introduction ... P. 36–37; *idem.* [Chapitre XVI] Les Revolutions de l’Asie ... P. 887).

³⁹⁹ *Иностранцев К. А.* Хунну и гунны ... С. 30–31 прим. 1.

⁴⁰⁰ Там же. С. 42.

⁴⁰¹ Там же. С. 22.

⁴⁰² Там же. С. 43.

В.В. Радлов считал основной социальной единицей у кочевников аул – объединение нескольких (от 6 до 10) семей, как правило, родственных, связанных общностью кочевий, а также семей, примкнувших к ним⁴⁰³. Эта его мысль является одной из самых замечательных и, судя по всему, важных для самого В.В. Радлова, ведь, как отметил С.И. Вайнштейн⁴⁰⁴, даже в своем «Опыте словаря тюркских наречий» В.В. Радлов в статье *аул* дал такое определение этому слову: ‘аул, юрты находящиеся на одном месте (аул образует всегда одну социальную единицу, зависящую от одного лица, по имени которого аул называется; кибитки разных, друг от друга не зависящих людей, хотя бы и совершенно близкие одна от другой, считаются разными аулами)’⁴⁰⁵. Несколько аулов могут объединяться в еще большие группы (общины-стойбища), что происходит в мирное время и, как правило, зимой – для облегчения ухода за скотом и его охраны; даже расселяясь по более обширной территории летом, они сохраняют связь на случай начала военных действий⁴⁰⁶. На примере казахов В.В. Радлов показал, что кочевническое племенное подразделение делилось на роды, те – на родовые группы, которые рассматривали всю общеплеменную территорию как свою собственность⁴⁰⁷. Создание и распад кочевнических политических объединений был постоянным процессом, сопровождавшимся перегруппировкой племен и их частей⁴⁰⁸.

Г. Вамбери одним из первых попытался разобраться в терминологии социальной организации тюркских кочевников⁴⁰⁹. Совпадающие названия многочисленных племенных подразделений он объяснял постоянным образованием новых кочевых групп (*Aul*), формирующих новые социальные единицы, их перекочевками и последующим вливанием в другие племена. Тем самым он первым указал на отсутствие этнической основы у кочевнических объединений⁴¹⁰.

⁴⁰³ Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника / пер. с нем. К.Д. Цивинной, Б.Е. Чистовой; примеч. и послесл. С.И. Вайнштейна. – М., 1989. – С. 337; *он же*. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. Приложение к LXXII-му тому Записок Императорской Академии Наук № 2. – СПб., 1893. – С. 68.

⁴⁰⁴ Вайнштейн С.И., Кляшторный С.Г. В.В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов // Тюркологический сборник. 1971. Памяти В.В. Радлова. – М., 1972. – С. 25.

⁴⁰⁵ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1893. Т. 1. Гласные. Ч. 1. Стб. 74.

⁴⁰⁶ Радлов В.В. Из Сибири ... С. 338; *он же*. К вопросу об уйгурах ... С. 69.

⁴⁰⁷ Радлов В.В. Из Сибири ... С. 254.

⁴⁰⁸ Радлов В.В. К вопросу об уйгурах ... С. 74–75; Radloff W. Die Inschrift des Tonjukuk // Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. – St. Petersburg, 1899. – S. XIV–XLV.

⁴⁰⁹ Vámbéry H. Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Volkes auf Grund sprachlicher Forschungen. – Leipzig, 1879. – S. 131–135.

⁴¹⁰ Vámbéry H. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. – Leipzig, 1885. – S. 181–185.

Вамбери оказал большое влияние на Н.А. Аристову, который, хотя и сумел применить этнографические выводы Г. Вамбери к конкретно-историческому материалу, выводом о надэтнической основе кочевнических объединений пренебрег. В целом высоко отзывавшись о работе Г. Вамбери, Н.А. Аристов в числе ее недостатков отметил, что тот «ссылается... <...> на неустойчивость родовых именъ, меняющихся съ образованием новых делений и распадениемъ старых (s. 181), но упускает из вида, что меняются собственно имена родовых союзов с распадением их и образованиемъ новых, имена же костей и главных родов, или в иных случаях племен, напротив отличаются изумительной, многовековой прочностью, связанною с господством родового быта»⁴¹¹.

Н.А. Аристову одному из первых принадлежит попытка осмысления содержания социальной терминологии у кочевников. Так, говоря о казахах, он считал, что их родовые единицы имеют вовсе не кровнородственный характер, а во многом являют собой союзы родов разного происхождения⁴¹². Он же отметил условность терминологии, применяемой для обозначения подразделений племенной организации⁴¹³. Например, он писал⁴¹⁴:

«Родом (урук, ру) у киргиз-казаков и кара-киргизов называется, с одной стороны, всякая из родовых ветвей и подразделений, с другой – совокупность этих подразделений, но так как родовые деления и группы имеют политическо-общественное значение, сверх кровного, иногда преобладающее, то слово род утратило свое строго кровное значение. Не говоря уже об общественном значении родовых подразделений, они и в качестве патриархально-родовых не могут быть точно классифицированы и наименованы, ибо количество степеней в родословных бесконечно и трудно придумать и удержать для каждой из них особое название».

⁴¹¹ Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Т. 6. Вып. III–IV. С. 288–289 прим. 1.

⁴¹² Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. 1894. Т. 4. Вып. III–IV. С. 393, 446–447.

⁴¹³ Там же. С. 447–449.

⁴¹⁴ Там же. С. 447.

Более четкой была позиция писавшего о хуннах В.А. Панова⁴¹⁵:

«Конечно, народ этот не был пришельцем в Монголии; он жил в ней и ранее, а в политическую организацию сложился из того этнографического материала, какой жил здесь же мелкими родовыми единицами на протяжении многих столетий и неоднократно еще ранее сталкивался с Китаем на его тогдашней северной границе, не выходявшей за Великую Стену и западное восточной части провинции Гань-су. Конечно, состав этой огромной империи был разнообразен, на сколько разнообразны были народности, населявшие указанное пространство. Но возникшая степная империя связала их всех в одно общее название Сюн-ну или Хун-ну (Хунну), под которым сама политически господствовавшая группа народа – завоевателя выступила в истории. Поэтому следуя за империей Сюн-ну или Хун-ну в истории, необходимо помнить, что это – история лишь основного политического ядра организации, и к этому же ядру одинаковым образом относятся все те бытовые, этнографические и лингвистические сведения, которые сохранила нам китайская история в своих записях».

Это достоинство работы В.А. Панова было отмечено К.А. Инostrанцевым во втором издании его книги⁴¹⁶.

В дальнейшем В.А. Панов именуется тюрков, по китайским источникам, «их прямыми потомками», т. е. потомками хуннов⁴¹⁷. И, уже в заключение, считая тюркство хуннов доказанным, пишет, что «Сюн-ну начали политическую историю турецкого племени в Монголии, – на Уйгурах она закончилась»⁴¹⁸.

III

Что касается взглядов самого К.А. Инostrанцева на этнические и политические процессы в степях, то, по сути, он развивал взгляды Ж. Дегиня, который, по его мнению, «совершенно верно понял политическую историю кочевых наро-

⁴¹⁵ *Панов В.А.* К истории народов Средней Азии. I. Сюн-ну (Хунну). Турецкое происхождение народа Сюн-ну (Хунну) китайских летописей. – Владивосток, 1916. – С. 1–2.

⁴¹⁶ *Иностратцев К. А.* Хунну и гунны ... С. 142.

⁴¹⁷ *Панов В.А.* К истории народов Средней Азии ... С. 4.

⁴¹⁸ Там же. С. 81.

дов Средней Азии»⁴¹⁹. Отмечая, что «вопрос о происхождении народа» является «в самом деле одним из самых сложных», К.А. Инностранцев писал⁴²⁰:

«В истории Средней Азии, т.е. в истории преимущественно кочевых народов, эти вопросы еще усложняются тем, что там смешения народов происходили гораздо чаще, чем в истории Европы <...> Отсюда возникает большая трудность определения племенной принадлежности азиатских кочевых народов, побудившая некоторых исследователей совершенно отказаться от этнографической классификации и признать только политическую. Из отдельных фактов, способствующих такой путанице, назовем, напр., переход имени победившего племени или рода на всех поданных: победил род Хунну – все делается Хунну, победил род Сяньби – все делается Сяньби и т.д.»

Соответственно, он полагал «естественным», что «три великие кочевые империи: Хунну, Ту-гю и Монголов являлись пестрою смесью различных племен и родов, под верховенством одного рода»⁴²¹. Для установления происхождения какого-либо народа необходимо, прежде всего, определить, «к какой группе племен или даже расе принадлежала династия, а с нею ядро народа (которое иногда составляет большинство в государстве)»⁴²². В этом свете странно, что К.Г. Ахсанов приписал К.А. Инностранцева к последователям родовой теории⁴²³.

Как указывал П.К. Дашковский, развитие вывода К.А. Инностранцева о полиэтническом характере кочевнических объединений на примере хунну нашло место в концепции межэтнической иерархии политических образований кочевников, развитой в работах А.Д. Грача, Д.Г. Савинова и др.⁴²⁴

Отдавая должное вкладу Ж. Дегиня в понимании первичности политических, а не этнических связей в объединениях кочевнических народов, К.А. Инностранцев, тем не менее, справедливо критиковал тех, кто доводил по-

⁴¹⁹ *Инностранцев К.А.* Хунну и гунны... С. 8.

⁴²⁰ Там же. С. 2–3.

⁴²¹ Там же. С. 91–92.

⁴²² Там же. С. 92.

⁴²³ *Ахсанов К.Г.* Проблема становления государственности тюрк-кочевников в домонгольский период в отечественной историографии: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1999. – С. 19.

⁴²⁴ *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). – Барнаул, 2009. – С. 173.

литическую классификацию до крайности и полностью игнорировал этнические характеристики этих объединений⁴²⁵:

«...При строгом проведении политической классификации неизбежно надо придти к некоторым непримиримым недоразумениям. Только при признании влияния политического положения, но основываясь на этнографической классификации, можно решать вопросы о происхождении народов».

В.В. Бартольд, в 1901 г. опубликовавший рецензию на первое издание книги К.А. Иностранцева, не соглашаясь с ним в критике приверженности Л. Кауна к «политической классификации», указывал на невозможность точной этнографической или лингвистической идентификации тех или иных кочевников при недостаточном количестве и противоречивости источников. Но, считал он, «на более твердую почву переносят нас только такие счастливые, к сожалению, слишком редкие открытия, как открытие орхонских надписей», поскольку «тщательное исследование материала, заключающегося в надписях, и осторожное сопоставление добытых результатов с известиями о предшествующих и последующих веках, может быть, приведет нас к более прочным результатам». До этого историк имеет право, отмечая этнографические, антропологические и лингвистические особенности того или иного народа оставлять вопрос об их происхождении в стороне⁴²⁶.

В конечном счете, этот, безусловно, методологически правильный, но консервативный и чисто позитивистский подход, не оправдал себя в изучении истории кочевнических народов. Разные ученые улавливали надэтническую природу кочевнических политических объединений, нераздельность этнических и социальных процессов в них, чувствовали несостоятельность и односторонность этнографической классификации и тяготели к политической классификации как более универсальной. Её, как отмечал в 1928 г. А.С. Букшпан, так или иначе придерживались и Ж. Дегинь, и Н.Я. Бичурин, и Л. Каун, и В.В. Радлов⁴²⁷. Но они не смогли до конца объяснить механизмы этих процес-

⁴²⁵ *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны ... С. 16.

⁴²⁶ *Бартольд В.* [Рец. на] К. Иностранцев, Хун-ну и Гунны ... С. 0110.

⁴²⁷ Букшпан А.С. К истории древних тюркских государственных образований (из отчета научн. сотр. по каф. истории тюрк. нар. пр. Губайдуллину). Отд. оттиск из т. III «Востоковедение». – Изд. вост. факультета Аз. гос. ун-та. Баку, 1928. – С. 59.

сов. Важное значение в этом плане имели работы Г. Вамбери. Однако время синтеза этих подходов тогда еще не пришло.

IV

Такой синтез сумели осуществить венгерские ученые в 30-е гг. XX в. В первую очередь должна быть упомянута книга Дьюлы Немета «Формирование венгров в эпоху «обретения родины». Второе ее издание – переработанное, дополненное, а где-то сокращенное – вышло в 1991 г., спустя 16 лет после смерти автора; тем не менее, в нем сохранены основные положения, высказанные им еще в 1930 г. Д. Немец обратил внимание на проблему соотношения терминов, обозначающих единицы социальной организации у кочевников, и установления их иерархии⁴²⁸. Он специально остановился на механизмах формирования кочевнических племен и племенных объединений. Можно выделить три фактора формирования тюркских племен: (1) естественное увеличение и разделение (вокруг одной семьи); (2) желание или нежелание отдельных племен или групп племен образовывать новое объединение (возвышение одного племени над другими или объединение на основе какого-то взаимного интереса); (3) выделение частей внутри самих этих племенных групп⁴²⁹. В степи регулярно происходили смешения народов, поэтому их наименования всегда имели не этническое, а политическое значение⁴³⁰. В механизме образования крупных объединений Д. Немец следовал за В.В. Радловым⁴³¹, обращая внимание именно на их организационный характер⁴³².

Эта, безусловно, фундаментальная работа, редактировавшаяся автором на протяжении 45 лет после первого издания, к сожалению, остается непереу-
жденной ни на один из европейских языков, из-за чего недоступна большинству специалистов. Если бы было иначе, вероятно, возникновения большинства по-

⁴²⁸ Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása / közzéteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. – Budapest, 1991. – 26–29. o.

⁴²⁹ Akin H. Nemeth'e Göre En Eski Türk–Macar Münasebetleri // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1982. Cilt XXX. Sayı 1–2 (Ocak 1979 – Haziran 1982). Atatürk'ün 100. Doğum Yılına Armağan. S. 2. См.: Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása. 29–30. o.

⁴³⁰ Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása. 34–35. o.

⁴³¹ Уо. 26, 38–44. о., здесь, на стр. 39–43, Д. Немец дает пространную цитату из работы В.В. Радлова. См.: Радлов В.В. К вопросу об уйгурах ... С. 68–75.

⁴³² Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása. 34. o.

лемических вопросов, связанных с социальной организацией кочевников, в современной историографии можно было избежать.

Много концептуальных идей содержала и изданная в 1938 г. монография Йежефа Деера⁴³³. По сути, он емко обобщил результаты кочевниковедческих исследований предыдущих лет и развил идеи В.В. Радлова, хотя его работа и не содержит ссылочного аппарата, но автор указывает, что, кроме книги В.В. Радлова, использовал также и концепцию Д. Немета⁴³⁴. Как писал позже Питер Голден, заимствовавший его схему, «Деер на основе разрозненных данных, имеющихся в нашем распоряжении, попытался проследить механизм формирования кочевнического государства и возвышения харизматического клана»⁴³⁵.

Й. Деер также ввел, описывая ситуацию, когда покоренные племена занимают место внизу социальной организации образующегося кочевнического объединения, что вызывает перегруппировку в иерархии племен, понятие «сверхраслоение» (*föülrétegzési*)⁴³⁶, или «суперстратификация» (*superstratification*)⁴³⁷.

Что касается советской историографии, то здесь следует назвать уже цитировавшуюся выше статью бакинского ученого А.С. Букшпана. Глубокая в методологическом и концептуальном отношении, эта статья, изданная в 1928 г., к сожалению, не была замечена ни тогда, ни в последующие годы⁴³⁸.

Особо важное значение он придал фактору преемственности кочевнических народов, обратившись к словам Н.Я. Бичурина об «удельном» характере кочевых объединений, когда один народ выступает под разными наименованиями, и соединив его взгляд с т.н. «политической классификацией»⁴³⁹. А.С. Букшпан

⁴³³ *Deér J. Pogány magyarság, keresztény magyarság.* – Budapest, 1938. – 10–19. о.

⁴³⁴ Уо. 270. о.

⁴³⁵ «Deér, on the basis of the fragmentary data at our disposal, has attempted to trace a schema for the formation of the nomadic state and the rise of the charismatic clan» (*Golden P.B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Çingisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi, 1982. Т. II. P. 49*).

⁴³⁶ *Deér J. Pogány magyarság, keresztény magyarság.* 14. о.

⁴³⁷ *Golden P.B. Imperial Ideology ... P. 50.*

⁴³⁸ *Букшпан А.С.* К истории древних тюркских государственных образований ... С. 57–71. По-видимому, забвение этой работы в целом связано с тем, что сам А.С. Букшпан в 1937 г. был осужден по сфабрикованному делу за причастность к троцкистским и пантюркистским организациям и расстрелян (См.: *Буниатов З.М.* Следственное дело № 12493 // Елм, Баку, 1990. 11 августа. С. 3).

⁴³⁹ *Букшпан А.С.* К истории древних тюркских государственных образований ... С. 59. Правда, ставя здесь в укор В.В. Бартольд критику Л. Кауна «за сделанную им попытку дать племенную историю тюрков, генеалогии племен» А.С. Букшпан был не совсем прав: по-видимому, он не ознакомился с рецензией В.В. Бартольда на первое издание книги К.А. Иностранцева о хуннах, из которой видно, что В.В. Бартольд не был столь критичен к этой стороне работы Л. Кауна, отмечая, что его ошибку он видит «только в том, что он,

имел ввиду надэтнический характер кочевнических политических объединений. Он пришел к выводу, что «говорить об истории тюркских народов и племен вне зависимости от государственности, как организованных объединений, говорить о социально-экономическом состоянии всех тюркских народов, при наличии общего языка и территории, громадной по величине... <...> вне связи с окружающими влияниями, не представляется возможным». Исходя из этого, он указывал на искусственность любых классификаций тюркских народов – и только набиравших в то время силу языковых, и привычных этнографических и географических⁴⁴⁰. А.С. Букшпан считал более правильным подход Г. Вамбери, условно разбивавшего тюркские народы по географическому принципу, но учитывавшего их миграции и исторические связи⁴⁴¹.

Мастерство ученого проявилось в том, что он сумел соединить достижения дореволюционной историографии (выводы В.В. Радлова и прогрессивные подходы Г. Вамбери и Н.А. Аристов) и попытаться примирить их с новой, правда, только становящейся марксистской методологией. Он четко выделил три важных позиции, которых, по его мнению, необходимо было придерживаться в дальнейших исследованиях. Во-первых, это отмеченное предыдущими поколениями ученых явление, когда все племенное объединение именовалось по названию главного рода, бывшего своеобразным патроном, тогда как остальные племена играли роль «клиентов в коллективном смысле». Во-вторых, это факт повторяемости названий родов у разных народов. В-третьих, искусственность языковой классификации. Исходя из этого, он считал, что изучение тюркских народов необходимо производить «в связи с той стадией хозяйственного развития, которую они переживают, с установлением предыдущей, связанной с ней хозяйственной формации»⁴⁴². Говоря о попытках рассматривать историю тюрков в общем контексте, А.С. Букшпан справедливо замечал, что «для одного и того же периода отдельные тюркские племена переживали разные формы хозяйственного

отказавшись от решения этнографических вопросов, всетаки в еще большей степени, чем сторонники этнографических классификаций, пользовался для своих целей фантастическим словопроизводством и народными этимологиями», или, что ниже, говоря о взглядах В. Томашека, он называет «безплодным словопроизводством» (*Бартольд В. [В.]* [Рец. на] К. Иностранцев, Хунь-ну и Гунны ... С. 0112).

⁴⁴⁰ Букшпан А. С. К истории древних тюркских государственных образований ... С. 60.

⁴⁴¹ См.: *Vámbéry H.* Das Türkenvolk ... S. 85.

⁴⁴² Букшпан А. С. К истории древних тюркских государственных образований ... С. 61.

развития»⁴⁴³. Впрочем, это уже вопрос политогенеза, в данной работе не затрагиваемый.

* * *

Как мы могли убедиться, уже в 20-е – 30-е гг. XX в. учеными были вскрыты основные особенности социальной организации кочевнических народов. Работа К.А. Иностранцева являет собой в этом плане прекрасное обобщение и осмысление опыта исследователей предшествующих поколений. К сожалению, этот опыт так и не был перенят в России, где с установлением диктатуры марксистской методологии кочевнические общества были искусственно включены в универсальную схему общественного развития. Более удачно в этом направлении развивалась западная наука о кочевниках, о чем свидетельствуют, в частности, работы В. Эберхарда, О. Прицака, П.Б. Голдена и др. Однако их описание и анализ заслуживают отдельного исследования.

Список литературы

Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Т. 6. Вып. III–IV. С. 277–456.

Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. 1894. Т. 4. Вып. III–IV. С. 301–486.

Ахсанов К.Г. Проблема становления государственности тюрков-кочевников в домонгольский период в отечественной историографии: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1999. 157 с.

Бартольд В.[В.] [Рец. на] К. Иностранцев, Хун-ну и Гунны. (Библиографический обзор теорий о происхождении народа Хун-ну китайских летописей, о происхождении европейских Гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов) С.-Петербург, 1900 (отдельные оттиски из «Живой Старины»). 78 стр. 8⁰ // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1901. Т. XIII. Вып. IV (с приложением двух таблиц). С. 0109–0113.

Бартольд В.В. [Рец. на] Léon Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405. Paris, 1896 // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. С. 238–252.

⁴⁴³ Там же. С. 63.

Букипан А.С. К истории древних тюркских государственных образований (из отчета научн. сотр. по каф. истории тюрк. нар. пр. Губайдуллину) (отд. Оттиск из т. III «Востоковедения», изд. вост. факультета Аз. гос. университета). Баку, 1928. С. 57–71.

Бунятов З.М. Следственное дело № 12493 // Елм. Баку, 1990. 11 августа. С. 3.

Вайнштейн С.И., С.Г. Кляиторный. В.В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов // Тюркологический сборник. 1971. Памяти В.В. Радлова. М.: Наука, 1972. С. 20–31.

Васютин С.А., Даишковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. 400 с.

Иностранцев К.А. Хунну и гуны (разбор теорий о происхождении народа Хунну китайских летописей, о происхождении европейских гунов и о взаимных отношениях этих двух народов). 2-е дополн. изд. Л., 1926 (Труды тюркологического семинария. Т. I). IV, 152 с.

Панов В.А. К истории народов Средней Азии. I. Сюн-ну (Хунну). Турецкое происхождение народа Сюн-ну (Хунну) китайских летописей. Владивосток: Издание А.В. Даттана, типо-литограф. газ. «Дальний Восток», 1916. (2), 84 с.

Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника / Пер. с нем. К.Д. Цивинной, Б.Е. Чистовой. Примеч. и послесл. С.И. Вайнштейна. Топонимич. редакция, схемы маршрутов экспедиций и аннотир. указатель географич. названий Г.И. Донидзе. Указатель этнич. названий Е.П. Батякова. М.: Наука, 1989. 749 с.

Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. Приложение к LXXII-му тому Записок Императорской Академии Наук № 2. СПб., 1893. 130 с.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. Т. 1. Гласные. Ч. 1. XVII с., стб. 1–968.

Akın H. Nemeth'e Göre En Eski Türk-Macar Münasebetleri // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1982. Cilt XXX. Sayı 1–2 (Ocak 1979 – Haziran 1982). Atatürk'ün 100. Doğum Yılına Armağan. S. 1–6.

Cahun L. Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405. Paris: Armand Colin et Cie, Éditeurs, 1896. XIII, 519 p.

Cahun L. [Chapitre XVI] Les Révolutions de l'Asie. – Les Turcs, La Chine, L'Iran, L'Asie Centrale. Des origines à la fin du XIIIe siècle // Lavisse E., Rambaud A. Histoire générale du IVe siècle à nos jours. Paris: Armand Colin & Cie, Éditeurs, 1893. T. II. L'Europe féodale. Les croisades 1095–1270. P. 884–973.

Deér J. Pogány magyarság, keresztény magyarság. Budapest: Királyi Magyar Egyetemi Nyomda, 1938. 273 o.

Deguignes J. Histoire Générale des Huns, des Turcs, des Mongoles, et des autres Tartares Occidentaux. Paris: Chez Desaint & Saillant, rue S. Jean de Beauvais, 1756. T. I. Pt. 1. cxviii, 471 p.; T. I. Pt. 2; xcv, 522 p.; T. II. Pt. 1. viii, 272 p.; T. II. Pt. 2. 292 p.; 1757. T. III. 542 p.; 1758. T. IV. vii, 518 p.

Golden P.B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Çinggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. T. II. P. 37–76.

Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása / Közzéteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397 o.

Radloff W. Die Inschrift des Tonjukuk // Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St. Petersburg, 1899. S. I–XXIV, 1–122.

Vámbéry H. Das Türkenvolk in seinen Ethnologischen und Ethnographischen Beziehungen. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1885. XII, 638 S.

Vámbéry H. Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Volkes auf Grund Sprachlicher Forschungen. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1879. VIII, 276 S.

II. ВОСТОКОВЕДЫ И ИХ ТРУДЫ

Т.О. Свиначук

М. А. Плешова: современный индолог, исследователь, личность

Ключевые слова: биография, советская индология, М.А. Плешова.

Говоря об истории, мы часто подразумеваем события далекого прошлого, а размышляя об исторических личностях, представляем себе людей, живших века назад и сотворивших «великое». Однако не стоит забывать, что историю творим мы сами, и даже если потомки наши назовут нас великими, сейчас, сегодня мы не можем знать «как слово наше отзовется». Поэтому полагаю, что следует быть внимательными к каждому слову, которое мы пишем и к каждому человеку, бок о бок с которым нам приходится работать.

Данный очерк посвящен М.А. Плешовой — индологу, представителю того поколения востоковедов, которое сложно еще рассматривать с точки зрения истории, ведь многие из ее ровесников, ее однокурсников и друзей еще работают в Институте востоковедения РАН и в других научных центрах, продолжают свои исследования, мы можем пообщаться с ними лично, «из первых рук» узнать о том, как развивалась наука и какой была жизнь в СССР. Общение с этим людьми тем более ценно, что им, нашим старшим коллегам, удалось сохранить и продолжить, развить традиции отечественного востоковедения, основы которых были заложены российскими учеными XVIII, XIX и начала XX веков, теми людьми, труды которых сегодня считаются классическими и о жизни которых мы узнаем из учебников.

М.А. Плешову действительно можно отнести к числу таких людей. Человек прекрасно образованный, интеллигентный, посвятивший свою жизнь

изучению Индии. В памяти своих коллег Марина Андреевна осталась образцом порядочного и преданного своему делу человека.

В Индию и обратно: путь к научной работе

Марина Андреевна родилась в 1938 г. в Москве в семье Губеров и выросла среди людей, которых можно отнести к цвету российской (тогда — советской) интеллигенции. Ее отец, Андрей Александрович Губер, известный искусствовед, был главным хранителем Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, дядя — академик А.А. Губер, выдающийся востоковед, специалист по истории стран ЮВА, в 1954-1956 гг. был директором Института востоковедения. В 1955 г. Марина Андреевна поступила на кафедру Востока Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, которая уже в 1956 г. была объединена с частью кафедр Военного института иностранных языков, в результате чего образовался Институт восточных языков при МГУ, сегодня — Институт стран Азии и Африки. Там Марина Андреевна встретила О.В. Плешова, с которым они поженились в 1959 г. и уехали на практику в Индию. В 1962 году родилась их дочь Екатерина. Индология стала для Марины Андреевны «делом семейным» - много лет они с мужем проработали в странах Южной Азии — Индии, Пакистане, Шри-Ланке, затем, вернувшись в Россию, вместе работали в Институте востоковедения, Марина Андреевна - в Отделе Индии, Олег Васильевич - в секторе Пакистана.

После окончания Института супруги Плешовы отправились на работу в Индию. Олег Васильевич работал сначала корреспондентом ТАСС, а затем в посольстве СССР в Индии. Марина Андреевна также работала в представительствах ТАСС и АПН и в посольстве. Во время недолгих перерывов в работе, когда супруги возвращались в Москву, Марина Андреевна восстанавливалась в аспирантуре и в должности научного сотрудника, а в 1972 году — защитила кандидатскую диссертацию.

После завершения работы в Индии в 1982 году Плешовы вернулись в Москву. Олег Васильевич был назначен референтом в Международный отдел ЦК КПСС, а с 1985 года перешел на работу в сектор Пакистана ИВ РАН, а Ма-

рина Андреевна сразу вернулась на работу в Отдел Индии, где ее уже хорошо знали⁴⁴⁴.

Индия в научных трудах М.А. Плешовой

Можно отметить, что путь М.А. Плешовой в науку, к работе в ИВ РАН, в отделе Индии был достаточно типичен для ее ровесников. Многие из крупных ученых ее поколения начинали свою работу как сотрудники советского посольства или корреспонденты информационных агентств. Многие годы, проведенные в изучаемой стране, дали им возможность познакомиться с жизнью в Индии, получить непосредственный опыт общения с жителями этой многогранной, сложной страны, поэтому научные работы, ставшие обобщением данного опыта особенно ценны.

В своих работах М.А. Плешова рассматривает конституционный строй Индии, ее федеративную систему и систему местного самоуправления.

Первая монография Марины Андреевны называется «Штат Уттар Прадеш: социально политические проблемы»⁴⁴⁵. Книга вышла в 1974 году. Работа посвящена крупнейшему по населению штату Индии, особенностям его социально-экономического и политического развития.

В ней подробно рассматривается политическая ситуация в штате, показано, как идет борьба между партиями за власть на уровне региона. Рассматривая правовые документы, определяющие порядок формирования органов власти, автор показывает как на практике реализуются зафиксированные в них положения. Интересным представляется тщательный анализ социально-кастовой структуры населения штата и правящей верхушки, того, как отражается этот социальный состав на электоральных процессах.

Такая работа могла быть проделана только человеком, глубоко изучившим политическую систему Индии, непосредственно наблюдавшим за описываемыми процессами. Важно отметить, что подобное исследование, предметом которого стал отдельный регион было передовым как в отечественной, так

⁴⁴⁴ Разговор с Мариной и Олегом Плешовыми: политические символы и реалии Южной Азии. / Отв. ред. Е. Ю. Ванина, С. Е. Сидорова, А. В. Устенко. – М. : ИВ РАН, 2010. – С. 3-5.

⁴⁴⁵ *Плешова М.А.* Штат Уттар Прадеш: социально политические проблемы. – М. : Наука, 1974.

и в мировой индологии. Сегодня (через 40 лет после выхода книги М.А. Плешовой!), исследователи Индии во всем мире говорят о необходимости рассмотрения отдельных регионов страны, об изучении их специфики и о том, что нельзя «мерить» всю Индию «одним аршином».

В 1992 году вышли сразу две монографии М.А. Плешовой. Первая – «Демократия в Индии: проблемы местного самоуправления»⁴⁴⁶ посвящена роли органов местного самоуправления в функционировании индийской политической системы. Автор показывает историю возникновения и становления местной демократии на низовом уровне, начиная с колониальных времен, подробно исследует различные этапы ее эволюции в период независимости. Отдельно проанализированы структуры городского и местного самоуправления, т.н. система «панчаяти радж», рассматривается как положительный, так и отрицательный опыт, подробно проанализированы те случаи, когда система оказывается неэффективной. Отдельное внимание уделено роли местных органов власти в процессе демократизации и политизации индийского общества, а также в формировании новой политической элиты. Той элиты, представители которой сегодня работают в индийских правительственных структурах, с которыми непосредственно взаимодействуют власти нашей страны, развивая двустороннее сотрудничество между Индией и Россией.

Вторая монография, вышедшая под названием «Индия: Национальная политика и федерация»⁴⁴⁷, посвящена проблемам развития индийского федерализма. Конституция Индии – одна из самых изменяемых конституций мира. С 1950 года в документ было внесено более 80 поправок, также, это самая большая по объему Конституция в мире. Многие из поправок связаны с изменением границ штатов и развитием федеративной системы Индии. Эффективная работа всех механизмов федеративной системы особенно важна для такого неоднородного государства, как Индия, на территории которого проживает множество народов, обладающих своим языком, специфической культурой, часто очень сильно отличающейся от культуры других народов, которые все вместе образуют «единство в многообразии» - Индийскую Республику. М.А. Плешова занима-

⁴⁴⁶ Плешова М.А. Демократия в Индии: проблемы местного самоуправления. – М. : Наука, 1992.

⁴⁴⁷ Плешова М.А. Индия: национальная политика и федерация. – М. : Наука, 1992.

лась исследованием этой сложной системы.

До конца своей жизни, даже будучи уже очень больной, М.А. Плешова продолжала интенсивно работать. То, что она делала применительно к Индии – изучение политической структуры, местного самоуправления и федеративной системы, анализ Конституции страны и проблем взаимодействия власти в центре и на местах, – оказалось в высшей степени востребовано и с точки зрения становления и формирования политической системы России⁴⁴⁸. Марина Андреевна участвовала в многочисленных обсуждениях этих проблем, в т.ч. проводившихся в Совете Федерации РФ и других государственных органах и структурах, публиковала статьи об опыте Индии в крупных российских изданиях и коллективных работах, готовила монографию по этой проблематике. К сожалению, она не успела завершить эту работу.

Работы Марины Андреевны остаются актуальными и сегодня, ее коллеги активно используют их, ссылаются на них. Развитие событий в Индии – борьба за образование новых штатов, дискуссии о распределении полномочий между центром и штатами, а иногда и конфликты между правительствами в центре и на местах, активное развитие региональных политических партий – все это свидетельствует о том, что работы М.А. Плешовой затрагивают проблемы очень важные, требующие глубокого изучения. Исследователю, который хочет получить представление о состоянии и перспективах развития политической системы Индии, знание трудов М.А. Плешовой просто необходимо.

Список литературы

Разговор с Мариной и Олегом Плешовыми: политические символы и реалии Южной Азии. / Отв. ред. Е. Ю. Ванина, С. Е. Сидорова, А. В. Устенко. М.: ИВ РАН, 2010.

М.А. Плешова Штат Уттар Прадеш: социально политические проблемы. М.: Наука, 1974.

М.А. Плешова Демократия в Индии: проблемы местного самоуправления. М.: Наука, 1992.

М.А. Плешова Индия: национальная политика и федерация. М.: Наука, 1992.

Воспоминания коллег М.А. Плешовой по работе в Центре индийских исследований ИВ РАН.

⁴⁴⁸ Разговор с Мариной и Олегом Плешовыми... С. 7.

Ананда К. Кумарасвами и его «Танец Шивы»

Ключевые слова: искусство Индии, Шива Натараджа, иконография, иконология.

Эссе «Танец Шивы» 1918 г. - одно из наиболее известных в творчестве индолога Ананды Кумарасвами. Став предвестником нового метода работы с индийским искусством, оно и по сей день не утратило своей значимости. Большинство исследований чаще всего анализируют «Танец Шивы» изолированно, не ставя в общий контекст развития науки, поэтому основная цель автора статьи – обосновать причины особого положения эссе, обратившись к его пионерскому характеру на фоне имевшейся научной традиции и влиянию на последующую искусствоведческую мысль.

Фигура Ананды Кумарасвами (1877-1947) – одна из ключевых в истории изучения искусства Индии. За долгую научную жизнь ученый прошел путь от активного участника Бенгальского возрождения, публициста и художественного критика до автора многочисленных трудов по эстетике, искусству буддизма и индуизма, а также метафизике традиционных культур.

Отец Кумарасвами, сэр Муту, умер, когда мальчику было три года, и ученый, получив образование в Англии, вернулся на первую родину лишь в возрасте 25 лет в качестве директора минералогической службы Цейлона. Очень скоро неутешительное состояние ремесленных общин острова, увлечение идеями Уильяма Морриса и близкое знакомство с семьей Тагоров привели Кумарасвами в ряды идеологов национальной самоидентификации и культурного возрождения Индии в рамках собственной традиции. А в 1917 году по причине резких высказываний в адрес Британского правительства он был фактически изгнан в США. Через год после переезда увидел свет сборник «Танец Шивы», ставший переходным для эволюции творчества ученого.

Чтобы определить, почему одноименная статья из этого сборника стала новаторской для своего времени, следует обратиться к особенностям изучения индийского искусства в конце XIX - первое десятилетия XX в..

В силу обстоятельств, главным источником информации для первых исследователей стала археология. Это привело к нескольким принципиальным методам ранней индологии, которые подспудно определяли направление изучения искусства в течение десятилетий:

1. Между археологией и историей искусства негласно проводился знак равенства, и в результате главными союзниками исследователей стал формальный анализ вкупе с первичной иконографической характеристикой.

2. Вытекающее из первого пункта понятие линейного времени, вместе со стилистическим анализом архитектурных форм, привели к созданию периодизации индийского искусства по религиозному признаку.

3. Т.о., доказательную базу получил тезис о происходящем процессе деградации искусства, от «приемлемого» буддийского до «странного» индусского. В чем же причина такого неприятия последнего европейскими специалистами?

История искусства не может существовать лишь фактами, ей необходима методология оценки. Первые исследователи были вынуждены отталкиваться от привычной схемы восприятия, провозглашенной Винкельманом: античное искусство и греческое представление о красоте – идеал и образец, который может служить сравнительной базой для восприятия искусства неизвестного. Очевидно, что многорукие индусские статуи, так же, как и погруженные в медитацию Будды без натуралистично проработанной мускулатуры, слишком разительно отличались от шедевров античного искусства. Примеры характерного суждения может представить работа 1880 года «Индустриальные искусства Индии» Джорджа Бердвуда. Высоко оценивая ремесленные достижения индийцев, автор отмечает, что «скульптура и живопись <...> неизвестны как виды изобразительных искусств в Индии»⁴⁴⁹. Основная причина подобного категоричного суждения – «чудовищные силуэты пуранических

⁴⁴⁹ *Birdwood G. The Industrial Arts of India. – London, 1880. – P. 125.*

божеств»⁴⁵⁰, непонятные, а посему попадающие в некую «слепую зону» для специалистов, воспитанных на восхищении античной традицией.

Можно привести еще один характерный пример, из фундаментальной «Истории изобразительных искусств Индии и Цейлона» Винсента Смита: «По моему мнению, невозможно защищать изображение подобных форм с художественной точки зрения <...> бронзы танцующего Шивы прискорбно изуродованы <...> дополнительной рукой, омерзительно растущей поперек грудной клетки»⁴⁵¹.

Молодой Кумарасвами стремился найти новые критерии оценки индийского искусства, обратившись к его духовной, сакральной, символической природе, за что оппоненты называли его «идеалистом». В данном случае особенно важно, что в поисках образа-идеала, он уже в первом эссе «Цели индийского искусства» 1908 г. предлагает танцующего Шиву. Интересно, что Кумарасвами не просто использует модель, наиболее сложную для привычного эстетического восприятия, с развитой, но неясной иконографией, но и выбирает в качестве иллюстрации не исключительный по мастерству или технике рисунок, а один из грубоватых набросков деревенского ремесленника.

Через несколько лет, встретив в Мадрасе Виктора Голубева (1878-1945), Кумарасвами впервые увидел среди его фотографий ныне знаменитую бронзовую статую Шивы из Тирувалангаду⁴⁵² (сейчас в музее Ченная, XII в.). Появившись на фронтисписе сборника, памятник станет хрестоматийным визуальным воплощением идей автора.

Однако, несмотря на явное обращение к тамильским бронзам, Кумарасвами делает акцент не на характеристике конкретного памятника, а на анализе образа. Как следствие разрушается привычное археологическое мышление (памятник-характеристика), исчезает конкретная датировка; автор расставляет совершенно другие акценты, стремясь доказать красоту образа исходя из категорий именно индийского эстетического восприятия. Отсутствие хронологии нивелирует также и миф о деградации репрезентативных качеств

⁴⁵⁰ Ibid.

⁴⁵¹ Smith V. History of Fine Arts in India and Ceylon. – Oxford, 1911. – P. 6.

⁴⁵² Тирувалангаду (Thiruvallangadu) - деревня на Западе Ченная, штат Тамилнад.

искусства. Кумарасвами настаивает на том, что главным при оценке религиозного традиционного искусства должно быть его соответствие невидимой божественной модели, некая «адекватность», не имеющая отношения к первичным вкусовым пристрастиям зрителя или изменениям визуального стиля и мастерства исполнения.

«Танец Шивы» предлагает несколько методологических «подуровней», что само по себе делает эссе исключительным для своего времени.

Кумарасвами начинает статью с обращения к мифологическим «картинам» и внимательный читатель уже здесь может обратить внимание на особую бережность пересказа: ученый дает понять, что это не просто мифологические «сказки», а основы серьезной и упорядоченной религиозной системы. Иконографический анализ семантических признаков (атрибутов, пламени, карлика, на котором танцует Шива, его позы и одеяния) несмотря на множество новых исследований⁴⁵³, считается основой понимания описываемого сюжета и по сей день.

Кажется, образ разложен на составляющие, ему найдена поддержка в текстах Пуран – задача иконографа выполнена. Но Кумарасвами на этом не останавливается, обращаясь к перечислению пяти высших функций Шивы: самоограничение, творение, хранение, разрушение, благодать. Известно, что подобная концепция Бога характерна для шиваитской философской школы шайва-сиддханта⁴⁵⁴, преимущественно распространенной в штате Тамилнад. Продолжая выбранную линию, ученый предлагает едва ли не первое обращение к литературно-философским памятникам (религиозная поэзия наянаров⁴⁵⁵) с целью не только описать художественный образ, но и реконструировать первоначальный духовный импульс, вызвавший его к жизни, встав, т.о., на позицию создателя и адепта, и переходя на новую ступень прочтения памятника.

⁴⁵³ См. например: *Sivaramamurti C. Nataraja in Art, Thought and Literature.* – New Delhi, 1974.

⁴⁵⁴ Шайва-сиддханта (санскр. śaiva-siddhānta, букв. «каноническое учение шиваизма») - шиваитская филос.школа, распространенная в Юж. Индии (преимущ. Тамилнад). По своим методологич. принципам школа явл. дуалистической. Цит. по: Индийская философия. / отв. ред. М.В. Степанянц. – М., 2009. – С. 855

⁴⁵⁵ Наянары (от санскр. *naṇa* - вождь и *naṇa* - человек) – обозначение преимущественно религ. поэтов -тамилы, выразивших традицию бхактийского богопочитания в текстах, систематизированных в XI в. в 12 «Священных сборниках» («Тирумурей»). Цит. по: Там же. С. 561-562.

Надо отметить, что обращение к источникам некоторыми специалистами не признавалось вовсе, а если и имело место, то для наведения порядка в религиозных классификациях. Кумарасвами не просто обращается к поэзии, для него очень важен момент личного экстатического, бхактийского почитания божеству, отраженный в ней.

Некоторые современные исследователи⁴⁵⁶ критикуют вольный выбор ученым поэтических источников, т.к. цитируемые поэты принадлежали разному времени (Тирумалар – VII в., Маниккавабахар – XI в.). Более того, считается, что Кумарасвами не учитывал некоторых местных особенностей образа, замалчивая, в частности, сложные храмовые ритуалы с его участием. Подобные уточнения кажутся неправомерными, т.к. ученый ставил перед собой совершенно другую задачу.

Мы выяснили, что автор выбирает достаточно узкий по ареалу своего распространения тип изображения, давая ему характеристику через призму философского восприятия столь же узкораспространенной религиозной школы. И тут происходит главная трудноуловимая «метаморфоза», совершенная Кумарасвами: изображение тамильского Натараджи он превращает в универсальный символ религиозной глубины и экспрессивной мощи индийского искусства и философского мировосприятия Индии в целом. Более того, образ разрастается даже за рамки искусства индийского, превращаясь в Космический танец, визуальное воплощение концепции единства религии, искусства и науки.

Этот переход становится более очевидным, если вспомнить о первой малоизвестной редакции эссе, увидевшей свет в Тамилнаде еще в 1912 году. Наиболее интересен тот факт, что Кумарасвами выбирает небольшое издательство (*The Light of Truth or the Siddhānta Dipikā*) именно той философской школы, через обращение к текстам которой он и трактует свой образ. Т.о., в 1912 г. его Натараджа танцует лишь в сердцах своих последователей, хотя и зараженных европейским скептицизмом, но не утративших зерен духовной мудрости, накопленной многими поколениями индийцев; в то время, как в

⁴⁵⁶ См. например: *Kirsensboom Saskia*. Ananda's Tandava: "The Deance of Shiva" Reconsidered // MARG. – Mumbai, 2011. №3. – P.28-43.

1918 г. небольшое смещение акцентов дает ученому возможность делать куда более смелые выводы.

Эту догадку подтверждает крошечная деталь: в статье 1912 г. при упоминании имени бога употребляется характерная частица «Sṛī»⁴⁵⁷, необходимая при исполнении индуистского ритуального этикета. Чудесным образом она пропадает в эссе 1918 г., ориентированном на европейскую аудиторию, когда ученому удается совершить иконологический «скачок», придав образу космическое и космополитическое значение. Один из выводов эссе, похожий больше на гимн, звучит так: «Никто из современных художников не мог бы так точно и мудро создать образ той Энергии, которую наука считает предварительным условием любого процесса»⁴⁵⁸.

«Танец Шивы» стоит особняком как в личной эволюции Кумарасвами-ученого, так и в истории искусствознания. Сам ученый в поздние годы неоднократно признавал, что «прошел долгий путь»⁴⁵⁹ с момента выхода «Танца Шивы», т.к. он был задуман только как экскурс в наиболее спорные и сложные для европейского понимания области индийской культуры в целом. На деле, Кумарасвами воплотил в этой небольшой работе те лучшие принципы своей концепции и методологии, которые будут подхвачены новыми поколением исследователей.

В рамках одной заданной темы поток работ, углубивших изложенные в эссе идеи, предложивших антропологический, социологический методы для прочтения образа, не прекращается до сих пор. Более того, эссе стало своеобразной «школой» для целой плеяды историков искусства Индии середины – второй половины XX века, предложив пример ясного и последовательного анализа иконографической схемы на основе использования источников.

Но и на этом новаторство «Танца Шивы» не заканчивается, т.к. Кумарасвами стал одним из первых исследователей, применивших иконологический подход в искусствознании вообще, в то время, как без него не мыслит себя современная история искусства. Стоит отметить, что Кумарасвами вряд ли

⁴⁵⁷ *Wessel-Mevissen Corinna*. Introducing a God in His Ideal Form: A.K. Coomaraswamy's "Dance of Śiva", 1912/1918 // *Indo-Asiatische Zeitschrift*. B., 2012. №16. – S. 37.

⁴⁵⁸ *Coomaraswamy, A.K.* The Dance of Śiva. – New York, 1918. – P.65.

⁴⁵⁹ *Lipsey R.* Coomaraswamy. Vol. 3: His Life and Work. – New Jersey, 1978. – P. 288.

полностью осознавал удивительный характер своей работы: пройдет еще 10 лет, прежде чем он напишет свои наиболее известные труды по иконографии, и еще больше, прежде чем иконология станет для него главным методологическим принципом. «Танец Шивы» был откровением, вспышкой, как нельзя более своевременной, и поэтому столь яркой.

Если выйти за рамки научные, то окажется, что ученый создал едва ли не наиболее узнаваемый символ индийского искусства и индийской культуры, который в наши дни стал элементом не только науки и религии, но и массового рынка, и туристической индустрии. А в качестве космологического образа он перекочевал даже в физику: статуя Шивы Натараджи стоит перед Европейским центром ядерных исследований (CERN) в Женеве.

Список литературы

- Индийская философия / Отв. ред. М.В. Степанянц. М., 2009.
- Шентунова И.И.* Очерки истории эстетической мысли в Индии в новое и новейшее время. М, 1984.
- Beltz J.* The Dancing Shiva: South Indian Processional Bronze, Museum Artwork, and Universal Icon // *Journal of Religion in Europe*. 2011. № 4. P. 204-222
- Birdwood G.* The Industrial Arts of India. London, 1880.
- Coomaraswamy A.K.* The Aims of Indian Art. Broad Campden, 1908.
- Coomaraswamy A.K.* The Dance of Shiva // *The Light and Āgamic Review The Light of Truth or the Siddhānta Dipikā*. Madras, 1912. XIII. P. 1-13.
- Coomaraswamy, A. K.* The Dance of Śiva. Fourteen Indian Essays. N. Y., 1918.
- Coomaraswamy A.K.* The Transformation of Nature in Art. New York, 1956.
- Kaimal P.* Shiva Nataraja: Multiple Meanings of an Icon // *The Art Bulletin*. 1999. Vol.81, №3. P. 390-419.
- Lipsey R.* Coomaraswamy. Vol. 3: His Life and Work. New Jersey, 1978.
- Sivaramamurti C.* Nataraja in Art, Thought and Literature. New Delhi, 1974.
- Smith V.* History of Fine Arts in India and Ceylon. Oxford, 1911.
- Srinivasan Sharada.* Cosmic dance // *Indian International centre Quarterly*. New Delhi, 2007. 34/2. P. 126-137.
- Wessel-Mevissen C.* Introducing a God in His Ideal Form: A.K. Coomaraswamy's "Dance of Śiva", 1912/1918 // *Indo-Asiatische Zetschrift*. B., 2012. №16. S. 37.

**Выдающийся востоковед,
историк и лингвист В.Ф.Минорский**

Ключевые слова: Минорский, история, Восток, исследования.

Всемирно известный и выдающийся востоковед, профессор Владимир Федорович Минорский (1877-1966) внес неопенимый вклад в изучение многих малоизученных проблем политической истории, социально-экономического и культурного положения стран Ближнего и Среднего Востока в средние века.

Благодаря усилиям профессора В.Ф. Минорского использовавшего уникальные источники, была проделана кропотливая работа в области исследования и публикации первоисточников, многие из которых являлись редкими и малоизученными.

В.Ф. Минорский родился 5 февраля 1877 г. в небольшом городке Корчеве на Волге, расположенном к северо-западу от Москвы. В 1887 г. Минорский поступил в Четвертую Московскую гимназию и стал соучеником, а потом и другом Бориса Миллера, сына известного востоковеда, профессора Московского Университета и Лазаревского института восточных языков В.Ф. Миллера. Известно что, дружба с Борисом Миллером и знакомство с его отцом предопределили будущие интересы Минорского как востоковеда.

В 1900 г. в возрасте 23 лет В.Ф.Минорский окончил юридический факультет Московского университета (1896-1900). В 26 лет в 1903 г., В.Ф.Минорский стал выпускником Лазаревского института восточных языков. Минорский был любимым учеником молодого профессора А.Е. Крымского. Этих двух близких по взглядам и интересам людей связывала многолетняя

дружба. Еще на студенческой скамье Минорский проявил незаурядные способности к научной работе, но он мечтал о дипломатической карьере.

Формирование научных интересов Минорского началось еще на студенческой скамье. Во время обучения в Лазаревском институте в 1901 г. он перевел вместе с Б.В. Миллером знаменитый труд Т.Нёльдеке «Семитские языки»⁴⁶⁰ и вместе с А.Е. Крымским – «Очерки по истории востоковедения в XVI и XVII вв.» Матвея Васмута.⁴⁶¹ Поездка на практику в Турцию дала ему материал для первых самостоятельных статей: «У русских подданных султана»⁴⁶², «Константинопольские увеселения»⁴⁶³ и «Национальные стихи Эмин-бея в связи с новым направлением османской поэзии».⁴⁶⁴ Статья об Эмин-бее была одной из первых в России, в которой обращалось внимание на новые веяния и течения в турецкой литературе. Об интересе Минорского к турецкой проблематике свидетельствует и его обстоятельная рецензия на книгу П. Хорна «Geschichte für Türkischen Moderne».⁴⁶⁵

По долгу службы он много путешествовал по Южному Азербайджану и северо-западному Ирану, близко познакомился с богатейшими историческими и культурными памятниками и этнографией края. После окончания Лазаревского института с дипломом первой степени Минорский поступил на службу в министерство иностранных дел и был направлен в Иран, где работал с 1904 по 1907 г.

Жил В. Минорский в городе Тебризе, много путешествовал по северо-западной части Ирана (Иранский Азербайджан), совершенствовал свои знания персидского и турецкого языков, знакомился с историческими памятниками, увлекся этнографией, стал собирать материалы о шиитских сектах, преимущественно о секте Али-Иллахи. В 1908-1912 гг. В.Ф.Минорский работал в Петербурге и в Туркестане.

В 1911 г. мы вновь видим В.Минорского в Иране в качестве участника смешанной англо-русско-турецко-персидской комиссии по демаркации турецко-

⁴⁶⁰ Нёльдеке Т. Семитские языки. Пер. Б.Миллера и В.Минорского // Труды Лазаревского института. Вып. 5. – М., 1903.

⁴⁶¹ Древности восточные. Т. 2 вып.3. – М., 1903. – С. 16-27.

⁴⁶² Этнографическое обозрение. Кн. 52, М., 1902, № 2. См. рец. В.В.Бартольда в «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprache. Westasiatische Studien». 1903, с. 207.

⁴⁶³ Константинопольские увеселения. – Тифлис, 1903.

⁴⁶⁴ Древности восточные. т. 2, вып.3; 1903; т.3. вып.1.

⁴⁶⁵ Этнографическое обозрение. Кн. 57. 1903, № 2, с. 140-145.

иранской границы. Впоследствии, в 1913-1914 гг., Минорский был русским комиссаром в этой комиссии и издал две работы: «Турецко-персидская граница»⁴⁶⁶ и «Турецко-персидское разграничение».⁴⁶⁷ Во время кратковременной работы в русском посольстве в Стамбуле Минорский познакомился со своей будущей супругой Татьяной Алексеевной, внучкой известного русского тюрколога, профессора Петербургского университета В.Д. Смирнова, ставшей не только женой и верным другом в трудной, беспокойной жизни ученого, но и постоянным помощником, сопереводчиком и даже соавтором своего знаменитого супруга.

Большая часть статей, написанных В.Ф. Минорским досоветский период, явилась результатом его служебных командировок по Иранскому Азербайджану: в Марагу и Макинское ханство⁴⁶⁸, описание Казвин-Хамаданской дороги⁴⁶⁹, объезд в 1911 г. иранской территории, оккупированной Турцией, и др.⁴⁷⁰. Поездки по Ирану дали Минорскому возможность познакомиться с интересными историческими памятниками. Некоторые из них он описал в статьях «Древности Маку»⁴⁷¹ и «Келяшин, стелла у Топузавы и древнейшие памятники в районе Урмийского озера»⁴⁷².

В те же годы Минорский стал собирать материал об Али-Илахах и других мусульманских сектах. Первой работой на эту тему была книга «Материалы для изучения персидской секты «Люди истины» или «Али-илахи». Впоследствии В.Ф. Минорский опубликовал несколько статей по истории ислама и мусульманских сект: «Заметки о секте Ахл-е Хакк» и статью об Ахл-е Хакк, поэму последователя секты Ахл-е Хакк, статьи о разрыве между суннитами и шиитами, о значении религии в истории Ирана.

⁴⁶⁶ *Минорский В.Ф.* Турецко-персидская граница // Материал по изучению Востока. Вып. 2, СПб.: 1915, с. 219 – 432.

⁴⁶⁷ *Минорский В.Ф.* Турецко-персидские разграничения // Известия РГО, т. 52, 1916. С. 351-392.

⁴⁶⁸ *Минорский В.Ф.* Поездка в Марагу и район рек Джагату и Татаву // Известия штаба Кавказского Военного округа. № 20. – Тифлис : 1907. – С. 34-53; он же. Поездка в Макинское ханство в 1905 г. // Материалы по изучению Востока. Вып. 1. – СПб., 1908. – С.1 - 62.

⁴⁶⁹ *Минорский В.Ф.* Казвин-Хамаданская дорога // Материалы по изучению Востока. вып.1. – СПб., 1908. – С.161-196.

⁴⁷⁰ *Минорский В.Ф.* Объезд оккупированных Турцией персидских округов в 1911 г. // Материалы по изучению Востока. Вып 2. – СПб., 1915. – С. 1-131; он же. Турецко-персидская граница // Там же, с. 319-432; он же. Сведения о населении некоторых пограничных округов // Там же, с. 433-480; он же. Турецко-персидское разграничение // Известия РГО. 1916, т.52, с.351-392 и др. См.: List of publications by Professor Minorsky V.- «Iranica». Twenty Articles, с. XII и др.

⁴⁷¹ Восточный сборник Общества русских ориенталистов. Вып. 2, Пг., 1916, с. 41-69; Рец. см.: Известия РГО.

⁴⁷² *Минорский В.Ф.*, *Келяшин*, стела у Топузавы и древнейшие памятники в районе Урмийского озера // Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества. XXIV. – Петроград, 1917. – Р. 145-193.

В 1916 г. В. Минорский был назначен советником русского посольства в Тегеране. Он был хорошим дипломатом, и Министерство Иностраннных Дел поручало ему ответственные задания. К этому времени Минорский уже был известен и в научных кругах. Он занимался изучением, переводами и публикацией исторических источников, историей Ирана. Особое значение он придавал исследованию средневековых мусульманских источников по истории стран Ближнего и Среднего Востока. Он сообщил об открытии пехлевийских надписей в Дербенде (1929 г.), о двух неизвестных рукописях «Шах-наме»⁴⁷³ Фирдоуси и «Хамсе» Джами (1931 г.), составил каталог турецких рукописей коллекции Честера (1940 г.), написал статью «Гардизи об Индии» (1948 г.), о подделке рукописи Джейхани (1948 г.), «Марвази о Византии» (1950 г.), о Бируни (1951 г.)⁴⁷⁴, «Две иранские легенды из второй записки Абу-Дуляфа» (1952 г.), «Бали-Эфенди о Сефевидах» (1957 г.)⁴⁷⁵ и др.

В. Минорский издал в подлинниках и в переводах на английский язык несколько персидских, арабских и турецких источников. Одной из первых публикаций Минорского стала рукопись анонимного географа X в. «Худуд аль-алем», обнаруженная А.Г. Туманским. Над переводом анонима Минорский начал работать с 1931 г. вскоре после факсимильного издания рукописи акад. Бартольдом. Английский перевод был издан в 1937 г. с посвящением иранскому ученому Мохаммаду Казвини. Изданию был предпослан перевод введения В.В. Бартольда к «Худуд аль-алем»⁴⁷⁶.

Второе издание книги с учетом более поздних работ В.Ф. Минорского об этом памятнике и публикации персидского текста было подготовлено к печати К.Е. Босвортом и издано в 1970 г. В 1942 г. Минорский опубликовал арабский текст и английский перевод записок Тахира Марвази (XII в.) о Китае, тюрках и Индии, снабдив перевод обширными комментариями. В следующем, 1943 г. вышла в свет новая большая работа В.Ф. Минорского «Газкират аль-Мулюк. Руководство для сефевидской администрации»- персидский текст, английский

⁴⁷³ *Minorsky V.* Two unknown Persian manuscripts (Firdausi's Shah-nama, dated 833/1429, and Jami's Khamasa, dated 928/1522). – Apollo : London, February, 1931. – P. 71-75.

⁴⁷⁴ *Minorsky V.* On some of Biruni's Informants, in Al-Biruni Commemoration. – Calcutta : 1951. – P. 223-226.

⁴⁷⁵ *Minorsky V.* Bali-efendi on the Safavids // BSOAS. XX, 1957. P. 437-450.

⁴⁷⁶ *Minorsky V.* Hudud al-Alam, P. 409: Minorsky V. Preface // Hudud al-Alam. The Regions of the World. E.J.W. Gibb (Memorial Series. New Series. XI). – London, 1970. – P. XVI.

перевод и обстоятельные пояснения к тексту. Ценным источником является «Вторая записка Абу Дуляфа», изданная Минорским в 1955 г. При подготовке к изданию «Трактата о каллиграфрах и художниках» Кази Ахмеда В.Ф. Минорский перевел предисловие проф. Б.Н. Заходера из советского издания «Трактата» Кази Ахмеда к этому интересному источнику⁴⁷⁷.

Исторические исследования проф. Минорского весьма разнообразны. Условно их можно разделить на работы по истории Ирана и две большие серии: «Caucasica» (11 выпусков) и «Transcaucasica» (4 выпуска и книга «История Дербенда и Ширвана»). В этих работах исследуются следующие источники и события из истории Ирана и сопредельных стран: господство Дейламитов (1932 г.), Иран XV в. (1933 г.), заметки по истории Надир - шаха (1934 г.) о хазарах и тюрках, известия персидских источников о венграх X в. (1937 г.), известия мусульманских авторов о Центральной Азии X и XI вв. (1937 г.), «О сойюргале Касим бек Джахангира Ак-Коюнлу 1498 г.» (1938 г.)⁴⁷⁸, «Обозрение гражданских и военных дел в Фарсе в 881/1474 г. (1939 г.)⁴⁷⁹, «Средний Восток в политике Запада XIII, XV и XVI вв.» (1940 г.)⁴⁸⁰, «Роман и византийский кампания в Антропатене (1944 г.), «Путешествия Тамим ибн Бахра к уйгурам» (1948 г.)⁴⁸¹, «Мусульманские географы и путешественники» (1951г.), «Род правителей Кара-Коюнлу» (1953г.), «История Ширвана и Дербенда» (1958 г.)⁴⁸² и др.

Исследования В.Ф. Минорским о Хакани и Андронике Коммене, стихов шаха Исмаила I Сефевида, сюжета Вис и Рамин, поэзии Джахан шаха Кара-Коюнлу отличаются новизной материала и оригинальностью выводов. Его перу принадлежат статьи по языкознанию (например, о турецком диалекте халадж), по искусству (о луристанской бронзе, о мечети в Верамине, о географических факторах в персидском искусстве), по истории востоковедения - о дипломатах в XIX в. в Иране - А.С. Грибоедове и Артуре Гобино⁴⁸³,

⁴⁷⁷ Calligraphers and Painters. A treatise by Qadi Ahmad, son of Mir-Munshi (circa A.H. 1015/ A.D.1606). Translated from the Persian by V.F. Minorsky. - Washington, 1959.

⁴⁷⁸ Minorsky V.F. A soyurghal of Qasim b. Jahangir Aq-qoyunlu (903/1498) // BSOS. (Bulletin of the School of Oriental Studies), IX/4. - London, 1938. - P. 927-960.

⁴⁷⁹ Minorsky V.F. A Civil And Military review in Fars in 881/1474 // BSOS, X/1. - London, 1938. - P. 141-178.

⁴⁸⁰ Minorsky V.F. The Middle East in Western Politics in the 13th, 14th and 16th centuries // JRAS, 1940. - P. 170.

⁴⁸¹ Minorsky V. Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyhgurs // BSOAS, XII/2, 1948. - P. 275-305.

⁴⁸² Minorsky V. A History of Sharvan and Darband in the 10th-11th century. - Heffer, Cambridge, 1958. - P. 187.

⁴⁸³ Minorsky V. Gobeineau et La Perse. Europe: 1 Octobre 1923. P. 116-126.

причем последний характеризуется и как исследователь Ирана, об иранистике во Франции, периодические обзоры исследований по истории и географии Ирана (1932, 1937, 1951, 1957 гг.); рецензии на работы по востоковедению.

Постепенно В.Ф. Минорский начал отходить от политической деятельности и все больше времени уделять востоковедению. С 1923 г. он стал читать курсы лекций по персидской литературе в Национальной школе живых восточных языков в Париже, а несколько позже – по истории ислама и Турции в различных институтах и колледжах Франции.

С 1932 г. В.Ф. Минорский стал читать лекции по персидскому языку в School of Oriental Studies, а с 1933 г.- по персидской литературе и истории Ирана в Лондонском университете, где он с 1937 г. стал преемником Денисона Руссо. В 1944 г. Минорский ушел на пенсию, но остался почетным членом Школы Изучения Востока и Африки. В 1948-1949 гг. он читал курсы лекций в Каирском университете.

В последние пять лет жизни В.Ф. Минорского его квартира в Кембридже, знакомая многим зарубежным востоковедам, стала посещаться и российскими учеными.

Замечательный русский востоковед Владимир Федорович Минорский скончался в Лондоне 25 марта 1966 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Список литературы

Нёльдеке Т. Семитские языки. Пер. Б.Миллера и В.Минорского // Труды 2. Лазаревского института. Вып. 5, М., 1903.

Древности восточные. т. 2 вып.3, М.,1903, с. 16-27.

Этнографическое обозрение. Кн. 52, М., 1902, № 2. См. рец. В.В.Бартольда в «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprache. Westasiatische Studien». 1903, с. 207.

Константинопольские увеселения. Тифлис, 1903.

Древности восточные. т. 2, вып.3; 1903; т.3. вып.1, год изд.,

Этнографическое обозрение. Кн. 57. 1903, № 2, с. 140-145.

Минорский В.Ф. Турецко-персидская граница // Материал по изучению Востока. Вып. 2, СПб.: 1915, с. 219 – 432.

- Минорский В.Ф.* Турецко-персидские разграничения // Известия РГО. т. 52, 1916, с. 351-392.
- Минорский В.Ф.* Поездка в Марагу и район рек Джагату и Татаву // Известия штаба Кавказского Военного округа. Тифлис: 1907, № 20, с. 34-53; он же. Поездка в Макинское ханство в 1905 г. // Материалы по изучению Востока. вып.1, СПб., 1908, с.1 - 62.
- Минорский В.Ф.* Казвин-Хамаданская дорога // Материалы по изучению Востока. вып.1, СПб., 1908, с.161 - 196.
- Минорский В.Ф.* Обезд оккупированных Турцией персидских округов в 1911 г. // Материалы по изучению Востока. СПб.вып.2, 1915, с. 1-131; он же. Турецко-персидская граница // Там же, с. 319-432; он же. Сведения о населении некоторых пограничных округов // Там же, с. 433-480; он же. Турецко-персидское разграничение // Известия РГО. 1916, т.52, с.351-392 и др. См.: List of publications by Professor Minorsky V.- «Iranica».Twenty Articles, с.XII и др.
- Восточный сборник Общества русских ориенталистов. Вып.2, Пг., 1916, с. 41-69; Рец. см.: Известия РГО.
- Минорский В.Ф.* Келяшин, стела у Топузавы и древнейшие памятники в районе Урмийского озера // Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества. Петроград, XXIV, 1917, pp. 145-193.
- Minorsky V.* Two unknown Persian manuscripts (Firdausi's Shah-nama, dated 833/1429, and Jami's Khamsa, dated 928/1522). Apollo: London, February, 1931, pp. 71-75.
- Minorsky V.* On some of Biruni's Informants, in Al-Biruni Commemoration. Calcutta: 1951, pp. 223-6.
- Minorsky V.* Bali-efendi on the Safavids // BSOAS. XX, 1957, pp.437-50.
- Minorsky V.* Hudud al-Alam, стр. 409: Minorsky V. Preface // Hudud al-Alam. The Regions of the World. E.J.W.Gibb (Memorial Series. New Series. XI). London, 1970. P. XVI.
- Calligraphers and Painters. A treatise by Qadi Ahmad, son of Mir-Munshi (circa A.H. 1015/A.D.1606).Translated from the Persian by V.F. Minorsky. Washington: Изд., 1959.
- Minorsky V.F.* A soyurghal of Qasim b. Jahangir Aq-qoyunlu (903/1498) // BSOS. (Bulletin of the School of Oriental Studies), IX/4, London, 1938, pp. 927-960.
- Minorsky V.F.* A Civil And Military review in Fars in 881/1474 // BSOS, X/1, London, 1938, pp.141-178.
- Minorsky V.F.* The Middle East in Western Politics in the 13th, 14th and 16th centuries // JRAS, 1940, p. 170.
- Minorsky V.* Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyhgurs // BSOAS, XII/2, 1948, pp.275-305.
- Minorsky V.* A History of Sharvan and Darband in the 10th -11th century. Heffer, Cambridge, 1958, pp. 187+32.
- Minorsky V.* Gobineau et La Perse. Europe: 1 octobre 1923, pp. 116-126.

Первое в России толкование трактата Сунь-цзы подполковником Срезневским

Ключевые слова: китайская военная мысль, Сунь-цзы, Срезневский.

Трактат «Сунь-цзы» считается самым авторитетным и почитаемым среди авторов «Семикнижия военного канона»*. Согласно традиционной хронологии, он является самым древним из них и написан в эпоху Чуньцю, в VI-V вв. до н. э. Авторы «Семикнижия военного канона», окончательно отобрали в период правления династии Сун в конце XI в., когда эти трактаты вошли в число обязательных при сдаче государственных экзаменов для поступления на военную службу. В связи с этим был произведен отбор наиболее авторитетных комментаторов. Таких оказалось десять: вэйский Цао-гун, лянский Мэн-ши, танские: Ли Цюань, Ду Му, Чэнь Хао, Цзя Линь; сунские: Мэй Яо-чэнь, Ван Чже, Хэ Янь-си, Чжан Юй. К этим комментаторам так же присоединяют Ду Ю⁴⁸⁴.

Столь характерная для Китая традиция комментаторства затронула и военные трактаты. Комментарий, как известно, является особым видом интеллектуальной деятельности и почти неизменным атрибутом развитой письменной традиции, опирающейся на канон. Изучение, упомянутых выше, трактатов привело к дальнейшему развитию традиции их комментирования не только в Китае, но и в Японии, Корее, Вьетнаме в более позднее время. А начиная с XVIII в., как считается традиционно, с древнекитайскими военными классиками, посредством французских миссионеров, стали знакомиться европейцы. В 1772 году появился французский перевод трактата «Сунь-цзы», выполненный миссионером-иезуитом Жаном Амио (Jean Joseph Marie Amiot)⁴⁸⁵, который ему поручил сделать французский военный министр Бертенъ. По некото-

* «У цзин» - свод китайских классических книг по теории военного искусства: «Лю тао» («Шесть планов»), «Сунь-цзы [бин фа]» («Сунь-цзы [о военном искусстве]»), «У-цзы [бин фа]» («У-цзы [о военном искусстве]»), «Сыма фа» («Правила Сыма»), «Сань люэ» («Три стратегии»), «Вэй Ляо-цзы», «Ли Вэй-гун вэн дуй» («Диалоги Ли Вэй-гуна»).

⁴⁸⁴ Конрад Н. И. Синология: репринт с изд. 1977 г. – М. : Ладомир, 1995. – С. 20-22.

⁴⁸⁵ Amiot J. Art militaire des chinoise. – P. 1772.

рым данным, эту книгу внимательно изучал Наполеон, но в эпоху колониальных захватов неоспоримое военное превосходство Запада не способствовало изучению китайской военной доктрины европейцами⁴⁸⁶. В.В. Малявин считает, что: «Только после того как в Китае победили коммунисты, с успехом применявшие на практике максимы древнекитайского стратега, интерес к «Сунь-цзы» на Западе резко возрос»⁴⁸⁷. Н.И. Чуев же объясняет резко возросший интерес европейцев к древнекитайской военной мысли прежде всего тем удивлением, которое испытали европейцы, обнаружив их близость с взглядами К. Клаузевица⁴⁸⁸.

Близость взглядов К. Клаузевица и Сунь-цзы отмечает также О. В. Зотов⁴⁸⁹, который ставит вопрос о причинах внимания к «Сунь-цзы» на Западе и дает на него следующий ответ: «...что заставило Запад не удовлетвориться собственным схожим опытом и обратиться к древнекитайскому стратегическому учению? Не получилось ли так, что некоторые «резервы» учения Сунь-цзы, веками находившиеся под спудом, лишь теперь постепенно осознаются и находят применение?»⁴⁹⁰. Он также отмечает, что: «На Западе интерес к Сунь-цзы проявила школа генерала М. Тейлора, некогда помощника Стилуэлла в Китае. Неподдельный интерес к учению Сунь-цзы сохранил на всю жизнь А. Даллес (Allen Welsh Dulles)*, начинавший в Китае свою дипломатическую карьеру. Ряд положений Сунь-цзы можно обнаружить в теории партизанской войны у Э. Че Гевары»⁴⁹¹.

Отмеченный выше перевод Ж. Амио, положил начало изучению военной мысли древнего Китая в Европе, в том числе и в России. Вообще высшие слои российского общества того времени интересовались Китаем во многом следуя европейской моде. Они внимательно следили за новыми европейскими течениями в философии, политике, литературе и т. д. Военная элита как и вся об-

⁴⁸⁶ *Малявин В.В.* Китайская военная стратегия. – М.: Астрель, АСТ, 2002. – С. 114.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ *Чуев Н.И.* Военная мысль в древнем Китае. История формирования военных теорий. – М.: Любимая книга, 1999. – С. 174.

⁴⁸⁹ *Зотов О.В.* Сунь-цзы и Клаузевиц: парадоксы различия. // XVII НК ОГК. – М., 1986. – С. 17-24.

⁴⁹⁰ *Зотов О.В.* Учение Сунь-цзы о «необычной» войне // XVIII НК ОГК. – М., 1987. – С. 8.

* Американский дипломат и разведчик, руководитель резидентуры Управления стратегических служб в Берне (Швейцария) во время Второй мировой войны, директор ЦРУ (1953 - 1961 гг.).

⁴⁹¹ Там же. С.15.

разованная и просвещенная интеллектуальная прослойка России хорошо владела французским языком, иногда плохо или совсем не владея русским. Поэтому переводить «Сунь-цзы» на русский не было особенной необходимости. Именно этим объясняется тот факт, что первый перевод с французского на русский трактата «Сунь-цзы» был сделан почти столетием позже подполковником костромского пехотного полка Срезневским. Перевод его был выполнен по изданию 1772 года, уже упомянутого выше, автора Ж. Амио и вышел в Военном сборнике в 1860 году в Санкт-Петербурге⁴⁹².

Свой труд Срезневский назвал: «Инструкция китайского полководца Сунтсе подчиненным ему генералам». Это сразу говорит о том, что перевод его весьма вольный. Настолько вольный, что идеи самого Сунь-цзы смешиваются с идеями автора данного перевода, которые он приписывает Сунь-цзы. Переводом это назвать трудно, скорее это вольная интерпретация автора на тему «Сунь-цзы». Он не был обременен, подобно китайским комментаторам этого трактата, «священным» обязательством ни к самому тексту, ни к его положениям. Первым делом он более чем наполовину сократил текст трактата, а оставшуюся часть изложил вольным авторским пересказом. Стиль изложения Срезневского далек от стиля изложения Сунь-цзы и очень напоминает пространственный стиль изложения французский просветителей. Сокращения текста трактата коснулись, в основном, положений, имеющих отношение к категориям и положениям древнекитайского мировоззрения и философии. Видимо они показались Срезневскому непонятными и явно излишними. Однако в положениях, касающихся непосредственно военной стороны дела – военной организации, стратегии и тактики – Срезневский чувствует себя очень уверенно и рассматривает их вполне компетентно. В его суждениях чувствуется значительный боевой опыт и житейская мудрость переводчика, как профессионального военного.

Срезневский полагал, что Сунь-цзы жил «в III столетии по Рождестве Христовом». Он особо отмечает высокий авторитет трактата, который «до сих пор почитается лучшим в Китайской империи». Указывал на то, что каждый соискатель на высшую должность в военном управлении «должен написать

⁴⁹² *Срезневский*. Инструкция китайского полководца Сунтсе подчиненным ему генералам (извлечение из французского перевода) / Военный сборник, 1860, т.13, кн. 6. – С.330-342.

толкование или разбор одной из глав сочинения Сунтсе», на основании которого «военный ученый совет решает, может ли написавший занять высшую должность». Срезневский считал взгляды Сунь-цзы на военную теорию очень актуальными, обращая внимание на то, что у него есть чему поучиться самым видным полководцам⁴⁹³. Это обстоятельство, видимо, и побудило его взяться за перевод трактата на русский язык. По-видимому, Срезневский пытался достичь двух целей: во-первых сделать трактат доступным для более широкой аудитории; во-вторых, познакомить читателей со своим, несомненно компетентным, видением и пониманием Сунь-цзы.

Срезневский уже тогда обратил внимание на разбивку глав трактата, встречающихся там повторов и дал этому свое объяснение. Он считал, что главы трактата – это инструкции (отсюда название его работы). Они писались раз за разом последовательно и каждая следующая глава писалась только после того как с предыдущей ознакомились «подчиненные ему генералы». Автор перевода предположил, что каждый раз они просили пояснить Сунь-цзы те или иные непонятные им положения трактата. Поэтому он в каждой последующей главе, давая новые свои положения, раз за разом вынужден пояснять и развивать уже высказанное им ранее⁴⁹⁴. Этим Срезневский объясняет многочисленные повторы в трактате и якобы случайную его разбивку на главы.

Сунь-цзы, излагая мысль в одной главе, затем, подчас весьма неожиданно, возвращается к ней в последующих главах, так или иначе развивая сказанное ранее, иногда просто повторяя. На это обратили внимание также Н.И. Конрад, который не нашел этому объяснения. Н.И. Чуев предположил, что этот трактат может нести в себе трехмерное и многокомбинационное отображение информации. То есть его текст можно читать в разных вариантах как матрицу, в зависимости от этого получая разную комбинацию иероглифов и, соответственно, различный смысл. Кроме того, трактат может содержать психологические опорные сигналы для человека⁴⁹⁵. Можно предположить, что достиже-

⁴⁹³ Там же. С. 330.

⁴⁹⁴ Там же.

⁴⁹⁵ Чуев Н.И. Военная мысль в древнем Китае. История формирования военных теорий. – М.: Любимая книга, 1999.

ния современных наук еще не позволяют нам дать полное объяснение этой структуре, как и другим загадкам, которые таит в себе трактат «Сунь-цзы».

Конечно можно считать теорию Срезневского наивной, но его объяснение разбивки трактата на главы, объяснение военного специалиста с боевым опытом однозначно имеет право на существование. Тем более, что достаточно разумной и бесспорной теории о структуре трактата Сунь-цзы нет до сих пор. Срезневский дал перевод трактата без разделения на главы, «в сжатом виде, чтобы многоречием не отнимать времени, не обременять память читателей и не затмевать пространством рассуждением те мысли Сунтсе, которые своей ясностью и убедительностью легко представляются воображению»⁴⁹⁶. Так автор перевода адаптировал древний трактат для читателей своей среды, своей школы.

Данный перевод Срезневского можно считать достаточно удачным. Срезневский, являясь, видимо, незаурядной личностью, вложил в работу всю свою душу, ум и опыт. Перевод у него, как мы уже отмечали, вольный, даже очень вольный, но это, следует отнести, скорее, к достоинствам работы. В этой «вольности» очень ярко отразилось его понимание и видение Сунь-цзы, работы которого не потеряли актуальности и в наше время.

Нет смысла ставить перед собой задачу исследовать работу Срезневского с точки зрения того, насколько он передает в ней мысли Сунь-цзы и насколько много в ней оригинальных – авторских идей (их там довольно много). Причина бесперспективности подобного исследовательского подхода в том, что даже если вычленишь идеи Срезневского, их всегда можно объяснить своеобразным видением и пониманием текста Сунь-цзы автором перевода.

Срезневский не находился в положении тех китайских авторов, которые свои собственные оригинальные идеи для придания им большего веса подавали под вывеской комментирования идей трактата древнего (а значит безусловно авторитетного) автора. В Китае это касалось не только сочинений по военному искусству. Скорее напротив, он взялся за перевод и толкование трактата никому в его время неизвестного древнекитайского автора. В крайнем случае – малоизвестного. Трудно утверждать насколько этот текст был

⁴⁹⁶ Там же.

распространен в российской военной среде того времени. Но, во всяком случае, намного меньше работ А.В. Суворова и М.И. Драгомирова, а также трудов Клаузевица, Жомини, эрцгерцога Карла и других. Доказательство тому – труды известных авторов того времени: Мяхкова, Медема, Леера, Михневича, Свечина и многих других. Сунь-цзы и другие китайские военные авторы там не упоминаются вообще, зато подробно рассматриваются европейские военные классики. Это вполне естественно. Они рассматривали авторов общей с ними системы взглядов, а древнекитайский автор был для них непривычен. В тот период на Западе китайские трактаты по военному искусству тоже не были распространены.

Срезневский мог бы снискать гораздо больше «славы» трактуя труды европейских авторов по военному искусству и добавляя к ним свои оригинальные комментарии. Но он счёл нужным сделать свое толкование Сунь-цзы. Видимо этот трактат затронул некие его внутренние струны, пусть даже во французском переводе.

В заключение приведу фрагмент перевода, который у Сунь-цзы не встречается вообще. Срезневский утверждает, что Сунь-цзы советует полководцу собирать совет непосредственно перед боем, иначе противник может узнать о планах. На случай, если совет единодушно согласен с полководцем, Срезневский советует не доверять ему окончательно. Он здесь предлагает: «вглядитесь в ряды вашей армии, готовой к бою. Предчувствия масс не обманчиво – поверьте моей опытности – победа или неуспех будут ясно начертаны на большинстве масс и, если вы заметите тревожное чувство, отложите бой до другого времени»⁴⁹⁷. Срезневский, вероятно, здесь имеет ввиду случай, когда полководец сам волен выбирать момент вступать ему в бой сейчас или нет. В данном отрывке он ничего не говорит и о важности внушить солдатам перед боем уверенность в победе, как это умел делать А.В. Суворов. Можно полагать, что эти моменты для Срезневского само собой разумеющиеся. Он рассуждает о другом – о важности для полководца уметь выбрать самое подходящее время для сражения. Положиться при этом важно (после совещания)

⁴⁹⁷ Там же. С. 334.

не только на собственную интуицию, но и на интуицию масс. Иными словами, на одну чашу весов полководец должен положить трезвые и умные идеи своих помощников на военном совете, на другую – свою собственную интуицию и интуицию (и даже инстинкты) массы, своей армии. Здесь можно привести аналогию взаимного сотрудничества всадника и лошади: всадник что-то не видит и не чувствует, но полностью доверяет тому, что чувствует лошадь и исходя из этого принимает решение. Приведённый выше фрагмент демонстрирует насколько видение и понимание Сунь-цзы может быть неожиданным и не вписываться в общепринятые схемы. Современные специалисты по военному искусству могут многое найти в этой работе Срезневского. Хотелось бы, чтобы они обратили на нее самое пристальное внимание.

В статье приведен взгляд на трактат Сунь-цзы сугубо военного человека – нашего соотечественника, увидевшего в нем то, что он смог и захотел увидеть. В соответствии со своим военным и жизненным опытом, жившего на полтора столетия раньше нас. Увидел он то, что смог бы увидеть далеко не каждый. Можно с полным правом гордиться тем, что первым переводчиком «Сунь-цзы» на русский язык стал такой человек как Срезневский. К сожалению, мне о нем известно крайне мало, кроме того, что он был подполковником костромского пехотного полка. Не известны даже его инициалы. Надеюсь, данная статья пробудет интерес к этому незаурядному человеку и к его труду над «Сунь-цзы», который не утратил своей актуальности и незаслуженно предан забвению.

Список литературы

Зотов О.В. Сунь-цзы и Клаузевиц: парадоксы различия. // XVII НК ОГК. М., 1986. С. 17-24.

Зотов О.В. Учение Сунь-цзы о «необычной» войне. // XVIII НК ОГК М., 1987. С. 8-15.

Конрад Н.И. Синология: / Репринт с изд. 1977 г. М.: Ладомир, 1995.

Срезневский. Инструкция китайского полководца Сунтсе подчиненным ему генералам (извлечение из французского перевода) / Военный сборник, 1860, т.13, кн.6, с. 330-342.

Чуев Н.И. Военная мысль в древнем Китае. История формирования военных теорий. М.: Любимая книга, 1999.

Amiot J. Art militairi des chinoise. 1772.

III. ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДНЫХ ЦЕНТРОВ

О.М. Кадырова

К истории востоковедной лингвистики: языковедческие исследования в ИВ РАН

Ключевые слова: отечественное востоковедение, востоковедная лингвистика, отечественное языкознание, Институт востоковедения, Отдел языков, языки народов Азии и Африки.

Американский историк и философ науки Дж. Холтон, изучая проблему получения знания, выделил факторы, на основании которых развивается наука: личность ученого, состояние науки и общества (в том числе факторы культуры)⁴⁹⁸. Во время изучения данных о сотрудниках Отдела Языков Народов Азии и Африки Института Востоковедения РАН, автору этой работы ни раз пришлось убедиться и в верности суждения Дж. Холтона, и том, что в разное время и в разных областях науки один из указанных аспектов может оказаться доминирующим в своем влиянии на ход её развития.

В работе представлен краткий обзор работы Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Отдел языков народов Азии и Африки ИВ РАН был создан в 1958 г. В то время развитие советской науки носило экстенсивный характер: расширялись институты, создавались новые научные организации и структуры. Сам Институт востоковедения с 1818 г. существовал вначале в форме Азиатского Музея Академии Наук в Санкт-Петербурге. Затем в 1930 г. решением ВЦИК Азиатский музей был объединен с Коллегией востоковедов, Институтом буддийской культуры и Тюркологическим кабинетом. Созданная структура получила

⁴⁹⁸ Дж. Холтон. Тематический анализ науки. – Прогресс, 1981.

название «Институт востоковедения АН СССР». В 1950 г. Институт был переведен в Москву. В Ленинграде остался филиал института.

До 1958 г. лингвисты востоковедных специальностей работали в отделах изучаемых регионов. Конечно же, решение о создании столь крупного отдела (в 60-е годы более 100 сотрудников, а на сегодняшний день более 40) было обусловлено вескими причинами. Бывший заведующий Отделом Языков (1989–1995), а ныне директор Института языкознания РАН В.М. Алпатов видит эти причины в двух группах факторов⁴⁹⁹:

Первая группа связана с переменами в отношении советского научного общества к науке о языке. Во второй четверти XX столетия советское языкознание переживало непростой период. К тому моменту набрала силу лингвистическая школа академика Н.Я. Марра, создателя так называемого «нового учения о языке», изложенного им в 1923 г.

Вторая группа факторов, способствовавшая развитию именно востоковедного языкознания, связана с развитием внешней политики страны после II Мировой войны. Крах мировой колониальной системы сделал актуальным изучение языков стран, переживавших процессы деколонизации, состоялись поездки А.И. Микояна по странам Азии и его выступление на XX съезде КПСС (говорилось, что «Восток уже пробудился, а Институт востоковедения никак не пробуждается»⁵⁰⁰), визит Н.А. Булгарина и Н.С. Хрущева в Индию, приезд Д. Неру в СССР. Требовалось изучение восточных и африканских языков, создание словарей, учебных пособий, справочников, подготовка специалистов. Институт должен был помогать ЦК и МИД.

В 1953 г. в ИВ АН СССР была создана лингвистическая секция в качестве объединительного координационного органа лингвистов разных отделов, а в 1956 г. был создан сектор восточных словарей во главе с И.М. Ошаниным, автором двух китайско-русских словарей объемом в 65 000 и в 70 000 слов, а также учебника китайского языка 1935 г. издания. В результате поисков

⁴⁹⁹ Алпатов В.М. Отдел языков Института Востоковедения: история и тенденции развития. // Языки Азии и Африки: традиции, современное состояние и перспективы исследований. ИВ РАН, Материалы научной конференции 5-8 октября 1998 г. – М : ИВ РАН, 1998. – С. 5.

⁵⁰⁰ Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. – М : Языки славянских культур, 2012. – С. 250.

наилучшей структуры института 27 декабря 1957 г. было принято решение о создании Отдела языков народов Азии и Африки.

С тех пор прошло уже более полувека, а его руководителями были многие выдающиеся востоковеды: Г.П. Сердюченко (1958–1965), В.М. Солнцев (1965–1982), И.Ф. Вардуть (1983–1989), В.М. Алпатов (1989–1995), а с 1995 г. по настоящее время — З.М. Шаляпина.

Первые годы работы

Первым заведующим отделом Языков Азии и Африки стал Г.П. Сердюченко, автор многих работ, в основном по письменности и транскрипции восточных языков. Наибольшую известность получила его монография «Русская транскрипция для языков зарубежного Востока» («Известия АН СССР 1949 г., ГРФЛ «Наука» 1967 г.), в которой предложен проект единой обязательной транскрипции для использования в научных работах по восточным языкам.

Приступив к должности заведующего еще не оформившегося Отдела, Г.П. Сердюченко позаботился о том, чтобы в нем были равномерно представлены специалисты по разным языкам и языковым группам, было оптимальное соотношение между теоретиками и лингвистами, тяготеющими к языковой конкретике, чтобы сотрудниками Отдела стали специалисты разных поколений. Как замечает, В.М. Алпатов, в те времена специалисты «охотно шли в науку»⁵⁰¹, это было престижно, оплата труда ученых была не ниже, чем у работников других сфер. Потому создание коллектива было вполне осуществимой задачей.

Языкознание как наука состоит из множества направлений и теоретических подходов. Например, во второй половине XX в. многие лингвисты СССР работали в таких областях, как лексикография, этимология, типология, социолингвистика. Поэтому каждый лингвист-востоковед разрабатывает ту или иную область с использованием материалов исследуемого восточного языка, хотя до этого времени на протяжении нескольких веков востоковедное языко-

⁵⁰¹ Алпатов В.М. Отдел языков Института Востоковедения: история и тенденции развития. // Языки Азии и Африки: традиции, современное состояние и перспективы исследований. ИВ РАН, Материалы научной конференции 5-8 октября 1998 г. – М : ИВ РАН, 1998. – С.6.

знание в России заключалось только в овладении восточными языками для выполнения работы переводчика или дипломата, ведения торговли и т.д. Толмачи, а затем студенты обучались сразу нескольким восточным (западные они уже знали) языкам. Так у них было больше шансов оказаться востребованными.

Конкретное языкознание

Китаеведение

Создание КНР обусловило активизацию китаеведческих исследований в СССР. В первое время основной задачей стала подготовка кадров. К моменту создания Отдела языков ИВ РАН советская китаистика уже прошла несколько этапов и В.С. Кузес, Т.П. Ворожцова, Б.Г. Мудров, Г.М. Григорьев-Абрамсон, позднее А.Л. Семенас и др. занялись созданием четырехтомного Большого китайско-русского словаря объемом в 250 000 слов.

В основу словаря легли составленные сотрудниками ИВ АН СССР под руководством В.М. Алексева материалы 1938 г., китайские словари «Гоюй цыдянь», «Сяньдай ханьюй цыдянь», «Цыхай» и другие опубликованные в Китае лексикографические труды.

Словарь вышел в свет лишь в 1984 г. под редакцией И.М. Ошанина. Это было связано с конфликтом между СССР и КНР конца 1950-х. Работа над словарем не прекращалась и в периоды ухудшения российско-китайских отношений. Он вышел в период, когда начали складываться предпосылки для «потепления» российско-китайских отношений.

Другая значимая работа Отдела – монография А.Л. Семенас «Лексикология китайского языка» (1992 г.), содержащая анализ особенностей китайской лексики, словообразования, иностранных заимствований, фразеологизмов и тенденций развития словарного состава современного китайского языка. Созданный А.Л. Семенас учебник «Лексика китайского языка» (2000 г.) пользуется популярностью среди студентов, изучающих китайский язык, и выдержал несколько изданий.

Кроме лексикологии и лексикографии следует отметить большой интерес исследователей к проблеме китайской письменности. Н.Н. Коротков

(1909–1993 гг.) в 1956 г. был участником международной лингвистической конференции по вопросам реформы китайской письменности и нормализации китайского языка, проходившей в КНР.

До 1969 г. в Отделе работал Ю.В. Рождественский (1926-1999 гг.), академик Академии образования, ученый широких интересов, занимавшийся филологией, риторикой, античной лингвистической традицией (в частности диалогом Платона «Кратил»). В своих лекциях он развивал идею связи между типом мышления и видом письменности, обусловившей, по его мнению, различия европейской и китайской письменной традиции.

В 2007 г. была опубликована работа М.В. Софронова «Китайский язык и китайская письменность. Курс лекций». Софронов окончил аспирантуру ИВ АН СССР в 1957 г. и работал в Отделе с 1957 по 1971 г. Он занимался не только китайским, но и тангутским языкознанием.

Много работ сотрудников Отдела посвящено грамматическому строю китайского языка. Среди них труды уже названного Н.Н. Короткова «К вопросу об отдельности слова и его границах в современном китайском языке» (1963 г.), «Морфологический строй китайского языка» (1968 г.), а так же многие коллективные работы. М.В. Софронову принадлежит работа «Теоретическая грамматика современного китайского языка». Немалый вклад в изучение грамматического строя китайского языка внесла Н.В. Солнцева (1926 – 2014 гг.), работавшая в Отделе более полувека. Ей принадлежат работы: «Грамматические категории изолирующих языков», «Страдательный залог в современном китайском языке», «Характер морфологических категорий в китайском языке», «Проблемы типологии изолирующих языков» и многие другие. Она была участником коллективных трудов, в том числе совместных с В.М. Солнцевым (некоторые упоминаются ниже).

В.М. Солнцев (1928 – 2000, член-кор. АН СССР с 1984 г.) был одним из первых ученых Института востоковедения, изучавших языки Юго-Восточной Азии. Ему принадлежат работы не только в области китаистики, но и в области общего языкознания. Ученый исследовал грамматический строй китайского, вьетнамского, монгольского, алтайских и других языков Азии. Его фундамен-

тальные труды «Язык как системно-структурное образование» (1977 г.), «Введение в теорию изолирующих языков: В связи с общими особенностями человеческих языков» (1995 г.) стали настольными книгами всех специалистов в области языкознания. Совместно с Н.В. Солнцевой им написаны работы «Относительно категорий состояния, пассива и каузатива в языках Юго-Восточной Азии и алтайских языках» (1997 г.), «Относительно аффиксов и аффиксоподобных элементов в алтайских языках и языках Юго-Восточной Азии» (1996 г.).

Е.И. Шутова занималась контрастивным языкознанием на основе сравнения синтаксиса китайского и русского языков. Ей принадлежат работы «Вопросы теории синтаксиса (на основе сопоставления русского и китайского языков)», «Проблема выделения слова в китаеведении» и ряд других трудов.

Это далеко не исчерпывающий список китаистов Отдела и созданных ими трудов. В советское время отечественная китаистика продолжала активно развиваться уже имея богатую предысторию.

Индология

Индологи в ИВ АН СССР, как и китаисты, активно занимались лексикологией и лексикографией. С 1934 г. акад. А.П. Баранников, В.М. Бескровный, В.Е. Краснодембский, М.А. Ширяев и др. работали над созданием первого хинди-русского словаря (1959 г.). К словарю прилагается грамматический очерк, составленный акад. А.П. Баранниковым, а затем отредактированный В.М. Бескровным.

В 60-70-е годы существовала группа индийских языков под руководством М.С. Андропова (1931 – 2008 гг.). В 1960 г. он защитил кандидатскую диссертацию после прохождения стажировки в Мадрасском университете. Ему принадлежат работы по дравидийским языкам, в частности, русско-тамильский словарь (1965 г.), малаялам-русский словарь под редакцией Нараяникутти Уникришнан (1971 г.), каннада-русский словарь (1979), ряд грамматических очерков.

С 1956 г. и по настоящее время Отделе трудится индолог с мировым именем В.П. Липеровский – специалист по современным индийским языкам. Его работы заложили основу нового направления – структурно-семантичес-

кого анализа грамматики индоарийских языков. В.П. Липеровский - один из авторов двухтомного хинди-русского словаря (Сост. А.С. Бархударов, В.М. Бескровный, Г.А. Зограф, В.П. Липеровский. под ред. В.М. Бескровного), автор многих работ по грамматике, синтаксису индоарийских языков: «Именные части речи языка хинди» (1978 г.), «Синтаксис современного хинди» (1987 г.), «Посессивные конструкции в индоарийских языках (хинди, урду, панджаби, бенгальский)» (2002 г.). недавно вышли его работы по сопоставлению языка хинди с русским языком: «Посессивные конструкции в хинди и русском языке» (2009 г.), «Хинди в зеркале русского языка (современный хинди в сопоставлении с русским языком)» (2012 г.).

Современный язык хинди изучал и социолингвист В.А. Чернышев (1926 – 1999 гг.), автор книг «Диалекты и литературный хинди» (1969 г.), «Динамика языковой ситуации в Северной Индии» (1978 г.), «Хинди в современной Индии» (1998 г.). Ему также принадлежат работы по грамматике и синтаксису этого языка: «Синтаксис простого предложения в хинди» (1965 г.), «Безглагольные конструкции хинди» (1964 г.), «Эмоционально-оценочные суффиксы имен собственных в хинди» (1964 г.).

Важнейшее направление индологических исследований - изучение древних языков Индии.

Семантикой древнеиндийских текстов занимался в 60-е гг. Б.Л. Огибин (с 1974 г. в эмиграции).

Т.Я. Елизаренкова (1929–2007 гг.) сделала перевод основных ведийских памятников – «Ригведы» (т.1, 1989 г.; т.2, 1995 г.) и «Атхарваведы» (2010 г., посмертно). Она подходила к изучению индийских текстов, прежде всего, как лингвист. Ее комментарии включают подробнейший грамматический анализ текста, на котором строятся филологические и исторические интерпретации. Елизаренкова ушла из жизни, оставив перевод «Атхарваведы» немного незавершенным. Закончил и издал перевод бывший аспирант Елизаренковой Л.И. Куликов (в Отделе с 1989 по 1998 гг.) Его кандидатская диссертация посвящена каузативу в санскрите. Л.И. Куликов, уволившись из Отдела, продолжает работать в области индологии за границей.

Долгое время санскритологи не поступали в аспирантуру ИВ АН СССР. В данный момент специалистов по санскриту в Отделе не осталось.

В отделе проводятся исследования сравнительно-исторического изучения языков арийской ветви индоевропейской семьи, в частности, дардских языков. Этой темой занимается учёный секретарь Отдела А.И. Коган. В 2000 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Генетическая характеристика дардских языков». Готовится к изданию его монография «Проблемы сравнительно-исторического изучения языка кашмири».

Австронезийские языки

География австронезийских языков достаточно обширна. При этом данное направление никогда не было широко представлено ни в российской, ни в советской лингвистике. Каждый специалист, изучающий тот или иной язык австронезийской семьи уникален. В Отделе проводились и проводятся исследования по индонезийскому, филиппинскому, бугийскому языкам.

С 1959 г. в Отделе работает специалист по индонезийскому языку Н.Ф. Алиева. Она занимается грамматической типологией, подготовила восемь монографий и многочисленные статьи, в которых представлены результаты исследований индонезийского, малазийского языков и языка чам. Например, «Глагол в индонезийском языке. Проблемы аффиксации» (1963 г.), «Типологические аспекты индонезийской грамматики: Аналитизм и синтетизм. Поссесивность» (1998 г.) с авторским переводом 1-й части книги на индонезийский язык, вышедшем в 2008 г., статьи в словарях и справочниках.

В 1959 г. в аспирантуру Института поступил Ю.Х. Сирк (1935 – 2011 г.), который также занимался грамматикой индонезийского языка. Вместе с Н.Ф. Алиевой он участвовал в создании первой в СССР «Академической грамматики индонезийского языка» (1972 г.). Около 30 лет предметом его исследований была рукописная литература бугийцев (один из народов Индонезии). В 1975 г. вышел в свет очерк бугийской грамматики Ю.Х. Сирка, который потом был переведен на французский и английский языки. Среди прочих работ следует упомянуть «Австронезийские языки. - Сравнительно-историческое изучение

языков разных семей. Задачи и перспективы» (1982 г.), «Австронезийские языки: Введение в сравнительно-историческое изучение» (2008 г.).

Исследованием филиппинских языков занимается Л.И. Шкарбан (в Отделе с 1959 г.). Она изучает грамматику и типологию филиппинских языков, в основном, тагальского. Её перу принадлежат две индивидуальные монографии и раздел по тагальскому языку в зарубежной коллективной монографии «Reciprocal constructions» (Amsterdam: John Benjamins Publishing C.O., 2007).

Семитология

СССР поддерживал тесное сотрудничество с арабскими странами. Это способствовало развитию семитологии.

Г. Ш. Шарбатов (1924–2006 г.) занимался современным арабским языком. Он стал автором классического учебника арабского языка для ВУЗов (в соавторстве с А.А. Ковалевым). Учебник впервые вышел в 1960 г. и выдержал пять изданий, пользуется большой популярностью у изучающих арабский язык и в настоящее время. Его перу принадлежат и монография «Современный арабский язык» 1961 г., и арабско-русские учебные словари.

Изучением арабского языка в Отделе занимается ветеран Великой Отечественной Войны полковник В.Э. Шагаль. В Отдел языков Института он поступил в 1978 г. как специалист по арабскому языку, культуре и литературе. Проводил исследования в социолингвистическом направлении. Им издано около 200 научных работ. Среди них «Языковой аспект национальных процессов в арабских странах (1987 г.)», «Арабские страны: язык и общество» (1997 г.).

Аспирант Шагаля А.А. Сканава в 2005 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Специфика арабского речевого этикета в сфере официально-деловой коммуникации». Сканава работал в Отделе до 2006 г. В настоящее время в отделе работает и другой аспирант В.Э. Шагаля — А.А. Блинов. Тема кандидатской диссертации А.А. Блинова «Территориальные варианты арабского литературного языка» (2009 г.). В 2012 г. им опубликована одноименная монография.

Редким специалистом был В.П. Старинин (1904–1973 гг.), занимавшийся эфиопским языком. Ему принадлежат такие работы как «Структура семитского слова» (1963 г.), «Эфиопский язык» (1967 г.), энциклопедические статьи по семитским языкам юго-западной ветви.

А.Г. Белова (в Отделе с 1965 г.) – специалист с в области арабского и семитского сравнительного языкознания. Основные исследования А.Г. Беловой посвящены изучению истории арабского языка, истории формирования арабского и семитского корня, этимологическому исследованию арабской лексики ранних памятников арабского языка. А.Г. Белова имеет более 100 публикаций в России и за рубежом, 5 индивидуальных монографий, является автором Этимологического словаря древнеарабской лексики (2012 г.), курса лекций «История арабского языка», монографии «Очерки по истории арабского языка» (1999 г.).

Под руководством А.Г. Беловой морфологией арабского языка занимался аспирант Г.А. Дурново. Он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Прилагательные цвета и физического признака в классическом арабском языке: с привлечением сравнительного материала семитских языков» (2002 г.).

Кроме арабского языка, в Отделе изучался ахмарский язык, распространенный в Эфиопии, Эритрее, Сомали, Судане и Израиле. Этим языком занимался Е.Г. Титов (1929–2012 гг.), написавший монографии «Современный ахмарский язык» (1971 г.), «Грамматика ахмарского языка» (1991 г.), статью «Об особенностях ахмарского языка в сравнении с некоторыми другими семитскими языками» (1959 г.).

Японоведение

В Отделе развито и исследование японского языка.

Н.А. Сыромятников (1911–1984 гг.), работавший в Отделе с момента его основания и до своей смерти в 1984 г., занимался историей японского языка и стал автором до сих пор переиздаваемых монографий «Грамматика японского языка», «Древнеяпонский язык» (на материале прозаических и поэтических памятников VIII в. 2-е издание 2002 г.), «Классический японский язык» (очерк

классического японского языка IX-XII вв. 2-е изд. 2002 г.), «Развитие новояпонского языка» (2004 г.), «Становление новояпонского языка» (2009 г.).

20 ноября 2013 г. Отдел проводил межинститутскую конференцию, посвященную памяти И.Ф. Вардуля (1923–1998 гг.), внесшего большой вклад в изучение синтаксиса японского языка и общей теории языка. Ему принадлежат книги «Очерки потенциального синтаксиса японского языка» (1964 г.), «Грамматика японского языка». (2000 г., посмертно, совместно с С.А. Старостиным и В.М. Алпатовым).

Один из ведущих отечественных специалистов по истории языкознания В.М. Алпатов – японист и одним из авторов из вышедшей недавно «Теоретической грамматики японского языка» (2008 г.). Диссертационное исследование В.М. Алпатова посвящено морфологии: «Проблемы морфемы и слова в современном японском языке» (1984 г.). Среди работ по грамматике японского языка можно упомянуть «Категории вежливости в японском языке» (1973 г.), книгу «Структура грамматических единиц в современном японском языке» (1979 г.).

В работах В.М. Алпатова важное место занимают исследования по социолингвистике, касающиеся языковой ситуации в Японии и языковой политики в СССР на разных этапах его существования. Социолингвистическая проблематика отражена в следующих работах: «Япония. Язык и общество» (1988 г.), «150 языков и политика: 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства» (1997 г.), «Япония: язык и культура» (2008 г.).

В.И. Подлеская - специалист в области структурной и прикладной лингвистики, лингвистической типологии, дискурсивного анализа, грамматики японского языка. Читает курсы лекций «Типология полипредикативных конструкций», «Типология языковых групп, ареалов, отдельных языков: японский язык», «Японский язык: теоретический курс», «Лингвистическая антропология», а также спецкурсы для аспирантов «Основы функциональной типологии», «Современные методы дискурсивного анализа». В 2008 г. Совместно с В.М. Алпатовым и П.М. Аркадьевым выпустила упоминавшуюся выше «Тео-

ретическую грамматику японского языка». А.И. Подлесской принадлежат более 120 научных работ, в том числе монография «Вопросы лексической и синтаксической семантики: Анафора в современном японском языке» (1990 г.).

Японист З.М. Шаляпина с 1995 г. работает в должности заведующей Отделом языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН. Имеет более 150 научных публикаций. В 1969 г. Шаляпина окончила Отделение прикладной лингвистики (до 1967 г. Отделение машинного перевода) МГПИИЯ им. М. Тореза, где с 1968 по 1977 гг. работала в Лаборатории машинного перевода. З.М. Шаляпиной были впервые выработаны принципы «словарно-ориентированной» организации лингвистического описания, которые составляют теоретическую основу сущностного подхода к языку (понимание словаря как обобщения текста, а грамматики — как обобщения словаря).

В 1977 г. З.М. Шаляпина поступила на работу в Отдел языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН. Основным направлением исследований З.М. Шаляпиной стал японско-русский автоматический перевод. Она изучает общую теорию и философию естественного языка при его компьютерном моделировании, построила теоретическую формальную модель процесса перевода, которая может служить теоретической основой для разработки систем автоматического перевода.

На этом теоретическом фундаменте под руководством З.М. Шаляпиной в Отделе работает команда специалистов, занимающихся лингвистическими исследованиями в области автоматического перевода, прежде всего японско-русского. Для руководства математическим и программным обеспечением были привлечены доктор физ.-мат. наук М.И. Канович, канд. физ.-мат. наук Л.С. Модина, канд. фил. наук А.В. Костыркин. Построена первая очередь действующего комплекса японско-русского автоматического перевода ЯРАП, в который входят: модель японской графической системы, созданные канд. техн. наук В.И. Любченко, модели японского лексико-морфологического анализа JapTran и японско-русских межъязыковых операций JaRus, модель русского языка RussLan, ориентированная на задачи морфологического и синтаксического синтеза. В настоящее время ведется работа над модулем семантико-

синтаксического анализа японского языка (руководитель математического и программного обеспечения А.В. Костыркин, разработчики лингвистического обеспечения А.С. Панина и Е.С. Тарасова). Комплекс строится таким образом, чтобы в дальнейшем его можно было расширять, включая в его состав компьютерные модели анализа и синтеза также для китайского и других языков. Первая действующая очередь комплекса была продемонстрирована на Тематической выставке «Наука — человеку» в честь 275-летия РАН (1999), а также на международных конференциях.

Корееведение

В период создания Отдела государство нуждалось и в специалистах по корейскому языку.

Исследователь корейского языка Л.Б. Никольский (1924–1997 гг.) стал автором основополагающих работ по отечественной востоковедной социолингвистике. Это такие работы как «Языковые проблемы афро-азиатских стран и советский опыт языкового строительства» (1972 г.), «Особенности языковой ситуации в многонациональных афро-азиатских странах» (1982 г.), «Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока» (1986 г.). Под его редакцией и редакцией Цой Ден Ху вышел Большой корейско-русский словарь в двух томах» (1976 г.) объемом 150 000 слов.

Л.Р. Концевич работает в ИВ РАН с 1974 г. (в аспирантуре ИВ АН СССР с 1953 по 1956 гг.). В 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Вопросы текстологии первого памятника корейской письменности "Хунмин чон'ым», принимал участие в создании вышеупомянутого Большого корейско-русского словаря. Л.Р. Концевич является автором нескольких монографий и нескольких сотен статей, и круг его научных интересов достаточно широк. Он занимается фонологией и графикой корейского языка («Первый памятник корейской письменности (Опыт составления критического текста перевода)» 1965 г. и др.), фонетикой (словарная статья «Фонетические изменения в передаче европейских заимствований в языковой практике Южной Кореи.» 1980 г. и др.), историей корейского языкознания

(«Из истории лингвистических учений на Востоке (Попытка интерпретации метаязыка первого памятника корейской письменности)» (1975 г.) и др.), текстологией памятников корейской письменности, корейской мифологией и литературой. Его научные труды изданы как в России, так и за рубежом. К публикации готовится составленный Л.Р. Концевичем подробный справочник корейских топонимов, имеющий большое прикладное значение для МИДа и военных организаций нашей страны.

Е.Л. Рудницкая работает в Отделе языков с 1994 г., специализируется по корейской грамматике (в перспективе – по языкам Северной Сибири). В 2000 г. получила степень PhD в Городском Нью-Йоркском Университете (CUNY), по теме «Дистантные рефлексивы в русском» (в рамках генеративной грамматики). К наиболее важным работам этого исследователя можно отнести вышедшую в 2010 г. монографию «Спорные вопросы корейской грамматики: теоретические проблемы и методы их решения», статьи «Внутренняя структура числовой конструкции с классификатором в корейском языке» (2014 г.), «Конструкции с фразовыми аффиксами: проблемы формального описания (на материале корейского и турецкого языков)» (совместно с С.-Г. Хван; 2013 г.), «Синтаксический анализ противоправительственного отрицания в корейском» (2012 г.), «Структура предложения в корейском как языке типа SOV» (2012 г.). В мае 2014 г. Она защитила докторскую диссертацию на тему «Базовые синтаксические структуры корейского языка и его типологическое своеобразие».

Языки иранской группы

К иранской группе относятся более 80 языков, на которых говорят народы Ближнего Востока, Средней Азии, Пакистана, Кавказа, Северной Америки и Европы. Наиболее распространенный среди этих языков – персидский (включая таджикский и дари), пушту, курдский и белуджский.

Уникальным специалистом по персидскому языку был Ю.А. Рубинчик (1923–2012 гг.). Его памяти была посвящена межинститутская конференция Отдела языков 20 ноября 2013 г. Ю.А. Рубинчик автор более 130 научных ра-

бот. Его монография «Грамматика современного персидского литературного языка» является фундаментальным научным трудом и в 2001 г. была удостоена звания «Лучшая книга Института востоковедения РАН». Он был ответственным редактором и руководителем авторского коллектива по созданию Персидско-русского словаря 1985 г. Ю.А. Рубинчик воспитал большое число военных переводчиков и специалистов по персидскому языку, под его руководством защитили диссертации более 20 кандидатов наук.

В отделе также работали: крупнейший специалист по курдскому языку Р.Л. Цаболов (1926–2003), автор двухтомного «Этимологического словаря курдского языка», исследователь персидских памятников А.Е. Бартельс, специалист по языку дари Л.Н. Кисилева. Языком пушту занимался Н.А. Дворянков (1923–1979). Ему принадлежит монография «Язык пушту» (1960), а также соавторство во многих работах, касающихся социолингвистической проблематики. Вообще, специалисты по этому языку – большая редкость.

Тай-кадайские языки

Языки этой группы представлены в Индокитае. Наиболее распространенные из – тайский, исанский, чжуанский, лаоский и шанский языки. Одни исследователи относят тай-кадайские языки к китайско-тибетской семье языков, другие – к австронезийским языкам. Существуют и другие гипотезы, поэтому мы нашли нужным выделить эту группу в отдельный пункт. В нашей стране специалисты по данным языкам немногочисленны.

Значительных успехов в исследовании тайских языков достигли Ю.А. Плам (1921–1994) и Л.Н. Морев (1928–2012). Им принадлежат совместно созданные учебные пособия по тайскому и лаосскому языкам. Ю.Я. Плам написал монографию «Морфологические категории в тайском языке» (1965), занимался в основном теорией изолирующих языков, к которым относятся языки тай-кадайской группы: «Принципы выделения частных грамматических категорий в языках изолирующего типа» (1970), «Процедура изменения минимального числа релевантных признаков при выделении частей речи в языках изолирующего строя» (1982) и др. работы.

Л.Н. Морев написал монографии «Основы синтаксиса тайского языка» (1964), «Сопоставительная грамматика тайского языка» (1991) и ряд статей, посвященных грамматике тайского языка».

Австроазиатские языки

В этом разделе следует отметить достижения сотрудников Отдела в исследовании кхмерского языка и языков Вьетнама.

Ю.К. Лекомцев (1929–1984 гг.) – автор трудов по проблемам структурной лингвистики (главным образом по теории метаязыка) и семиотики (вербальные и визуальные системы), индологии (языки мунда) и языков Юго-Вост. Азии. Среди его работ в данном разделе можно отметить такие как «Структура вьетнамского простого предложения» (1964 г.), «Глоссематическая теория лингвистических оппозиций и теория различения в семантике и дескриптивной семиотике» (1969 г.), «К характеристике слова в языках Юго-Восточной Азии» (1982 г.).

Во время гражданской войны в Камбодже, когда к власти пришли Красные Кхмеры, один из приближенных свергнутой династии по имени Лонг Сеам получил политическую защиту СССР и работу в должности специалиста по кхмерским языкам. Он работал, в частности, и в Институте языкознания РАН. Издал «Очерки по лексикологии кхмерского языка» 1975 г., «Исследования по лексикологии и грамматике древне-кхмерского языка (по надписям Камбоджи VI-XIV вв.)». Трудом всей его жизни был словарь древнекхмерского языка по надписям Камбоджи. Этот труд составил более 2000 страниц машинописного текста. В силу финансовых и технических сложностей словарь не был издан в СССР, но был депонирован. В 2000 г. в Пномпене вышла часть этого словаря, который охватывает только преангорский период – с н. VII по VIII вв. – «Dictionnaire du khmer ancien (d'après les inscriptions du Cambodge du VIe.- VIIIe. siècles)». Кроме того, Лонг Сеам издал совместно с Р.С. Пламом Русско-кхмерский словарь (1987). В конце 90-х годов Лонг Сеам предпочел вернуться на родину, где стал директором Института национального языка и вице-президентом Королевской Академии наук Камбоджи.⁵⁰²

⁵⁰² Интервью с Т.Г. Погибенко от 20.05.2014 г.

У Лонг Сеама обучалась кхмерскому языку сотрудница Отдела Т.Г. Погибенко. Она работает в Институте востоковедения РАН с 1976 г. как специалист по языкам австроазиатской семьи, прежде всего по кхмерскому и древне-кхмерскому. В 2008 г. Т.Г. Погибенко защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Австроазиатская аффиксация и полипредикация. Сравнительно-историческое исследование». В 2012 г. опубликовала монографию «Австроазиатские языки. Проблемы грамматической реконструкции». Исследователь имеет более 40 публикаций по разным аспектам изучения кхмерского, древне-кхмерского и других австроазиатских языков (морфология, синтаксис, семантика, прагматика, сравнительно-исторические исследования).

Т.Г. Погибенко с 1979 г. была постоянным участником российско-вьетнамской лингвистической экспедиции, ей принадлежит значительный вклад в издание трёх коллективных монографий по языкам национальных меньшинств Вьетнама. Она является составителем и научным редактором коллективной монографии «Язык ксингмул» (1990 г.). Под её редакцией готовится к печати коллективная монография «Язык ма».

Специалист по вьетнамским языкам Н.К. Соколовская (1945–1985 гг.) в 1978 г. защитила кандидатскую диссертацию «Опыт реконструкции фонологической системы вьетнамского языка». По материалам советско-вьетнамской экспедиции 1979 г. совместно с вьетнамцем Нуген Ван Тай написала работу «Язык мыонг: Лингвистический очерк» (1987 г.).

В Отделе до 1987 г. работал еще один носитель языка – Нгуен Ван Тхак. Он участвовал в проекте Нового большого вьетнамско-русского словаря (вышел в 2012 г.) и стал одним из авторов его первоначальной научной концепции, а также автором первоначального варианта словника. В 1989 г. под его редакцией вышел «Русско-вьетнамский учебный словарь», составленный И.Е. Алешиной. В 1985 г. Нгуен Ван Тхак защитил кандидатскую диссертацию на тему «Адаптация иноязычных элементов во вьетнамском языке». В 1987 г. перешел в Институт языкознания АН СССР.

Вышеизложенные факты говорят о том, что при изучении языков австроазиатского ареала важной составляющей частью исследования становится

работа с информантами в экспедиции или, в случае приезда самого информанта, в Москве (Лонг Сеам, Нгуен Ват Тхак).

Монгольские языки, алтаистика

Известный монголовед Г.Д. Санжеев (1902–1982) в «Сравнительной грамматике монгольских языков», опубликованной в 1953 и 1964 гг., впервые в монголоведении стал подробно исследовать систему именного словоизменения и систему глаголов на широком материале, привлекая все монгольские языки (в той мере, в какой они изучены). Очень важным является вывод, который сделал Г.Д. Санжеев: вероятность исконного родства монгольских языков с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими весьма мала. «Сравнительная грамматика» Г.Д. Санжеева представляет собой обобщающий труд, подводящий итог сравнительно-историческому изучению монгольских языков в предшествующие годы и создающий основу для дальнейших исследований. На основании результатов этих исследований коллектив под руководством ученого принялся за составление этимологического словаря. В данный момент идет подготовка к изданию этого словаря. Кроме того, издана его книга «Лингвистическое введение в изучение письменности монгольских народов» (1977). Г.Д. Санжеев известен также перепиской с И.В. Сталиным во время дискуссии 1950 г.

Старейшая сотрудница М.Н. Орловская в 1950 г. окончила Московский Институт Востоковедения по специальности «монгольский язык». Работает в ИВ РАН с 1954 г., занимается алтаистикой, диахроническими исследованиями монгольского языка, современным монгольским языком. В 1994 г. она защитила докторскую диссертацию на тему «Язык памятников монгольской письменности (XIII-XIV и XVII вв.)». Среди ее работ «Газетно-публицистический стиль как функциональный вариант современного монгольского языка» (1985), «Изменения в лексике и грамматике современного монгольского литературного языка» (1988). М.Н. Орловская принимала участие во многих коллективных работах.

Л.М. Горелова работает в ИВ РАН с 1980 г., специализируется по тунгусо-маньчжурским языкам, занимается типологическими исследованиями, сопоставляя алтайские языки. Есть работы, где сопоставляются синтаксис, прагматика

маньчжурского языка с китайским. В круг ее научных интересов входят проблемы образования двуязычных народов, создание учебных материалов и подготовка специалистов для работы с ними. В 2004 г. Л.М. Горелова защитила докторскую диссертацию на тему «Грамматика маньчжурского языка».

География исследований монголоведов достаточно широка. При чем представители соответствующих этносов присутствуют на территории нашей страны. Однако языки этой группы остаются недостаточно изученными, как по причине отсутствия солидного фундамента, который могли бы создать ученые-предшественники, так и потому, что многие языки находятся на грани исчезновения (например, бурятский).

Тюркология

На начальном этапе существования Отдела языков Института востоковедения тюрколога работали над созданием Большого турецко-русского словаря. Тюркологическую группу возглавлял Л.Н. Старостов, который, в частности, был переводчиком турецкой художественной литературы. Созданный ими словарь выдержал несколько изданий после того, как в 90-х гг. значительно активизировались экономические отношения с Турецкой Республикой.

Современным турецким языком занимались Н.Л. Голубева (в Отделе до 1992 г.). Н.Л. Голубева изучала синтаксис турецкого языка: «Синтаксическая сочетаемость переходного турецкого глагола» (1974), Понятие нуля и эллипсиса в применении к тюркским падежным формам» (1977), «Объектные отношения, прямое дополнение и формы его выражения в турецком языке» (1977) и др. Н.Л. Голубева принимала участие в создании вышеупомянутого Большого турецко-русского словаря.

А.Н. Барулин (в Отделе до 1987 г.). Его кандидатская диссертация посвящена теоретическим проблемам описания турецкой именной формы (1984), в которой было представлено новаторское описание морфологии турецкого языка. В классификацию морфем ученый включил новые грамматические единицы, релевантные для турецкой морфологии, что позволило объяснить многие сложности фактов турецкого языка.

Круг научных интересов А.Н. Барулина выходит за пределы тюркологии. В данном разделе можно указать такие работы как «Некоторые проблемы описания турецкого существительного» (1979), «Основные единицы морфологического анализа в турецком языке» (1982), «Теоретические проблемы турецкой грамматики» (1987). В данный момент А.Н. Барулин работает в ИЯ РАН.

Тюрколог Э. Н. Наджип (1899–1991) занимался уйгуроведением, языками огузской и карлукской группы. Составил фундаментальный Уйгурско-русский словарь. Ему принадлежит монография «Современный уйгурский язык» (1960), Историко-сравнительный словарь тюркских языков. К.М. Любимов издал «Учебник старой турецкой письменности».

Тюркские языки входят в круг научных интересов одного из молодых сотрудников Отдела П.В. Гращенкова, занимающегося типологией. Среди его работ есть такие как «Опыт описания тюркской именной группы: существующие проблемы и возможные пути их решения» (1999), «Подлежащее в деепричастных конструкциях тюркских языков» (2011), «Тюркские конструкции со вспомогательным глаголом и деепричастием на -п.» 92012), «Restructuring in Turkic Auxiliary Constructions» (2013).

Но со временем тюркологов в отделе становилось меньше. В нашей стране тюркологические центры традиционно располагаются в регионах, где население говорит на тюркских языках. Для дореволюционной России – это Казанский Университет. Во второй половине XIX столетия тюркологи Казанского Университета были переведены в Санкт-Петербург. Однако тюркология в Казанском Университете продолжала развиваться. Этот университет и по сей день остается крупным тюркологическим НИИ. С образованием СССР подключились тюрко-говорящие республики.

Языки Африки

Не смотря на то, что СССР принимал участие в судьбе африканских народов (в т.ч. Анголы) специалистов по африканским языкам (а таких языков около 2000) в Отделе всегда было мало. Считалось, что Африкой должен заниматься специальный сектор в Институте языкознания АН СССР.

Специалист по чадским языкам О.В. Столбова с 1972 по 1995 г. работала в Секторе африканских языков Института языкознания, а с 1996 г. работает в Институте востоковедения РАН. В 1978 г. в ИВ РАН защитила кандидатскую диссертацию на тему «Сравнительно-историческая фонетика западно-чадских языков», в 1998 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Исследование по сравнительно-исторической фонетике и лексике чадских языков». Для проведения исследовательской работы совершила несколько поездок в Африку, в том числе в одиночку. О.В. Столбова является специалистом в области сравнительно-исторической фонетики и морфологии чадских языков, а также семито-хамитской лексической этимологии, автором более 100 научных статей и четырех монографий на русском и английском языках. К 2011 г. О.В. Столбова подготовила четыре выпуска «Лексической базы данных по чадским языкам», охватывающую более ста чадских языков, включающая не только словарные статьи, но и теоретические сведения, снабженные английским переводом. Работа над базой данных продолжается.

Вице-президент общества востоковедов России К.В. Бабаев внес вклад в изучение языков Африки и историческое языкознание. Занимаясь полевой лингвистикой, он открыл, освоил и описал редкий язык зиало, в связи с чем написал книгу «Язык зиало: грамматический очерк и словарь» и «Zialo: the Newly-Discovered Mande Language of Guine», опубликованные в 2011 г. Здесь следует отметить, что полевая лингвистика в Африке представляет достаточно рискованное занятие. В частности, в экспедиции в Гвинею Бабаев заболел лихорадкой, ему пришлось даже провести один день в гвинейской тюрьме по причине недоверия к нему местных старейшин.⁵⁰³ О.В. Столбова также попадала в Африке в очень опасные ситуации, работала, осторожно подстраиваясь под требования представителей местных властей, избегая конфликтных ситуаций с местными жителями.⁵⁰⁴

Примерно одна третья часть языков мира распространена в Африке, но многие из них очень быстро исчезают, поглощаемые другими языками. К.В. Бабаев считает, что задача лингвистов собрать как можно больше данных

⁵⁰³ Наука 2.0. Зачем нужна полевая лингвистика. // Телеканал «Россия24». Эфир от 21.05.2011 г. 17:12.

⁵⁰⁴ Интервью с О.В. Столбовой от 10.09.2014 г.

об этих языках, т.к. собранные языковые факты становятся ценнейшим материалом, с которым еще несколько десятилетий могут работать теоретики.

Мёртвые языки

Одним из важнейших направлений языкознания является изучение и реконструкция мертвых, в частности индоевропейских языков, т.к. результаты таких исследований могут пролить свет на многие проблемы теоретического языкознания, исторические проблемы (о работах по ведийскому языку говорилось выше). И.С. Якубовичу принадлежат результаты исследований по хеттскому и лувийскому языкам, опубликованные как в России так и за рубежом. С.А. Бурлак и И.Б. Иткин изучают тохарские языки. Кандидатская диссертация Бурлак – «Историческая фонетика тохарских языков» (1995). В 2000 г. вышла одноименная монография. Совместным трудом С.А. Бурлак и И.Б. Иткина стала публикация «The Tocharian A forms $na\varsigma=\ddot{a}m$, $na\varsigma=\ddot{a}m$ and $n=\ddot{a}m$, $n=\ddot{a}m$ revisited» // *Tocharian and Indo-European studies*. Vol. 11. (Copenhagen, 2009).

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ученые Отдела языков Азии и Африки внесли немалый вклад не только в конкретное языкознание, но и в теорию науки, базируя свои исследования на материале восточных языков. За время существования Отдела вышло около 150 коллективных работ, касающихся теории языка, типологии, истории языков. Например, «Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии» (1983 г., среди авторов В.М. Солнцев, Н.Ф. Алиева, В.М. Алпатов, Ю.Х. Сирк, С.А. Старостин, Л.И. Шкрабан), «Вопросы структуры языка. Синтаксис, типология» (Ю.К. Лекомцев, Ю.В. Рождественский и др.; 1964), «Актуальные проблемы изучения языков Южной Азии» (среди авторов И.Ф. Вардуль, М.С. Андронов, Т.Я. Елезаренкова, В.П. Липеровский; 1987) и многие другие. Ученые отдела написали большое количество статей для Лингвистического энциклопедического словаря, вышедшего под редакцией В.Н. Ярцевой в 1990 г., создали серию больших и малых словарей исследуемых языков.

Проблемой происхождения языка, включающей лингвистику, психологию, антропологию, историю занимался С.А. Старостин (1953–2005, работал в Отделе в 1975–1992), сторонник ностратической гипотезы. Ученый усовершенствовал датировку расхождения языков, достиг успехов в реконструкции нескольких праязыков, вместе с коллегами составил этимологический словарь алтайских языков, нашел обоснование принадлежности японского языка к алтайской семье. С.А. Старостин основал целую научную школу. Сейчас многие с гордостью называют себя его учениками.

В настоящее время темой происхождения языка занимаются С.А. Бурлак («Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы», 2011.; «Время появления звучащей речи по данным антропологии», 2012 и др.) и К.В. Бабаев («О происхождении личных местоимений в языках мира», 2009; «Ностратический личный показатель *q», 2008 и др.)

Компаративистикой занимались С.А. Старостин, Ю.Х. Сирк, занимаются О.В. Столбова, специалист по афразийской компаративистике, А.Ю. Милитарев (работал в Отделе в 1970–1992 гг.).

Типологией занимаются Н.Ф. Алиева, работы которой упоминались в разделе «Исследования по австронезийским языкам». Среди работ П.В. Гращенкова есть такие как «Опыт описания тюркской именной группы: существующие проблемы и возможные пути их решения» (1999), «Подлежащее в деепричастных конструкциях тюркских языков» (2011), «Тюркские конструкции со вспомогательным глаголом и деепричастием на -п.» 92012), «Restructuring in Turkic Auxiliary Constructions» (2013).

В.М. Алпатову принадлежит курс лекций и учебное пособие «История лингвистических учений», ставшая настольной для студентов и аспирантов, а также интересная работа «История одного мифа. Марр и марризм» (1991). Недавно была опубликована еще одна монография автора «Языковеды, востоковеды, историки» (2012), содержащая статьи о наиболее ярких представителях советского языкознания.

Во 2-й половине XX столетия советское языкознание развивалось самостоятельно, отдельно от Западно-Европейского. Одним из наиболее активных

направлений в СССР была социалингвистика. Исследователи часто ездили в экспедиции и по родному краю, и к малочисленным народностям страны, в том числе бесписьменным, ездили за рубеж, собирая диалекты, языковые данные народов зарубежных стран. В Отделе языков ИВ РАН существовал отдельный сектор социалингвистических исследований во главе с Л.Б. Никольским. А.Н. Барулин еще во время учебы в университете участвовал в экспедициях по описанию бесписьменных языков СССР под руководством А.Е. Кибрика. В 1978 г. им была организована экспедиция на о. Сахалин, в которой участвовали В.М. Алпатов, С.А. Старостин. Целью экспедиции был поиск носителей айнского языка. Носители не были найдены, однако был составлен стословный список по методике Сводеша на основании двух местных языков. Через экспедиции А.Е. Кибрика прошли упомянутые здесь Т.Г. Погибенко, В.И. Подлесская и другие. С 1979 г. состоялось семь экспедиций во Вьетнам под руководством В.М. Солнцева и Н.В. Солнцевой, постоянным участником которых была Т.Г. Погибенко. В этих экспедициях также принимали участие Н.Ф. Алиева, Н.К. Соколовская, И.В. Самарина, А.Н. Барулин. Ученые исследовали более десяти языков национальных меньшинств Вьетнама. Опубликованы несколько монографий, в том числе в 1990 г. вышла коллективная монография «Язык ксингмул», в настоящее время готовится к печати монография «Язык ма». Выше была упомянута экспедиция К.В. Бабаева в Гвинею, где им был открыт ранее неизвестный ученым язык зило. Ю.А. Ландер ездит в экспедиции на Кавказ для изучения тантынского даргинского, адыгейского и удинского языков. На основе собранных в ходе исследования материалов Ю.А. Ландер написал более семидесяти статей. Социалингвистическими исследованиями арабского языка занимается А.А. Блинов. В 2012 г. вышла его монография «Территориальные варианты арабского литературного языка. Исследование языка арабской прессы в Тунисе, Саудовской Аравии и Египте». Монография включает также созданный в ходе исследования краткий арабско-русский словарь регионализмов. В отчете Отдела за 2012 г. отмечена статья А.А. Блинова «Арабский язык общения в Интернете».

Сотрудники Отдела издали результаты своих социологических исследований во многих периодических изданиях и монографиях, о чем ни раз упоминалось выше, когда мы рассматривали труды по конкретному языкознанию.

Особо можно отметить работы по машинному переводу, т.к. данная проблематика является одной из наиболее актуальных и, вместе с тем, сложных тем исследования, требующей высокого уровня подготовки и профессионализма. В Отделе машинным переводом занимаются в основном японисты. Потому мы рассказали об этом направлении подробнее в разделе Японистика. В 2012 г. был завершен первый этап работы по проекту «Развитие японско-русского и русско-японского параллельного корпуса» под руководством А.В. Костыркина. Продолжается работа над проектами «Генеральный корпус монгольского языка (версии 2а-2в)» (рук. С.А. Крылов) и «Полный аннотированный корпус лувийских текстов» (рук. С.А. Якубович). Ведется проект по созданию программно-лингвистического комплекса РАМЕЯ/и (автоматизированное рабочее место лингвиста для языков с иероглифической письменностью).

В настоящий момент на Западе большую популярность получил генеративный подход в лингвистике, основанный на работах Н. Хомского. Ученые отдела Е.Л. Рудницкая и П.В. Гращенков работают в этом достаточно специфическом и сложном направлении.

Как итог совместной деятельности исследователей следует упомянуть серию «Языки народов Азии и Африки», содержащую около 1000 очерков, незаконченный многотомный труд «Языки Азии и Африки», вклад участников отдела в издание серии «Языки мира», осуществляемое Институтом Языкознания. Изданы большие китайско-русский и японско-русский словари, получившие государственную премию, а также большие корейский, хинди, персидский и турецкий словари.

Многие сотрудники Отдела являются членами отечественных и международных востоковедческих обществ, ведут преподавательскую деятельность, имеют награды, в том числе полученные от правительств зарубежных стран.

Заключение

Изменения, произошедшие в нашей стране, начиная с 90-х годов, оказали двойное воздействие на развитие востоковедной лингвистики. В советские годы Отдел, конечно, контактировал и с социалистическими странами, и с рядом капиталистических стран. Но теперь любой начинающий исследователь может по собственной инициативе поехать в страну, найти информанта, ознакомиться с иностранной литературой, выступить на международной конференции, повысить уровень владения исследуемым языком. А с другой стороны, научные сотрудники осуществляют эти поездки за свой счет. Предоставляемые ученым гранты различных фондов «обязывают» их писать то, что понравилось бы «заказчикам». Так, в книге, издание которой оплачивал корейский фонд, пришлось на репродукции карты 1904 г. заклеивать название «Японское море». Г.Ш. Шарбатов трудился над созданием очередного арабско-русского словаря, но не смог его издать из-за нерешенных финансовых проблем с издательством.

Уровень государственной поддержки таков, что молодежь редко решается посвятить свою жизнь науке. Некоторые, поступив в аспирантуру, тут же получают гранты на обучение в зарубежных магистратурах и, найдя эти проекты более привлекательными, уезжают (в 2013 г. таким образом покинули аспирантуру ИВ РАН сразу два аспиранта Отдела языков). С 70-х годов и, особенно, с окончанием советского периода Отдел значительно сократился в своем составе. Если к моменту образования Отдела уже была возможность собрать коллектив, деятельность которого отвечала запросам времени (китаистика, индология и пр.), то сейчас ощутима нехватка специалистов. Например, в Отделе уже 20 лет отсутствует специалист по турецкому языку, притом, что отношения с Турцией развиваются очень активно, язык достаточно востребован студентами в ВУЗах, требуются учебные пособия, словари. И все же с гордостью можно подчеркнуть, что запросам общества отвечает работа команды З.М. Шаляпиной, занимающейся машинным переводом. Многие ученые Отдела несут на себе педагогическую нагрузку, способствуют сохранению кадров, занимающихся редкими языками, находят и описывают неизвестные ранее научному миру языки.

Мы выражаем глубокую благодарность В.М. Алпатову, З.М. Шаляпиной, Т.Г. Погибенко, О.В. Столбовой за оказание помощи в сборе и уточнении данных для данной статьи. Пожелаем сотрудникам Отдела Языков больших успехов и признания в Российской Федерации и за рубежом!

Список литературы

В.М. Алпатов. Советское языкознание 20—50-х годов. // История лингвистических учений. М: Языки славянской культуры, 2005. С. 228-266.

В.М. Алпатов. История одного мифа. Марр и марризм. М: Наука. 1991.

В.М. Алпатов. Отдел языков Института Востоковедения: история и тенденции развития. // Языки Азии и Африки: традиции, современное состояние и перспективы исследований. ИВ РАН, Материалы научной конференции 5-8 октября 1998 г. М: ИВ РАН, 1998.

В.М. Алпатов. Языковеды, востоковеды, историки С.4-30, 267-280, 297-322/ М: Языки славянских культур, 2012.

В.В. Борисенко. « Памяти Юрия Владимировича Рождественского»/ URL: <http://old.philol.msu.ru/rus/kaf/genhis/ro.htm><http://genhis.philol.msu.ru/pamyati-yuriya-vladimirovicha-rozhdestvenskogo/> (дата обращения 27.06.2014).

Два выдающихся востоковеда. К 90-летию со дня рождения И.Ф. Вардуля и Ю.А. Рубинчика. // Тезисы докладов межинститутской научной конференции 10 ноября 2013 г. М: ИВ РАН. Сост. А.С. Панина, науч. Ред. З.М. Шаляпина. С.1-9.

Востоковедные чтения 2008. М: ИВ РАН 2008. Сост. А.С. Панина. С. 3, 15, 36-38.

Избранная библиография научных сотрудников Отдела языков народов Азии и Африки. М: ИВ РАН 2002. Сост. Т.В. Михайлова, Ю.А. Ландер.

Институт Востоковедения РАН. URL: <http://www.ivran.ru/about-institute/history> (дата обращения 25.04.2014).

Институт Языкознания РАН – электрон. URL: <http://www.iling-ran.ru/beta/scholars/alpatov> (дата обращения 25.04.2014).

Кирилл Бабаев. Личная страница. URL: <http://www.babaev.net/> (дата обращения 25.04.2014).

С. Кулланда, Ю. Ландер, А. Оглоблин. Памяти Юло Сирка (1935 — 2011). // Языкознание. Вопросы языкового родства, 2012, № 07. М.: Издательский центр РГГУ; Институт языкознания РАН, 2012.

РГГУ. Центр Когнитивных Программ и технологий. URL: <http://cognitive.rggu.ru/article.html?id=1004353> (дата обращения 25.04.2014).

РГГУ. URL : <http://www.rsu.ru/information/> (дата обращения 25.04.2014).

А.Я. Соколовский. Памяти Вадима Михайловича Солнцева. Известия Восточного Института № 6 / 2001.

И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Относительно марксизма в языкознании (Правда. М., 1950, 20 июня). Русский филологический портал URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/stalin-50.htm> (дата обращения 25.04.2014).

Восточное языкознание. К 80-летию Ю.А. Рубинчика. М: Восточная литература, 2003. Сост. С.Э. Талыбова, отв. ред. В.М. Алпатов. С. 3-23

Дж. Холтон. Тематический анализ науки. Прогресс. 1981.

З.М. Шаляпина. Бюллетень (Newsletter) Общества востоковедов Российской Академии наук. 6. Материалы II Всероссийского съезда востоковедов. Казань, 18-22 октября 1999 г. – Москва: ИВ РАН, 2002. С.162-171.

З.М. Шаляпина, А.И. Коган. Раздел 19. Отдел Языков Азии и Африки. // Отчет о деятельности Института Востоковедения РАН в 2007 году. М: ИВ РАН, 2007. С. 85-87

З.М. Шаляпина, А.И. Коган. Раздел 19. Отдел Языков Азии и Африки. // Отчет о деятельности Института Востоковедения РАН в 2008 году. М: ИВ РАН 2008. С. 103-115.

З.М. Шаляпина. Бюллетень Общества востоковедов РАН. – Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008»: Москва, 8-10 октября 2008 г. М.: Учреждение Российской академии наук «Институт востоковедения РАН», 2010. Предисловие: С. 9-10; статья: С. 11-26.

З.М. Шаляпина, А.И. Коган. Раздел 19. Отдел Языков Азии и Африки. С. 122-133. // Отчет о деятельности Института Востоковедения РАН в 2009 году. М: ИВ РАН 2009.

З.М. Шаляпина, А.И. Коган. Раздел 19. Отдел Языков Азии и Африки. // Отчет о деятельности Института Востоковедения РАН в 2010 году. М: ИВ РАН, 2010. С. 176-195.

З.М. Шаляпина, А.И. Коган. Раздел 19. Отдел Языков Азии и Африки. // Отчет о деятельности Института Востоковедения РАН в 2011 году. М: ИВ РАН, 2011. С. 187-202.

З.М. Шаляпина, А.И. Коган. Раздел 19. Отдел Языков Азии и Африки. // Отчет о деятельности Института Востоковедения РАН в 2012 году. М: ИВ РАН 2013. С. 200-223.

В.И. Штанько «Философия и методология науки». Харьков: ХНУРЭ, 2003. С. 175.

В.Н. Ярцева. Лингвистический энциклопедический словарь. М: Советская энциклопедия, 1990. С. 223-224.

100 лет Николаю Александровичу Сыромятникову. Тезисы межинститутской конференции 14 декабря 2011г. М: ИВ РАН. Сост. С.А. Панина. С.1-8, 35-40.

FUNERAL-SPB.RU//АЛЕКСЕЕВ Василий Михайлович. URL: <http://funeral-spb.ru/necropols/shuvalovskoe/alekseyev/> (дата обращения 25.04.2014).

Monumenta Altaica/Personalialia/ Г.Д. Санжеев. URL: <http://altaica.ru/personalia/sanzheev.htm> (дата обращения 25.04.2014).

IV. У ИСТОКОВ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А.М. Куликов

К истории публикации дневника архимандрита Палладия (Кафарова) за 1858 г.

Ключевые слова: Тяньцзиньский договор, архимандрит Палладий, Кафаров, Остен-Сакен, Русская духовная миссия в Пекине.

Архимандрит Палладий (в миру – Петр Иванович Кафаров, 1817–1878 гг.) – участник двенадцатой российской духовной миссии в Пекине (РДМ) (1840–1849 гг.), начальник тринадцатой (1850–1858 гг.) и пятнадцатой РДМ (1865–1878 гг.) и один из самых известных отечественных синологов, внесших существенный вклад в развитие наук о Востоке (синологии, монголистики): отыскавший и опубликовавший один из важнейших источников монгольской истории – «Сокровенное сказание» и практически закончивший первый полноценный китайско-русский словарь, в котором ученый, помимо прочего, подробно описал специфические термины традиционных китайских религий.

Как руководитель тринадцатой РДМ, архимандрит Палладий выступал непосредственным участником Тяньцзиньских переговоров 1858 г. между империей Цин, Британией, Францией, США и Российской империей. В указанный период архимандрит вел дневник, представляющий большой интерес при изучении истории отечественной дипломатии и русско-китайских отношений.

Впервые эти дневниковые записи были опубликованы в журнале «Морской сборник» №9 и №10 за 1860 г.⁵⁰⁵, – практически сразу после подписания русско-китайского Тяньцзиньского трактата. Публикация была озаглавлена «Выписка из дневника, веденного в Пекине в 1858 году», подписана инициалами «А.П.»⁵⁰⁶ и не содержала прямых указаний на авторство архимандрита Палладия.

⁵⁰⁵ А. П. Выписки из дневника, веденного в Пекине в 1858 г. – «Морской сборник», 1860, №9. С. 483–509; А. П. Выписки из дневника, веденного в Пекине в 1858 г. – «Морской сборник», 1860, №10. С. 88–105.

⁵⁰⁶ Данные литеры, очевидно, следует читать как «архимандрит Палладий».

В данной редакции дневник содержит 46 записей, охватывавших период с середины января до середины августа 1858 г. Автор публикации предстаёт перед нами как сторонний наблюдатель или журналист, два раза посетивший Тяньцзинь в период предшествующий и последующий подписанию Тяньцзиньских договоров между Китаем и европейскими державами.

Сведения, опубликованные в «Морском сборнике» за 1860 г., безусловно, интересны как путевые заметки, знакомящие читателя с Китаем, но оставляют впечатление недосказанности о роли самого автора в ходе Тяньцзиньских переговоров, а также участия русской делегации в происходивших событиях. Указанные лакуны восстанавливает публикация «Дневник архимандрита Палладия за 1858», вышедшая в журнале «Известия министерства иностранных дел» в 1912 г.⁵⁰⁷.

В кратком вступлении к ней приват-доцент Императорского С.-Петербургского Университета, А. И. Иванов⁵⁰⁸ отмечает: «выяснилось, что при сличении подлинной рукописи покойного ученого, хранящейся в С.-Петербургском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел, при издании дневника были опущены полностью записи за 17 дней, некоторые же из них были сокращены»⁵⁰⁹. Далее обнародован дневник архимандрита Палладия с существенными добавлениями, опущенными в публикациях 1860 г., и биографическими примечаниями А.И. Иванова и И.И. Десницкого⁵¹⁰. В данной публикации приводятся записи за 75 дней, причем некоторые из уже имеющих в ранней публикации значительно расширены.

⁵⁰⁷ Палладий. Дневник архимандрита Палладия за 1858 г. – «Известия министерства иностранных дел», 1912, кн. II. С. 225–282.

⁵⁰⁸ Алексей Иванович Иванов (1878–1937 гг.). Родился в Санкт-Петербурге в семье театральных артистов. После окончания Факультета восточных языков оставлен в Санкт-Петербургском университете для приготовления к профессорскому званию. В 1909 г. защитил магистерскую диссертацию. В 17 февраля 1913 г. защитил диссертацию на степень доктора китайской словесности и удостоился звания экстраординарного профессора китайской и маньчжурской словесности. Преподаватель Курсов восточных языков Общества востоковедения, затем Практической восточной академии в Петербурге. В 1913 и 1917 гг. – директор Практической восточной академии. Один из авторов «Грамматики современного китайского языка» [Дацшпен, 2013, с. 548].

⁵⁰⁹ [Палладий, 1912, с. 225].

⁵¹⁰ Иван Иванович Десницкий (1882–1922 гг.). Родился в Киеве, учился в Петербурге. С 1908 г. служил в МИД; с 1912 г. 2-й секретарь дипломатической миссии в Пекине. После октябрьской революции 1917 г. остался в эмиграции в Китае. Жил в Шанхае [Предварительный список российских дипломатов, оставшихся в эмиграции после Октября 1917 г.].

Второе издание дневника проливает свет на многочисленные подробности, опущенные в первом. Однако никакого объяснения причин, почему первая редакция дневников вышла в столь усеченном виде в предисловии и комментариях ко второму изданию дневников мы не находим. По всей видимости, архимандрит Палладий опасался недовольства графа Е.В. Путятина⁵¹¹, действия которого на страницах дневника явно критикуются. Историю публикации Тяньцзиньского дневника архимандрита Палладия помогают восстановить записки одного из участников названных событий – барона Ф. Р. Остен-Сакена⁵¹², занимавшего в период переговоров должность второго секретаря графа Путятина. Записи эти хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде Остен-Сакена⁵¹³.

Записи представляют собой рукописные и печатные листы, обернутые в книжный переплет с надписью золотыми буквами на корешке «Тянь-цзинские переговоры и заключение трактатов с Китаем в 1858 г.». В общей сложности они насчитывают 175 пронумерованных карандашом листов и несколько десятков чистых непрономерованных листов. Все содержание тома можно разделить на три части:

1. Рукописное введение барона Ф. Р. Остен-Сакена, рассказывающее историю первой публикации дневников Палладия в 1860 г. Содержит 8 листов рукописного текста и 2 листа рукописных приложений. Введение датировано 15 января 1905 г., заверено подписью самого барона. Данная рукопись нигде не публиковалась.

2. Страницы журнала «Морской сборник» №9 и №10 за 1860 г. с публикацией дневников Палладия. Печатные страницы перемежаются белыми ли-

⁵¹¹ Евфимий Васильевич Путятин (1803–1883 гг.) – русский адмирал и дипломат. В 1827 г. принимал участие в Наваринском сражении. В 1842 г. возглавил успешную русскую дипломатическую миссию в Иран. В 1852–1855 гг. принимал участие в дальневосточной экспедиции на фрегате «Паллада», возглавляя русскую миссию по установлению дипломатических и торговых отношений с Японией. 6 ноября 1855 г. подписал первый русско-японский договор, за что получил титул графа. В 1855–1857 гг. занимал должность военно-морского атташе в Лондоне. В 1857 г. был наделён особыми полномочиями и направлен в Пекин, – в июне 1858 г. подписал Тяньцзиньский трактат. Подробнее см. [Дипломатический словарь, т. II, с. 588–589; Плутникова, 1997, с. 32–41].

⁵¹² Федор Романович Остен-Сакен (1832–1916 гг.) – дипломат, ученый и государственный деятель; по окончании юридического факультета Петербургского университета в 1852 г. поступил на службу в Азиатский Департамент МИД; в 1857–1858 гг. сопровождал в качестве второго секретаря посольства Е. В. Путятина, посланного в Китай для переговоров с цинским правительством. В 1865 г. избран секретарем Русского Географического общества. В 1870–1897 гг. исполнял обязанности директора Департамента внутренних сношений МИД; с декабря 1889 г. – почетный член Российской Академии Наук. Автор *Souvenirs de l'Ambassade du Comte Poutiatine en Chine, Journal de St. Petersburg, 1876*. Подробнее см. [Хохлов, 1979, с. 166].

⁵¹³ РГАДА, ф. 1385, оп. 1, ед. хр. 415.

стами с рукописным текстом, восстанавливающие фрагменты, опущенные в этой публикации. На страницах имеется множество пометок красным и синим карандашами, а также чернилами, указывающими места, куда следует вставить те или иные рукописные фрагменты текста. Дневниковые записи за те дни, которые полностью отсутствуют в первой публикации, приводятся на отдельных листах с рукописным текстом. Сличение данной рукописи и второй публикации дневников в 1912 г. показывает их полное сходство.

3. Рукописный дневник самого барона Ф. Р. Остен-Сакена, озаглавленный «Из дневника веденного во время экспедиции Графа Путятина в Китай (слабое подражание предыдущему) на пароходе «Америка» в реке Пей-хо⁵¹⁴». Дневник начинается записью от 9 мая 1858 г. по старому стилю (28 апреля по новому стилю) и завершается 28 июня по старому стилю (10 июля по новому). В нем содержится 182 страницы и имеется схема с рисунком береговых укреплений. Дневник полностью нигде не публиковался, хотя его материалы могли быть использованы в подготовке статьи «Souvenirs de l'Ambassade du Comte Poutiatine en Chine» на французском языке, вышедшей в петербургской газете «Journal de St. Petersbourg»⁵¹⁵ в 1876 г.

По всей вероятности, барон готовил к публикации оба дневника, однако в силу каких-то причин не смог осуществить задуманного, хотя впоследствии, в 1912 г., дневник Палладия все-таки увидел свет на страницах журнала «Известия министерства иностранных дел», но при этом без какого-либо упоминания работы над публикацией Ф. Р. Остен-Сакена, но с примечаниями А. И. Иванова и И. И. Десницкого.

Что касается материалов самого барона, то, не имея возможности в силу их объема, привести здесь полное содержание дневников Остен-Сакена, мы ограничимся публикацией ниже «Введения»⁵¹⁶, сообщающего важные подробности истории публикации дневника архимандрита Палладия за 1858 г.

⁵¹⁴ Очевидно, имеется в виду р. Байхэ (白河).

⁵¹⁵ Газета, с перерывами издававшаяся в Петербурге в период 1873–1914 гг. Выходила на французском языке. Некоторое время являлась официальным или полуофициальным органом печати российского МИД [Журнал Санкт-Петербург].

⁵¹⁶ Авторская орфография, а также написание имен собственных сохранены.

Дневник архимандрита Палладия, а также архивные материалы из фонда Остен-Сакена позволяют пролить дополнительный свет на историю русско-китайских отношений в середине XIX в., а также предоставляют исследователям богатейший материал о каждодневной работе русских дипломатов того времени. Дневники (как Палладия, так и Остен-Сакена) представляют собой полноценные литературные произведения, которые могут быть интересны не только для специалистов.

Введение Ф. Р. Остен-Сакена к дневникам архимандрита Палладия и барона Ф. Р. Остен-Сакена

Введение

В этой книжке соединены два рассказа или, точнее, два дневника веденные за один и тот же период времени. Первый из них принадлежит лицу почти постороннему зрителю и наблюдателю происходивших событий; второй составлен одним из действующих лиц, впрочем весьма второстепенным. Первый есть произведение образцовое, высокоталантливое, в высшей степени любопытное, увлекательно написанное; второй – труд ничтожный, ученический, показывающий малую наблюдательность автора. Первый дневник принадлежит перу Архимандрита Палладия (Кафарова); второй перу нижеподписавшегося барона Федора Остен-Сакена.

История дневников о Палладия весьма любопытна.

При поездках своих Палладий имел привычку записывать каждодневно важное и испытанное. Потом, в известных случаях, он обрабатывал записанное и тогда выходили... (два слова неразборчиво) вроде настоящего дневника или напр. его путевые записки по Монголии в 1849 году⁵¹⁷ и дорожных заметок от Пекина до Благовещенска на Амуре в 1870 году⁵¹⁸.

⁵¹⁷ Палладий. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия, с введением доктора Э. В. Бретшнейдера и замечаниями проф. чл. сотр А. М. Позднеева. – Записки императорского русского географического общества по общей географии, XXII, №1, СПб., 1892, X, 238 с.

⁵¹⁸ Палладий. Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска, через Маньчжурию, в 1870 г. – Записки императорского русского географического общества по общей географии, т. IV, 1871, с. 329–458.

Что первоначальные наброски его требовали весьма значительной литературной отделки, в этом я мог убедиться из попавших в мои руки, после кончины Палладия, черновых тетрадей, заключавших в себе продолжение путешествия в 1870 году вниз по Амуру до Уссурийского края. К крайнему сожалению оказалось совершенно невозможным напечатать эти любопытные и оригинальные наброски, из уважения к памяти покойного. Они, надеюсь, сохранились в Архиве Географического Общества⁵¹⁹.

Но на Пекинский дневник 1858 года Палладий положил очевидно особенные старания и дал полную волю своей сатирической жилке; а пищи для этого было достаточно.

Я не стану описывать домашний обиход нашего Посольства: все подмеченное о. Палладием, увы, совершенная истина⁵²⁰. Можно представить себе какую странную и смешную должна была показаться ему среда в которую он внезапно попал после восьмилетней, тихой, созерцательной жизни в Пекине. К тому же бедный граф Путятин и наружностью своей и обращением всегда производил отталкивающее впечатление на всех имевших с ним дело и неподготовленных.

И вот Палладий стал замечать, удивляться, негодовать – и записывать. По всей вероятности, эти записки никогда бы не увидели света Божия если бы не – Петр Николаевич Перовский⁵²¹.

Петр Николаевич Перовский был назначен Приставом четырнадцатой (и последней) Пекинской Духовной Миссии, которая отправилась из Петербурга весной 1857 года. Предполагалось, что в Пекине она застанет ещё графа Путятин, который со свитою своею, отбыл из Петербурга в феврале того же

⁵¹⁹ Речь идет о путевых заметках архимандрита Палладия, которые он подготовил по результатам своего путешествия по Дальнему Востоку в 1870–1871 гг., совершенного им по заданию Императорского Русского Географического Общества. Подробнее см. [Ларичев, 1966, 114–122].

⁵²⁰ Кафаров описывал быт посольства Путятин следующим образом: «...граф пригласил китайских полномочных к себе на обед, но они решительно отказались; да и хорошо сделали, пришлось бы угощать китайским столом, у графа не оказалось запасов; не было даже, кроме повара, никакой прислуги, на всем [русском] пароходе был один слуга... Граф довольствовался босоногим матросом; русская компания нуждалась во всем и приехала сюда как будто на плохую дачу, не догадавшись запастись, хоть на всякий случай, самым существенным» [Палладий, 1912, с. 271].

⁵²¹ Петр Николаевич Перовский (1818–25.08.1865 гг.). Родился в семье Таврического вице-губернатора Николая Ивановича Перовского. В 1835 г. окончил Императорский Царскосельский лицей. С 1841 г. работал в Азиатском Департаменте в должности младшего помощника столоначальника. В 1846 г. назначен старшим столоначальником. С 1852 г. – начальник Первого Отделения Азиатского Департамента. В 1863 г. назначен генеральным консулом в Геную, где и скончался. Подробнее см. [А. О. Т.].

года. Но, как известно, китайцы отказались принять незванейшее⁵²² посольство Путятина, и он спустился по Амуру в Николаевск, а оттуда на пароходе отправился в Печелийский залив и т. д. – В донесении своем Министерству из Троицко-Савска⁵²³, Путятин, объяснив недружелюбный поступок китайцев, предложил между прочим приостановить отправку новой Духовной Миссии, чтобы тем окончательно показать китайцам неудовольствие Русского Правительства. Это, крайне непрактическое, предложение было принято, принесло Министерству много лишних расходов и не принесло никакой пользы. Китайское Правительство отнеслось к этому с обычным своим равнодушием. – Новая Духовная Миссия⁵²⁴, в полном своем составе провела зиму 1857–58 года в Иркутске. Перовский, за это время, успел сблизиться с генерал-губернатором Муравьевым⁵²⁵ и понравится ему; и когда последний весной 1858 отправился на Амур, то взял Перовского с собой. Таким образом ему удалось быть участником при заключении Айгунского трактата и поместить свое имя в лист подписей на этом трактате. Сколько помнится, Муравьев представил его за это к какой-то награде и таким образом приобрел себе в лице Перовского преданнейшего человека.

Осенью 1858 года [четырнадцатая] Духовная Миссия отправилась из Кяхты к месту назначения. Она пребыла в Пекин 28 сентября 1858 года (донесение от архимандрита Гурия⁵²⁶ ... (три слова неразборчиво) 15 октября №28).

⁵²² Очевидно, автор подразумевает неожиданность приезда посольства Путятина для китайцев

⁵²³ Троицко-Савск, позднее в состав города вошла Кяхта.

⁵²⁴ Подразумевается 14-я РДМ (1858–1864 гг.).

⁵²⁵ Николай Николаевич Муравьев-Амурский (1809–1881) – русский государственный деятель, генерал и дипломат. В 1847 г. назначен генерал-губернатором Восточной Сибири. Выступал за расширение связей России с Китаем, Японией и Америкой. В 1850-ые организовал несколько сплавных экспедиций по Амуру. Инициатор основания первых русских поселений и укреплений в устье Амура. В мае 1858 г. подписал с Китаем Айгунский договор, определивший русско-китайскую границу по Амуру. В 1861 г. вышел в отставку. 31 июля 2006 г. изображение хабаровского памятника Муравьеву-Амурскому украсило банкноту в 5000 рублей.

⁵²⁶ Гурий (в миру – Григорий Платонович Карпов) (1814–17.03.1882) – родился в семье священника в Саратове. В 1836 г. окончил Саратовскую духовную семинарию, после чего работал преподавателем латинского языка в Саратовском духовном училище. В 1837 г. поступил в С. Петербургскую духовную академию. 12 июня 1838 г. принял монашество под именем Гурия. 4 августа – рукоположен в дьяконы, 20 ноября 1839 – в иереи. В 1839 г. зачислен участником двенадцатой РДМ, в этом же году досрочно сдал экзамены, утвержден в степени кандидата богословия. В Пекине занимался миссионерской деятельностью, переводом на китайский язык богослужебных книг и молитв. Один из кандидатов на должность руководителя тринадцатой РДМ (1850–1858 гг.). По возвращению из Китая в 1855 г. возведен в степень магистра богословия, а 25 августа 1856 г. назначен руководителем четырнадцатой РДМ. 10 декабря 1860 г. получил орден св. Анны 2-й степени. В период руководства миссией занимался миссионерской работой, переводами (в т. ч. Нового завета) и дипломатической деятельностью. По возвращению в Россию пожалован орденом св. Владимира 3-й степени и пожизненной пенсией в 1500 р. 26 января 1866 г. назначен настоятелем посольской

Между тем [в] июне того же года последовало заключение Тянь-цзиньского трактата. Ратификация последовала в Петербурге в августе. Инструкцией от 1 сентября 1858 г. на Перовского был возложен обмен ратификаций с Китаем. В той же инструкции Приставу поручалось: выговорить разрешение нашим караванам ходить до Пекина, или по крайней мере до Калгана, или хотя [бы] до Урги, разрешение устройства факторий для караванов, и наконец устроить факторию в Кашгаре.

Ратификацию и инструкцию повезли из Иркутска есаул Хитрово и коллежский асессор... (фамилия неразборчиво), о чем генерал-губернатор Муравьев известил Министерство Иностранных Дел 16 октября.

Перовский уведомил о получении им инструмента ратификации 29 ноября.

Между тем китайцы уже успели оправиться от ужасов летнего нападения англо-французов на форты в устье Пейхо⁵²⁷, и прибегли к различным уловкам затруднивших обмен ратификаций. На беду в различных текстах трактата: русском, китайском и маньчжурском оказались различия, что окончательно затормозило дело. Об этом Перовский доносил в феврале 1859 года. — Обменять ратификации удалось только 12 апреля, о чем Перовский донес 15 апреля. При этом он объяснил, что для достижения цели он был вынужден подписать и вручить китайским сановникам бумагу, обуславливающую условие допущения русского посланника через Тянь-цзиньский порт. На основании 2-й статьи Тянь-цзиньского трактата: «Российские Посланники могут следовать в Пекин или из Кяхты через Ургу, или из Дагу, при устье реки Хай-хэ (Peiho), или иным путем из других открытых городов или портов Китая». Обязательство, которое должен был подписать Перовский, заключалось в том, что в случае намерения Посланника ехать в Пекин морем, то Китайское Правительство должно быть предварительно оповещено об этом, чрез Ургу. Если нет препятствий для высадки при устье Хайхэ, то об этом извещается Русское

церкви в Риме, а 11 мая того же года стал епископом Чебоксарским, викарием Казанской епархии, после чего переведен на самостоятельную кафедру епископа Симферопольского. В 1869 г. награжден орденом св. Владимира 2-й степени. Активно занимался миссионерской деятельностью среди раскольников и сектантов. Решением Священного Синода Украинской Православной Церкви от 18 мая 2008 г. прославлен в лике местночтимых святых с днем памяти 17 марта. Подробнее см. [Протодьякон Василий Марушак, 2006, с. 475–477; Авраамий, 2006, с. 84, 87–88, 89, 96–110].

⁵²⁷ Очевидно, имеются в виду форты Дагу (大沽) на р. Байхэ.

Правительство. Русские суда прибыв к устью реки, останавливаются у бара⁵²⁸ (Лань-цзянь-ши)⁵²⁹ и сообщают о своем прибытии. Китайское правительство тогда отправляет вниз по реке для встречи и охраны Посольства, которое выезжает в Пекин чрез Северную плотину Бэйтан⁵³⁰ (т. е. местность где расположено наше северное подворье).

Китайцы помнили вторжение иностранцев на своих судах по р. Хай-хэ до Тянь-цзиня, в 1858 году, и принимали меры предосторожности.

Довольный одержанным им частичным дипломатическим успехом и надеясь на благосклонность к нему Директора Азиатского Департамента, Е.П. Ковалевского⁵³¹, Перовский уже в мае 1859 г. входит с представлением об освобождении его от других возложенных на него поручений и в командировании ему в Пекин приемника.

Это официальное донесение сопровождалось частным письмом к Ковалевскому, содержание которого обескуражило всю цензурную и в сущности дрянную натуру Перовского. Умоляющий тон письма и женские жалобы в нем заключавшиеся были недостойны уважающего себя человека. Письмо это поразило Князя Горчакова⁵³² и он написал на нем: «Перовский может быть хороший чиновник *«mais certes ce n'est pas un homme d'action»*⁵³³. (заметка на полях – Этого письма я тщетно искал... (неразборчиво два слова) в 1905 г. Осталось ли оно у Ковалевс. или уничтожено моб. самим Перовским??).

Этот отзыв был роковым для его карьеры. Разрешение выехать из Пекина было выдано Перовскому легко, так как новый Посланец в Китай уже выехал из Петербурга 6 марта 1859 года.

⁵²⁸ Подводная форма рельефа.

⁵²⁹ Вероятно, *ланьцзянша* (攔江沙) – отмель, песчаный нанос, островок в устье реки.

⁵³⁰ По всей видимости, имеется ввиду 北塘 – район, находившийся к востоку от Тяньцзиня, в устье реки Байхэ, ныне – район городского подчинения Биньхай синь-цзо (滨海新区). По всей видимости, комментарий Остен-Сакена о расположении северного подворья РДМ ошибочен, так как из текста следует, что Бэйтан находится вблизи Тяньцзиня, когда как северное подворье РДМ (Бэйгуань 北館) располагалось в Пекине. Кроме того, автор переводит вторую часть названия (*тан* 塘) именно как «плотина», а не как «подворье».

⁵³¹ Егор Петрович Ковалевский (1811–1868 гг.) – дипломат, востоковед. В 1849 г. сопровождал 13-ю РДМ в Пекин. В 1851 г. подписал Кульджинский договор. В 1856 г. назначен директором Азиатского департамента МИД. Участвовал в разработке Айгунского договора.

⁵³² Александр Михайлович Горчаков (1798–1883 гг.) – дипломат, участник Венской конференции 1855 г., с 1856 г. министр иностранных дел России, добился в 1870 г. аннулирования Парижского мирного договора.

⁵³³ «но, очевидно, это не человек действия».

В Петербург он прибыл в половине декабря и был принят довольно сухо. Попытки получить сколько-нибудь видное самостоятельное место, не удавались; и в 1863 г. он решил взять место Ген. Консула в Геную, где и умер в 1865 г.

Но возвращаясь к истории «Дневника». Во время пребывания Перовского в Пекине, начальник 13-й Духовной Миссии Архимандрит Палладий показал ему свой дневник, который конечно привел в восторг Перовского по литературности, художественности изложения, а главное потому, что он совершенно ронял значение Путятинского Посольства и этим доставлял удовольствие Муравьеву. Перовский уговорил Арх. Палладия дать ему этот дневник, для пересылки в Петербург. Всякому знавшему осторожный, даже мнительный, характер о. Палладия такой поступок представляется необъяснимым. Дневник был отправлен в Петербург 29 ноября 1858 г., не помню теперь, по какому обстоятельству он был получен в Азиатском Департаменте только 11 марта 1859 г. В короткой препроводительной записке Перовский предупреждал Е. П. Ковалевского, что посылает этот дневник «подлинник *исключительно* на Ваше только благоусмотрение». Предполагавшегося эффекта дневник однако не произвел. Ковалевский в то время уже охладел к Перовскому, был недоволен его сближением с Муравьевым, досадовал на его неумелость в переговорах с китайцами. Я был у него в кабинете, когда пришла пекинская почта: он взглянул на толстую тетрадь, прочел препроводительное письмо, и передавая их мне, сказал: «Ну это какие-то пекинские сплетни, этого я не буду читать».

Сколько мне известно, кроме двух-трех товарищей, которым я давал читать этот литературный перл, никто его не читал ни в Министерстве, ни вне его.

Пострадал только один автор, который долго мучился в сознании допущенной им опрометчивости. Он не мог успокоиться на мысли, что дневник⁵³⁴ не получил почти никакой огласки. Вернувшись в Петербург, он явился ко мне, заговорил

⁵³⁴ Далее следует врезка: «9 марта 1859 года архимандрит Палладий написал из Пекина директору Азиатского Департамента Е. П. Ковалевскому: «...я слышал (?), что мой доморощенный дневник представлен Вашему Превосходительству, может быть я не должен был бы высказывать с такою дерзостью свои личные и исключительные взгляды, которые могли быть оттеняемые обстоятельствами; но я уступил настоятельному желанию Петра Николаевича и собрал воедино мои старые воспоминания, согрешил на старости лет и службы. Утешаюсь хотя бы тем, что мои писания не обратят (на себя) строго внимания Вашего и останутся под спудом неизвестности и незначительности». Далее, по всей видимости, идут слова самого Ф. Р. Остен-Сакена: «Так они и остались до сих пор; но смею надеяться, что эти наблюдения и мысли хорошего русского человека когда-нибудь появятся на свет Божий». Подпись 27 сентября 1905 г.

о своей неосторожности, каялся, и наконец придумал следующее: так как граф Путятин без сомнения знает о существовании дневника, то хорошо было бы для прекращения всяких дальнейших сплетней, напечатать его, напр. в Морском Сборнике, подвергнув его предварительно строжайшей чистке и цензуре. Меня он просил взять на себя эту работу. Я конечно согласился и указал ему что, на мой взгляд, подлежит исключению. Но о. Палладий в обуювшем его страхе, не удовольствовался этим, и вымарал гораздо больше. И все-таки, несмотря на беспощадную цензуру, оставшееся представляло из себя очень занимательную статью.

В таком виде дневник появился в августовской и сентябрьской книжке Морского Сборника за 1860-й год. В ниже помещаемом экземпляре статьи восстановлены все исключенные места.

Остен-Сакен

15 января 1905 г.

Я перечитываю, с наслаждением, дневник и вздумал снабдить его несколькими примечаниями.

1. К стр. 483⁵³⁵. О Емин шене⁵³⁶. Кантон был взят Англо-Французами 29 декабря по новому стилю 1857 г. Емин шень был найден в городе и взят в плен 5 января нового стиля 1858 г.; вместе с ним задержан Губернатор провинции «Pih-Kwei⁵³⁷»). Емин шеня было решено отправить в Калькутту; а его помощника выдворили начальником Кантона, конечно с английским и фран-

⁵³⁵ Страницы первого издания дневника в журнале Морской сборник.

⁵³⁶ Е Минчэнь (葉名琛) (1807(1809)–9.04.1859 гг.) – родился в провинции Хубэй (湖北), состоял в академии Ханьлин. С 1848 г. – губернатор провинций Квантун (Гуандун) и Гуанси (廣西). Придерживался мнения, что нельзя идти на уступки иностранцам, однако в период Второй опиумной войны не сумел оказать военное сопротивление англичанам, когда те в декабре 1857 г. подвергли бомбардировке г. Сянган (Гонконг). В названный момент Е Минчэнь находился с войсками в провинции Гуанси для подавления народного восстания. Впоследствии был схвачен британскими войсками и в качестве узника препровожден на Калькутту, где умер от болезни. В Гонконге имел прозвище «Шесть не»: «Не воюет (*бу чжэнь* 不戰), не мириться (*бу хэ* 不和), не обороняется (*бу шюу* 不守), не умирает (*бу сы* 不死), не сдается (*бу цзян* 不降), не отступает (*бу цзоу* 不走). Подробнее см. [Е Минчэнь].

⁵³⁷ По Гуй (柏貴) (?–1859 гг.) – монгол из рода Эчжэтиши (額哲忒氏), состоял в корпусе Желтого знамени. В 1819 г. выдержал провинциальные экзамены. Занимал должности начальника уезда (*чжи-сян* 知縣) и правителя области (*чжи-чжоу* 知州) в провинциях Гуанси и Гуандун, служил генерал-губернатором (*сюнь-фу* 巡撫) в провинции Хэнань (河南). В период Второй опиумной войны предлагал пойти на компромисс к англо-французским требованиям, подал доклад с жалобой на губернатора Е Минчэня, после смещения которого некоторое время исполнял обязанности губернатора провинций Гуандун и Гуанси. В период своего губернаторства сотрудничал с английскими представителями, тем самым создал повод для китайских историков называть в этот период территории провинций Гуандун и Гуанси первым марионеточным государством в Китае. Умер в Гуанчжоу. Подробнее см. [По Гуй].

цузским ассистентами. С задачей управлять городом с его миллионным населением европейцы не совладали бы. Об указе заключающим низложение Е[мин Шеня] и назначение ген. губернатором Хуан-цзун-ханя⁵³⁸, Лорд Элгин⁵³⁹ донес лорду... (английская фамилия неразборчиво) из Нинбо 19 марта 1858 г. Он объясняет при этом, что не успел добыть экземпляра сего Указа, и прибавляет характернейшую для китайцев подробность, что в том же указе Богдыхан утверждает Pih-Kwei временным ген. губернатором; игнорируя разумеется совершенно распоряжение сделанные для этого лица Англичанами!! (Correspondence Relative to the Earl of Elgin's Special Missions to China & Japan, 1857-1859, London, 1859, page 231).

2. К стр. 484. Не понимаю также настояний Графа о свободе Христианства. 8-я статья Тяньцзиньского трактата, по поводу Христианства, не понравилась и в Петербурге. Некоторым оправданием могла бы служить инструкция сообщенная гр. Путятину 4 мая 1857 г. В этой инструкции написанной вследствие ходатайства Англии о... (одно слово пропущено) где гр. Путятин содействовал целям, преследуемым Англичанами в Китае было, между прочим, поручено нашему Представителю стараться об обеспечении свободы вероисповедания для христиан в Китае.

Французский трактат (ст. 13) упоминает о «religion chrétienne⁵⁴⁰» вообще, тогда как 8-я ст. английского трактата говорит только о Протестантах и Католиках. След[овательно] Путятин мог бы конечно ограничиться упоминанием Православия; и вот здесь и высказалось все неудобство совместных действий с Зап. державами. Впрочем следует заметить что гр. Путятин,

⁵³⁸ Хуан Цзунхань (黃宗漢) (1803–1864 гг.) – в 1834 г. успешно сдал экзамены на высшую ученую степень *цзиньши* (進士), после чего занимал различные чиновничьи посты: управляющего делами военного министерства (*бин-бу чжэу-ши* 兵部主事), управляющего канцелярией военного министерства (*цзюнь-ци чжан-цзин* 軍機章京), цензора (*ци-ши-чжун* 給事中). В 1857 г. был назначен губернатором провинций Гуандун и Гуанси (*Лян Гуан цзун-ду* 兩廣總督). Подробнее см. [Хуан Цзунхань].

⁵³⁹ Джеймс Брюс (James Bruce, 8th Earl of Elgin and 12th of Kincardine) (1811–1863) — английский государственный деятель. В 1842 г. назначен губернатором острова Ямайка. В 1846 г. генерал-губернатор Канады. В марте 1857 г., в виду конфликта, возникшего вследствие разрушений факторий в Кантоне, отправлен в Китай с чрезвычайными полномочиями. Вел успешные военные действия против Китая. В июле 1858 г. заключил англо-китайский Тяньцзиньский договор. В 1860 г. вновь послан в Китай, где войска под его руководством взяли Пекин. По некоторым сведениями, в отместку за пленение, пытку и казнь двух десятков европейцев и индусов (среди которых были два английских посланника и журналист газеты «Таймс») приказал полностью уничтожить дворец Юаньминьюань, при этом также рассматривался вариант уничтожения пекинского Запретного города.

⁵⁴⁰ Франц. Христианская религия.

при всей своей набожности и страстном исполнении обрядов Православной церкви имел замечательную склонность к католицизму, верил в чистилище⁵⁴¹ и (слово неразборчиво); и при составлении ст. 8 конечно имел в виду и католиков.

Архивные материалы

РГАДА ф. 1385, оп. 1, ед. хр. 415.

Список литературы

А. О. Т. Перовский Петр Николаевич. Русский биографический словарь / под ред. А. А. Половцова, т. 13, СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1902, с. 551.

Архимандрит Авраамий. Краткая история русской православной миссии в Китае. – Бэй-Гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае. М. – СПб: Альянс-Архео, 2006.

А. П. Выписки из дневника, веденного в Пекине в 1858 г. – «Морской сборник», 1860, №9, с. 483–509.

А. П. Выписки из дневника, веденного в Пекине в 1858 г. – «Морской сборник», 1860, №10, с. 88–105.

Архимандрит Палладий. Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска, через Маньчжурию, в 1870 г. – Записки императорского русского географического общества по общей географии (ЗИРГО), т. IV, 1871, с. 329–458.

Список источников и литературы

Дацышен В. Г. Русские китаеведы XVIII–начала XX вв.: преподаватели и составители словарей (краткий библиографический справочник) // Архив российской китаистики, т. I / сост. А. И. Кобзев; отв. ред. А. Р. Вяткин, М.: Наука – Вост. лит., 2013. С. 532–550.

Ларичев В. Е. Потерянные дневники Палладия Кафарова (новые материалы к истории археологии русского Дальнего Востока). – «Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук, 1966, №I, вып. I. С. 114–122.

Палладий. Дневник архимандрита Палладия за 1858 г. – «Известия министерства иностранных дел», 1912, кн. III. С. 225–282.

Палладий. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия, с введением доктора Э. В. Бретшнейдера и замечаниями проф. чл. сотр. А. М. Позднева. – ЗИРГО по общей географии, XXII, №1, СПб., 1892, X, 238 с.

⁵⁴¹ Согласно католическому вероучению, чистилище – промежуточное состояние между адом и раем, в котором до искупления пребывают души умерших, не отягощенные тяжелыми грехами. Православное вероучение отрицает существование чистилища.

Плотникова М. М. Дипломатическая деятельность Е. В. Путятин. – Взаимоотношения народов России, Сибири, и стран Востока: история и современность. Доклады Второй Международной конференции 11–14 августа 1997 г. Кн. Вторая. Москва–Иркутск–Тэгу, 1997, с. 32–41.

Протодьякон Василий Марущак, Гурий. – Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, т. XIII, М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006, с. 475–477.

Путятин Е. В. – Дипломатический словарь, т. II, М.: изд-во Политической литературы, 1971, с. 588.

Хохлов А. Н. Переговоры Е. В. Путятин с Ци Ином в 1858 г. // Десятая конференция Общество и государство в Китае, ч. 2. М., 1979. с. 36–53.

Хохлов А. Н. П. И. Кафаров и его эпистолярное наследие. — П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти), ч. 2. М., 1979.

«Интернет-ресурс»: Журнал Санкт-Петербург (Journal de St.-Petersbourg). URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Journal_de_St.-Petersbourg (дата обращения: 10.11.2014).

«Интернет-ресурс»: Е Минчэнь (Ye Mingchen). URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Ye_Mingchen (дата обращения: 10.11.2014).

«Интернет-ресурс»: По Гуй (柏贵). URL: <http://baike.baidu.com/view/384121.htm> (дата обращения: 10.11.2014).

«Интернет-ресурс»: Предварительный список российских дипломатов, оставшихся в эмиграции после Октября 1917 г. URL: http://www.bfrz.ru/data/rus_diplomatu/rus_diplomatu_spisok.pdf (дата обращения: 10.11.2014).

«Интернет-ресурс»: «Хуан Цзунхань (黄宗汉). URL: <http://baike.baidu.com/subview/384151/6388100.htm?fi=aladdin> (дата обращения: 10.11.2014).

Государство Пегу глазами итальянских купцов XV века

Ключевые слова: Никколо Конти, Иеронимо ди Санто Стефано, Пегу, средневековые путешествия.

Познание средневекового Запада об Индии и Юго-Восточной Азии накануне эпохи Великих географических открытий происходило, главным образом, благодаря путешественникам и картографам Венеции и Генуи. Источниками о монской державе Пегу того времени служат отчеты двух купцов – венецианца Никколо Конти (1439 г.) и генуэзца Иеронимо ди Санто Стефано (1499 г.).

Эти документы не только предоставляют ценный материал по истории Юго-Восточной Азии, но и содержат набор стереотипных образов Востока, утвердившихся в европейском дискурсе позднего Средневековья. Кроме того, эти тексты сами были включены в европейскую географическую традицию и оказали влияние на ее дальнейшее развитие.

Большой интерес для исследователя представляет сравнение маршрутов, нравов и обычаев в трудах путешественников, которых разделяет шесть десятилетий.

В основу предлагаемого вашему вниманию исследования положены описания Пегу, которые в отчетах венецианца и генуэзца существенно отличаются друг от друга. Хотя оба источника составлены в форме маршрутного описания, в них по-разному расставлены акценты. Рассмотрение сведений о государстве Пегу, которое, как и морские республики в средневековой Европе, было важным средоточием региональной торговли, в отчетах итальянцев позволяет выявить некоторые аспекты ренессансного ориентализма.

К середине XV в. Венеция пользовалась славой наиболее искусственного в торговле с Востоком и наиболее информированного о восточных делах европейского государства. Купец Никколо Конти (ок. 1395–1469) из Венецианской

республики около четверти века провел в торговых поездках по арабскому миру, Индии и Юго-Восточной Азии. Свое длительное путешествие Конти начал в Дамаске в 1414 г., а завершил в 1439 г.⁵⁴², добравшись до Флоренции, где на Ферраро-Флорентийском соборе находился папа Евгений IV, сам венецианец по происхождению. Здесь путешественник надеялся получить прощение понтифика за свое вынужденное принятие ислама в пути и в итоге в качестве наказания должен был подробно рассказать о своих странствиях⁵⁴³. Рассказы Никколо Конти о далеких землях сохранились в изложении секретаря папы и флорентийского гуманиста Поджо Браччолини (1380–1459), лично беседовавшего с путешественником во Флоренции и позднее включившего его описания восточных стран в четвертую книгу трактата «О превратности судьбы»⁵⁴⁴, а также в пересказе кастильского путешественника Перо Тафура⁵⁴⁵. Сообщения венецианского купца о Пегу и других государствах Юго-Восточной Азии дошли до нас именно в труде Поджо – одном из программных текстов итальянского гуманизма, и, стало быть, претерпели определенную литературную обработку и явились частью гуманистического дискурса о Востоке.

Рассказ Конти, записанный Поджо Браччолини, можно условно разделить на две части: первая, главным образом, посвящена маршруту путешествий венецианского купца, вторая отводится более детальному описанию хозяйственного уклада и обычаев жителей «Индий». В отчете Никколо Конти все земли, лежащие к востоку от Ирана, фигурируют под общим наименованием «Индия», что, в целом, типично для средневековых западных источников. «Вся Индия, – сообщал путешественник, – разделена на три части: первая – от Персии до реки Инд, вторая – от Инда до Ганга, а третья – все, что далее. [Третья часть – Д. В.] намного превосходит остальные в богатствах, человеческом достоинстве и роскоши, а по образу жизни и государственным обычаям равна нам»⁵⁴⁶.

⁵⁴² Bouchon G. Préface // Le voyage aux Indes de Nicolò de Conti (1414–1439) / Ed. par A.–L. Amilhat-Szary. – Paris : Chandeigne, 2004. – P. 7.

⁵⁴³ Bracciolini P. *Historiae de varietate fortunae libri quatuor*. – Paris.: Antoni Urbani Cousterlier, 1723. – P. 126; Bouchon G. *Op. cit.* P. 8.

⁵⁴⁴ Bracciolini P. *Op. cit.*

⁵⁴⁵ Тафур П. Странствия и путешествия // Пер., пред. и комм. Л. К. Масиеля Санчеса. – М. : Индрик, 2006. – С. 95–111.

⁵⁴⁶ Bracciolini P. *Op. cit.* P. 139.

Описание маршрута по государствам Ава и Пегу в отчете Конти следует за пространным рассказом о стране, именуемой Мачин (Macinum). Путешественник сообщал: «Эта провинция [Индии – Д. В.], именуемая жителями Мачин, изобилует слонами, а ее царь содержит десять тысяч слонов, которых использует на войне. На спинах у слонов закрепляются башенки, откуда восемь или десять человек ведут бой дротиками, луками и тем, что мы называем баллистами»⁵⁴⁷. Название Мачин получило распространение в трудах средневековых мусульманских авторов применительно к Китаю, причем в качестве второй части парного персидского наименования Чин и Мачин (Син и Масин) применительно к Северному и Южному Китаю соответственно⁵⁴⁸. Рашид ад-Дин утверждал, что Мачин (Маха-Чин, «Большой Чин») – слово индийского происхождения: «Так как наша область близко расположена к Хинду и купцы ее чаще посещают, [то] в тех владениях эти области также называют по названию, принятому <...> у населения Хинда, Чин-у Мачин, однако первоначальное слово [было] Маха-Чин»⁵⁴⁹. В ряде европейских травелогов, в частности, сочинениях венецианца Иосафата Барбаро и тверича Афанасия Никитина, термины Чин и Мачин также обычно относятся к Китаю⁵⁵⁰. Авторы лондонского издания источников по истории Индии в XV в. утверждали, правда, не вдаваясь в детальную аргументацию, что Мачин, указанный Конти, – это, скорее всего, Сиам⁵⁵¹. На знаменитой карте мира венецианского монаха Фра Мауро от 1459 г. к области Мачин отнесены области современных Таиланда, Камбоджи, Бангладеш и даже Северо-Восточной Индии⁵⁵². Эта венецианская карта составлена во многом по данным Никколо Конти о Востоке⁵⁵³. Возможно, что Мачин Конти – это сиамская держава Аютия, находившаяся во время его путешествий по Азии на подъеме могущества, или же бирманское царство

⁵⁴⁷ Ibid. P. 132.

⁵⁴⁸ Бартольд В. В. Сочинения. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1968. – С. 87.

⁵⁴⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с персидского О. И. Смирновой, редакция проф. А.А. Семенова. – М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. – Т. I. Кн. 2. – С. 164.

⁵⁵⁰ Волков И. В. Сведения о Китае в сочинении венецианца Иосафата Барбаро / Общество и государство в Китае. Т. XLII, ч. 3. / Редколл.: А. И. Кобзев и др. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 86, прим. 13.

⁵⁵¹ The Travels of Nicolò Conti in the East in the early part of the Fifteenth Century // India in the Fifteenth Century, Being a Collection of Voyages to India / Ed. by R. H. Major. – L.: Hakluyt Society, 1857. – P. 11.

⁵⁵² Волков И. В. Указ. соч. С. 87, прим. 13.

⁵⁵³ Bouchon G. Op. cit. P. 36.

Ава, одноименная столица которого упоминалась Конти как «город, наиболее роднейший из всех»⁵⁵⁴. Но более вероятно, что Мацин – скорее общее название для буддийских государств Юго-Восточной Азии. Фра Мауро отождествлял вслед за путешественником античную Тапробану с Суматрой⁵⁵⁵, поэтому велика вероятность, что и Мацин на его карте – это именно Мацин Конти.

Некоторую дополнительную информацию о Мацине в рассказе Конти можно извлечь из описания мохнатых быков, помещенных автором именно в эту область. В верхней части области Мацин, ближе к границам Китая, согласно отчету Конти, водились белые и черные быки, из которых более всего ценились длинношерстные животные с хвостом, свисающим до копыт и напоминающим лошадиный, но более пушистым. «Тончайшая и легкая, как перья, шерсть их хвоста ценится на вес серебра, – сообщал путешественник, – из нее делают опахала для церемоний в честь богов и царей»⁵⁵⁶. Далее Конти отметил, что знатные воины особо ценили шерсть этих быков как богатое украшение для боевых коней, а также обрамляли этой шерстью наконечники копий в знак своего благородного происхождения⁵⁵⁷. Речь здесь, по всей видимости, шла о яках. Наблюдательный венецианский купец весьма точно охарактеризовал назначение изделий из хвостов этих быков в культовой практике и церемониале высшей власти индо-буддийского мира. Опахала из ячьего волоса как символы монаршей власти упомянуты в цейлонской «Махамамсе», они часто встречаются на барельефах Ангкора и Боробудура⁵⁵⁸. Яки – холодолюбивые животные, обитающие в Гималаях и горных районах Центральной Азии. Но Конти помещает их в Мацине, что усугубляет расплывчатость этого географического термина в его отчете. При этом путешественник мог спутать в своем рассказе основные места происхождения яков и государства, в которых шерсть яков особенно востребована. Поэтому, по всей видимости, следует отдать предпочтение определению термина Мацин в отчете путешественника как об-

⁵⁵⁴ *Bracciolini P.* Op. cit. P. 132.

⁵⁵⁵ *Suarez T.* Early Mapping of Southeast Asia: The Epic Story of Seafarers, Adventurers, and Cartographers Who First Mapped the Regions Between China and India. – Singapore: Periplus Editions (HK) Ltd., 1999. – P. 79.

⁵⁵⁶ *Bracciolini P.* Op. cit. P. 134.

⁵⁵⁷ *Ibid.*

⁵⁵⁸ *Quaritch Wales H. G.* Siamese State Ceremonies: their History and Function. – Richmond, Surrey: Curzon Press, 1992. – P. 100.

шего названия стран континентальной Юго-Восточной Азии или даже государств буддийского мира в целом, включая Тибет. А, следовательно, и Пегу, и Ава рассматривались Конти как часть региона Мацин.

Конти скрупулезно описал свой маршрут из Авы в Пегу. Поджо передал его рассказ о торговых путешествиях по государствам Мьянмы: «Из Авы он [Никколо Конти – Д. В.] отправился по направлению к морю и через семнадцать дней достиг устья небольшой реки, где находится порт под названием Ксеитона. И оттуда он за десять дней по реке добрался до многонаселенного города окружностью двенадцать миль, который жители зовут Панковией, и пробыл там четыре месяца. Только в этом месте можно найти лозы, но и здесь их очень мало, ведь в целой Индии нет ни лоз, ни вина. Из виноградных гроздей местные жители не делают вина. У них есть сосны, золотые яблоки, каштаны, дыни, правда, маленькие и зеленоватые, белый сандал и камфора. Она таится в дереве, и, если перед тем, как надрезать кору, они не совершат приношений своим богам, то камфора пропадет и больше не появится»⁵⁵⁹. После четырехмесячного пребывания в Пегу Конти отправился морем на юг – на Большую и Малую Явы⁵⁶⁰. Латинизированные названия в тексте Поджо порой затрудняют идентификацию посещенных Конти стран и городов, однако идентификация Панковии с Пегу сомнений у исследователей не вызывает⁵⁶¹. Ж. Бушон в обстоятельном предисловии к последнему французскому изданию отчета Никколо Конти считает, что речной порт Ксеитона в отчете Конти – это, скорее всего, Ситаун⁵⁶².

В описании Пегу у венецианского купца основное место занимают ценные товары растительного происхождения. Не исключено, что лоза, обнаруженная Никколо Конти в Пегу, – не виноградная, а бетелевая лоза. Свежие листья бетелевой лозы – основной ингредиент традиционной жвачки бетеля, наряду с орехом арековой пальмы. Бетель распространен по всему обширному региону Юго-Восточной Азии и многие века применяется в ритуальных и

⁵⁵⁹ *Bracciolini P.* Op. cit. P. 134–135.

⁵⁶⁰ *Ibid.* P. 135.

⁵⁶¹ См.: *Bouchon G.* Op. cit. P. 28; *Chaudhuri S.* India Recognita: The Travels of Nicolò de' Conti // Oriente e Occidente nel Rinascimento / ed. Luisa Secchi Tarugi. – Milan : Istituto Francesco Petrarca, 2009. – P. 252.

⁵⁶² *Bouchon G.* Op. cit. P. 28.

важных общественных делах, играя роль «социальной смазки»⁵⁶³. Будучи купцом, Никколо Конти вряд ли избежал употребления бетеля при участии в торговых операциях в разных пунктах Юго-Восточной Азии от Аракана до Чампы. Хотя Конти и не вдавался в подробности применения упомянутой им лозы, вполне возможно, что его замечание в этом же месте об отсутствии в Индии и Юго-Восточной Азии вина – указание на параллель между функциями вина и бетеля в пищевой культуре средиземноморской Европы и Юго-Восточной Азии соответственно.

Конти зафиксировал любопытное поверье жителей Пегу, связанное с местными религиозными практиками во время сбора камфоры. Других сведений религиозного характера конкретно о Пегу венецианец не приводил. Тем не менее, заслуживает внимания его характеристика религиозной жизни Мацина. «Все они, – утверждал Конти, – поклоняются идолам, однако, встав с ложа, они обращаются к Востоку и, сложив руки, молятся: “Бог тройственный и закон Его, храни нас”» (*Deus trinus et lex ejus eadem, nos tuere*)⁵⁶⁴. Почти наверняка, христианскую Троицу путешественнику напомнила буддийская формула «трех сокровищ»: Будды, дхармы и сангхи. Такая трактовка данного свидетельства Конти встречается в труде крупного британского востоковеда сэра Генри Юла (1820–1889). Юл утверждал: «Нет сомнения, что он [Конти – Д. В.] слышал о «трех драгоценных», триаде Будды, дхармы и сангхи»⁵⁶⁵. Эта интерпретация выглядит вполне убедительной, однако нуждается в разъяснении с точки зрения интеллектуального контекста средневекового Запада. По мнению авторитетнейшего богослова XIII в. Фомы Аквинского, до пришествия Христа обычным людям для спасения необходима была лишь неясная (*implicita*) вера в Троицу и в Искупителя⁵⁶⁶. Фома утверждал: «Тем не менее, вполне вероятно, что таинство нашего искупления было открыто многим язычникам до пришествия Христа, как это явствует из сивил-

⁵⁶³ *Raid A. Economic and Social Change, c. 1400–1800 // The Cambridge History of Southeast Asia Volume 1: From Early Times to c.1800 / Ed. by N. Tarling. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – P. 498.*

⁵⁶⁴ *Bracciolini P. Op. cit. P. 133.*

⁵⁶⁵ *Yule H.A. Narrative of the Mission Sent by the Governor-General of India to the Court of Ava in 1855, with Notices of the Country, Government, and People. – L. : Smith, Elder and co., 1858. – P. 208.*

⁵⁶⁶ *Черняк И. X. Сотериология Фомы Аквинского и ренессансные представления о спасении праведных язычников // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 5 / Под ред. Г. Е. Лебедевой. – СПб. : Алетейя, 2005. – С. 265.*

линых пророчеств»⁵⁶⁷. Этот аспект учения Фомы был мало востребован его современниками, однако в эпоху гуманизма и Ренессанса пристальное обращение к античному наследию придало особую важность вопросу о спасении язычников. Флорентийский гуманист-неоплатоник Марсилио Фичино (1433–1499) писал о мудрецах Греции и Рима: «Ибо что иное заключено в них, помимо поклонения единому Богу и предписаний нравственной жизни?»⁵⁶⁸. За преобразованием в тексте Поджо Браччолини трех сокровищ буддизма в Троицу, очевидно, стоит стремление и венецианского путешественника, и папского секретаря отыскать в верованиях язычников с рафинированной культурой идеи, хотя бы отдаленно напоминающие христианские и, следовательно, придающие этим верованиям интеллектуальную легитимность при включении сведений о них в гуманистический дискурс. Подобным же образом итальянские гуманисты XIV–XV вв. стремились примирить и совместить вновь открытое наследие античной культуры с христианством. Уже упоминалось, что Никколо Конти считал жителей Третьей Индии – Юго-Восточной Азии и Китая – равными по культуре, нравам и образу жизни европейцам и определенно им симпатизировал.

Несмотря на то, что Конти не проводил различий между индуизмом и буддизмом, считая и то, и другое идолопоклонством, его беглое замечание об утренней молитвенной формуле может быть рассмотрено как, во-первых, обозначение религиозной специфики всего огромного региона Индокитая, а, во-вторых, как стремление венецианца подчеркнуть сходство между реалиями Юго-Восточной Азии и христианского мира.

Рассказ о путешествии Иеронимо ди Санто Стефано, купца из Генуэзской республики, по Ближнему Востоку, Ирану, Индии и Юго-Восточной Азии сохранился в его письме партнеру Джованни Якопо Майнерио из сирийского Триполи от 1 сентября 1499 г.⁵⁶⁹. По словам К. Филлиппс, этот генуэзский путешественник «мало пользуется вниманием современных уче-

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ Цит. по: Черняк И. Х. Указ. соч. С. 266.

⁵⁶⁹ Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano, a Genovese, addressed to Messer Giovan Jacob Mainer // *India in the Fifteenth Century, Being a Collection of Voyages to India* / Ed. by R. H. Major. – L. : Hakluyt Society, 1857. – P. 10.

ных»⁵⁷⁰. Данные о Востоке, приведенные в послании генуэзца, оказались востребованы его современниками, в частности, португальцами, начавшими экспедиции в Индию. Впервые письмо ди Санто Стефано было напечатано уже в 1502 г. в Лиссабоне в сборнике вместе с переводами книги Марко Поло и отчета Никколо Венецианца (Конти)⁵⁷¹.

Ди Санто Стефано начинает письмо Майнерио с признания, что торговое путешествие обернулось для него многими злключениями⁵⁷². По форме это письмо – стандартное маршрутное описание торговых поездок, но его текст отличается экспрессивным стилем. Это может быть связано, помимо тяжести испытаний, с которыми столкнулся путешественник на чужбине, также со стремлением оправдаться перед партнером, который, возможно, понес убытки из-за неудач ди Санто Стефано.

После семи месяцев, проведенных на Коромандельском берегу, ди Санто Стефано и другой генуэзский купец Иеронимо Адорно едут в «великий город»⁵⁷³ Пегу – столицу одноименного монского государства, богатевшего на морской торговле. Как и Конти, генуэзец относил страны Юго-Восточной Азии к Индии. Ди Санто Стефано сообщал, что город Пегу расположен в Нижней Индии⁵⁷⁴, которая противопоставлена Верхней Индии, т. е. Индостану. Ди Санто Стефано писал о правителе Пегу: «Здесь живет великий государь, который имеет более десяти тысяч слонов и ежегодно получает приплод в пятьсот зверей»⁵⁷⁵. Купец отметил, что целью его и Адорно был город Ава, расположенный в пятнадцати днях пути от Пегу, в котором генуэзцы собирались купить рубины и другие драгоценные камни. «Однако, – сообщал ди Санто Стефано, – тогда между двумя принцами была война, и никому не было дозволено ехать из одного места в другое. Поэтому мы вынуждены были продать в означенном городе Пегу наши товары, которые были такого рода, что купить их мог только повелитель города. Он идолопоклонник, как и упомина-

⁵⁷⁰ *Phillips K.M.* Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245-1510. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. – P. 44.

⁵⁷¹ *Rogers F.* The Quest for Eastern Christians: Travels and Rumor in the Age of Discovery. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962. – P. 188.

⁵⁷² Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano. P. 3.

⁵⁷³ Ibid. P. 6.

⁵⁷⁴ Ibid.

⁵⁷⁵ Ibid.

тые ранее»⁵⁷⁶. Подобно Никколо Конти, ди Санто Стефано не проводил грани между индуизмом и буддизмом.

Упоминание генуэзцем числа «десять тысяч слонов» не следует понимать буквально или же воспринимать как обыкновенное преувеличение со стороны путешественника. «Десять тысяч слонов» – это классический бестиарный код воинской силы и могущества, утвердившийся в индо-буддийском мире. Еще в «Махабхарате» богатырь Бхима (Бхимасена) предстает «сильным, как десять тысяч слонов»⁵⁷⁷. В Юго-Восточной Азии подобные количественно-зоологические эпитеты встречались в титулатуре монархов. В частности, лаосское государство Лансанг официально именовалось «Королевством миллиона слонов и белого зонтика»⁵⁷⁸. Уже указывалось, что Никколо Конти сообщал о десяти тысячах боевых слонов, принадлежавших повелителю Мацина. И Конти, и ди Санто Стефано, описывая в отчетах реалии Юго-Восточной Азии, задействовали местные бестиарные образы могущества.

Полную сумму за товары, оцененные генуэзцами в две тысячи дукатов, царь выплатил лишь через полтора года, и все это время купцы проживали у него во дворце. Бинья Ран II, царствовавший тогда в Пегу, покровительствовал купцам, а в 1505 г. радушно принял в своем дворце еще одного итальянца – авантюриста и путешественника из Болоньи Лодовико да Вартему⁵⁷⁹. Последний особенно восторженно писал об этом правителе: «Он так человечен и прост в общении, что даже ребенок может с ним беседовать, а носит он на себе больше рубинов, чем стоит громадный город, ими украшен каждый палец его ног»⁵⁸⁰. За десять лет до этого визита Вартемы условия жизни в доме монарха показались генуэзцам слишком суровыми, ди Санто Стефано и Адорно страдали там от перепадов холода и жары⁵⁸¹. О том, что климат приморского государства Пегу холоднее, чем у соседей, и скорее напоминает европейский с че-

⁵⁷⁶ Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano. P. 6.

⁵⁷⁷ Махабхарата, III. 175. 11–21. По изданию: Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) / Перевод с санскрита, предисловие и комментарий Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. – М.: Наука, 1987.

⁵⁷⁸ Fox-Stuart M. Historical Dictionary of Laos. – Lanham: The Scarecrow Press, 2008. – P. 96.

⁵⁷⁹ Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия в XIII–XVI веках. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. – С. 129.

⁵⁸⁰ Varthema L. de. The Travels of Ludovico di Varthema in Egypt, Syria, Arabia Deserta and Arabia Felix, in Persia, India and Ethiopia, A. D. 1503 to 1508. – L.: Hakluyt Society, 1863. – P. 219–220.

⁵⁸¹ Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano. P. 6.

тырмя временами года, не без удивления сообщал да Вартема⁵⁸². Иеронимо Адорно, человек слабый от природы, тяжело заболел и «после пятидесяти пяти дней страданий, за время которых с ним не было ни врача, ни лекарств, отдал душу Господу нашему... двадцать седьмого декабря в день Святого Иоанна года 1496»⁵⁸³. Эта дата позволяет довольно точно реконструировать хронологию всего путешествия. Ди Санто Стефано горячо оплакивал друга и компаньона: «Хотя таинства церкви не могли совершиться над ним, поскольку среди нас не было священника, его терпение и раскаяние были столь глубоки, что я уверен, судя по его праведной жизни, что Господь наш примет душу его в рай, и за это я все время молился и молюсь». Ди Санто Стефано похоронил друга в «разрушенной церкви, в которую никто не ходил»⁵⁸⁴. Генуэзец сообщил, что в Каликуте насчитывалась тысяча христианских домов⁵⁸⁵, но не оставил никаких свидетельств о христианах, живших в Пегу в его время, кроме упомянутой заброшенной церкви. Между тем, да Вартема писал, что на службе у пегуанского короля состояло более тысячи христиан⁵⁸⁶. По-видимому, речь шла об индийских христианах несторианского толка. Про индийских несториан Никколо Конти сообщал, что они «рассеяны по всей Индии, как евреи среди нас»⁵⁸⁷.

Примечателен дальнейший маршрут генуэзца. Ди Санто Стефано далее отправился в Малакку, но из-за бури корабль остановился у берегов Суматры. Ди Санто Стефано сообщил о местном монархе: «Вождь – мавр, но говорит на ином языке»⁵⁸⁸. Правитель – вероятнее всего, султан Самудры-Пасея⁵⁸⁹ на севере Суматры, – приказал конфисковать товары ди Санто Стефано на основании того, что его компаньон Адорно умер, не оставив наследника⁵⁹⁰. Но благодаря расположению кади, немного говорившего по-итальянски, из окружения правителя, генуэзцу удалось вернуть часть имущества⁵⁹¹.

⁵⁸² Varthema L. de. Op. cit. P. 216.

⁵⁸³ Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano. P. 6.

⁵⁸⁴ Ibid.

⁵⁸⁵ Ibid. P. 5.

⁵⁸⁶ Varthema L. de. Op. cit. P. 217.

⁵⁸⁷ Bracciolini P. Op. cit. P. 129.

⁵⁸⁸ Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano. P. 7.

⁵⁸⁹ Автор благодарит за консультацию д. и. н., профессора Владимира Александровича Тюрина.

⁵⁹⁰ Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano. P. 7.

⁵⁹¹ Ibid. P. 8.

Страх смерти на чужбине преследовал генуэзского купца, особенно после смерти его друга и спутника в Пегу, но он все же находил посреди невзгод утешение в вере. «Можно видеть, что позднее Средневековье, – замечал Йохан Хёйзинга, – не могло воспринимать смерть ни в каком ином аспекте, кроме как в аспекте бренности всего земного»⁵⁹². Письмо ди Санто Стефано пронизано ощущением непостоянства мира, всесия судьбы. Образы этого всесия в письме – бурное море и руины храмов. Могущественные правители Пегу и Суматры, перед которыми чужеземец бесправен, представлены генуэзцем, прежде всего, как олицетворения рока. Характерно, что такие образы непознанного, как народы-монстры или баснословные звери, у ди Санто Стефано не встречаются. Страна Пегу для генуэзского путешественника – одновременно область богатств и опасностей, область на краю мира и мир крайностей.

Пегу в обоих источниках предстал богатым государством, стоящим на пути транзитной торговли по суше и морю. Венецианский и генуэзский путешественники добрались до столицы Пегу и вышли из нее разными маршрутами. В религиозном плане оба автора считали жителей Пегу, как и индийцев, идолопоклонниками и разницы между буддизмом и индуизмом не выявляли. Никколо Конти, в отличие от генуэзца, подробно остановился на товарах Пегу. Напротив, о правителе Пегу сообщил только ди Санто Стефано. По-видимому, ди Санто Стефано застал монскую державу в период большего могущества, нежели во времена путешествия Никколо Конти. Специфику Пегу на фоне других стран «Индий» купцы-ориенталисты демонстрировали в основном через образы природы – растения, климат и животных. В целом, эти отчеты способствовали значительному расширению ментальной карты европейцев, в которой образы государств и народов Востока приобретали все более правдоподобные черты.

Список источников

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с персидского О. И. Смирновой, редакция проф. А. А. Семенова. – М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. – Т. I. Кн. 2. – 317 с.

Тафур П. Странствия и путешествия // Пер., пред. и комм. Л. К. Масиеля Санчеса. –

⁵⁹² Хёйзинга Й. Осень Средневековья / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатели Д. Э. Харитоновича. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. – С. 234.

М.: Индрик, 2006. – С. 95–111.

Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano, a Genovese, addressed to Messer Giovan Jacob Mainer // *India in the Fifteenth Century, Being a Collection of Voyages to India* / Ed. by R. H. Major. – L., 1857. – P. 1–10.

Bracciolini P. *Historiae de varietate fortunae libri quatuor.* – Paris.: Antoni Urbani Couterlier, 1723. – 294 p.

The Travels of Nicolò Conti in the East in the early part of the Fifteenth Century // *India in the Fifteenth Century, Being a Collection of Voyages to India* / Ed. by R. H. Major. – L.: Hakluyt Society, 1857. – P. 1–39.

Varthema L. de. *The Travels of Ludovico di Varthema in Egypt, Syria, Arabia Deserta and Arabia Felix, in Persia, India and Ethiopia, A. D. 1503 to 1508.* – L.: Hakluyt Society, 1863. – 496 p.

Список литературы

Бартольд В. В. Сочинения. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1968. – 759 с.

Берзин Э. О. Юго-Восточная Азия в XIII–XVI веках. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. – 387 с.

Волков И. В. Сведения о Китае в сочинении венецианца Иосафата Барбаро / Общество и государство в Китае. Т. XLII, ч. 3. / Редколл.: А. И. Кобзев и др. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 78–88.

Хёйзинга Й. Осень Средневековья / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатели Д. Э. Харитоновича. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. – 768 с.

Черняк И. X. Сотериология Фомы Аквинского и ренессансные представления о спасении праведных язычников // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 5 / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб.: Алетея, 2005. – С. 262–267.

Bouchon G. Préface // *Le voyage aux Indes de Nicolò de Conti (1414–1439)* / Ed. par A.–L. Amilhat-Szary. – Paris: Chandeigne, 2004. – P. 7–40.

Chaudhuri S. *India Recognita: The Travels of Nicolò de' Conti // Oriente e Occidente nel Rinascimento* / ed. Luisa Secchi Tarugi. – Milan: Istituto Francesco Petrarca, 2009. – P. 236–278.

Fox-Stuart M. *Historical Dictionary of Laos.* – Lanham: The Scarecrow Press, 2008. – 552 p.

Phillips K. M. *Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245–1510.* – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. – 328 p.

Quaritch Wales H. G. *Siamese State Ceremonies: their History and Function.* – Richmond, Surrey: Curzon Press, 1992. – 360 p.

Raid A. Economic and Social Change, c. 1400–1800 // The Cambridge History of Southeast Asia Volume 1: From Early Times to c.1800 / Ed. by N. Tarling. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 460–507.

Rogers F. The Quest for Eastern Christians: Travels and Rumor in the Age of Discovery. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962. – 221 p.

Suarez T. Early Mapping of Southeast Asia: The Epic Story of Seafarers, Adventurers, and Cartographers Who First Mapped the Regions Between China and India. – Singapore: Periplus Editions (HK) Ltd., 1999. – 280 p.

Yule H. A Narrative of the Mission Sent by the Governor-General of India to the Court of Ava in 1855, with Notices of the Country, Government, and People. – L.: Smith, Elder and co., 1858. – 391 p.

V. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: ПОДХОДЫ В РОССИИ, НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ

О. Е. Митрофаненкова

Афганский наркобизнес в работах отечественных и зарубежных исследователей

Ключевые слова: афганский наркобизнес, Афганистан, теракты 11 сентября, нарко-трафик, безопасность

Торговля наркотическими растениями и их производными оформилась в нелегальный бизнес планетарного масштаба во второй половине XX века. С тех пор наркобизнес является угрозой не только для региональной безопасности, но и для глобальной. По данным ООН, существует несколько мировых центров наркобизнеса. Это так называемый кокаиновый пояс в Латинской Америке, охватывающий Колумбию, Боливию, Перу и Венесуэлу; «золотой треугольник» в Юго-Восточной Азии, образуемый смежными территориями на севере Мьянмы, Таиланда и Лаоса; и «золотой полумесяц», в который входят Афганистан и примыкающая к нему «зона племён – Северо-Западная пограничная провинция Пакистана, также сюда включают и Иран.

«Золотой полумесяц» сложился позднее «кокаинового пояса» и «золотого треугольника». Однако наркобизнес в нем рос столь быстрыми темпами, что к настоящему времени этот центр доминирует в производстве и распространении наркотиков в Старом свете. Неудивительно, что накопилась уже довольно обширная историография, ему посвященная. Еще шире круг работ, в которых тема наркобизнеса, не будучи для авторов центральной, затрагивается ими в том или ином контексте; либо эти работы позволяют читателю самостоятельно проследить связь между проблемами, исследуемыми их авторами, и наркобизнеса.

При написании настоящего обзора привлекались некоторые из работ обоих видов – и те, в которых непосредственно исследуется проблема наркобизнеса в

«золотом полумесяце», и те, что, затрагивая ее попутно, помогают лучше в ней разобраться. Что касается конкретных включенных в обзор работ, то их выбор объясняется просто: в них наиболее четко выражены основные направления в историографии вопроса. Конкретно в обзоре использованы книги и статьи, подготовленные сотрудниками Института востоковедения РАН В.Г. Коргуном⁵⁹³, М.Р. Аруновой⁵⁹⁴, Р.Р. Сикоевым⁵⁹⁵ и В.Я. Белокриницким⁵⁹⁶, специалистами из ИМЭМО РАН Е.А. Степановой⁵⁹⁷ и И.Я. Кобринской⁵⁹⁸ и директором российской ФСКН В.П. Ивановым⁵⁹⁹. Наряду с ними рассматриваются и цитируются работы профессора Дипломатической академии МИД РФ А.П. Барышева⁶⁰⁰, директора программ Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова Н.В. Бурлиновой⁶⁰¹, политолога из Кыргызстана А.А. Князева⁶⁰², директора Аналитического центра МГИМО А.А. Казанцева⁶⁰³, заместителя директора Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянина⁶⁰⁴, эксперта Центра изучения современного Афганистана Н.А. Мендковича⁶⁰⁵, президента фонда «Взаимодействие цивилизаций» Р.Я. Эмануилова и политолога А.Э. Яшлавского⁶⁰⁶, а также подготовленный под руководством проректора МГИМО А.Д. Богатурова сборник материалов по

⁵⁹³ Коргун В.Г. История Афганистана XX в. Эфир от 21.05.2011 г. 17:12. – М.: Крафт+, ИВ РАН, 2004.

⁵⁹⁴ Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945 – 1999 гг. – М.: ИИИИВБ, 2000; *Она же*. К вопросу о проблеме полевых командиров в Афганистане // Ближний Восток и современность. – Сб. М., 2003, № 17. – С. 17.

⁵⁹⁵ Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет. – М.: Крафт+, ИВ РАН, 2004.

⁵⁹⁶ Белокриницкий В.Я. Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2012.

⁵⁹⁷ Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. – М.: Весь мир, 2005.

⁵⁹⁸ Кобринская И.Я. Вызовы безопасности в Центральной Азии / отв. ред. И. Я. Кобринская. – М.: ИМЭМО РАН, 2013.

⁵⁹⁹ Ivanov V. *Afghan drug trap*. – Moscow: CVG, 2010.

⁶⁰⁰ Барышев А.П. Современная стратегия США и НАТО. – М.: ОГИ, 2011.

⁶⁰¹ Бурлинова Н. Война в Афганистане (2001 – 2011 гг.): обзор и перспективы // Портал «Перспективы». URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/vojna_v_afganistane_2001_2011_gg_obzor_i_perspektivy_2011-07-01.htm (дата обращения: 18.04.2014).

⁶⁰² Князев А.А. Роль ШОС и ОДКБ в решении афганской ситуации может быть весьма значительной // Информационный портал Фергана. URL: <http://www.fergananews.com/articles/5398> (дата обращения: 18.04.2014).

⁶⁰³ Казанцев А.А. Сценарии и тенденции эволюции ситуации в центральноазиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после 2014 года / Аналитические доклады ИМИ МГИМО (У) МИД России. – М., 2013.

⁶⁰⁴ Лузянин С.Г. Центральная Азия: измерения безопасности и сотрудничества // Портал «Перспективы». URL: http://www.perspektivy.org/oykumena/politika/centralnaja_azija_izmerenija_bezопасnosti_i_sotrudnichestva_2012-02-06.htm (дата обращения: 18.04.2014).

⁶⁰⁵ Мендкович Н.А. Политика России в Афганистане в 2001–2011 гг. // Портал «Перспективы». URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/politika_rossii_v_afganistane_v_20012011_gg_2012-02-17.htm (дата обращения: 18.04.2014).

⁶⁰⁶ Эмануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Террор во имя веры: религия и политическое насилие. – М.: Мосты культуры, 2011.

международным отношениям в Центральной Азии⁶⁰⁷. Из зарубежных авторов в обзоре представлены пакистанский журналист Ахмед Рашид с его книгой о Талибанах, переведенной более чем на 20 языков⁶⁰⁸, английский ученый и журналист Питер Марсден⁶⁰⁹, известный критик политик США Питер Дейл Скотт⁶¹⁰, эксперт по региональной безопасности и геополитике Хуман Пеимани⁶¹¹ и английский историк, политолог и журналист Анатолий Ливен⁶¹².

Практически все ученые, пишущие о наркобизнесе в «золотом треугольнике», согласны по двум вопросам. Они согласны в том, что основное производство сосредоточено в Афганистане и убеждены в неразрывной связи между длящимся уже почти четыре десятилетия социально-политическим кризисом в Афганистане и развитием наркобизнеса в этой стране. Соответственно, периодизация наркобизнеса, его генезис и динамика производства, опыт борьбы с ним и ее перспективы – все это привязывается к истории, этапам и перспективам урегулирования афганской проблемы в целом.

I

В своей работе «Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма» Степанова убедительно доказывает взаимосвязь наркобизнеса и вооруженного конфликта в Афганистане и на этой основе выделяет три ключевых этапа в развитие наркобизнеса. К первому этапу она относит период, длившийся от начала гражданской войны в Афганистане в конце 1970-х гг. до середины 1990-х. Таким образом, в этот этап она включает и период советского военного присутствия в Афганистане (1979 – 1989 гг.), и последующий вывод советских войск, и новый этап гражданской войны, который она называет «моджахедским» периодом, продлившимся вплоть до середины 1990-х гг., и

⁶⁰⁷ Международные отношения в Центральной Азии: события и документы [А. Д. Богатуров и др.] / Под ред. А. Д. Богатурова. – М. : Аспект Пресс, 2011.

⁶⁰⁸ Рашид. Ахмед. Талибан: Ислам, нефть и новая большая игра в Центральной Азии. Пер. с англ.: М. В. Поваляев. – М. : Библион-Рус, 2003.

⁶⁰⁹ Марсден П. Талибан. Война и религия в Афганистане. Пер. с англ.: Е. Егорова, Е. Клинова. – М. : Городец-издат, 2002.

⁶¹⁰ Скотт П. Д. Наркотики, нефть и война. США в Афганистане, Колумбии и Индокитае. Пер. с англ.: А. Яковлева. – М. : Кучково поле, 2012.

⁶¹¹ Peimani, Hooman Falling terrorism and rising conflicts. – Westport and London: Praeger, 2003.

⁶¹² Lieven, Anatol. Envoys to Nowhere // The National Interest Online, January 27, 2009. URL: <http://nationalinterest.org/article/envoys-to-nowhere-2987> (access date: 07.02.2015).

появление движения Талибан. Второй этап – это время правления Талибана (с середины 1990-х до 2001 года), а третий – постталибский, с 2001 года до наших дней⁶¹³.

От этапа к этапу шло увеличение производства наркотиков. Еще в 1980-е гг. ведущим их мировым производителем опиатов была, да и в соседнем Пакистане их производилось больше, чем в Афганистане. Но в 1990-е гг., с приходом к власти Талибов, объемы наркотиков, производимых в Афганистане, превысили объемы производства не только в Пакистане, но и в Мьянме.

Одним из ключевых вопросов, связанных с наркобизнесом в Афганистане является вопрос о времени его становления. Как уже отмечалось, из трех мировых центров наркобизнеса, афганский возник последним. Формирование «золотого треугольника» и «кокаинового пояса» произошло раньше. Скотт пишет о том, что в первом наркобизнес утверждается в 1960-е гг.⁶¹⁴, так же считает и Степанова⁶¹⁵. Латиноамериканский центр наркобизнеса формируется несколько позже: по мнению Степановой в 1970–1980 гг.⁶¹⁶, по мнению Скотта – в 1980-е⁶¹⁷.

По мнению Коргуна, уже с конца 1970-х гг. многие афганские антиправительственные группы стали использовать вывоз опийного мака в качестве способа добычи денег для покупки оружия. Активно центр наркобизнеса в Афганистане формируется в 1980-е гг., в период военного присутствия СССР. Однако поначалу объемы производимых в Афганистане наркотиков были намного меньше, чем в Бирме. Только в следующем десятилетии, при Талибанах, Афганистан стал производить наркотиков больше, чем «золотой треугольник»⁶¹⁸.

Сходной точки зрения придерживается и Ахмед Рашид. Он пишет о том, в 1980-е гг. моджахеды использовали наркотики для финансирования своих военных операций, но при этом отмечает, что в то время в самом Афганистане

⁶¹³ Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. С. 36.

⁶¹⁴ Скотт П.Д. Наркотики, нефть и война. С. 53.

⁶¹⁵ Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. С. 163.

⁶¹⁶ Там же. С. 95.

⁶¹⁷ Скотт П.Д. Наркотики, нефть и война С. 101.

⁶¹⁸ Международные отношения в Центральной Азии: События и документы/ под ред. А.Д. Богатурова. С. 253.

широкого производства наркотиков еще не было, всплеск их производства произошел тогда в Пакистане. Согласно приводимой им статистике, в 1980 г. объем производства героина в Пакистане достиг 800 метрических тонн в год, что составляло 70% его мирового производства. После вывода советских войск из Афганистана западные государства выделили более 100 млн долл. на борьбу с наркобизнесом в Пакистане. Борьба оказалась успешной: в 1997 г. в Пакистане было произведено лишь 24 т героина, а в 1999 – всего 2 т. Центр наркопроизводства переместился в Афганистан, а Пакистан стал зоной наркотрафика⁶¹⁹.

Несколько иная точка зрения у Степановой. Она тоже отмечает, что производство опия в Афганистане росло постепенно, а его быстрое расширение совпадает с началом сопротивления правительству Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), пришедшей к власти в результате апрельской революции 1978 года⁶²⁰. Окончательное оформление двойной экономики в Афганистане пришлось на период правления НДПА и советского присутствия в стране. Тогда ускорилось формирование «городской экономики», ориентированной на СССР и помощь от него, а в неконтролируемых или плохо контролируемых Кабулом районах Афганистана, вдоль транспортных путей, ведущих в Пакистан и Иран, стала развиваться транзитная экономика, интегрированная в теневую экономику, ведущим сегментом которой был наркобизнес⁶²¹.

При всех различиях в нюансах, три автора совпадают в том пункте, что наркобизнес в Афганистане начинает формироваться в 1980-е гг., во время военного присутствия СССР. Он зарождается в среде афганских антиправительственных групп, использующих его для финансирования своей деятельности.

II

Развитие наркобизнеса в Афганистане заметно ускорилось с появлением движения Талибан. Именно при талибах наркобизнес достигает своего пика в

⁶¹⁹ Рашид, А. Талибан. Ислам, нефть и Новая Большая игра в Центральной Азии. С. 166–167.

⁶²⁰ Степанова Е. А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. С. 39.

⁶²¹ Там же. С. 42.

XX в. Как отмечает Сикоев, перед приходом талибов страна имела вид типичного средневекового европейского государства, где удельные князья ведут друг с другом войны за территории и облагают провозимые через их территорию товары налогом. Государство было на грани распада. Талибан на время смог остановить процесс распада и объединить 90 % страны под своей властью. Ахмед Рашид тоже пишет о том, что страна была разделена на вотчины полевых командиров, правительство могло контролировать лишь Кабул, его окрестности и Северо-восток страны. Три западные провинции с центром в Герате контролировал Ислам Хан, небольшой район к юго-востоку от Кабула – Гульбедин Хекматияр, пуштунские провинции на востоке – моджахеды, на севере шесть провинций подчинялись Рашиду Дустуму, в центральном Афганистане хазарейцы контролировали Бамиан, а Южный Афганистан и Кандагар делили между собой мелкие полевые командиры из бывших моджахедов и генералов банд⁶²². Талибы в значительной мере покончили с этим разделом страны. Взяв Кандагар, они заявили, что положат конец наркобизнесу, однако вскоре поняли, что нуждаются в доходах от мака и что крестьяне будут выражать недовольство, если запретить его выращивание. Вместо запрета они стали собирать закят со всех торговцев опиумом⁶²³.

По статистическим данным, приводимым Ахмедом Рашидом, в 1992 – 1995 гг. Афганистан производил от 2 200 до 2 400 метрических тонн опиума в год, оспаривая первое место у Бирмы. При этом по данным ЮНДКП (программа ООН по контролю над наркотиками), крестьяне получали менее 1% прибыли от торговли опиумом, ещё 2,5% оставалось у торговцев в Афганистане и Пакистане, 5% тратилось на транспортировку внутри этих стран, остальная прибыль доставалась дилерам и распространителям в Европе и США. Талибан с налогов от выращивания мака получал 20 млн долл. в год⁶²⁴.

Ахмед Рашид подчеркивает, что Талибан не просто расширил ареал выращивания опийного мака. Завоевания талибов укрепили торговлю наркотиками и расширили ее дорожную сеть. Одни караваны шли на юг через пустыни

⁶²² Рашид, Ахмед. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая Игра в Центральной Азии. С. 39–41.

⁶²³ Там же. С. 165.

⁶²⁴ Там же. С. 166.

Белуджистана к портам Макранского побережья в Пакистане, другие – на запад в Иран, огибая Тегеран и достигая Восточной Турции. Третьи двигались на северо-запад, в Герат и Туркменистан. В 1997 г. наркоторговцы стали доставлять опиум из Кандагара и Джелалабада самолетами в Шарджу и Абу-Даби⁶²⁵.

Вместе с тем, военные успехи талибов и их опора на «экономику наркотиков» не гарантировали устойчивости их режиму. Приведем в этой связи нами разделяемую точку зрения Эммануилова и Яшлавского⁶²⁶:

«Даже контролируя до 90% территории Афганистана, «Талибан» не сумел стабилизировать обстановку в стране и создать эффективное правительство. Широкие связи талибов с Пакистаном (особенно с пакистанскими спецслужбами), с зарубежными экстремистами и международными террористами, объявленными в розыск (такими, как Усама бен Ладен), неслыханные нарушения прав человека привели к международной изоляции движения. Мировое сообщество не признало талибов законными представителями афганского народа. Талибский «эмират» получил признание лишь от трех стран (Пакистана, Саудовской Аравии и ОАЭ)».

III

События, произошедшие после терактов 11 сентября, оказали большое влияние и на политическую обстановку в Афганистане, и на наркобизнес. Президент Дж. Буш объявил, что его страна вступает в войну с международным терроризмом. Её целью провозглашалось уничтожение феномена международного терроризма как такового, ликвидация его лидеров, лишение их финансовой поддержки⁶²⁷. Это послужило легитимным основанием США и их союзникам по НАТО для военного присутствия в регионе⁶²⁸. Они начали боевую операцию против талибов. Как отмечает Белокреницкий, эта операция была непродолжи-

⁶²⁵ Там же.

⁶²⁶ Эммануилов Р. Я., Яшлавский А. Э. Террор во имя веры. С. 250.

⁶²⁷ Белокреницкий В. Я. Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. С. 135.

⁶²⁸ Международные отношения в Центральной Азии... С. 318.

тельной. Режим талибов был свергнут в начале декабря 2001 года. Порядка 25–30 тыс. боевиков и их главари нашли убежище в афгано-пакистанском приграничье, где создали новые базы и лагеря⁶²⁹. В Кабуле после свержения талибов была установлена под эгидой США новая власть во главе с Хамидом Карзаем, главой переходного Временного правительства. Однако положение Карзая, в июне 2002 года избранного президентом страны сроком на два года и переизбранного в 2004 г., оставляло желать лучшего. По оценке Барышева, в пуштунской среде его авторитет стремительно падал. В стране процветала коррупция, гуманитарная помощь разворовывалась, хозяйственная разруха усугублялась огромным количеством беженцев и высоким уровнем безработицы. С трудом созданные отряды правительственных войск терпели поражение в схватках с противниками и служили предметом насмешек американского командования⁶³⁰. По совокупности суждений и оценок Барышева можно сделать вывод, что он считает установившееся в Афганистане правительство под руководством Карзая марионеточным, проводящим политику, выгодную прежде всего для США.

Как падение режима талибов и интервенция Запада повлияли на наркобизнес? Степанова полагает, что в конце своего правления талибы сумели обеспечить соблюдение введенного ими запрета на производство опиума. Но после свержения режима талибов ситуация с наркобизнесом резко ухудшилась. Крестьяне, не желавшие мириться с утратой одного из основных источников их дохода, с прекращением жесткого контроля Талибана быстро восстановили производство мака. Более того, обозначились тенденции к выделению под маковые посевы лучших орошаемых земель и к их распространению в новых районах, где раньше мак не выращивали. С прекращением военных действий роль производства и незаконного оборота наркотиков в финансировании «экономики войны» снизилась, зато возросла их роль как сегментов региональной теневой экономики и способов адаптации крестьян к условиям разрушенной страны⁶³¹.

Коргун, в отличие от Степановой, считает, что пауза в производстве наркотиков была вызвана скорее началом антитеррористической операции, чем дей-

⁶²⁹ Там же. С. 316.

⁶³⁰ Барышев А. П. Современная стратегия США и НАТО. С. 62.

⁶³¹ Степанова Е. А. Роль наркобизнеса в политической экономике конфликтов... С. 76–80.

ствиями талибов⁶³². В 2001 г., сразу после разгрома талибов производство наркотиков резко упало. Временное правительство объявило борьбу с наркотиками одним из приоритетных направлений своей деятельности. В январе 2002 г. его глава подписал указ, запрещающий культивировать опийный мак, в феврале было создано Национальное агентство по борьбе с наркотиками, а в апреле издан декрет о денежной компенсации крестьянам, уничтожавшим посевы мака. Также Кабул объявил о начале кампании по ликвидации опийных плантаций⁶³³. Но она оказалась неэффективной, поскольку страна снова распалась на отдельные части и полевые командиры опять начали борьбу за власть. Параллельно, в ответ на американские военные акции, примерно с середины 2002 года идет формирование качественно нового, по оценке Князева, движения сопротивления иностранному военному присутствию – с участием бывших талибов, сторонников Гульбетдина Хекматиара и представителей оппозиционных пуштунских племен⁶³⁴. Все это, с одной стороны, сужает зону реального контроля кабульского правительства, с другой, остро ставит вопрос об источниках финансирования как междоусобной борьбы, так и анти-натовской. А самый надежный и легкодоступный такой источник – наркоторговля.

По мнению Хумана Пеимани, пост-талибановская эра создала благоприятные условия для расцвета наркобизнеса. Основой для подобного развития событий послужил целый ряд факторов, в первую очередь острые этнические противоречия и отсутствие нормальной экономики и сильной центральной власти. Также он отмечает, что политика выплат крестьянам субсидий за уничтожение посевов мака не могла быть выполнена в полном объеме. Причины: нехватка финансовых ресурсов из-за того, что международное сообщество неохотно оказывало помощь Афганистану; доходы от выращивания опийного мака более стабильны, чем при производстве других культур⁶³⁵.

Мнения, что после интервенции США объемы производства наркотиков в Афганистане превысили достигнутые при талибах, придерживается и Бары-

⁶³² Корзун В. Г. История Афганистана... С. 473.

⁶³³ Там же.

⁶³⁴ Князев А. А. Князев А. А. Роль ШОС и ОДКБ в решении афганской ситуации может быть весьма значительной. URL: <http://www.fergananews.com/articles/5398>

⁶³⁵ Peimani, *Hooman* Falling terrorism and rising conflicts. P. 51.

шев. Отметив, что в последние годы режима талибов в Афганистане, в соответствии с указами и декретами лидера Талибана муллы Омара довольно эффективно велась борьба с выращиванием опийного мака и производством наркотиков⁶³⁶ (в этом вопросе его мнение совпадает с мнением Степановой), он затем утверждает, что в последующие годы производство наркотиков увеличилось в тысячу раз по сравнению с режимом талибов. В связи с этим следует заметить, что объемы производства наркотиков действительно увеличились значительно, но все же не в тысячу раз. Согласно статистике ЮНДКП, максимальный объем наркопроизводства при Талибанах был достигнут в 1999 г.: 4 600 т. По данным же отчета ЮНДКП за 2003 год, объем наркопроизводства в Афганистане поднялся к этому времени до 7 000 т⁶³⁷, т.е. менее чем в два раза. В дальнейшем рост продолжался и был быстрым, но все-таки не таким, как считает Барышев. По данным ФСКН, производство героина в Афганистане за период присутствия там США и НАТО увеличилось в 44 раза⁶³⁸. В 2009 г. было изготовлено в два раза больше наркотиков, чем 10 лет назад производилось всем миром. На Афганистан приходится до 95% мирового производства героина. На территории страны действуют 180 наркокартелей, в том числе международных, стоимость наркотрафика из страны достигает 3 млрд долл. в год⁶³⁹.

Как видим, все авторы едины в том, что военная интервенция США привела к существенному увеличению объемов производства наркотиков в Афганистане. Однако приводимые ими цифры этого увеличения заметно разнятся. Это может быть объяснено тем, что точные данные об объемах производства наркотиков труднодоступны и колеблются в зависимости от источника.

IV

Летом 2011 года начался вывод войск США и НАТО из Афганистана, к концу 2014 года должна была завершиться передача ответственности за ситуа-

⁶³⁶ Барышев А. П. Современная стратегия США и НАТО. С. 62.

⁶³⁷ Доклад международного комитета по контролю за наркотиками 1999 – 2003 гг. [Вена]: Издание Организации Объединенных Наций, 2004. С. 15.

⁶³⁸ Ivanov V. The Afghan drug trap. P. 24.

⁶³⁹ Афганистан. Коллекция фактов // Портал Перспективы. URL: http://www.perspectivi.ru/oykumena/vostok/af-ganistan_kollekciya_faktov_2009-3-13-31-32.htm (дата обращения: 18.04.2014).

цию в стране афганским силам безопасности. По оценке Бурлиновой, обстановка в Афганистане остается напряженной. Она объясняет это межэтническими проблемами, размахом коррупции и наркобизнеса, сросшегося с чиновничьим аппаратом на высшем уровне, а, кроме того, ростом количества наркозависимых внутри страны. Все эти процессы происходят на фоне малой эффективности международных и региональных структур, в том числе и ООН⁶⁴⁰.

В такой ситуации актуальным становится прогнозирование событий в Афганистане. Кобринская приводит прогноз Аликбера Аликберова, руководителя Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН: существует вероятность, что после вывода войск США и их союзников из Афганистана там образуется очаг радикального ислама, полигон для подготовки террористических сил, которые будут использоваться в других регионах мира⁶⁴¹. По мнению Казанцева, вывод войск Международных сил содействия безопасности из Афганистана – пусть даже и с сохранением ряда военных баз США – вызывает повышенную озабоченность проблемами безопасности соседних с Афганистаном государств Центральной Азии, которые входят в ОДКБ. Казанцев видит четыре возможных сценария развития событий. Согласно первому, государства Центральной Азии успешно осуществляют взаимодействие в борьбе с новыми угрозами безопасности, а США и НАТО поддерживают с ними диалог в рамках перебазирования «Доктрины Обамы»⁶⁴². По второму сценарию на существующие линии соперничества Россия – США накладывается соперничество между США и Китаем. Одновременно будут распространяться религиозный экстремизм, наркобизнес и неконтролируемая миграция, возрастет вес негосударственных акторов – террористических, криминальных и коррупционных сетей, – и они могут стать куда более значимыми, чем государства. Согласно третьему сценарию, террористическая и экстремистская деятельность, наркобизнес и другие новые угрозы безопасности усилятся, но основными игроками останутся государства, которые, в том числе

⁶⁴⁰ Бурлинова Н. Указ. соч.

⁶⁴¹ Кобринская И. Я. Вызовы безопасности в Центральной Азии... С. 32.

⁶⁴² Внешнеполитическая доктрина Обамы вывода войск из Афганистана <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/12/28/statement-president-end-combat-mission-afghanistan>

в своих геополитических интересах, могут прибегать к поощрению отдельных коррупционных, криминальных и экстремистских групп. Четвертый же сценарий сам его автор характеризует как катастрофический: образование на пространстве северо-западного Пакистана, Афганистана и Центральной Азии целой серии «несостоявшихся государств», не контролирующих свою территорию; нарастание тенденции к превращению их в наркогосударства; контроль террористических и экстремистских групп над обширными территориями; массовая эмиграция из Афганистана и Центральной Азии. Как следствие, роль государств в регионе резко уменьшится, роль негосударственных игроков станет определяющей⁶⁴³.

Большое внимание уделяется поиску ответа и на вопрос, что будет с афганским наркобизнесом, как будет – если будет – вестись международная борьба с ним? Отечественные исследователи придают большое значение взаимодействию в этой области России и США, однако не только нынешнее состояние российско-американских отношений, но и опыт недавнего прошлого делают перспективу такого взаимодействия весьма сомнительной. Как показал Мендкович, даже в начале 2000-х гг. обострение ситуации, связанной с наркобизнесом, вызвало противоречия между Россией и США. Россия требовала от США усилить меры по борьбе с наркобизнесом и разработать новую стратегию с участием других стран региона. Но США уклонились от принятия обязательств по борьбе с наркотиками, выходящих за рамки мандата ООН. Национальные интересы США не требовали подобных мер, к тому же в военном руководстве и экспертном сообществе США были противники борьбы с наркобизнесом в Афганистане, полагавшие, что эта борьба может вызвать недовольство населения и помешать действиям против террористов⁶⁴⁴.

Мендкович также считает, что трудности в борьбе с наркобизнесом обусловлены еще и тем, что западные партнеры ограничивают формат их разрешения двусторонними переговорами стран-участниц МССБ с Россией и диалогом Россия – НАТО, исключая возможность диалога НАТО – ОДКБ и США –

⁶⁴³ Там же. С. 6–8.

⁶⁴⁴ Мендкович Н. А. Политика России в Афганистане...

ОДКБ⁶⁴⁵. Между тем, как подчеркивает Князев, хотя ОДКБ организация – военного и военно-технического сотрудничества, просматривается тенденция к обретению ею функции интеграции усилий и в сфере борьбы с наркобизнесом⁶⁴⁶. Бурлинова тоже придерживается мнения, что роль ОДКБ при обострении афганского кризиса будет значительной. ОДКБ могла бы действовать на двух направлениях. Первое из них – это создание режима безопасности по линии границ Афганистана со странами – участницами ОДКБ. Второе – проблема афганского наркобизнеса, которая, по мнению Бурлиновой, в ближайшем будущем будет только усугубляться, требовать все больше внимания и ресурсов для контроля над ситуацией. Тем более, что эта проблема мало беспокоит США, так как прямой угрозы им не несет; поэтому бремя ее решения может полностью лечь на страны – члены ОДКБ⁶⁴⁷.

V

Афганский наркобизнес угрожает не только Центральной Азии, но и целому ряду граничащих с Афганистаном или близлежащих государств.

Китай. По мнению Лузянина, для Китая проблема афганского наркобизнеса связана с наличием у него стратегических интересов в Центральной Азии. Для Китая Центральная Азия является своего рода стратегическим тылом по многим показателям – безопасности, энергетике, противодействию США и НАТО, созданию новых рынков сбыта и источников сырья⁶⁴⁸. Во многом Китай заинтересован в сотрудничестве с Россией на данном направлении. Ему, как и России, не нравится политика США в регионе, он не заинтересован в усилении политического влияния США и НАТО в Афганистане и в Центральной Азии. Россию Китай рассматривает в качестве своего партнера по региону и потому стремится избежать конкуренции с ней, не пытается на данном этапе вытеснить ее из региона⁶⁴⁹. Китай признает политический интерес России в Центральной Азии, считает, что Россия здесь занимает ведущие позиции.

⁶⁴⁵ Там же.

⁶⁴⁶ Князев А. А. Роль ШОС и ОДКБ в решении афганской ситуации...

⁶⁴⁷ Там же.

⁶⁴⁸ Лузянин С. Г. Центральная Азия: измерения безопасности и сотрудничества...

⁶⁴⁹ Там же.

Пока что в регионе сохраняется баланс Россия – Китай, и важный инструмент его поддержания – ШОС, где Афганистан присутствует в качестве наблюдателя в ШОС⁶⁵⁰. Исходя из такого анализа, можно предположить, что вполне возможно продуктивное взаимодействие России и Китая и, шире, всех государств, входящих в ШОС, в борьбе с афганским наркобизнесом.

Иран. Начиная с 1980-х гг. эта страна была вместе с Пакистаном одним из главных коридоров для транспортировки наркотиков из Афганистана. Так, в 2009 г. 31% афганского героина прошел через территорию Ирана на Балканы, а оттуда в Западную Европу⁶⁵¹. Это кратчайший путь доставки наркотиков в Европу. Часть наркотиков из Афганистана поступает через Иран в Центральную Азию и, наоборот, через центральноазиатскую страну, Туркменистан, в Иран.

Следует отметить, что в 2010 г. Ирану удалось существенно сократить количество нелегальных наркотиков из Афганистана в своей стране⁶⁵². Иран ежегодно выделяет около миллиарда долларов на борьбу с незаконным оборотом наркотиков. Сегодня Иран и Россия активно проводят совместную политику по борьбе с афганским наркобизнесом. Ещё в 2005 г. был подписан меморандум, на основе которого Иран и Россия договорились сообща перекрывать незаконные поставки прекурсоров в Афганистан и обмениваться информацией. Страны подписали протокол об организации приграничного сотрудничества между ФСКН и штабом по борьбе с наркотиками Ирана, ими был согласован план совместных действий по борьбе с наркотиками на 2013–2014 гг.⁶⁵³

Индия. Как и её соседи, Индия страдает от афганского наркобизнеса, его негативное влияние на регион затрагивает и её интересы. Индия вложила большие средства в восстановление Афганистана, за счет реализации инфраструктурных проектов, захватывающих афганскую территорию, планирует получить в будущем прямой выход на рынки Центральной Азии⁶⁵⁴. Но этим интересы Индии не исчерпываются. Для нее ключевое значение имеет ста-

⁶⁵⁰ Кобринская И. Я. Вызовы безопасности в Центральной Азии. С. 34.

⁶⁵¹ Afghan narcotrafficking: a joint threat assessment. – Policy report / EastWest Institute.: 2013, - С. 27

⁶⁵² Afghan narcotrafficking: A joint threat assessment / Joint U.S. – Russia Working Group / EastWest Institute Policy Report 2013 – 1. P. 27.

⁶⁵³ Полиция Ирана изъяла 430 тонн наркотиков за минувший год // РИА Новости. URL: http://ria.ru/beznarko_news/20120409/621689851.html (дата обращения: 18.04.2014).

⁶⁵⁴ Лузянин С. Г. Указ. соч.

бильность Пакистана как государства – вменяемого субъекта международных отношений, а наркобизнес эту стабильность подтачивает. Еще для Индии очень важно, чтобы политическая стабильность соседа не оборачивалась для нее стабильной враждебностью, чтобы, как подчеркивает Анатолий Ливен, вспышки исламистского экстремизма не были направлены на Индию⁶⁵⁵. А наркобизнес, как уже неоднократно показал опыт самого Афганистана, служит для экстремизма и терроризма источником финансирования. Если конфликт в Афганистане утихнет и наркобизнес будет обуздан, то Индия сумеет не только выйти на рынки Центральной Азии, но и закрепиться в качестве регионального лидера и урегулировать ряд своих внутренних проблем, связанных с экстремизмом и наркоторговлей.

VI

Завершая обзор, отметим следующее. Сегодня имеется большое количество работ по афганскому наркобизнесу и смежным проблемам. Как было показано в обзоре их выборки, авторы этих работ не отделяют данное явление от общей ситуации в Афганистане и, исследуя наркобизнес, анализируют его в динамике, стремясь понять, как те или иные события повлияли на его развитие.

Конечно, имеется немало спорных вопросов. Один из самых сложных – это вопрос о масштабах афганского наркобизнеса. Здесь расхождения обусловлены различной методологией сбора данных о наркопроизводстве. Обычно используется статистика ЮНДКП, но часть экспертов полагает ее заниженной и предлагает свои оценки, существенно отличающиеся от официальных данных. В отечественной науке также выделяются две группы ученых, занимавшихся этой проблемой. К первой можно отнести ученых с выраженными анти-американскими взглядами. Они крайне негативно относятся к политике США в Афганистане и для подкрепления своей позиции приводят завышенные данные по наркопроизводству. Другая группа ученых более реалистично смотрит на ситуацию. И они отмечают ухудшение ситуации с

⁶⁵⁵ *Lieven Anatol. Envoys to Nowhere.* URL: <http://nationalinterest.org/article/envoys-to-nowhere-2987>

наркотиками после интервенции США, но их доказательства строятся только на официальных данных.

Список литературы

Афганистан. Коллекция фактов // Портал «Перспективы». URL: http://www.perspektivi.ru/oykumena/vostok/af-ganistan_kollekciya_faktov_2009-3-13-31-32.htm (дата обращения: 18.04.2014).

Внешнеполитическая доктрина Обамы вывода войск из Афганистана <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/12/28/statement-president-end-combat-mission-afghanistan> (дата обращения: 21.12.2014).

Доклад международного комитета по контролю за наркотиками 1999 – 2003 гг. [Вена]: Издание Организации Объединенных Наций, 2004. С. 15.

Полиция Ирана изъяла 430 тонн наркотиков за минувший год // РИА Новости. URL: http://ria.ru/beznarko_news/20120409/621689851.html (дата обращения: 18.04.2014).

Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945 – 1999 гг. – М. : ИИИиБВ, 2000; *Она же.* К вопросу о проблеме полевых командиров в Афганистане // Ближний Восток и современность. – Сб. М., 2003, № 17.

Барышев А.П. Современная стратегия США и НАТО. – М. : ОГИ, 2011.

Белокреницкий В.Я. Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. – М. : ИВ РАН, Крафт+, 2012.

Бурлинова Н. Война в Афганистане (2001 – 2011 гг.): обзор и перспективы // Портал «Перспективы». URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/vojna_v_afganistane_2001__2011_gg__obzor_i_perspektivy_2011-07-01.htm (дата обращения: 18.04.2014).

Казанцев А.А. Сценарии и тенденции эволюции ситуации в центральноазиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после 2014 года / Аналитические доклады ИМИ МГИМО (У) МИД России. – М., 2013.

Князев А.А. Роль ШОС и ОДКБ в решении афганской ситуации может быть весьма значительной // Информационный портал Фергана. URL: <http://www.fergananews.com/articles/5398> (дата обращения: 18.04.2014).

Коргун В.Г. История Афганистана XX в. Эфир от 21.05.2011 г. 17:12. – М. : Крафт+, ИВ РАН, 2004.

Кобринская И.Я. Вызовы безопасности в Центральной Азии / отв. ред. И.Я. Кобринская. – М. : ИМЭМО РАН, 2013.

Лузянин С.Г. Центральная Азия: измерения безопасности и сотрудничества // Портал «Перспективы». URL: http://www.perspektivy.org/oykumena/politika/centralnaja_azija_izmereniya_bezопасnosti_i_sotrudnichestva_2012-02-06.htm (дата обращения: 18.04.2014).

Марсден П. Талибан. Война и религия в Афганистане. Пер. с англ.: Е. Егорова, Е. Клинова. – М. : Городец-издат, 2002.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы [А.Д. Богатуров и др.] / Под ред. А. Д. Богатурова. – М. : Аспект Пресс, 2011.

Мендкович Н.А. Политика России в Афганистане в 2001–2011гг. // Портал «Перспективы». URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/politika_rossii_v_afganistane_v_20012011_gg_2012-02-17.htm (дата обращения: 18.04.2014).

Рашид. Ахмед. Талибан: Ислам, нефть и новая большая игра в Центральной Азии. Пер. с англ.: М. В. Поваляев. – М. : Библион-Рус, 2003.

Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет. – М. : Крафт+, ИВ РАН, 2004.

Скотт П.Д. Наркотики, нефть и война. США в Афганистане, Колумбии и Индокитае. Пер. с англ.: А. Яковлева. – М. : Кучково поле, 2012.

Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. – М. : Весь мир, 2005.

Эмануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Террор во имя веры: религия и политическое насилие. – М. : Мосты культуры, 2011.

Afghan narcotrafficking: A joint threat assessment / Joint U.S. – Russia Working Group / EastWest Institute Policy Report 2013 – 1.

Ivanov V. Afghan drug trap. – Moscow: CVG, 2010.

Lieven Anatol. Envoys to Nowhere // The National Interest Online, January 27, 2009. URL: <http://nationalinterest.org/article/envoys-to-nowhere-2987> (access date: 07.02.2015).

Lieven, Anatol. Envoys to Nowhere. URL: <http://nationalinterest.org/article/envoys-to-nowhere-2987> (access date: 07.02.2015).

Peimani, Hooman. Falling terrorism and rising conflicts. – Westport and London: Praeger, 2003.

Исследование роли ислама в истории современной Ливии в зарубежной историографии

Ключевые слова: Ливия, Ислам, Политический ислам, историография.

В свете начавшегося в 2011 г. процесса политического транзита в Ливии многократно возросла активность и популярность движений и группировок, использовавших в качестве основы своей политической программы идеи политического ислама. Тем не менее, исламисты являются далеко не новым игроком на ливийской политической арене, а идеи исламского возрождения и исламского фундаментализма составляют неотъемлемую часть официального политического дискурса с момента образования независимого ливийского государства⁶⁵⁶.

Чрезвычайная актуальность изучения ислама и политического ислама вследствие оказываемого ими влияния на политическую культуру, политическую систему и политический процесс в Ливии объясняет постоянно увеличивающееся внимание к ним со стороны международного исследовательского сообщества. Так, наравне с появлением немалого количества новых научных статей в ведущих научных периодических изданиях по данному вопросу в период с 2011 по 2014 гг., заметен рост показателей индекса цитирования работ, опубликованных с 1980-х до 2010-х гг.⁶⁵⁷ Таким образом, расширилась объектная база для исследователей-историографов, ставящих перед собой целью изучение изменений интерпретации тех или иных событий, процессов и явлений в ретроспективе развития исторической мысли. В этой связи данная статья призвана представить обзор наиболее заметных образчиков

⁶⁵⁶ Лукьянов Г.В. Радикальный ислам в Ливии // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Азии / Отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. – М.: Ленанд, 2015. – С. 320-361.

⁶⁵⁷ О состоянии ливийских исследований в России см.: Лукьянов Г.В. Эволюция российской историографии Ливийского вопроса: формирование и развитие основных тем исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2015. №1. С. 74-88.

научной исследовательской литературы об исламе в Ливии и его роли в современной истории этой североафриканской страны в контексте развития ливийских исследований.

При анализе корпуса историографических материалов задачей первостепенной важности является систематизация накопленных материалов и их классификация по выбранным критериям, отражающим характерные отличительные особенности тех или иных групп исследований. Наиболее простым на первый взгляд является подход, подразумевающий подразделение материалов по принципу принадлежности к национальной (ливийской) и зарубежной (неливийской) историографии. В рамках данной работы была рассмотрена последняя как оказавшая определяющее влияние на складывание образа страны и ее истории в мировом научно-историческом пространстве. Под термином «зарубежная («неливийская») историография» здесь и далее предлагается понимать корпус исследований, проведенных за пределами мусульманского мира и выполненных в европейской научной традиции.

В то же время собственно ливийская историография не менее обширна и обстоятельна⁶⁵⁸, имеет свой набор специфических уникальных черт и достижений. Ливийские авторы и их труды сыграли особую роль в формировании исторического сознания собственно ливийского населения, но их влияние на современные мировые тенденции развития ливийских исследований, тем не менее, оказалось весьма ограничено. В этой связи рассмотрение национальной историографии заметно расширяет проблемное поле данной статьи, а потому должно стать предметом отдельного исследования.

Для того, чтобы дать ответ на вопрос, почему зарубежная историография в данном случае является не менее важным объектом для исследования, чем национальная, необходимо отметить ключевую особенность ливийских исследований в целом. Она сформировалась на основе главной проблемы этого направления, а именно – либо полного отсутствия, либо ограниченности доступных внутренних источников по широкому кругу проблем истории Ливии

⁶⁵⁸ *Фурсова Е.Н.* О проблемах историографии национальной истории Ливии // Модернизация и традиции: XXVI международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 20-22 апреля 2011 г.: Тезисы докладов / Отв.ред. Н.Н.Дьяков и А.С.Матвеев. - СПб.: СПбГУ, 2011.- С. 35-37.

на различных этапах ее существования⁶⁵⁹. Если не решить данную проблему полностью, то хотя бы компенсировать порожденные ею трудности, исследователям приходится двумя способами. Во-первых, за счет привлечения информации из внешних источников, включающих тексты не только на арабском, но и на европейских языках. А, во-вторых, с помощью привлечения опыта теоретических изысканий на основе осмысления исторического развития соседних обществ и государств. Так, в исследованиях по проблемам ислама в Ливии некоторые установки и постулаты не только и не столько отражают в себе результаты прикладных исследований, сколько являются результатом «переложения» на ливийский материал теоретических разработок современных мыслителей (Мишель Фуко⁶⁶⁰, Эдвард Саид⁶⁶¹, Бернард Льюис, Брайан Тёрнер⁶⁶², Аарон Хьюз⁶⁶³ и др).

Исследование ислама, специфики его распространения и бытования на различных уровнях социальных коммуникаций на территории современного ливийского государства в зарубежной историографии берет свое начало в конце XIX – начале XX вв.

На данном этапе, - о котором нам известно в большинстве своем благодаря французским и итальянским исследованиям в области историографии и источниковедения, - первые исследователи оперировали путевыми заметками, мемуарами и воспоминаниями путешественников, дипломатов, военных⁶⁶⁴, а также отдельными переводами оригинальных арабских текстов на французский язык. Если в первой группе источников чаще всего встречалось описание повседневной жизни мусульман, включавшее помимо зарисовок религиозного ритуала до-

⁶⁵⁹ Лукьянов Г.В. Основные подходы к пониманию и написанию истории Ливии XX века в зарубежной историографии // История Африки: старые и новые подходы / Под ред.: А.С. Балезина (отв. ред.), А.В. Воеводского, Л.В. Ивановой, Н.Г. Щербакова. - М. : ИВИ РАН, 2015. - С. 52.

⁶⁶⁰ Авторские тексты М. Фуко по данной тематике обстоятельно представлены в следующем издании: *Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972-77.* – Brighton : Harvester Press, 1980. – 270 p.

⁶⁶¹ Основополагающим трудом автора в это направлении является: *Said E. Orientalism.* – New York : Vintage Books, 1979. – 368 p. Также текст доступен на русском языке: Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. - СПб. : Русский мир, 2006. - 640 с.

⁶⁶² *Turner B.S. The Sociology of Islam: Collected Essays of Bryan S. Turner / Ed. By B. S. Turner and K. M. Nasir.* – Burlington : Ashgate Publishing Company, 2013. - 312 p.

⁶⁶³ Подробно воззрения автора приведены и объяснены в его книгах: *Hughes A. Theorizing Islam: Disciplinary Deconstruction and Reconstruction.* – London : Equinox, 2012. – 160 p.; *Hughes A. Muslim Identities: An Introduction.* - New York: Columbia University Press, 2013. – 328 p.

⁶⁶⁴ Несравненный интерес в этом направлении представляют работы Сальваторе Боно и Анны Балдинетти. Например: *Bono S. Storiografia e fonti occidentali sulla Libia (1510-1911).* – Roma: L’Erma, 1982. – 146 p.; *Baldinetti A. The Origins of the Libyan Nation.* – London : Routledge, 2010. – 240 p.

вольно подробное рассмотрение широкого круга социальных практик и установок⁶⁶⁵, то вторая группа чаще служила примером аутентичной информации об арабо-мусульманской религиозной мысли в локальном измерении.

На этом фоне объектом пристального внимания со стороны европейских исследователей постепенно стала система устройства и функционирования суфийских тарикатов, коих на территории Ливии в указанный период существовало немалое количество. В свете завоевания ливийской территории и установления здесь колониального господства со стороны Итальянского королевства (1911-1912) начала формироваться итальянская школа ливийских исследований. Роль суфизма в консолидации разобщенного населения ливийских территорий, в антиколониальной борьбе, а в дальнейшем и в формировании нового государства была отмечена европейскими исследователями. Французская, итальянская, а также британская школы ливийских исследований с первой половины XX в. рассматривали суфизм в Ливии сквозь призму той образующей роли, что он играл в процессе политической консолидации и институционализации племен на различных исторических этапах становления ливийского социума.

После создания независимого Объединенного ливийского королевства в 1951 г. начался процесс складывания ливийских исследований в Северной Америке. После завершения Второй мировой войны наступил расцвет общественных наук и возросло внимание к развивающимся странам Азии и Африки, сложился отличный от принятого в Европе набор методов и тем для изучения. Так параллельно с практикой проведения исторических и этнографических исследований, сформировавших базу европейских школ, в США и Канаде был заложен фундамент изысканий в сфере политической социологии, социальной и политической психологии, этнополитологии и других специальных социальных дисциплин. Используя предлагаемый ими широкий инструментарий североамериканские исследователи существенно разнообразили, в частности, спектр ливийских исследований.

⁶⁶⁵ Например см.: *Wright J. The Emergence of Libya: Selected Historical Essays.* - London: Silphium Press, 2008. - 368 p.; *Wright J. Travelers in Libya (1518-1911).* - London: Silphium Press, 2005. - 255 p.

После «Сентябрьской» революции 1969 г. в Ливии произошла трансформация социально-политической системы и кардинальное изменение внешнеполитической стратегии государства, что в конечном итоге способствовало заметной смене приоритетов в ее научном изучении в странах Европы и Северной Америки. Диспропорция между фундаментальными историческими и сугубо прикладными исследованиями в пользу последних стала заметней⁶⁶⁶, значительно сузились и приблизились к современности хронологические рамки исследований. Предметное поле большинства из них так или иначе формировалось вокруг личности и политического режима М. Каддафи.

В 1970-1980-е гг. изучение ислама в Ливии в странах Запада за редким исключением⁶⁶⁷ напрямую было связано с исследованием процесса его инструментализации государством «свободных офицеров юнионистов-социалистов». При этом в центре внимания находился ислам не как религия или совокупность социально-религиозных практик и ритуалов, а как фактор формирования политической культуры или категория политического дискурса. Общее количество исторических исследований, посвященных изучению роли суфизма, стало сокращаться, но, тем не менее, внимание к нему сохранялось⁶⁶⁸.

Наиболее показательным примером подхода, в основе которого лежало восприятие ислама как фактора формирования политической культуры, служит работа ливийско-американской исследовательской группы Омара Ибрагима Фатх-Али и Монте Палмер, опубликованная в виде статей и двух монографий: «Политическое развитие и бюрократия в Ливии» (1977)⁶⁶⁹ и «Политическое развитие и социальные изменения в Ливии» (1980)⁶⁷⁰.

⁶⁶⁶ В тоже время следует отметить работу специальных исследовательских центров, занимающихся фундаментальными историческими исследованиями в области ливийских исследований. Примером может служить Общество ливийских исследований в составе Британской Академии, существующее с 1969 г. URL: <http://www.societyforlibyanstudies.org/>

⁶⁶⁷ Исключение составляют исторические работы, посвященные изучению, например, суфийских тарикатов, как например: *Martin B. Moslem Brotherhoods in Nineteenth-Century Africa*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – 237 p.

⁶⁶⁸ *Anderson L. Religion and State in Libya: The Politics of Identity // The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1986. Vol. 483, No. 61. P. 61-72; *Kooij C. Islam in Qadhafi's Libya: Religion and Politics in a Developing Country*. – Amsterdam: Univeriteit van Amsterdam, 1980. – 52 p.; *Vikar K. S. Al-Sanussi and Qadhafi - continuity of thought? // The Maghreb Review*. 1987. Vol. 12. No. 1-2, P. 25-27.

⁶⁶⁹ *El Fathaly O., Palmer M., Chakerian R. Political Development and Bureaucracy in Libya*. - Toronto: Lexington Books, 1977. – 123 p.

⁶⁷⁰ *El Fathaly O., Palmer M. Political Development and Social Change in Libya*. - Toronto: Lexington Books, 1980. – 231 p.

Собранные ими в результате полевых исследований на территории Ливии социологические данные были проанализированы в парадигме популярных на тот момент методов и подходов «молодой» политической науки (бихевиорализм, учение о политических системах и политических культурах), что позволило иначе взглянуть на проблемы реализации политических решений и осуществления власти в широком смысле этого слова.

Исламский политический дискурс, - в случае ливийских исследований указанного периода речь идет в первую очередь об узком значении этого слова применительно к политической риторике М. Каддафи, - стал предметом изучения ряда специальных работ. Здесь он выступает не в качестве лингвистической категории, а философского понятия. Среди исследователей, работавших в этой парадигме, можно назвать Махмуда Аюба, автора книги «Ислам и Третья Всемирная Теория: Религиозная мысль Муаммара Каддафи» (1987)⁶⁷¹, и Мохаммеда Хаваса, автора книги «Каддафи: его идеология в теории и на практике» (1986)⁶⁷².

В том же проблемном поле был поднят вопрос о взаимоотношении политической идеологии как сущности, подменяющей в XX в. религию (по К. Манхейму), с одной стороны, и системы традиционных ценностей и религии, с другой, в процессе формирования политической культуры и политической системы. Руководствуясь идеями системного функционализма и прагматизма выдающийся исследователь ливийского постреволюционного общества Мариус Диб рассмотрел его в ряде своих работ. В частности, в монографии «Ливия после Революции: аспекты социального и политического развития» (1982)⁶⁷³ (в соавторстве с Мэри-Джэйн Диб). А в статье «Радикальные политические идеологии и концепции собственности в Ливии и Южном Йемене» (1986)⁶⁷⁴ в сравнительной ретроспективе ливийского и южнойеменского случаев им рассматривались механизмы реализации идеологических установок

⁶⁷¹ *Ayoub M. Islam and the Third Universal Theory: Religious Thought of Mu'ammarr al-Qadhafi.* - London: Kegan Paul International, 1987. - 155 p.

⁶⁷² *El-Khawas M. Qaddafi: His Ideology in Theory and Practice.* - Brattleboro: Amana Books, 1986. - 222 p.

⁶⁷³ *Deeb M., Deeb M. J. Libya since the Revolution: Aspects of Social and Political Development.* - New York: Praeger, 1982. - 157 p.

⁶⁷⁴ *Deeb M. Radical Political Ideologies and Concepts of Property in Libya and South Yemen // Middle East Journal.* 1986. Vol. 40. No. 3. P. 445-461.

радикальных левых политических режимов посредством конкретных реформ в условиях доминантного положения институтов и норм традиционной политической культуры.

Рассмотрение политики революционных леворадикальных элит в контексте социально-политического устройства, политического дискурса и религиозно-этических установок мусульманского общества стало предметом и российских исследователей. Одним из первых советских арабистов и исламоведов, кто привлек внимание к определяющей роли контекста, т.е. первостепенности традиционных и религиозных норм мышления над категориями дискурса классовой теории, стал Алексей Всеволодович Малащенко. Он вписал преобразования свободных офицеров и Каддафи в контекст исламской традиционной политической культуры и провел аналогии между институтами Джамахирии (в частности, революционных комитетов) и отдельными элементами традиционной исламской политической культуры⁶⁷⁵.

В 1980-х гг. в научно-исследовательской литературе все чаще стали появляться работы, акцентировавшие внимание на «двойкой» роли ислама: как концептуального инструмента легитимации политических решений правящего режима М. Каддафи во внешней и внутренней политике и как культурно-идеологической основы для складывания политической оппозиции режиму М. Каддафи. Наиболее известными здесь стали работы Джорджа Жофе⁶⁷⁶ и Рональда Брюса Сент Джона⁶⁷⁷, но тенденция подобной политической «инструментализации» понятия и предметного поля ислама получила распространение как в американской⁶⁷⁸, так и советской историографии. В последней определенный интерес представляет статья Владислава Васильевича Кудряшова о месте религии в политическом воспитании военнослужащих и одновременно

⁶⁷⁵ Малащенко А.В. Место и роль ислама в политическом устройстве современной Ливии // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока / Под ред. Ю.Н. Ганковского, А.И. Ионовой, И.Л. Фадеевой. - М.: Наука, 1986. - С. 70-78.

⁶⁷⁶ Joffe G. Islamic opposition in Libya // Third World Quarterly. 1988. Vol. 10. No. 2. P. 615-631; Joffe G. The role of Islam // The Green and the Black: Qadhafi's Policies in Africa / Ed. by R. Lemarchant. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1988. P. 38-51; Joffe G. Qadhafi's Islam in Local Historical Perspective // Qadhafi's Libya, 1969-1994 / Ed. by D. Vandewalle. - New York : St. Martin's Press, 1995. - P. 139-154.

⁶⁷⁷ St John. R.B. Qaddafi's World Design: Libyan Foreign Policy, 1969-1987. - London : Saqi Books, 1987. - P. 184.

⁶⁷⁸ Например: Sammut D. Libya and the Islamic Challenge // The World Today. 1994. Vol. 50. No. 10. P. 198-200.

формировании оппозиционных настроений в рядах регулярной ливийской армии⁶⁷⁹.

Если Сент Джон и Жофе, обратив внимание в своих специальных работах на деятельность исламской оппозиции режиму М. Каддафи в 1980-х гг., сделали первые шаги по пути рассмотрения проблемы ислама сквозь призму проблемы безопасности, то в 1990-х гг. это видение не только получило развитие в работах других авторов, но и постепенно стало доминирующим в научном дискурсе ливийских исследований как в США, так и в Западной Европе. Далеко не последнюю роль в этом сыграло появление сразу нескольких крупных исследований на нескольких европейских языках. В 1995 г. крупный западногерманский специалист по современной истории и политической системе Ливии из Германского Института ближневосточных исследований Ханспетер Маттес опубликовал на немецком языке свою работу «Каддафи и исламистская оппозиция в Ливии»⁶⁸⁰. Как отмечает сам Х. Маттес в своем историографическом очерке об опыте ливийских исследований в западных странах⁶⁸¹, еще одним первооткрывателем этого направления, проводившим исследования параллельно, но не совместно с ним, можно считать Монсефа Джазири из Лозаннского Университета, опубликовавшего в 1996 г. монографию «Государство и общество в Ливии. Ислам, политика и современность»⁶⁸². Впервые в формате специальной монографии, а не статьи, была обстоятельно изложена концепция видения антисистемной радикальной исламской оппозиции в Ливии, обвинившей М. Каддафи не иначе как в религиозной «ереси»⁶⁸³.

В русскоязычной исследовательской литературе, посвященной изучению социально-политических процессов в суверенной Ливии теме участия в политическом процессе сил, выбравших ислам в качестве основного источника политической идеологии, долгое время уделялось второстепенное значение. Превалирование функционального подхода в рамках господствовавшей в те-

⁶⁷⁹ Кудряшов В.В. Национализм и религия в вооруженных силах Ливии // Роль ислама в жизни арабских стран. - М. : ИВ АН СССР, 1989. – С. 42-54.

⁶⁸⁰ Djaziri M. Etat et société en Libye: Islam, politique et modernité. – Paris : L'Harmattan, 1996. – 284 p.

⁶⁸¹ Mattes H. Revolutionary Libya in Western Research. An introductory Survey on Studies published between 1969 and 2002 // Modern and Contemporary Libya: Sources and Historiographies / Ed. by A. Baldinetti. – Rome: Istituto Italiano per L'Africa e L'Oriente, 2003. – P. 195-206.

⁶⁸² Mattes H. Qaddafi und die islamische Opposition in Libyen. – Hamburg: Deutsches Orient-Institut, 1995. – 147 p.

⁶⁸³ Mattes H. Revolutionary Libya in Western Research... P. 204.

чение советского периода теоретико-методологической парадигмы исследования способствовало распространению среди востоковедов этой школы уверенности в подчиненной роли ислама как инструмента или части контекста развития национально-освободительного движения до Сентябрьской революции и «прогрессивного» революционного режима М. Каддафи после нее. Тем самым утверждалось превосходство и первостепенность классовых отношений по отношению к религиозно-конфессиональным. В совокупности с формально господствующим позитивным отношением к союзному для СССР режиму М. Каддафи это привело к недооценке исламского фактора в целом и фактору политического ислама в частности.

Интерес к деятельности именно оппозиционных исламистских движений в Ливии сформировался в российской историографии достаточно поздно, а именно - только в постсоветский период. С различных сторон к описанию деятельности исламистских организаций и ислама как политического фактора в Ливии после 1969 г. приступили в своих работах классики современной российской школы ливийских исследований Анатолий Захарович Егорин⁶⁸⁴ и Алексей Борисович Подцероб⁶⁸⁵. Помимо того, достойны упоминания работы Сергея Эдуардовича Бабкина⁶⁸⁶ «Движения политического ислама в Северной Африке», в которой Ливии посвящена одна из глав, и Елены Викторовны Ульянцевой «Ислам в общественно-политической жизни Ливии 1960-70-х гг.»⁶⁸⁷.

Так, в трудах А.З. Егорина ставилась под сомнения сама способность исламистских движений сыграть весомую роль в противостоянии режиму Каддафи⁶⁸⁸, а роль исламского фактора оценивалась высоко лишь в период до

⁶⁸⁴ *Егорин А.З., Миронова Г.В.* Сенуситы в истории Ливии (1843 - 1969 гг.). М.: Институт востоковедения РАН, 2006. – 432 с.; Егорин А. З. Сенусизм и каддафизм в ливийской истории: сравнительный анализ // Новое восточное обозрение, 04-05.12.2010. URL: <http://ru.journal-neo.com/node/3135> (дата обращения: 26.10.2014)

⁶⁸⁵ *Подцероб А.Б.* Исламский фактор во внутренней политике стран Магриба // Ближний Восток и современность. Выпуск №34. - М.: Институт Ближнего Востока, 2008. - С. 190-231; *Подцероб А.Б.* Исламский фактор во внешней политике стран Магриба // Ближний Восток и современность. Выпуск № 36. - М.: Институт Ближнего Востока, 2008. - С. 203-239; *Подцероб А.Б.* Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба. – М. : Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2009. – 212 с.

⁶⁸⁶ *Бабкин С.Э.* Движения политического ислама в Северной Африке. – М. : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. – 341 с.

⁶⁸⁷ *Ульянцев Е.В.* Ислам в общественно-политической жизни Ливии 1960-70-х гг. // Общество, история и культура. Материалы конференции аспирантов кафедры всеобщей истории РУДН. Выпуск 2. - М. : Российский университет дружбы народов. – С. 148-155.

⁶⁸⁸ *Егорин А.З.* Муаммар Каддафи. – М. : Институт востоковедения РАН, 2009. – С. 320-326.

Революции 1969 г.⁶⁸⁹ В контексте фундаментальных задач по написанию масштабных обобщающих работ по истории Ливии⁶⁹⁰, охватывающих большой временной период и колоссальный объем информации, А.З. Егорин уделил значительно меньше внимания (по сравнению со своими зарубежными коллегами) описанию исламистской оппозиции. Елена Викторовна Ульянищева (в замужестве Миссауи) рассматривала роль ислама в общественно политической жизни Ливии, ограничившись периодом 1960-70-х гг. и сферой формальных отношений в силу наличных источников информации. В трудах А.Б. Подцероба и С.Э. Бабкина предложено наиболее обширное описание роли ислама во внутренней и внешней политике М. Каддафи и деятельности исламистских движений, в т.ч. и джихадистских групп в последнем десятилетии XX века. В то же время, в условиях, когда каждый из авторов рассматривал проблемы политического ислама и исламизма в региональном разрезе, исследуя в комплексе ситуацию во всех странах Магриба, изучение сугубо ливийской специфики оказалось представлено ими не так подробно, как это было возможно сделать в рамках специального исследования.

Важно отметить, что российскими исследователями поднимались проблемы исламского контекста в конструировании политической идеологии в Ливии в рамках Третьей всемирной теории М. Каддафи, концептуального поля арабских националистов и «левых»⁶⁹¹, а также влияние деятельности исламистов-джихадистов на формирование модуса внешней политики Ливии⁶⁹². Тем не менее эти исследования не получили дальнейшего развития в направлении углубления и расширения изучения именно самого ислама, исламской политической мысли и философии, исламского фактора в Ливии.

На этом фоне в англо-американской историографии этого же периода, - с начала 2000-х гг. до 2014 г., - появилось немалое количество работ, в центре внимания которых находился концепт именно политического и нередко ради-

⁶⁸⁹ Например см.: *Егорин А.З., Миронова Г.В.* Сенуситы в истории Ливии... .

⁶⁹⁰ *Егорин А.З.* История Ливии. XX век. - М.: Институт востоковедения РАН, 1999. - 563 с.; *Егорин А.З.* Современная Ливия. - М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996. - 345 с.

⁶⁹¹ Например см.: *Рясов А.В.* «Левые» на арабском Востоке: ливийский опыт. - М.: Институт Ближнего Востока, 2005. - 286 с.; *Рясов А.В.* Политическая концепция М. Каддафи в спектре «левых взглядов». - М.: Институт востоковедения РАН, 2008. - 330 с.

⁶⁹² *Бартев В.И.* "Ливийская проблема" в международных отношениях. 1969-2008. - М., УРСС, 2009. - С. 257-261.

кального политического ислама. Тому есть ряд причин объективного и субъективного характера, среди которых следует выделить две основные. Во-первых, реалистичность и актуальность угрозы со стороны исламистов-джихадистов для режима М. Каддафи на протяжении 1990-х и 2000-х гг. и новых ливийских властей после событий 2011 г. И, во-вторых, значительно возросшая популярность исламоведческих исследований в американской политической и религиозоведческой науке после событий 11 сентября 2001 г. и начала глобальной войны США против международного терроризма.

В этой связи, ряд исследователей, - как Йехудит Ронен (Израиль), - сделали политический ислам в Ливии лишь одним из предметов своей научной деятельности в рамках изучения социально-политических процессов, посвятив ему несколько статей⁶⁹³. В них исламизм в Ливии рассматривался в качестве одной из важных угроз национальной (для самой Ливии), региональной (для Африки и Ближнего Востока) и глобальной (для США и их союзников, всего «развитого»/«демократического» мира) безопасности. С другой стороны, появились исследователи, для которых политический ислам превратился в профессиональную специализацию. Среди них наиболее заметными благодаря свои работам, посвященным Ливии, оказались Элис Парджетер⁶⁹⁴ и Омар Ашур⁶⁹⁵.

Интерес вызывает то, какое влияние на развитие современных ливийских исследований оказали последние веяния и тренды в общественных науках в целом, и в востоковедении в частности. Показанная выше схематично трансформация подходов к изучению ислама в Ливии продемонстрировала, на наш взгляд, устойчивую тенденцию к политизации предмета и «политологизации» методологии исследования. Так, если ислам и становится основным предметом рассмотрения в ливийских исследованиях в начале XXI в., то лишь в преломлении политического ислама и т.н. исламизма. Из предметного поля

⁶⁹³ Например см.: *Ronen Y. Qadhafi and Militant Islamism: Unprecedented Conflict // Middle Eastern Studies. 2002. Vol. 38. No.4. P. 1-16.*

⁶⁹⁴ Например см.: *Pargeter A. Localism and radicalization in North Africa: local factors and the development of political Islam in Morocco, Tunisia and Libya // International Affairs, 2009. Vol. 85. No. 5. P. 1031-1044; Pargeter A. Islamist Militant Groups in Post-Qadhafi Libya // TCT Sentinel. 2013. Vol. 6. No.2. P. 1-4.*

⁶⁹⁵ Например см.: *Ashour O. Libyan Islamists Unpacked: Rise, Transformation, and Future. – Doha: Brookings Doha Center, 2012. – 14 p.*

таких научных дисциплин, как этнография и религиоведение, ислам в Ливии превратился в фактор локальной или региональной политики, что делает его обязательным для рассмотрения комплексом социально-политических наук. В этом случае исследователями используются иные специфические научные методы и делаются иные, вполне определенные аксиоматические утверждения, не носящие по своей природе научного характера и имеющие четкую политическую направленность. Если диверсификация методов служит делу приумножения знаний по проблеме, то постановка научной гипотезы в зависимость от текущей политической конъюнктуры приводит лишь к утрате объективности и, как следствие, обесцениванию научной работы.

В эпоху постиндустриального, информационного общества или, если касаться сферы социальных наук, эпоху постмодерна знание и научное знание тесно переплелось с миром политического. Знание/власть, – понятие, о котором писал в своих работах М. Фуко, – отражает собой сложную проблему взаимозависимости и взаимодополняемости науки и политики в современном мире и конфликт интересов, возникающий у ученых, занимающихся продуцированием знания о прошлом и настоящем. Тезис о влиянии знания на процесс принятия решения по ней не вызывает сомнения у современных исследователей также, как и обратное утверждение: влияние принимаемых решений, в т.ч. политических, на продуцирование знания. Несмотря на во многом философский характер этого вопроса, он имеет и вполне прикладной аспект для тех, кто занимается историей конкретных исследований, т.е. историографией.

Та часть ливийских исследований, что была рассмотрена в данной статье, представляет собой наглядный пример тесного взаимодействия научного объективного и политического субъективного. Руководствуясь результатами теоретических изысканий М. Фуко и Э. Саида, можно утверждать, что само по себе изучение ислама в Ливии европейскими и американскими учеными (востоковедами, историками и т.д.) было инициировано и видоизменялось на протяжении всей истории в непосредственной зависимости от политической необходимости и конъюнктуры. В итоге, это привело к инструментализации

самого понятия ислама, исламской общины, и его конечной политизации в целях решения конкретных политических задачах, стоящих перед «западными» государствами, в целях достижения их собственных интересов. Достигшая своего апогея в начале XXI в. ориентализация научного дискурса ливийских исследований обесценила саму идею объективного изучения проблем ислама как религии, а не политической идеологии, и привела к деградации научного направления. В то же самое время рассмотрение ислама лишь сквозь призму политического привело в контексте обострения межконфессиональных отношений на политической почве в начале XXI в. к развитию сложного явления под названием исламофобия.

Попытки исправления ситуации и преодоления ориенталистского дискурса⁶⁹⁶ как источника исламофобии предпринимались неоднократно потому, как данная проблема типична не только для ливийских исследований, но для всего современного исламоведения и арабистики. В первую очередь, если говорить именно об исследовании ислама в Ливии, эти попытки выражались в желании некоторых исследователей встать на место ливийских мусульман, выбравших радикальный путь отстаивания своих целей, и представить их картину мироздания в противовес той, что была искусственно сконструирована за них за пределами самой Ливии и укоренилась в головах не только обывателей, но и ученых во многих других странах мира. Типичным, если не главным и наиболее крупным примером такого подхода может служить комплекс статей и монографий о политическом исламе в Ливии упомянутого выше О. Ашурра⁶⁹⁷. Ему принадлежит авторство концепции дерадикализации исламистских (джихадистских) движений в современных мусульманских странах⁶⁹⁸.

На Третьей конференции «Мир Ислама: история, общество, культура» в Москве профессор Мичиганского университета Александр Дмитриевич Кньш представил свой доклад о дискуссиях в американском исламоведении вокруг

⁶⁹⁶ См., например, работы Б. Тёрнера: *Turner B.S. The Sociology of Islam: Collected Essays of Bryan S. Turner / Ed. By B. S. Turner and K. M. Nasir. Burlington: Ashgate Publishing Company, 2013. - 312 p.* На русском языке о данном направлении см.: Рагозина С. А. Об антиориенталистской социологии ислама Брайана Тёрнера // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № №1. С. 297-310.

⁶⁹⁷ *Ashour O. Post-Jihadism: Libya and the Global Transformations of Armed Islamist Movements // Terrorism and Political Violence. 2011. Vol. 23. No. 3. P. 377-397.*

⁶⁹⁸ См. подробнее: *Ashour O. The De-Radicalization of Jihadists: Transforming Armed Islamist Movements. - London: Routledge, 2009. - 224 p.*

трудов А. Хьюза и его идеи о складывании в составе Американской ассоциации религиоведческих исследований группы т.н. «прогрессивных исламоведов». В частности, А.Д. Кныш, ссылаясь на А. Хьюза, предложил называть их «адвокатами ислама», которые в попытках «обелить» мусульман в свете антиисламских настроений и исламофобии в американском обществе после событий 11 сентября 2001 г. утратили критическое начало и перестали быть объективными исследователями. Именно этот термин, на наш взгляд, как никак лучше отражает суть творчества О. Ашура до 2011 г. (автор перестал акцентировать внимание на теории дерадикализации в своих последующих работах) и ему подобных.

Дискуссия между «адвокатами» и «обвинителями» не решила фундаментальных проблем, а лишь привела к новому этапу кризиса в англо-американском религиоведении и политической науке.

На этом фоне ливийские исследования в России во втором десятилетии 2000-х гг. находятся в иной ситуации. Как показывает краткий анализ советской и российской историографии отечественные востоковеды, занимавшиеся ливийскими исследованиями, никогда не уделяли столь много внимания исламскому фактору в его политическом измерении, как это делали их зарубежные коллеги. Опираясь во многом на марксистскую теорию, советские исследователи недооценили роль ислама и политического ислама в развитии Ливии во второй половине XX – первом десятилетии XXI вв. В течение двух десятилетий 1991-2011 г. российское востоковедение, начиная разрабатывать новые темы и направления, тем не менее оставалось под серьезным влиянием советского опыта и потому находилось на переходном этапе своего развития. На смену старому не успело прийти ничего нового. При этом на повестку дня вышла задача интеграции в мировое научное сообщество, где доминирующее положение занимала англо-американская школа с ее сильными и, как показано выше, слабыми сторонами.

В свете событий 2011 г., когда политический режим М. Каддафи прекратил свое существование и начался процесс выстраивания новой социально-политической реальности на пространстве бывшей Ливийской Джамахирии,

российское востоковедение в сфере ливийских исследований имеет возможность начать новый этап своего развития. В этой связи особенно важным видится учет зарубежного опыта. В частности, осознание опасностей, связанных с излишней политизацией и «ориентализацией» изучения ислама в контексте прикладных исследований в противовес фундаментальным теоретическим и практическим сугубо научным работам, может стать залогом нового прорыва в исследованиях по данному направлению.

Список литературы

- Anderson L.* Religion and State in Libya: The Politics of Identity // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 1986. Vol. 483, No. 61. P. 61-72.
- Ashour O.* *Libyan Islamists Unpacked: Rise, Transformation, and Future.* Doha: Brookings Doha Center, 2012. – 14 p.
- Ashour O.* Post-Jihadizm: Libya and the Global Transformations of Armed Islamist Movements // *Terrorism and Political Violence.* 2011. Vol. 23. No. 3. P. 377-397.
- Ashour O.* *The De-Radicalization of Jihadists: Transforming Armed Islamist Movements.* – London: Routledge, 2009. – 224 p.
- Ayoub M.* *Islam and the Third Universal Theory: Religious Thought of Mu'ammар al-Qadhafi.* - London: Kegan Paul International, 1987. – 155 p.
- Asumah S.* Islam, Rentier States and the Quest for Democracy in Africa // *The Western Journal of Black Studies.* 2010. Vol. 34. No. 4. P. 399-411.
- Baldinetti A.* *The Origins of the Libyan Nation.* – London: Routledge, 2010. – 240 p.
- Bono S.* *Storiografia e fonti occidentali sulla Libia (1510-1911).* – Roma: L'Erma, 1982. – 146 p. (на итальянском языке)
- Deeb M., Deeb M. J.* *Libya since the Revolution: Aspects of Social and Political Development.* New York: Praeger, 1982. – 157 p.
- Deeb M.* Radical Political Ideologies and Concepts of Property in Libya and South Yemen // *Middle East Journal.* 1986. Vol. 40. No. 3. P. 445-461.
- El Fathaly O., Palmer M., Chakerian R.* *Political Development and Bureaucracy in Libya.* Toronto: Lexington Books, 1977. – 123 p.
- El Fathaly O., Palmer M.* *Political Development and Social Change in Libya.* Toronto: Lexington Books, 1980. – 231 p.
- Foucault M.* *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972-77.* – Brighton: Harvester Press, 1980. – 270 p.

- Hughes A.* Theorizing Islam: Disciplinary Deconstruction and Reconstruction. - London: Equinox, 2012. – 160 p.
- Hughes A.* Muslim Identities: An Introduction. - New York: Columbia University Press, 2013. – 328 p.
- Joffe G.* Islamic opposition in Libya // Third World Quarterly. 1988. Vol. 10. No. 2. P. 615-631.
- Joffe G.* The role of Islam // The Green and the Black: Qadhafi's Policies in Africa / Ed. by R. Lemarchant. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1988. P. 38-51.
- Joffe G.* Qadhafi's Islam in Local Historical Perspective // Qadhafi's Libya, 1969-1994 / Ed. by D. Vandewalle. - New York: St. Martin's Press, 1995. - P. 139-154.
- El-Khawas M.* Qaddafi: His Ideology in Theory and Practice. Brattleboro: Amana Books, 1986. – 222 p.
- Kooij C.* Islam in Qadhafi's Libya: Religion and Politics in a Developing Country. – Amsterdam: Univerteit van Amsterdam, 1980. – 52 p.
- Martin B.* Moslem Brotherhoods in Nineteenth-Century Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 237 p.
- Mattes H.* Revolutionary Libya in Western Research. An introductory Survey on Studies published between 1969 and 2002 // Modern and Contemporary Libya: Sources and Historiographies / Ed. by A. Baldinetti. Rome: Istituto Italiano per L'Africa e L'Oriente, 2003. – P. 195-206.
- Mattes H.* Qaddafi und die islamische Opposition in Libyen. Hamburg: Deutsches Orient-Institut, 1995. – 147 p. (на немецком языке).
- Pargeter A.* Localism and radicalization in North Africa: local factors and the development of political Islam in Morocco, Tunisia and Libya // International Affairs, 2009. Vol. 85. No. 5. P. 1031–1044.
- Pargeter A.* Islamist Militant Groups in Post-Qadhafi Libya // TCT Sentinel. 2013. Vol. 6. No.2. P. 1-4.
- Ronen Y.* Qadhafi and Militant Islamism: Unprecedented Conflict // Middle Eastern Studies. 2002. Vol. 38. No.4. P. 1-16.
- Said E.* Orientalism. New York: Vintage Books, 1979. – 368 p.
- Sammut D.* Libya and the Islamic Challenge // The World Today. 1994. Vol. 50. No. 10. P. 198-200.
- St John. R.B.* Qaddafi's World Design: Libyan Foreign Policy, 1969-1987. London: Saqi Books, 1987. – 184 p.
- Turner B. S.* The Sociology of Islam: Collected Essays of Bryan S. Turner / Ed. By B. S. Turner and K. M. Nasir. Burlington: Ashgate Publishing Company, 2013. - 312 p.
- Vikør K. S.* Al-Sanussi and Qadhafi - continuity of thought? // The Maghreb Review. 1987. Vol. 12. No. 1-2, P. 25-27.

- Wharton B.* "Between Arab Brothers and Islamist Foes": The Evolution of the Contemporary Islamist Movement in Libya // *The Journal of Libyan Studies*. 2003. Vol. 4. No. 1. P. 33-48.
- Wright J.* *The Emergence of Libya: Selected Historical Essays*. - London: Silphium Press, 2008. – 368 p.
- Wright J.* *Travelers in Libya (1518-1911)*. – London: Silphium Press, 2005. – 255 p.
- Бабкин С.Э.* Движения политического ислама в Северной Африке. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. – 341 с.
- Бартенев В.И.* "Ливийская проблема" в международных отношениях. 1969-2008. - М., УРСС, 2009. - 448 с.
- Егорин А.З., Миронова Г.В.* Сенуситы в истории Ливии (1843 - 1969 гг.) М.: Институт востоковедения РАН, 2006. – 432 с.
- Егорин А.З.* Сенусизм и каддафизм в ливийской истории: сравнительный анализ // Новое восточное обозрение, 04-05.12.2010. URL: <http://ru.journal-neo.com/node/3135> (дата обращения: 26.10.2014).
- Егорин А.З.* История Ливии. XX век. - М.: Институт востоковедения РАН, 1999. – 563 с.
- Егорин А. З.* Муаммар Каддафи. – М.: Институт востоковедения РАН, 2009. – 464 с.
- Егорин А.З.* Современная Ливия. - М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996. – 345 с.
- Кудряшов В.В.* Национализм и религия в вооруженных силах Ливии // Роль ислама в жизни арабских стран. - М.: ИВ АН СССР, 1989. – С. 42-54.
- Лукьянов Г.В.* Радикальный ислам в Ливии // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Азии / Отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. - М.: Ленанд, 2015. - С. 320-361.
- Лукьянов Г.В.* Основные подходы к пониманию и написанию истории Ливии XX века в зарубежной историографии // История Африки: старые и новые подходы / Под ред.: А.С. Балезина (отв. ред.), А.В. Воеводского, Л.В. Ивановой, Н.Г. Щербакова. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 49-65.
- Лукьянов Г.В.* Эволюция российской историографии Ливийского вопроса: формирование и развитие основных тем исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2015. №1. С. 74-88.
- Малашенко А.В.* Место и роль ислама в политическом устройстве современной Ливии // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока / Под ред. Ю.Н. Ганковского, А.И. Ионовой, И.Л. Фадеевой. - М.: Наука, 1986. - С. 70-78.
- Подцероб А.Б.* Исламский фактор во внутренней политике стран Магриба // Ближний Восток и современность. Выпуск №34. - М.: Институт Ближнего Востока, 2008. - С. 190-231.
- Подцероб А.Б.* Исламский фактор во внешней политике стран Магриба // Ближний Восток и современность. Выпуск №36. - М.: Институт Ближнего Востока, 2008. - С. 203-239.

Подцероб А.Б. Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба. М.: Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2009. – 212 с.

Рагозина С.А. Об антиориенталистской социологии ислама Брайана Тёрнера // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № №1. С. 297-310.

Рясов А.В. «Левые» на арабском Востоке: ливийский опыт. – М.: Институт Ближнего Востока, 2005. – 286 с.

Рясов А.В. Политическая концепция М. Каддафи в спектре «левых взглядов». – М.: Институт востоковедения РАН, 2008. – 330 с.

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. - СПб.: Русский мир, 2006. – 640 с.

Ульянищева Е. В. Ислам в общественно-политической жизни Ливии 1960-70-х гг. // Общество, история и культура. Материалы конференции аспирантов кафедры всеобщей истории РУДН. Выпуск 2. - М.: Российский университет дружбы народов. – С. 148-155.

Фурсова Е.Н. О проблемах историографии национальной истории Ливии // Модернизация и традиции: XXVI международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 20-22 апреля 2011 г.: Тезисы докладов / Отв.ред. Н.Н.Дьяков и А.С.Матвеев. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 35-37.

SUMMARIES

Alikberova A.R. Russian-Chinese Relations in the Field of Culture and Education in Chinese Historiography

Keywords: Russian-Chinese relations, Chinese historiography, Russian-Chinese relations in the humanitarian sphere.

The article provides an overview of the works of Chinese scientists on Russian-Chinese relations in the field of culture and education since 1949. In addition, basic research on the stated theme analyzed in terms of the international political situation and, accordingly, the key issues and challenges facing the society in different historical periods.

Kartashan A.Z. The Armenian Millet in the Ottoman Empire until the 1870's: the History of Research in Russia and Abroad

Keywords: Ottoman Empire, Historiography of the Millet System, the Armenian Millet, the Armenian Patriarchate of Constantinople.

Although there is a number of important questions that have been researched by the scholars from Russia and foreign countries still there has been very little research done on the administrative reorganization of the Armenian Apostolic Millet during the Tanzimat reforms. This paper aims to examine the tendencies and changes in the studies of the Armenian Millet. In order to review this topic we intend to use the most valuable works of Russian, Armenian and Turkish scholars.

Leontieva A.A. Ottoman Studies in Bulgaria 20th - beginning 21st Centuries: Basic Directions of Development

Key words: Historiography, Ottoman Empire, Bulgaria.

The beginning of Bulgarian tradition of the Ottoman studies can be traced to the end of 19th century. One of the outstanding features of the Ottoman studies in Bulgaria is investigation of Ottoman history 15th – 19th cent. in the context of Balkan and Bulgarian history. The last 20 years the development of Ottomanistic in Bulgaria had been especially intensive.

Berenkova N.A. The main Approaches to Studies of Shi'ite Communities in the Arab States: Example of Lebanon.

Key words: Lebanon, Shi'ism, Middle East.

The article deals with major academic approaches to the studies of Arab Shi'ite communities in the Middle East. It focuses on the reasons for interest to Shi'ism and Shias in the Arab states and also it provides an overview of dominant research directions on the example of Shi'te community of Lebanon.

Pakhomova M.A. Islam in China, Chinese-Arabian relations, China's Policy towards Arab States: Russian Historiography of the end of 20th century – beginning of 21st century

Key words: Islam, China, Arab states, Chinese-Arabian relations, China's foreign policy, Russian historiography.

The article focuses on Russian historiography of three aspects: Islam in China, Chinese-Arabian relations, China's policy towards Arab states. The lack of materials in this area is evident. The author aims to review the key research works of the late 20th–beginning of 21st centuries and to examine the main results.

Sutthisangiam S. Thai Academics' Views on the Military's Role in Thai Politics

Key words: Military, Thailand, Thai academic, coup d'etat.

The Thai military has played a significant role in internal politics since there are 13 coup d'etat in the country in the past 80 years (from 1932 to the present time). Therefore, the Thai academics have been paying a lot of attention to this matter and trying to closely study the issue in view of better understanding of this situation.

Timohin D.M. To a Problem of Studying on History of the State of Horezmshahs from a Anushteginid Dynasty in Local Historical Science

Key words: Horezm, local historiography, Khorezmshahs, Jalal ad-Din Mankburni.

This article is devoted to the analysis of the existing local historiography of Horezmshahs State from a Anushteginid dynasty. The author's attention is concentrated not only on special researches, but also on works where the history of this state was considered only partially. We will notice also that it is the first experience of similar research in domestic science.

Tishin V.V. The Social History of Türk Qaghanate in the Writings of Yu.A. Zuev

Key words: Türks, Qaghanat, nomads, historiography, social organization.

The paper deals with the attempt to synthesize and analyze the views of Kazakhstan scholar Yu.A. Zuev on the social history of Türk Qaghanate of 6th–8th centuries. Special attention is given to his candidate dissertation (1967) mostly unpublished. His explorations of the methodology of studies of nomadic peoples, are also stressed.

Tishin V.V. K.A. Inostrantsev and the Problems of Nomadic Peoples Social Organization Studies

Key words: nomads, historiography, social organization, tribal structure.

The article deals with the research of K.A. Inostrantsev approach to the problems of nomadic societies organization in the overall context of the studies of nomadism in his lifetime and the preceding period. According to the author, the point K.A. Inostrantsev expressed in polemics with other researchers of nomadic societies was the closest one to an understanding of the specifics of the social relations among nomadic peoples.

Svinarchuk T.O. M.A. Pleshova: Modern Indologist, Researcher and Person.

Key words: biography, Indian studies in USSR, M.A. Pleshova.

This paper contains brief biography and analysis of research works by Soviet and Russian indologist Marina Pleshova. In these works she discussed main features of the system of federal and local governance in India, analyzed the process of inter-

action between different levels of authorities. These problems are the key for understanding political system of India.

Korotchicova P.V. Ananda K. Coomaraswamy and «The Dance of Shiva».

Key words: Indian art, Shiva Nataraja, iconography, iconology, Ananda K. Coomaraswamy.

“The Dance of Shiva”(1918) was authored by famous indologist Ananda K. Coomaraswamy. The essay offered the first example of iconological analysis, which made the image of Nataraja key subject for Indian art and culture. The essay also became the model for many scholars of the twentieth century.

Gamzabekova S.G. V.F. Minorsky as Prominent Orientalist, Historian and Linguist

Key words: Minorsky, history, East, research.

V.F. Minorsky (1877-1966) - the professor of the London university, the honorable member of the British and French Academies of Sciences, the honorable doctor of the Cambridge and Belgian universities. V. Minorsky made a great contribution to the studies and publications of primary sources; many of these sources are rare and inaccessible. As a result of long-term effective scientific activity by Prof. V.F. Minorsky, he made a valuable contribution to the development of many little-studied problems and issues of the Persian history, historical geography, literature and culture. He worked on a very broad canvas of socio-economic development of the Middle East countries. V.F. Minorsky published over 200 works. He studied the translation and publication of medieval Persian and Arabic manuscripts on the history of the Middle East.

Ziganshin R.M. The First Translator of Sun Tzu's Treatise into Russian Lt.-Col. of Kostroma Infantry Regiment Sreznewsky

Key words: Chinese military thought, Sun Tzu, Sreznewsky.

The article deals with the first translation into Russian of the ancient Chinese book on military strategy, written by the Chinese strategist, and philosopher Sun Tzu. The transliteration from French was made by the Lt.-Col. of Kostroma Infantry Regiment Sreznewsky, his experience greatly influenced the Russian text of this treatise.

Kadirova O.M. On the History of Oriental Linguistics: Linguistic Research at the Institute of Oriental Studies

Keywords: Russian oriental studies, oriental linguistics, Russian linguistics, institute of oriental studies, languages department, languages of Asia and Africa

The article deals with the studies of the linguists, who researched the languages of Asia and Africa at the Institute of Oriental Studies. Annual reports of the Language Department, collected articles, bibliographies, monographs published by the Department, interviews with the staff of the Department served as the sources of the information presented here.

Kulikov A.M. On the History of the of the Diary of Archimandrite Palladius (Kafarov) Publication (1858)

Keywords: Palladius (Kafarov), Russian Orthodox Mission in Beijing, Second Opium War.

The article tells the story of the publication of Archimandrite Palladius diary in 1858st, briefly describes the manuscript from the Osten-Sacken of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) and containing an early introduction to the unpublished Palladius diary. The author attempts to publicate archival material with comments.

Vozchikov D.V. Pegu (Bago) Kingdom in the 15th century Italian Merchants' Accounts

Keywords: Niccolò de' Conti, Hieronimo di Santo Stefano, Pegu, Medieval voyages.

This article deals with the descriptions of the Mon state of Pegu in accounts, left by the Venetian Niccolò de' Conti and the Genoese Hieronimo di Santo Stefano. The examination of natural, 'potestarian' and religious imagery, presented in these sources, reveal's the general factors, which influenced the representation of South-east Asia in the Renaissance discourse.

Lukyanov G.V. The Research on the Role of Islam in the Modern History of Libya: Modern Historiography

Key words: Libya, Islam, Political Islam, Historiography.

This paper aims to provide an overview and systemize the most notable examples of the scientific research literature on Islam and its role in the modern history of Libya. The author proposes to analyze the main postulates, hypotheses and development trends of non-Libyan historiography of the problem in terms of the theoretical heritage of modern thinkers such as Michel Foucault, Edward Said, Brian Turner and Aaron Hughes.

Mitrofanenkova O.E. Afghan Drug Business in the Works of Russian and Foreign Researches

Key words: Afghan drug business, Afghanistan, terroristic attacks of 11th of September, drug-traffic, security

The article is dedicated to the problem of Afghan drug trade in the works of Russian and foreign researches. The paper generally addresses the differences and common approaches to the problem in the drug business studies.

ОБ АВТОРАХ

Аликберова Альфия Рафисовна – к.и.н., старший преподаватель кафедры китаеведения, истории и культуры стран Дальнего Востока Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, *Область научных интересов:* российско/советско - китайские отношения в гуманитарной сфере. *Основные публикации:* Alikberova A.R. Academic Expansion of Peoples Republic of China on the Example of Confucius Institutes Functioning in Russian Federation // Journal of Sustainable Development, Vol. 8, No. 3, June 2015. PP. 24-32; Аликберова А.Р. Российско-китайские отношения в области образования (региональный аспект) // Россия - Китай: история и культура. - Казань, 2014. С. 6 - 11; Аликберова А.Р., Ли Ланьши 振兴喀山汉学研究的可行性方案 (Развитие китаеведения в Казанском федеральном университете на современном этапе) / Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации. - Казань, 2014. - С. 138-141; Аликберова А.Р. Российско-китайские культурные связи (1990-е – 2000-е гг.) / А.Р. Аликберова, Р.М. Валеев // Вестник КазГУКИ № 4, 2013 г. – Казань: Изд-во Казанского государственного университета культуры и искусства, 2013. – С. 151 – 155.
E-mail: alfiakasimova@gmail.com

Беренкова Наталья Александровна - ассистент кафедры восточных языков и лингвокультурологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского, сотрудник Центра прикаспийских исследований. *Область научных интересов:* история и политика Ливана, шиитские общины в арабских странах, негосударственные акторы на Ближнем Востоке, международные отношения на Ближнем Востоке. *Основные публикации:* Беренкова Н.А., Корнилов А.А. Идея исламского государства в политической идеологии и программе организации «Хизбулла» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. - 2013. - № 1. - с. 28-33; Беренкова Н.А. Сирийская война «Хезболлы» // Азия и Африка сегодня. – 2015. - №1. - с. 29–35; Беренкова Н.А. Шиитские партии Ливана: общие и специфические черты // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. - 2014. - Том 10. No 1 - с 44-51; Беренкова Н.А. Исторические формы участия шиитской общины в политической жизни Ливана // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2014. - № 2-1. - с. 315-320.
E-mail: Natalia.berenkova@gmail.com

Возчиков Дмитрий Викторович – аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета (УрФУ) им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, ассистент кафедры востоковедения УрФУ. *Область научных интересов:* идеология и восточная политика Венецианской республики, Индия и Китай в европейском дискурсе Средних веков и раннего Нового времени, средневековые межкультурные контакты и путешествия, образы Византии и Востока в гуманистическом дискурсе, история и культура Китая в период Южной Сун. *Основные публикации:* Возчиков Д. В. Религиозные практики Индии и Юго-Восточной Азии в отчете венецианского путешественника XV в. // Известия Уральского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 2 (127). С. 210–223; Возчиков Д. В. «Пусть на летописи ляжет отблеск искреннего сердца»: исторические образы в поэзии Вэнь Тяньсяна // Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 1 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. М., 2013. 593–599; Возчиков Д. В. Путешествие по Востоку генуэзского купца конца XV в. // Медиевистика: новые имена: Материалы I межрегиональной научно-практической конференции. Тюмень, 2014. С. 27–33; Возчиков Д. В. Философы или жрецы? Брахманы в описании венецианского путешественника Никколо Конти // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / Ред.-сост. Т. В. Ермакова; Институт восточных рукописей РАН. СПб., 2014. С. 347–352.
E-mail: catullus89@mail.ru

Гамзабекова Саида Гамзабек гызы – научный сотрудник Национального музея истории Азербайджана НАНА; *Область научных интересов:* Английское востоковедение начала XIX в., история и культура тюркского мира, история религиозно-философской мысли Востока. *Основные публикации:* Саида Гамзабекова, Потомок падишахов Кара-Коюнлу во главе государства в Индии // Труды национального музея истории Азербайджана. Б. 2012. С.36-50; Hamzabayova Saïda.ON MYSTICAL DIMENSION OF ISLAMIC GUILDS (SUFISM) BASED ON THE WORKS OF EMINENT SCHOLAR V.F. MINORSKY// "Science and Society". London, 2013, Vol 1, p.256-264.; Саида Гамзабекова, О дипломатической миссии англичан Роберта и Энтони Ширли в государстве Сефевидов (по трудам В.Ф.Минорского)//Труды национального музея истории Азербайджана. Б. 2011, С. 47-54; Структура организации власти в Золотой Орде (XIII-XV вв.) / История из прошлого в будущее. Сборник научных трудов. Москва s. 88 - 91
E-mail: aiza_aiza21@yahoo.com

Зиганшин Ринат Махмудович – к.филос.н., научный сотрудник Центра исследований общих проблем современного Востока ИВ РАН. *Область научных интересов:* философия и культурология политики, государственной идеологии, междунароные отношения стран Востока. *Основные публикации:* Духовно-религиозные основы боевых искусств древнего Китая. Философия и практика единоборств/ Предисл. В.Г. Бутова. М., 2007. 228 с.; Влияние мифологии на китайскую общественную мысль о проблемах элиты, власти и государственной идеологии / Дефон. в ИНИОН РАН № 61102 от 02.12.2013 г. 150 с.; О применимости основных принципов восточных единоборств в военном искусстве и политике/ Восток, № 6, 2005 г., с. 143-159; Исследование академиком Н. И. Конрадом военной мысли древнего Китая /Восток, №2, 2007 г., с. 211-221; Военный этикет самураев // Историческая психология и социология истории. № 2. 2010. С. 125–151.
E-mail: rinatzigan@mail.ru

Кадырова Ольга Михайловна - аспирантка ИВ РАН, младший научный сотрудник Отдела языков народов стран Азии и Африки. Область научных интересов: глагольные формы в турецком языке. *Основные публикации:* Кадырова О.М. Критерии (не)финитности глагольных форм турецкого языка». Вестник РГУ, серия "Филологические науки. Языкознание" за 2014г. С. 102; Кадырова О.М. Обзор VII Тюркологической конференции в г. Елабуге. «Научные языки Татарстана» опубликована на сайте ИВРАН, режим доступа: <http://www.ivran.ru/postgraduate/198>; Кадырова О.М. Категориальный статус форм с морфемой –ken в турецком языке // Инновации и инвестиции. № 9. 2015 г. С. 266; 4. Кадырова О.М. Теоретические проблемы описания турецких конвербальных форм // The Fifth European Conference on Languages, Literature and Linguistics 10th February 2015. Вена, 2015. С. 263.
E-mail: alfabem@yandex.ru

Карташян Анаит Заветовна – аспирантка Восточного факультета Санкт Петербургского государственного университета. *Область научных интересов:* история Османской Империи, этнорелигиозных групп Османской империи, Танзиматские реформы, армянский миллет, османизм. *Основные публикации:* Карташян А.З. Некоторые аспекты формирования системы миллетов в Османской империи. / Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 13: востоковедение. африканистика, Серия 13, выпуск 4. С. 85-93; Карташян А.З.; Мартиросян А.О. О взаимоотношениях правящей партии «Справедливость и развитие» и суфийского тариката накшбандия. / Аналитический бюллетень центра по исследованию проблем культуры и цивилизации при Ереванском государственном университете. 2010, № 5. С. 63-75; Карташян А.З. Дерсим и кемалистская Турция // Ближний Восток. История, политика, культура № 6 (2009). С. 272-277.
E-mail: anahitkartashyan@yahoo.com

Куликов Андрей Михайлович – аспирант Отдела Китая ИВ РАН, преподаватель Финансового Университета при Правительстве РФ. *Область научных интересов:* Русская духовная миссия в Пекине, царская Россия и Китай, период Мао Цзэдуна в истории КНР.
E-mail: bilis@inbox.ru

Коротчикова Полина Викторовна – аспирант Государственного института искусствознания, сотрудник отдела Изонданий ФГБУ «Российская Государственная библиотека». *Область научных интересов:* историография искусства Индии, проблемы развития и особенности современного состояния области; исламская архитектура эпохи Делийского Султаната и Великих Моголов. *Основные публикации:* Ананда К. Кумарасвами (1877-1947) об образе и символе в буддийском и индуистском искусства // Дом Бурганова. Пространство Культуры. Москва, 2012. №2. С. 114-131; Индийская народная картинка из собрания РГБ // Румянцевские чтения – 2014: Материалы международной конференции (15-16 апреля 2014) : в 2 ч. Ч.1 М., 2014. С. 355-359; Ананда Кенгиш Кумарасвами: «Индийцы никогда не верили в искусство для искусства...» // Обсерватория Культуры. М., 2014. № 4. С. 88-95
E-mail: poldea3@yandex.ru

Леонтьева Анна Андреевна – аспирантка кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, м.н.с. Института славяноведения РАН. *Область научных интересов:* история болгарских земель в составе Османской империи, исламизация в болгарских землях, процессы этнокультурной интеграции. *Основные публикации:* «Новые мусульмане» в болгарских провинциях в составе Османской империи (по данным кадийских регистров г. Софии к. XVII-XVIII вв.) / Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. 2014, №2, С. 51-6; Хюджеты как источник по истории болгарских земель XVII- начала XIX вв./ Вестник славянских культур. 2014, №4. С. 22-28; Наследственные протоколы кадийского суда XVII- начала XIX в болгарских землях/ Славяноведение, 2015 №1. С. 66-70; Национально-религиозный состав населения городских кварталов Софии по данным кадийских регистров/ Дриновский сборник, т. VI, Харьков-София, 2013. С. 270-275.
E-mail: leontanna@gmail.com

Лукьянов Григорий Валерьевич – преподаватель, заместитель заведующего кафедрой всеобщей и отечественной истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», соискатель Отдела истории Востока ИВ РАН. *Область научных интересов:* история и историография истории стран Ближнего Востока, Северной Африки и Центральной Азии; история Ливии XX века. *Основные публикации:* Лукьянов Г.В. Некоторые вопросы и проблемы освещения ливийско-чадского конфликта в советской и российской историографии // История - поле сражения / Сост.: А. Б. Давидсон. М.: Собрание, 2015. С. 152-174.; Лукьянов Г.В. Эволюция российской историографии Ливийского вопроса: формирование и развитие основных тем исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2015. №1. С. 74-88.; Лукьянов Г.В. Ливийская армия от «революции Аль-Фатех» до «Арабской весны» // Азия и Африка сегодня. 2012. № 9. С. 27-34; Лукьянов Г.В. Радикальный ислам в Ливии // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Азии / Отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: Ленанд, 2015. С. 320-361.
E-mail: gvlukyanov@gmail.com

Митрофаненкова Ольга Евгеньевна – аспирантка Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедия РАН. *Область научных интересов:* Афганистан, афганский наркобизнес, Аль-Каида, Талибан, террористические организации, новые вызовы безопасности, политическая аксиология.
E-mail: pretty-princessa@yandex.ru

Пахомова Мария Андреевна – к.и.н., младший научный сотрудник Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН, автор и руководитель проекта «История востоковедения: традиции и современность». *Область научных интересов:* внешняя политика КНР и государств Арабского Востока во второй половине XX - нач. XXI вв., ислам в КНР, эволюция стратегии безопасности КНР, история и методология востоковедных исследований. *Основные публикации:* КНР и арабские страны: характер взаимодействия. // ВОСТОК (ORIENS). 2014. № 3. С. 60-66.; Арабский вектор внешней политики КНР // Бюллетень научно-методических материалов № 70. М.: ВАГиШ, 2014. С. 123-138; Китайско-саудовские отношения (конец XX – начало XXI вв.) // Азия и

Африка сегодня. 2013. № 3. С. 53-57; История китайско-египетских отношений (вторая половина XX – начало XXI века) // Узловые проблемы современных международных отношений в Азии и Африке / под. ред М.И. Крупянко. М.: ИВ РАН, 2015. С. 85-100; Стратегические интересы КНР на Арабском Востоке в контексте китайской концепции безопасности и событий «арабской весны» 2011 г. // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2013. С. 315-324. E-mail -tyratan@mail.ru

Свинарчук Таясия Олеговна – аспирантка Центра индийских исследований, младший научный сотрудник ЦИИ ИВ РАН. *Область научных интересов:* внешняя политика Индии, международные отношения в Южной Азии, внешние и внутренние аспекты использования водных ресурсов индии, водная политика Индии. *Основные публикации:* Свинарчук Т.О. «Гидроэнергетика Индии в контексте водопользования в Южной Азии» // *Азия и Африка сегодня*, №12, 2013 г. Свинарчук Т.О. Роль Северо-Востока Индии в формировании индийской политики в странах Бенгальского залива. // *Индия: перспективы современного развития. Внутренний, региональный и глобальный аспекты. Материалы научной конференции.* – М.: ИВ РАН, 2013. Свинарчук Т.О. Трансграничные реки Индии и Китая: проблемы совместного использования вод. // *Водные ресурсы Индии: экономические, политический и социальные аспекты. Материалы научной конференции.* – М.: ИВ РАН, 2015. E-mail: taisia.sv@hotmail.com

Суттхисангиам Сорракком – аспирант кафедры политических наук, Российский Университет Дружбы Народов. *Область научных интересов:* Политика Таиланда и его история, отношения между властью и оппозицией в Таиланде и изучение взгляды иностранных и тайских ученых, связанные с политикой Таиланда. *Основные публикации:* Суттхисангиам С. Политический кризис в Таиланде в период 2005-2010 гг. // *Вестник РУДН. Серия: Политология.* – 2014. – № 3. – С. 105-114; Суттхисангиам С. Политические партии Таиланда в контексте политической культуры // *Евразийский юридический журнал.* – 2015. – № 3. – С. 247-249; Суттхисангиам С. Роль военных во внутривластной жизни Таиланда // *Этносоциум и межнациональная культура.* – 2015. – № 2. – С. 175-180. E-mail: s.sorrakom@gmail.com

Тимохин Дмитрий Михайлович – к.и.н., научный сотрудник Отдела Истории Востока ИВ РАН. *Область научных интересов:* история Ирана и Центральной Азии в эпоху монгольского нашествия, Южный Кавказ в первой половине XIII века, источниковедения и историография стран Востока. *Основные публикации:* Тимохин Д.М. Соперник Чингиз-хана: хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны, личность и эпоха. М., 2013. 268 с.; Тимохин Д.М. Хорезмийское государство Джалал ад-Дина Манкбурны и Южный Кавказ 1225-1231 гг. // *Транскавказика. Южный Кавказ и сопредельные регионы в эпоху монгольского владычества XIII-XIV вв. М., 2013. С. 7-39;* Тимохин Д.М. О некоторых особенностях развития современной отечественной историографии о хорезмшахе Джалал ад-Дине Манкбурны // *Вестник Дагестанского научного центра.* / Глав. ред. Х.А. Амирханов. Махачкала, 2013. № 51. С. 104 – 111 E-mail: horezm83@mail.ru

Тишин Владимир Владимирович – аспирант Отдела Истории Востока ИВ РАН. *Область научных интересов:* памятники древнетюркской рунической письменности, социальные отношения у кочевнических народов Евразийских степей, тюрская филология, тюркизм. *Основные публикации:* Тишин В.В. К интерпретации сочетания *kök türk* // *Проблемы востоковедения.* 2014. № 1(63). С. 78–84; Тишин В.В. К вопросу о клане и патронимической организации у древних тюрков VI–VIII вв. // *Бюллетень общества востоковедов.* М.: ИВ РАН, 2014. Вып. 21. Материалы VII Международной конференции «Источники по истории кочевников средневековой Евразии». С. 329–344; Tishin V.V. On the Term *dáguān* 達官 of Chinese Sources on the Early Turkic History (in View of the One Hypothesis of İbrahim Kafesoğlu) // *Dil Araştırmaları.* 2014. Sayı 15. S. 39–51. E-mail: tihij-511@mail.ru

Научное издание

История востоковедения: традиции и современность
(Материалы II всероссийской школы-конференции)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Подписано в печать 01.12.2015. Формат 60x88/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 16,75. Уч.-изд. л. 15,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 238.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН.
107031 Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Научно-издательский отдел. Зав. отделом А.В. Сарабьев.
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д.
12. Лицензия на типографскую деятельность ПД №0059